

Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
Институт стран Азии и Африки

ЛОМОНОСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ И АФРИКАНИСТИКА

Тезисы докладов научной конференции

(Москва, 2020)

Издательство «Ключ-С»
Москва, 2020

Утверждено к печати
Ученым советом ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова

Ответственный редактор:
Н.С. Кулешова

Редакционная коллегия:

И.И. Абылгазиев, М.В. Воронцова, Н.В. Громова,
В.Б. Иванов, В.А. Исаев, С.А. Кириллина, Н.С. Кулешова,
Л.Т. Нечаева, О.А. Машкина, М.С. Мейер, В.В. Орлов,
К.А. Панченко, М.Л. Рейснер, А.Л. Сафронова,
Ж.С. Сыздыкова, М.Ю. Ульянов, О.В. Демочкина,
К.Б. Волкова.

Ломоносовские чтения. Востоковедение и Африканистика
Л75 : тезисы докладов научной конференции (Москва, 2020 г.)
/ Мос. гос. ун-т имени М.В. Ломоносова, Ин-т стран Азии и Африки; отв. ред. Н. С. Кулешова ; редкол.: И. И. Абылгазиев, М. В. Воронцова, Н. В. Громова [и др.]. – Москва : Ключ-С, 2020. – 384 с.

ISBN 978-5-6044331-8-8

Предлагаемое издание представляет собой сборник тезисов докладов профессоров, преподавателей и научных сотрудников ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, а также приглашённых специалистов из ряда ведущих академических институтов и общественных организаций РФ.

УДК 908(5/6)(082)
ББК 26.89(5+6)я431

Африканистика

Порхомовский В.Я.

Литературные жанры, контактные идиомы и формирование языковой нормы в бесписьменных и младописьменных языках Африки

Язык как обозначение конкретной естественной знаковой системы, именуемый, как правило, по названию сообщества, преимущественно использующего для общения именно эту систему, представляет некую совокупность различных форм существования языка, функциональных, ареальных, социальных. Эта совокупность может быть исключительно сложной и многообразной, но в предельном варианте ее может составлять лишь один гомогенный идиом.

Состав и структура форм существования языка в каждом конкретном случае определяется условиями и особенностями их образования и функционирования. При этом существенная роль принадлежит эпистемологическим традициям и терминологическим системам, сложившимся в рамках соответствующих научных школ. Это хорошо видно на примере формы существования языка, которая занимает высшую ступень в языковой функциональной парадигме. В русской филологической традиции эта форма именуется «литературный язык», чему соответствует «la langue normée» во французской традиции и «standard language» в англо-американской, тогда как формальные эквиваленты русского термина в этих языках скорее означают «язык художественной литературы».

Настоящий доклад посвящен формированию письменной языковой нормы в языках Африки южнее Сахары. Специфика данной

ситуации состоит в отсутствии в странах этого региона собственных длительных письменных традиций. При этом важно иметь в виду, что формирование письменной языковой нормы происходило здесь в условиях активного функционирования в соответствующих ареалах европейских языков колониальных держав и арабского языка, что не могло не оказывать существенного влияния на процессы языковой эволюции местных африканских языков. Кроме того, складывание языковой нормы в этих языках во многом шло параллельно с формированием в них собственной письменности. Причем важно, что это происходило не столько вследствие развития внутреннего потенциала, сколько под интенсивным внешним воздействием.

Для ситуаций складывания письменной нормы в младописьменном языке существенным оказывается наличие в соответствующем диалектном ареале достаточно распространенной устной наддиалектной формы, выполняющей функции междиалектного общения в ситуациях большого диалектного разнообразия. Именно эта форма оказывается естественной базой для формирования письменной традиции. В ситуациях большой диалектной раздробленности при отсутствии такой формы предпринимаются попытки искусственного создания наддиалектной нормы, как, например, для языков игбо и эдо в Западной Африке, с последующим переводом на эти т.н. Union Igbo и Union Edo библейских текстов. Однако подобные попытки часто лишь тормозят процесс естественного складывания наддиалектной нормы, но не заменяют его.

В докладе рассматриваются конкретные примеры формирования письменной языковой нормы в различных этнолингвистических ситуациях и географических ареалах. Особое внимание уделяется роли жанров устной словесности в этих процессах, а именно эпических традиций, исторических хроник, ритуальных песен, сказок и т.п., а также переводов на местные африканские языки канонического текста Библии. Интерес представляют также ситуации, когда уже сложившиеся нормы письменной словесности на базе традиционных фольклорных жанров вытесняются новой литературной нормой, соответствующей современной культурной и социальной парадигме. При этом обычно происходит переход от арабской графики (если она уже используется в соответствующем языке) на латиницу.

Львова Э.С.

Новые материалы о русских натуралистах в Восточной Африке

В самом начале XX века в Восточной Африке побывали русские натуралисты В. Догель и И. Соколов. Почти сразу после возвращения они опубликовали результаты своих наблюдений. Помимо описаний флоры и фауны немалое место в их записках занимали рассказы о народах этих областей (современные Кения и Уганда). Уже в конце XX и начале XXI вв. появились в печати дневники И. Соколова, а также письма родным и друзьям В. Догеля.

Эти публикации дополняют самые первые отчеты натуралистов. Они имеют иной характер и могут пролить новый свет на уже опубликованные ранее заметки. Первые публикации подвергались внутренней цензуре, делался отбор и выработывалась манера повествования с учетом интересов читателей, которые в основном были их коллегами. Эпистолярное наследие В. Догеля и личный дневник И. Соколова более свободны и раскованны, и передают незаменимые сиюминутные впечатления.

Ренжин А.П.

Выражение целевых отношений в современном амхарском языке

Основным признаком любой деятельности человека является интенциональность. Семантическая категория интенциональности включает в себя такие компоненты как желание, цель, намерение, направление, стимул и т.д.

Говоря о плане содержания целевых отношений, можно отметить, что в их состав входят следующие компоненты значения: цель действия, цель движения, действие в интересах кого-то или чего-то, назначение предмета, цель-стимул. Что касается плана выражения целевых отношений, то в современном амхарском языке они могут быть выражены несколькими различными конструкциями.

Основным средством выражения целевых отношений являются сложноподчиненные предложения с придаточным цели. Придаточ-

ные предложения цели присоединяются к главной части при помощи союзов *ænd(ə)*- и *zænd* ‘чтобы’.

Придаточные предложения цели с союзом *ænd(ə)*- используются для выражения действия, совершаемого объектом главной части предложения по воле или по просьбе субъекта главной части предложения: *ɬəru ləbs əndigezallet genzeb settehut* ‘Я дал ему деньги, чтобы он купил себе хорошую одежду’.

Придаточные предложения, вводимые союзом цели *zænd*, выражают как действия, совершающиеся по воле другого лица, так и действия, желаемые субъектом:

lɛhənuman yəmməɕɕ zænd yeqəddo təggəna kəfl kəməññəhaw gar yɛtəyauaze nəw ‘Хирургическое и лечебное отделения соединены, чтобы это было удобно для больных’.

Одним из основных способов выражения целевых отношений являются конструкции с именем действия, или инфинитивные конструкции. Данные конструкции представлены тремя формами. Одна из них образуется путем прибавления к имени действия (инфинитиву) этимологически восходящего к предлогу *lɛ-* ‘для’ префикса *lɛ-* (*lɛmɛmɛg* ‘чтобы учиться’), две другие конструкции имеют следующие формы: «префикс *lɛ-* + имя действия (инфинитив) + *bəlo* (деепричастие от глагола говорения *alɛ*)» и «префикс *lɛ-* + имя действия (инфинитив) + *sil* (придаточное времени с союзом *sə-* и глаголом *alɛ*)». Две последние конструкции используются, в основном, для выражения намерения:

mɛʂhafun lɛmɛmɛlles wəde betɛ mɛʂahəft hedɛ ‘Он пошел в библиотеку, чтобы вернуть книгу’; *lɛmɛmɛlɛs sil mɛtɬa* ‘Он пришел с намерением вернуться’.

Инфинитивные конструкции с целевым значением выражают действие, желаемое для субъекта и им же совершающееся. Аналогичной по своему содержанию инфинитивной конструкции с префиксом *lɛ-* является конструкция «префикс *lə-* + простой имперфект»: *liqeldubbət əndɛmɛtɬu tɛgɛdto fitun qoɬa adɛtɛgɛ* ‘Поняв, что они пришли [, чтобы] подшутить над ним, он нахмурился’.

Кроме вышеизложенных способов для выражения целевых отношений употребляются предложные конструкции с предлогом *lɛ-* ‘для’, который употребляется для указания:

– на действие, совершаемое в пользу лица или предмета: *mɛʂhafun yɛgɛzzahut lɛləje nəw* ‘Я купил эту книгу для сына’;

– на назначение предмета: *lɛnəgd yəmmihon əqa* ‘товар (вещь, предназначенная для торговли)’;

– для обозначения цели и назначения действия: *lalɛm sɛlam sɛgga* ‘бороться за мир во всем мире’.

Другими предложными конструкциями являются конструкции «*lɛ-* + существительное + *sil*» ‘ради, за’ и «*lɛ-* + существительное + *bəlo*» ‘ради, ради того, чтобы’:

lagɛru sil motɛ ‘Он погиб за родину (ради родины)’.

В разговорной речи часто употребляется конструкция с деепричастием от глагола *alɛ* ‘сказать’ в сочетании с оформленным суффиксом *-n* прямым дополнением:

Anɕin bəyue mɛtɬahu ‘Я пришел сюда в поисках тебя’.

Наречия, выражающие целевые обстоятельственные отношения, являются еще одним средством выражения цели действия. Количество данных наречий в амхарском языке невелико, они представлены префиксальными наречиями и деепричастиями, полностью или почти лишившимися глагольности. Префиксальные наречия образуются от имен существительных при помощи префикса *lɛ-* и префикса *əndɛ-*: *lɛgəll tɛqm* ‘ради корысти’, *əndɛwaza* ‘ради шутки’.

В качестве примера наречий, соотнесенных с деепричастиями, можно привести такие, как *awqo* ‘сознательно, преднамеренно’ (*awwɔqɛ* ‘знать’), *assəbo* ‘умышленно’ (*assebe* ‘думать, размышлять’), *hon bəlo* ‘намеренно’ (*hone* ‘случаться’): *yəhən yɛsɛgaw awqo/ assəbo nəw* ‘Он сделал это умышленно’.

Таким образом, целевые отношения в современном амхарском языке выражаются с помощью центральных и периферийных лексико-грамматических средств. К лексическим средствам относятся наречия цели, а грамматическими являются сложноподчиненные предложения с целевыми отношениями, предложные конструкции и др.

Громова Н.В.

Альтернативные модели выражения атрибутивности в суахили

Определяющая черта языка суахили, его норма – согласование в именной группе, т.е. показатель класса вершинного имени суще-

ствительного определяет форму префикса любого из атрибутов. Выделяются три модели адъективного согласования.

Модель I. Бантуские по происхождению прилагательные со структурной точки зрения образуют наиболее простую модель: согласователи прилагательного практически аллитеративно повторяют форму классного префикса в фонетически одинаковых контекстах: ma-kovu ma-dogo (6 класс) ‘шрамы небольшие’; n-chi n-geni (10 класс) ‘страны чужие’.

Отглагольные прилагательные, образованные с помощью суффиксов -vu/-fu как от бантуских, так и арабских глаголов, демонстрируют соответствующее согласование, корректно реализуя адъективную модель I, например: ma-ono ma-danganyifu (-dangany[a] ‘обманывать’ + -fu > -danganyifu ‘обманчивый’) ‘обманчивое впечатление’ (6 класс); wa-nawake wa-stahimilivu (-stahimili ‘терпеть’ + -vu > -stahimilivu ‘терпеливый’) ‘терпеливые женщины’ (2 класс).

Модель II. Заимствованные прилагательные включаются в именную группу путем примыкания: m-zigo rahisi ‘легкая ноша’ (3 класс), vi-tu rahisi ‘легкие вещи’ (8 класс). Однако отглагольные прилагательные с суффиксом -vu/-fu в современном языке суахили обнаруживают отступление от кодифицированной нормы, не принимая соответствующий адъективный согласователь: m-momonyoko tandavu (-tanda[a] ‘расстилаться’ + -vu > tandavu ‘распростертый’) ‘поверхностная эрозия’ (3 класс), hali badilifu (-badili ‘изменяться’ + -fu > badilifu ‘изменчивый’) ‘изменчивое состояние’ (9 класс). Подобное нарушение, в основном, характерно для терминологической лексики, но импортируется и в обыденный лексикон: maisha endelevu (-endelea ‘продолжаться, развиваться’ + -vu > endelevu ‘развитой’) ‘стабильная жизнь’ (6 класс), msingi endelevu ‘прочная основа’ (3 класс) и др.

Согласно Э. Косериу, «в широком смысле норма соответствует не тому, что можно сказать, а тому, что уже сказано, и что по традиции говорится в рассматриваемом обществе» [Косериу 1963, 175]. В случае с отглагольными адъективами система именного согласования позволяет фиксировать то, «что можно сказать», то есть допускается альтернативное согласование.

Модель III. Представляет собой реализацию того, «что можно сказать». Это новое явление в суахили, проявляющееся в использовании атрибутивных посессивных словосочетаний, в которых вто-

рую позицию вместо существительного занимает прилагательное. В данном случае речь идет о заимствованных прилагательных wazi ‘открытый’ и muhimu ‘важный’. Оба современных словаря, изданных танзанийскими [Kamusi 2015] и кенийскими [Kamusi 2011] лексикографами, отмечают частеречную принадлежность выше названных лексем как прилагательных: mlango wazi ‘открытая дверь’, jambo muhimu ‘важное дело’. Тем не менее, и в художественных, и публицистических текстах регистрируется альтернативная модель с посессивным согласователем: mlango **wa** wazi (3 класс), jambo **la** muhimu (5 класс).

Таким образом, современный суахили демонстрирует три способа атрибутивного согласования: «чистое» кодифицированное адъективное согласование => двойное согласование (нулевое, примыкание) => нарушение нормы (с частеречной конверсией).

Литература

1. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. М.: Прогресс, 1963. Вып. 3. С. 143–343.
2. Kamusi ya karne ya 21. Kamusi ya Kiswahili yenye uketo zaidi katika karne hii. Nairobi, Longhorn Publishers. 2011, 2013, 2014, 2015. Pp. 622 (*Словарь 21 века. Словарь языка суахили, самый объемный в этом столетии*).
2. Kamusi Kuu ya Kiswahili. Dar es Salaam, Longhorn Publishers. 2015. Pp. 1264 (*Главный словарь языка суахили*).

Суетина Ю.Г.

Образ положительного героя в литературе хауса XX столетия

Современная литература хауса берет свое начало с 30-х годов прошлого столетия, когда по инициативе руководителя Бюро переводов на хауса Р. Иста в г. Зария был проведен конкурс на создание художественных произведений на хауса.

В первых произведениях на хауса мы вряд ли можем найти положительного героя. Действующее лицо повести Абубакара Имама «Живая вода» (Ruwan Bagaja) – плут, который для достижения своих целей не гнушается обманом, похищает деньги своего доверителя, клеветает на других, хотя и сам то попадает в тюрьму,

то слепнет, то оказывается один на необитаемом острове. Герой другой повести Белло Кагара «Гандоки» также далек от реального человека: обладает фантастической силой, неуязвим для врагов, ведет борьбу с джинами. Лишь в повести Джибрилу Абдуллахи «Достойный для всех» (Nagari na kowa) мы видим попытку создать образ положительного героя. Главной добродетелью человека у хауса является терпение, о чем говорят многочисленные поговорки со словом hak'uri 'терпение': Hak'uri maganin duniya 'терпение – средство от всего в мире', Zaman duniya sai hak'uri 'жизнь в этом мире требует терпения'. Герой одной из повестей на хауса, умирая, просит своего друга ba uwata hak'uri 'дай моей маме терпения'. Этим качеством наделен главный герой повести «Достойный для всех» мальчик, а затем юноша по имени Салиху. Еще ребенком он попадает в дом богатого человека, который обещает заботиться о нем как о своем сыне. Но его жены не любят мальчика, бьют, кормят его объедками, не дают теплой воды для мытья, заставляют ночевать на голом полу в холодной кухне. Тем не менее, мальчик не жалуется хозяину дома и на все его вопросы отвечает, что у него все хорошо. Мораль хауса требует не только самому быть терпеливым, то и учить терпению других. Так, герой повести Юсуфу Мохаммеда «Если любовь болезнь...» говорит своей возлюбленной, которую выдают замуж за другого, что надо терпеть. А когда девушка предлагает ему уехать в другой город и там заключить брак, останавливает ее: 'Это недостойный поступок, мы должны терпеть то, что посылает нам Всевышний'.

Другим положительным качеством у хауса является послушание, выполнение всех распоряжений старших. Герой повести не является лучшим учеником, ему не дается математика. Но он всегда точно выполняет все распоряжение учителя, который назначает его старостой, указывая другим детям, что 'Как бы хорошо ты не умел писать, читать или считать, это ничего не значит, если нет хорошего характера, если ты не выполняешь все, что тебе поручают старшие'. Учитель назначает Салиху старостой, и мальчик старательно выполняет свои обязанности. При вручении свидетельства об окончании школы учитель особенно подчеркивает не успехи Салиху в учебе, а его хорошие качества, которые в дальнейшем 'позволят ему честно и справедливо руководить другими людьми'. Положительный герой должен покорно переносить все испытания, посылаемые ему

Аллахом. Так поступает и Салиху. После смерти Майдубу его жены обвиняют юношу в воровстве. На допросе, во время которого юношу жестоко избивают и даже выбивают ему глаз, Салиху твердит, что он невиновен. Судья требует от Салиху сказать правду, но юноша отвечает, что даже пытки и страх смерти не заставят его солгать. Ночью в тюрьме он долго молится Аллаху и просит его о милосердии. По законам шариата вору отрубили правую руку. Но когда Салиху привели на место казни, вмешиваются высшие силы и спасают его. Тут обнаруживается письмо покойного Майдубу, в котором он пишет, что раздал свое имущество, чтобы получить прощение у Аллаха за свои грехи. Итак, Салиху ни в чем не виноват, но сарки не хочет признавать свою ошибку и предлагает Салиху тайно покинуть город. Но у юноши есть чувство собственного достоинства и он отказывается, так как не хочет, чтобы его считали вором, и тогда его опять бросают в тюрьму. Будучи правоверным мусульманином, Салиху убеждает своих сокамерников-воров изменить свою жизнь, бросить преступное ремесло. Иногда преступники слушают его, но чаще всего избивают, что не мешает Салиху продолжать свои увещания. В конце повести на помощь Салиху опять приходят волшебные силы, он становится правителем города и прощает, как это и подобает правоверному мусульманину, своим врагам.

Урб М.Р.

Язык СМИ: особенности общественно-политической лексики языка зулу

Общественно-политическая лексика языка зулу формировалась в процессе политической борьбы местного населения с властью «белого меньшинства» в стране. Во времена ЮАС это была английская колониальная администрация, а с 1948 года и образованием ЮАР в 1961 году власть перешла к Националистической партии, состоящей из африканеров. Это дало повод оппозиции считать правительство ЮАР uhulumeni wamabhunu 'правительством буров'. В современном языке слово uhulumeni означает как собственно правительство, так и органы государственной власти в целом, а также государство как таковое. В названии страны (ЮАР) долгое время наблюдался большой разнобой, и было четыре варианта: iAfrika

eseZansi, iAfrika eseNingizimu, iNingizimu neAfrika и iNingizimu Afrika. В настоящее время последнее название является наиболее употребительным, а вариант со словом iRiphabulika встречается крайне редко. Руководителем страны/государства является президент uMongameli, а членом правительства – министр uNgqongqoshe, например: uMongameli waseNingizimu Afrika manje nguCyril Ramaphosa ‘Сирил Рамапоса – действующий президент ЮАР’, uNgqongqoshe wezimali ‘министр финансов’. В газетных текстах часто встречаются словосочетания со словом umbuso ‘власть’, например: umbuso omusha ‘новая власть’, umbuso wabacindezeli ‘власть угнетателей’, а также umbusi ‘руководитель’: umbusi wezwe ‘глава/руководитель страны’, ababusi balelizwe ‘власти этой страны’.

С 1948 года в стране стала проводиться политика апартхеида с созданием этнических территорий – бантустанов. Слово «расизм» не имеет аналога в языке зулу, словарь дает лишь оборот ubandlululo lobuzwe, обозначающее лишение общественных прав, сегрегацию или общественную дискриминацию. Более точным будет оборот ubandlululo ngenxa yombalo wesikhumba, т.е. ‘дискриминация по цвету кожи’, но он слишком громоздок, чтобы служить термином. В современных текстах более употребительны следующие слова: uhlelo ubandlululo/iApartheid ‘расизм/апартхейд’, isahlukaniso ‘разделение, сегрегация’.

В период борьбы с режимом апартхеида главной политической силой оппозиции был Африканский Национальный Конгресс (uKhongolose), который выступал в союзе с Компартией ЮАР. Коммунистическая партия называлась inhlangano yamakhomanisi, где слово ‘коммунист’ было заимствовано из языка африкаанс (ikhomanisi > kommunist). В то же время сама Компартия в своей литературе настаивала на названии inhlangano yamadlandawonye, т.е. партия тех, ‘кто ест вместе’. Известно, что совместная еда у зулусов всегда была очень значимой и означала единство взглядов. Их противники соответственно назывались amadlabodwa ‘едящие одни, т.е. отдельно от других’. Сегодня в газетных текстах на зулу все чаще названия партий приводятся на английском языке, так i-ANC ‘АНК’, i-Communist Party ‘Компартия’. Это также касается названий любых организаций, например: inkampani yamabhanoyi yaseNingizimu Afrika (iSouth African Airways) ‘авиационная компания ЮАР’. Слово iqembu ‘команда’ используется в значении ‘партия’, например:

amaqembu ezombusazwe ePhalamende laseNingizimu Afrika ‘политические партии, представленные в парламенте ЮАР’.

Слово ‘революция’, т.е. смена власти, чаще всего передавалось сочетанием слов isibelu senkululeko, означающее ‘движение, порыв к освобождению’. Современные СМИ на зулу предлагают следующие варианты: ukuguqulwa ngendlovula kobukhosi bezwe ‘смена, переход власти страны’, ukuvukela umbuso ‘движение против власти’, ukuvukela ‘атака, восстание, нападение’, например: ukuvukela kwaseRashiya ngo-1917 ‘революция 1917 года в России’, izwe liye ligumbuqelwa ukuvukela umbuso ‘страна была охвачена революцией’. Так, ‘демократия’ может передаваться оборотом ukubusa ngentando yabantu (осуществление власти по желанию народа), а ‘демократическим путем’ – ngendlela enelisa wonke umuntu (путем, который удовлетворяет каждого человека). Слово ‘политика’ употребляется в форме множественного числа amapolitiki (англ. politics). Прилагательное ‘политический’ передается двумя формами -ezepolitiki и -ezombusazwe ‘относящийся к управлению страной’, например: noma ngabe owaliphi iqembu lezombusazwe (lezepolitiki) nabangeko emaqenjini ‘либо состоящие в любой политической организации, либо не состоящие’; abaholi baseAfrika bezepolitiki ‘политические руководители Африки’.

Приведенные примеры дают определенное представление о лексических возможностях языка зулу удовлетворять потребности коммуникации в общественно-политической сфере. Для нее характерен определенный набор языковых средств, но специальная терминология в них не преобладает в силу ее недостаточной разработанности. Следует признать, что современное состояние терминологических подсистем в языке зулу нельзя назвать удовлетворительным. Проблема обогащения словаря зулу остается крайне актуальной. Без ее решения невозможно полифункциональное развитие языка зулу.

Косогорова М.А.

Морфологические и синтаксические свойства лексемы ‘один’ в языке фула

Во многих языках мира свойства числительного ‘один’ отличаются от свойств прочих числительных в сторону согласованной атри-

буции. Язык фула в этом отношении не стал исключением. Единица в нём, хотя семантически, бесспорно, относится к числительным, формально – и морфологически и синтаксически – чаще всего имеет свойства адъектива, реже – именные или прономинальные. Доклад содержит результаты исследования (при поддержке проекта РФФ #17-78-20071) литературных источников гвинейского пулар и фульфульде-масина, выявляющего свойства лексемы ‘один’ с тем, чтобы определить её частеречную принадлежность.

Вначале следует перечислить те характеристики, которые позволяют относить лексему ‘один’ к *числительным*. Во-первых, неоспоримый факт: лексема ‘один’ выражает конкретное количество предметов. Это свойство во многих языках мира является достаточным для определения лексемы в класс числительных. Также единица может выступать в составе сложных числительных:

1) *jiifaaji teemedde didi sappo e gooto*
 карманы сотня.PL два десять и один
 ‘Двести одиннадцать карманов’

Однако в случае, когда лексема ‘один’ используется обособленно (а не в составе сложных числительных, где её форма зафиксирована), она продуктивно изменяется по категории именного класса как аффиксальным, так и анлаутным способом (изменяется начальный согласный корня), например:

2) *goot-o* ‘один [человек]’ (класс O) – *woote-re* ‘одна [калебаса] (класс NDE)’.

Таким образом, корень отдельно употреблённой лексемы может иметь вид *woot-/ goot-/ ngoot-*, как у имён существительных, адъективов и причастий – только эти три класса слов участвуют в системе начальных чередований. Также лексема ‘один’ может употребляться с соответствующим определённым артиклем, что является одной из определяющих характеристик *имени существительного*.

Также иногда лексема ‘один’ может иметь характеристики, присущие *местоимениям*, а именно, помимо возможности иметь помету именного класса, она может заменять в контексте кореферентное существительное:

3) *Worbe tato naati ka buruure. Gooto yahi ka nano...* ‘Три мужчины зашли в лес. Один пошёл налево...’

Однако наиболее часто обособленно употреблённая лексема ‘один’ имеет характеристики, свойственные *адъективам*. Это тем

более любопытно, если учесть, что фула по своим типологическим характеристикам относится к т.н. «глагольным» языкам. Как следствие этого, согласованные атрибуты в нём чаще всего относятся к классу причастий как наиболее продуктивному, а класс адъективов является закрытым, малопродуктивным и малочисленным – к нему относятся около сотни корней с характерной морфологической структурой – и единица. Морфологическая структура адъектива представляет собой комплекс корня (трёх вариантов с разным анлаутом) и минимального классного показателя; аналогичная структура позволяет безусловно отнести *woot-/ goot-/ ngoot-* ‘один’ к числу адъективов. Помимо структуры, адъективы – это согласуемые атрибуты, и *woot-/ goot-/ ngoot-* также является полноценным согласованным атрибутом:

4) *haytalla goot-o* ‘миг один’ (класс O);
hinere woot.e-re ‘ноздря одна’ (класс NDE);
junngo woot-o ‘одна рука’ (класс NGO).

Дополнительно необходимо отметить супплетивный способ образования порядкового числительного ‘первый’: его основа имеет вид *agan-*, и, как любое другое порядковое числительное в фула, является либо согласованным атрибутом с функциями адъектива, либо имеет характеристики имени существительного. Эта основа является дериватом от глагола *arude* ‘приходить’.

Таким образом, квантификатор ‘один’ в языке фула имеет свойства и существительного, и адъектива, и прономинала, и числительного, что, безусловно затрудняет его однозначную характеристику. Приемлемым решением для обособленно употреблённой лексемы (в составе сложных числительных *gooto*, безусловно, является числительным) видится не считать её числительным, а в каждом отдельном случае определять её, исходя из непересекающихся характеристик, к своему классу слов.

Кравченко С.Л.

Поиск адекватного переводного эквивалента научно-технической терминологии амхарского языка

Лексический состав языка постоянно меняется, реагируя на политические, экономические и социальные изменения в обществе.

Появление новых явлений и предметов неизбежно влечет за собой появление новых терминов, их обозначающих. Терминология и является той областью, где наиболее четко видны современные тенденции морфологической и лексической инноваций словарного состава амхарского языка.

Формирование научной терминологии амхарского языка обусловлено практической потребностью: развитие науки и техники в Эфиопии, средств связи, образования, торговли и др. Эти факторы ускорили процесс лингвистических изменений. Стремление избежать сложных синтаксических конструкций и создать краткие функционально адекватные термины побудило Академию эфиопских языков использовать различные способы.

Научно-технические термины современного амхарского языка строятся, в основном, на общей лексической основе с привлечением собственных языковых ресурсов и освоением иноязычного лексического материала. Создание терминов лишь на базе амхарского языка связано с некоторыми трудностями, так как амхарские словообразовательные дериваты не всегда могут быть равнозначными эквивалентами для слов-терминов английского языка, который стал основным источником для создания научно-технических терминологических единиц в амхарском языке. Главным критерием, которым руководствовалась Академия эфиопских языков в ходе работы по созданию технических терминов – соответствие их словообразовательной системе амхарского языка, так как основная трудность передачи терминологических заимствований состоит в амхарской графике и структурной несхожести слов западных языков-источников со словами амхарского языка. В большинстве случаев ученые смогли отыскать эквивалентные амхарские единицы для отдельных морфем сложного иностранного слова и унифицировать их употребление.

В настоящее время в образовании научно-технических терминов обращает на себя внимание интенсивный процесс использования формантов, которые или потеряли свое конкретное лексическое значение, или в современном амхарском языке не употребляются самостоятельно. Они только участвуют в образовании новых слов, поясняя стержневое слово.

Среди наиболее продуктивных формантов следует выделить:

а) формант *käfil* образует термины с приставкой ‘полу-’.

Формант *käfil* ‘половина, часть’, образованный от глагола *käffälä* ‘делить, разделять’, самостоятельно не употребляется, например: *käfil astälalafi* ‘полупроводник’ (где *astälalafi* ‘дающий возможность пройти’); *käfil bäräha* ‘полупустыня’ (где *bäräha* ‘пустыня’); *käfil azlaqi* ‘полупроницаемый’ (где *azlaqi* ‘дающий возможность пройти через что-то’);

б) формант *ačča* ‘ровня’ образует термины с приставкой ‘изо-’: *ačča muq* ‘изотерма’ (где *ačča* – ‘ровня’, *muq* ‘жаркий’); *ačča dämäna* ‘изонефа (линия одинаковой облачности)’ (где *dämäna* ‘облако’); *ačča läkk* ‘изоплета (линия равных геохимических измерений)’ (где *läkk* ‘измерение’);

в) формант *laəlay* образует термины с приставкой ‘сверх’-.

Он образован от глагола *laələ* ‘быть высоким, быть наверху’, который в современном амхарском языке неупотребителен. Формант *laəlay* является первым компонентом в следующих терминах: *laəlay muq* ‘перегрев’ (*хим.*) (где *muq* ‘горячий, согретый’); *laəlay gənbata* ‘часть здания выше фундамента; пролетное строение (моста)’ (где *gənbata* ‘строительство’); *laəlay səbsəb* ‘расширенный набор, надмножество’ (где *səbsəb* ‘сбор, совокупность’);

г) термины, в составе которых первым элементом является ‘микро’, могут переводиться несколькими формантами: *däqiq*, *gäqiq* и *mikro*.

däqiq ‘микроскопический’ образован от глагола *däqqäqä* ‘быть очень мелким’

gäqiq ‘маленький, мелкий’ образован от глагола *gäqqäqä* ‘быть маленьким’

Анализ терминов с данными формантами дает возможность сделать вывод, что при поиске адекватных переводов научно-технических терминов с данным элементом, ученые отталкивались от физических свойств материалов и явлений: *däqiq akal* ‘микротельце’ (*ботан.*) (где *akal* ‘тело’); *däqiq zäakal* ‘микроорганизм’ (где *zäakal* ‘организм’); *däqiq auyär qəč* ‘микроклимат’ (*геол.*) (где *auyär* ‘воздух’ *qəč* ‘порядок’).

Однако эти форманты используются только в том случае, когда речь идет об абстрактных явлениях. Когда же речь идет о конкретных физических процессах, где не адекватный перевод может привести к ошибке или искажению, то используется только формант *mikro*: *mikrofarad* ‘фарада (индуктированный ток)’; *mikro*

mogäd ‘микроволны’ (где mogäd ‘буйство, неистовство’); micron ‘микрон’.

Таким образом, научно-технические термины, входят в лексическую систему современного амхарского языка, активно в ней функционируют и эффективно используются для развития терминологии естественных наук и техники.

Шатохина В.С.

Сопоставление терминов *паремия*, *пословица* и *methali*

Из самого названия дисциплины следует, что объектом изучения паремиологии являются паремии. В первую очередь стоит разобраться, что подразумевает под собой это понятие. «Под термином «паремия» большинство современных исследователей понимает афоризмы народного происхождения, прежде всего пословицы и поговорки» (Семенов Н.Н., 240). Однако все не так однозначно.

Само слово «паремия» происходит от греческого «изречение», «притча». Оно имеет также и латинские синонимы: *proverbium*, *parabola*. Согласно словарной статье «Этимологического словаря русского языка» М. Фаснера, изначально данный термин имел религиозное предназначение и обозначал «избранные места для чтения из Ветхого Завета <...> «из греч. <...> «притча, пословица» (Фаснер 2003, 206). В словаре под редакцией В. Даля также содержится указание на то, что паремия является специальным церковным термином и представляет собой читаемый во время богослужения в православной церкви отрывок из Священного Писания, содержащий пророчество или нравоучение, наставление.

Если обратиться к термину *пословица*, то в Большом энциклопедическом словаре «Языкознание» он определен как «краткое, устойчивое в речевом обиходе, как правило, ритмически организованное изречение назидательного характера, в котором зафиксирован многовековой опыт народа; имеет форму законченного предложения (простого или сложного)». Если сопоставить определения, которые дают некоторые другие лингвистические терминологические словари (Д.Э. Розенталя, Н.В. Васильевой, О.С. Ахмановой), то можно выделить основные черты, присущие пословице: образность, дидактизм, устойчивость, обобщенность и вневременность, синтаксическая

самостоятельность, особое ритмико-интонационное и фонетическое оформление, отражение ментальности. Исходя из словарных статей различных лингвистических словарей, можно также сделать вывод о том, что вопрос включения или невключения пословиц во фразеологический фонд языка по-прежнему остается дискуссионным, однако принадлежность их к числу малых жанров фольклора не оставляет сомнений у лингвистов.

В статьях наиболее крупных зарубежных энциклопедических и лингвистических словарей, таких как The Cambridge encyclopedia of language, The encyclopedia of Language and linguistics, The New Encyclopedia Britannica, The Oxford English Dictionary русским терминам *пословица* и *паремия* соответствует английское *proverb*. Однако есть и некоторые особенности английского термина. Так, например, особо выделена риторическая функция пословицы и ее роль в стратегии речевого поведения. Интересен и тот факт, что европейские ученые делают акцент на юмористическом характере пословиц, позиционируя пословицу как «когнитивную единицу, способную развивать чувство юмора, остроумие, творчество (креативность), тренировать индивидуальную рассудительность» (цит. по Кацюба Л.Б., 66). Несмотря на то, что паремия в зарубежных словарях сопоставляется некоторыми авторами с идиомами, вопрос о включении ее в фразеологический состав языка не стоит столь остро, как в отечественной лингвистике.

В суахилийских словарях для обозначения термина *пословица* традиционно применяется термин *methali* (редко *mithali*). Один из наиболее современных толковых словарей суахили Kamusi kuu ya Kiswahili (*Главный словарь языка суахили*) определяет пословицу *methali* как «традиционное высказывание, используемое в готовой форме, для того, чтобы с помощью обычных слов завуалировать ситуацию, но при этом кратчайшим путем разъяснить истину или дать совет, максимально точно заостряя внимание на сути». В другом не менее авторитетном словаре Kamusi ya karne 21 (*Словарь 21 века*) содержится еще более краткое определение *methali*: «высказывание, которое считается непререкаемой истиной, имеющее скрытый смысл, который нельзя вынести из отдельных употребленных в нем слов». При сопоставлении этих дефиниций со словарными статьями западных и отечественных словарей бросается в глаза их краткость. Среди основных характеристик, свойственных пословицам, отмечен-

ных в словарях на языке суахили, можно выделить их иносказательный характер, синтаксическую целостность и емкость содержания.

Если же обратиться к некоторым статьям суахилийских авторов на тему дефиниции *methali*, то можно получить гораздо более полную картину. Одно из наиболее полных определений, на наш взгляд, принадлежит авторству современного кенийского лингвиста профессора K.W. Wamitila, который является редактором нескольких изданий словаря суахилийских пословиц, а также автором статей о паремииологии. Так, в предисловии к последнему изданию такого словаря, присутствует довольно подробное изложение теоретической информации о природе пословиц (Wamitila K.W. 2005, 9).

В целом, можно сказать, что в современных энциклопедических и терминологических словарях термин *пословица* употребляется чаще, чем термин *паремия* (в синонимичном значении).

Литература

1. Кацюба Л.Б. Определение паремии (лингвистический аспект дефиниции)// Вестник ЮУрГУ. Серия Лингвистика. Том 10, N1, 2013. – 65–67 сс.
2. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т./ М. Фасмер. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. – Т. 3. – 206с.
3. Wamitila K.W. Kamusi ya methali//Longhorn Publishers (Uganda), Kampala, 2002, 2003, 2004, 2005.

Грушина О.А.

Тематические особенности новостных медиатекстов на языке суахили в интернет-пространстве

Из огромного числа событий, происходящих в мире, лишь определенная часть становится новостями и освещается танзанийскими СМИ. Для того чтобы информация превратилась в новость, она должна соответствовать определенным критериям таким как: новизна, актуальность, масштаб события, близость к целевой аудитории и другие.

Принимая во внимание многоаспектность категории новостной ценности и учитывая данные параметры при исследовании новостных медиатекстов на суахили, следует отметить, что для читатель-

ской аудитории Танзании актуальная информация о событиях, происходящих в относительно близкой локализации, обладает большей новостной ценностью, чем тексты, посвященные событиям за пределами страны или Африки в целом.

В рамках исследуемых танзанийских СМИ медиатексты четко систематизированы, они относятся к одному или нескольким медиатопикам, что обозначено определенными тэгами. Медиатексты представлены двумя основными категориями: Kitaifa ‘Местные новости’ и Kimataifa ‘Международные новости’. Сравнительный анализ демонстрирует подавляющее число медиатекстов, посвященных местным новостям. Так, в период с 2012 до 2019 год в изданиях Habari Leo и Mtanzania было опубликовано 35784 (94 %) статей в разделе Kitaifa и лишь 2361 (6%) – в разделе Kimataifa.

Систематизация материала на сайтах поливариантна. Помимо деления на местные и локальные новости, выделяется категоризация по следующим глобальным устойчивым медиатопикам: Siasa ‘Политика’, Biashara na Uchumi ‘Бизнес и экономика’, Afya na Jamii ‘Здравоохранение и социальная сфера’, Burudani ‘Развлечения’, Michezo ‘Спорт’ и другие.

В силу особенностей форматных признаков изданий и редакторской политики, в изданиях Mtanzania и Habari Leo наблюдается разная степень категоризации, несовпадение и неоднородность в тематическом делении статей. Для целей нашего исследования и унификации данных были использовали материалы из категории Uchumi / Biashara na Uchumi, которые совпадают в обоих изданиях. Из издания Mtanzania дополнительно были взяты медиатексты разделов Afya na Jamii ‘Здравоохранение и социальная сфера’, Burudani ‘Развлечения’, Siasa ‘Политика’, содержание которых в некоторых случаях дополняется маркированием отнесения к разделам Kimataifa ‘Международные новости’ и Kitaifa ‘Местные новости’, что визуально выражается в использовании нескольких тэгов. Таким образом, можно говорить о более подробной, полиаспектной тематической категоризации медиатекстов. Анализ количества статей каждого из разделов помогает определить новостную ценность каждой из категорий, интерес к какой тематической группе превалирует среди аудитории, так как тематическое наполнение издания зависит не только от редакторской политики, но и от стремления соответствовать интересам и ожиданиям реципиентов информации.

Анализ доступного материала позволяет сделать вывод о том, что в Mtanzania большинство статей посвящены теме развлечений (2203), при этом на втором месте – политические новости (1281). В Nbaragi Leo отсутствуют в явном виде выделенные данные тематические разделы, но четко обозначена категория Biashara ‘Бизнес/ Торговля’ (1677 статей). Таким образом, форматы изданий позволяют упорядочить интернет-пространство, категоризировать медийные тексты с учетом новостной ценности.

Милюкова О.Э.

Социокультурные контакты кереве во второй половине XIX века

Приозерный народ кереве населяет остров Укереве у юго-восточного побережья озера Виктория. К концу XIX века на острове сложилось раннеполитическое образование народа кереве, которому подчинялись небольшие близлежащие острова и частично прибрежные этносы джита и занакки. По форме общественного устройства Укереве было близко к обществам западного побережья озера Виктория и к Буганде, правители которой держали Укереве под своим контролем. В колониальное время традиционные институты управления Укереве были разрушены.

В силу специфического географического положения острова вплоть до середины XIX века этнос кереве находился в определенной языковой и культурной изоляции, сохраняя свой традиционный уклад жизни и социокультурный микроклимат. Ярким свидетельством этого служит сохранность грамматической структуры и свободного от заимствований лексического состава языка кереве, на котором говорит большинство современных жителей острова.

До середины XIX века кереве в основном взаимодействовали с соседними этносами, с которыми они вели активную и регулярную торговлю. Будучи искусными рыбаками и мастерами по изготовлению лодок, кереве добирались до порта Кагеи, поставляя на местные рынки сушеную рыбу. Их лодки доходили до южных берегов Виктории, где они торговали сорго, рыбой, предлагали коз и овец в обмен на топоры и ткани.

Наиболее тесные контакты кереве удалось установить с этносом джита. Эта связь поддерживалась в течение столетий, подтверждением чего в настоящее время служат многочисленные смешанные браки между представителями этих народов, проживающими на острове.

Свою самоидентичность этнос кереве сохранял вплоть до появления на острове первых арабских торговцев, когда он был вовлечен в караванную торговлю с восточноафриканским побережьем. Начиная с 1858 года, остров Укереве стал важным транзитным пунктом, который долгое время играл роль крупного центра торговли слоновой костью и невольниками. Кереве были скорее жертвами работорговли, нежели самими работорговцами, и страдали, как и их соседи, от многочисленных захватнических рейдов со стороны ганда, особенно во времена правления короля Буганды Мутесы (1856–1884 гг.), когда было совершено более 60 набегов на различные приозерные народы. Ганда располагали мощным флотом пироги и оружием. В связи с тем, что Укереве был процветающим островом, ганда довольно часто вторгались на его территорию, увозя людей в рабство и захватывая урожай.

К этому периоду относится первое знакомство островитян с арабскими и суахильскими купцами, обосновавшимися в портах Кагеи и Мванзы. Зачастую они выполняли посредническую роль агентов Занзибара или Буганды, но среди них были и независимые торговцы. Арабы раньше европейцев познакомились с кереве, но это взаимодействие касалось в основном торговых отношений, а не культурной ассимиляции. Безусловно, арабы расширили границы мировосприятия кереве и «приоткрыли им окно» во внешний мир, благодаря практиковавшемуся судоходному сообщению на арабских лодках-доу. Тот факт, что правитель острова Укереве Луконге в 1878 году немного объяснялся на суахили, демонстрирует, что именно в этот период зародились первоначальные языковые контакты с носителями суахили, которые впоследствии стали более интенсивными.

Первое упоминание о европейцах на острове относится только к 1875 году. Влияние европейцев оказалось, безусловно, более длительным и значимым, нежели влияние арабской культуры. Отношения между арабами и кереве были в целом позитивными, и впоследствии это послужило подготовительной базой для доброжелательного восприятия местными жителями европейцев, которые

вслед за арабскими торговцами прибыли на остров. Уже привыкшие к чужестранцам, жители Укереве во главе со своим королем хоть и с опаской, но довольно радушно принимали гостей с белым цветом кожи. Сначала европейцы прибыли на остров в качестве путешественников и исследователей, а позднее и с христианской миссионерской деятельностью. Со временем миссионеры достигли своей цели, проповедуя на острове слово Божие повсеместно и масштабно.

Этнос кереве сохранил свою этнокультурную специфику не только в период внешних оживленных контактов в XIX веке, но и в условиях мировой глобализации в настоящее время. Обряды, традиционные ремесла, способы ведения хозяйства по-прежнему остаются актуальными для кереве. Язык кереве, невзирая на то, что идет существенный натиск со стороны языка суахили, широко используется среди его носителей.

Методика и практика преподавания иностранных языков

Методика преподавания восточных языков

Каранетьянц А.М., Семенюк М.В.

Проблемы разработки учебных пособий по китайскому языку

Качество учебников и учебных пособий определяет лицо института и эффективность учебного процесса. Нам представляется, что в первую очередь следует обращать особое внимание на выбор вводимой лексики на каждом этапе обучения. Она должна быть базовой и не содержать никакой «экзотики». В частности, следует избегать чрезмерно актуальной лексики, чья высокая частотность обусловлена определенными информационными поводами и, скорее всего, будет лишь временной. Особенно это важно для учебных пособий для начальных курсов: на этом этапе обучения ввод специфической лексики кажется более целесообразными производить в рамках дополнительных спецкурсов и семинаров, ориентированных под задачи студента конкретного направления. Необходимо также обращать внимание на стилистическую нейтральность лексических единиц, формировать у учащегося понимание различий лексики письменного языка и устной речи, которое в китайском языке довольно значительно, причем не только в классическом варианте языка, но и в современном путунхуа.

Второе – это обеспечение повторяемости. Именно повторяемость, а не скучное заучивание слов, дает возможность безболезненно и весело учиться. Достижение повторяемости – работа трудоемкая, но возможная. Теперь она облегчается существованием электронных средств контроля появления тех или иных единиц.

Третья группа соображений касается введения грамматики. С точки зрения речепроизводства и конструирования текста китайский язык существенно отличается от языков так называемого «среднеевропейского стандарта», к которым относится и русский язык. Кроме того, порождение и интерпретация текста должны быть осмысленными и осознанными. Здесь без функционального подхода (понимания сути коммуникации, видов речевых актов, а также требований полной осмысленности и связности) не обойтись.

Соображения насчет того, что такой подход затруднителен для бывших школьников, нам кажутся несостоятельными. Современные требования к языку, зафиксированные в ЕГЭ, вынуждают отказываться от традиционного подхода к грамматике. Это отразилось, например, в коллективном учебном пособии «Теория и практика обучения письменной речи. Как написать идеальное сочинение на китайском языке», рассчитанном на школьные олимпиады и сдачу ЕГЭ по китайскому. Первый из его двенадцати уроков целиком посвящен теории дискурса. Подобный подход оказывается необходимым даже для школьников, поскольку правильный китайский текст и правильная китайская речь без осознания такой теоретической основы построены быть не могут.

Опыт преподавания на 1 и 2 курсе показывает, что такая базовая компетенция как собственно перевод нарабатывается у учащихся довольно медленно, причем проблема заключается не в непонимании китайского текста, а в невозможности подобрать адекватный русский перевод. Несмотря на то, что содержание пособий для первого курса посвящено самым бытовым и повседневным темам, студентам нередко сложно сопоставить содержание текста со знакомыми им лексическими конструкциями. Это происходит именно из-за недостаточного понимания коммуникативной ситуации. Особенно остро эта проблема встает на 4 курсе. Недостаточное понимание функциональных аспектов текста приводит к слабому осознанию функционального стиля текста, которое представляется чрезвычайно важным.

Разумеется, речь не идет о введении того теоретического аппарата, который используется одним из докладчиков в курсе функциональной грамматики китайского языка в рамках теории ОВЯ или даже в учебнике Карапетьянца и Тань Аошунан. Нам еще предстоит найти золотую середину между адекватностью описа-

ния и возможностями обучающихся понять эти описания и главное – понять, зачем они нужны, и научиться применять их на практике.

Оганова Е.А.

О принципах введения лингвострановедческого компонента в учебниках и учебных пособиях на иностранных (восточных) языках

Использование лингвострановедческого материала на практических занятиях по иностранному языку представляет собой, с одной стороны, одно из эффективных средств развития познавательного интереса к изучаемому языку и культуре, а следовательно, облегчения образовательного процесса и традиционных трудностей, связанных с освоением иностранного, прежде всего, восточного, языка, с другой – позволяет студентам получить углубленные знания о быте, культуре, традициях, менталитете народа, язык которого они изучают, что особенно актуально в плоскости изучения восточных языков и восточной цивилизации, существенно отличающейся от западной.

В этой связи крайне важным представляется включать в учебники и учебные пособия по иностранному (восточному) языку лингвострановедческий компонент. Традиционно авторы подобных работ сталкиваются с проблемой экономии места и соблюдения определенного объема, кроме того, в бумажные версии учебных пособий чаще всего невозможно включить цветные вклейки (а часто цвет играет большую роль в культурологическом кодировании; в качестве примера можно привести важность цветовой метафоричности в Индии), не говоря уже о включении аудио- видео- и прочих материалов.

В докладе иллюстрируется опыт и механизм составления лингвострановедческого комментария к учебно-методическому комплексу «Турецкий язык: Работа с художественными текстами» (авторы Оганова Е.А., Коломойцева А.Ю. М., МБА, 2016), размещенного на электронном ресурсе (www.elenaoganova.ru) и доказывается эффективность использования мультимедиа в повышении лингвострановедческой подготовки студентов языковых вузов.

Захарьин Б.А.

Традиционная грамматика и проблемы преподавания второго восточного языка: санскрит в группах «хинди»

На Кафедре индийской филологии ИСАА в группах «хинди» много лет в качестве аспекта основного восточного преподается древнеиндийский язык санскрит. Служивший в течение тысячелетий фундаментом всей традиционной индийской культуры, санскрит, несмотря на значительные грамматические расхождения между ним и новоиндийским хинди, и ныне остается основным источником пополнения лексического фонда литературного языка. Процесс «санскритизации» последнего в настоящее время идет с нарастающей интенсивностью, что обусловлено политикой руководства Индии, заинтересованного в максимальном расширении репертуара общекультурных и социальных функций хинди в стране и в мире.

Изучение и преподавание санскрита в университетах Индии и других стран обычно основывается на использовании морфосинтаксических положений и правил, изложенных в «Грамматике санскрита», которую еще в V в. до н.э. создал выдающийся древнеиндийский лингвист Панини. Труд последнего является одним из ярчайших и редких (ср. мнение Л.Блумфилда) образцов «грамматики говорящего», выстроенной по модели «от смысла к тексту». – В соответствии с ней говорящий, сформулировав на «языке мысли» представление о конкретной ситуации, выбирает из хранящегося в его памяти лексикона нужные лексические морфемы и, снабжая их необходимыми грамматическими элементами, получает словоформы, способные служить ядрами составляющих соответствующего высказывания; после чего, применив к ним все множество необходимых операций, достигает желаемого результата в виде грамматически и фонетически правильного предложения, отображающего исходную ситуацию. Ниже на простом примере будет продемонстрировано применение правил Панини при порождении санскритского высказывания, его именных компонентов и словоформ.

Предположим, нам надо построить санскритский эквивалент русского «Отец дает деньги сыновьям». Мы выберем соответствующие лексические элементы: *tāta*- «отец», *dā*-«давать», *dhana*- (ср.р.) «деньги», *suta*- «сын»; учтем, что потенциальный предикат *dā*-«давать» предполагает три роли (*kāra*) для участников ситуации:

таковую агенса (*kartā*), пациенса (*karma*) и бенефактора (*sampradāna*), (в составе активно-залогового предложения они маркируются соответственно именительным, винительным и дательным падежами). Существует сутра Панини 1.4.14 *suptiñantampadam* «[Элемент], в исходе [которого присутствует [какое-то] из именных (*sUP*) или глагольных (*tiÑ*), [задаваемых списками окончаний, является] «словоформой» (*pada*). Это правило позволяет нам получить требующиеся в качестве материала для составляющих предложения конкретные словоформы, окончания в каждой из которых сопряжены с граммемами соответствующих именных и глагольных категорий. В итоге мы обретаем нужные формы, но роль бенефактора вне разъясняющего контекста может быть реализована двумя вариантами: *sutā-bhyām* «(обоим) сыновьям» (Дат. Дв.) и *sute-bhyas* «(многим) сыновьям» (Дат. Мн.). При этом, согласно Панини, гласная именной основы перед падежно-числовым аффиксом с начальным *bh*- может либо удлиняться (по сутре 7.3.102), либо замещаться *-e-* (по 7.3.103). Выбор диктуется ориентацией бенефактора на «множественность» референта и метаправилом 1.4.2, по которому при равноправии двух предписаний выполняется последнее, т.е. 7.3.103. Породив правильную составляющую *sute-bhyas* «(многим) сыновьям» и реализовав все требуемые фонетикой сандхи, мы наконец получим искомое предложение санскрита: *tāta-ḥ sute-bhyo dhana-m dadā-ti* «Отец (многим) сыновьям деньги дает».

Фролова Е.Г.

Использование неологизмов в языке филипино

На Филиппинах идет процесс формирования общенационального языка филипино, основанного на тагальском, ведущем автохтонном языке архипелага. В филипино сохраняется грамматика тагальского, и он, как и тагальский, относится к агглютинативным языкам. Слово в таких идиомах, как правило, состоит из корня, в котором заключается общее семантическое значение данной лексической единицы, и одного или нескольких аффиксов, которые уточняют это значение и определяют грамматические характеристики данной лексемы.

Алфавит филипино отличается от алфавита тагальского языка наличием восьми букв (*c, f, j, ñ, q, v, x, z*), которые были добавлены

в филипино для облегчения заимствования лексики из других языков, в основном из филиппинских, как утверждают авторы реформы языка филипино. Однако в действительности реформа привела к росту частотности употребления неадаптированных лексем, заимствованных из английского. Многие из них выступают в качестве корня, к которому присоединяются тагальские аффиксы для образования неологизмов, например: *rag-a-adjust* 'приспособление', *i-demand* 'требовать'.

Такие гибридные лексемы нарушают фонетическую и морфологическую систему как тагальского языка, так и филипино, а также те правила заимствования лексики, которые были установлены самими филиппинскими лингвистами. Особенно много таких неологизмов встречается в разговорной речи и в средствах массовой информации, включая газеты. Значительную употребительность таких слов можно подтвердить тем фактом, что из восемнадцати статей, опубликованных в конце 2019 г. и начале 2020 г. в основной тагалоязычной газете «*Balita*» и отобранных для изучения в магистратуре, одиннадцать содержат такие гибриды. В общей сложности в этих статьях встретилось семнадцать таких единиц, восемь из которых, то есть почти половина, уже включены в последний большой словарь языка филипино. Это «Словарь языка филипино Университете Филиппин», изданный в 2001 г. и содержащий более чем 100 тыс. слов. В нем можно найти такие слова, как *ragre-recycle* 'переработка', *mag-apply* 'применять' и др.

Обычно такие лексемы используются в течение коротких периодов времени, пока какая-то тема остается актуальной для СМИ, а потом они выходят из употребления. Тем не менее, студенты часто сталкиваются с ними в ходе изучения общественно-политической лексики, когда читают филиппинские газеты, слушают радио и смотрят телевидение на филипино. И, естественно, они используют эту лексику при пересказах и обсуждениях текстов и в самостоятельных выступлениях. Иногда учащиеся и сами, уже хорошо зная морфологическую систему языка филипино, создают такие неологизмы.

В связи с этим возникает вопрос о том, нужно ли поощрять студентов к использованию таких лексических единиц. Ответ на этот вопрос не может быть однозначным.

Если иметь в виду следование правилам тагальского языка и филипино, то ответ должен быть отрицательным. Но если учитывать

социальный аспект функционирования языка, то ответ должен быть положительным, потому что именно так носителя языка пишут в газетах, говорят на радио и телевидении.

Таким образом, факт распространенности этих неологизмов даже в официальной речи на филипино заставляет преподавателя знакомить студентов с разными вариантами языка, используемыми в различных коммуникативных сферах, осуществлять социально-стилистический анализ филипино. Это помогает студентам выбирать верный функциональный стиль языка, соответствующий каждой конкретной ситуации при практическом использовании филипино.

Хохлова Л.В.

Проблемы обучения «интеллектуальному» общению на языке хинди

В докладе рассматриваются проблемы, связанные с обучением общению на хинди на темы экономики, политики, культуры и т.п. Знание базовой грамматики и «пропущенной» через частотный словарь разговорной лексики, в которой преобладают арабско-персидские и английские заимствования, позволяет студентам к середине и особенно к концу второго курса говорить с носителями языка на классические разговорные темы типа «моя семья», «мой дом», «мой рабочий день», «покупки», «знакомство» и т.д. и читать несложные тексты, например, детективные романы.

Изучение общественно-политической и научной терминологии, которое обычно начинается на третьем курсе, обычно сопряжено со значительными трудностями, так как студентам приходится усваивать санскритскую лексику, значительно отличающуюся от разговорной по составу и дистрибуции фонем, слоговой структуре, грамматическим характеристикам и т.д. Владение санскритской терминологией дает студентам возможность понимать общественно-политические, экономические, философские, исторические, литературоведческие, лингвистические тексты на литературном хинди и говорить на перечисленные темы с интеллектуальными носителями языка в формальной обстановке (например, переводить речь ученого или политика). Однако при неформальном общении на интеллектуальные темы студенты сталкиваются с новым для

них типом диглоссии. Большинство образованных носителей хинди владеет санскритскими терминами активно или пассивно, так как они употребляются во всех средствах массовой информации. В нынешней Индии санскритизированный хинди особо поощряется правительством премьер-министра Н. Моди, но разговорный этикет не позволяет употреблять санскритскую лексику в неофициальных ситуациях общения, и использование санскритизмов в подобных контекстах вызывает насмешки. Ниже приводится пример из учебника по экономике, где жирным шрифтом выделены слова, которые при неофициальном общении (например, беседа в гостях или в перерыве между лекциями в университете) будут заменены английскими эквивалентами (по типу saⁿkaṭ > crisis):

āj se tīs se zyādā varṣ pahle deś meⁿ ek
сегодня от 30 от более лет раньше стране в один
bhayānak ūrjā saⁿkaṭ paidā ho gayā jab tel niryātak
ужасный энергетический кризис возник когда нефть экспортиру-
ющие

deśoⁿ ne (jinheⁿ saⁿkṣep meⁿ OPEC kahā jātā hai) tel kī kīmatoⁿ meⁿ
страны Erg (которые сокращенно ОПЕК называются нефть Gen
ценах в

akasmāt cār gunā se adhik vṛddhi kar dī... isse
вдруг четырехкратно более увеличение сделали из-за этого
vyāpār śeṣ aur bhugtān santulan meⁿ ghāṭā
торговый баланс и платежный баланс в дефицит
lagātar baṛhtā gayā hai
постоянно увеличивался

‘Более 30 лет назад в стране возник сильнейший энергетический кризис, когда страны-экспортеры нефти (сокращенно ОПЕК) неожиданно более чем в четыре раза повысили цены на нефть... из-за этого постоянно увеличивался дефицит торгового и платежного баланса (страны) ‘

Замена около половины знаменательных слов английскими эквивалентами – абсолютно необычная ситуация для русских студентов, привыкших одинаково употреблять термины как в официальной, так и в неофициальной ситуациях общения. Но в Индии иностранец будет восприниматься в беседе как «свой» (а это – важная эмоциональная составляющая процесса коммуникации) только при условии, что он умеет выбирать правильную языковую форму диалога. Кафедра

индийской филологии ИСАА разрабатывает методику подготовки студентов к неформальным ситуациям интеллектуального общения, которая будет подробно изложена в докладе.

Юй Цзе

Лингвокультурологический аспект языка как средство коммуникации

Сегодня одной из наиболее актуальных проблем преподавания китайского языка в иностранной аудитории является лингвокультурологический аспект языка как средства коммуникации. Коммуникативную функцию успешно выполняют языковые единицы, соответствующие определенным условиям контекста и требованиям коммуникации. В отличие от речевой деятельности на родном языке межкультурная коммуникация, которая происходит активнее и насущнее сегодня чем никогда в глобальном масштабе и на глобальном уровне, требует не только языковых знаний, но и в большей степени знаний о жизни и культуре народа, на языке которого проводится общение.

Практика показывает, что хорошие лексические и грамматические подготовки вовсе не гарантируют успех реальных коммуникативных актов, а к удовлетворенности участников в процессе коммуникации часто приводят уместные высказывания, которые совсем не обязательно обладать лексической и грамматической сложностью. Вот возникает парадокс преподавания языка в иностранной аудитории: к неэффективности реальной, неимитированной коммуникации зачастую приводит медотический акцент на языковых знаниях, их усиленное освоение обучающимися, а без того и речи не может идти о межкультурной коммуникации.

Язык как средство коммуникации между народами и культурами выполняет функцию так называемой народной дипломатии, что обычно рассматривается под углом зрения на язык и культуру как «мягкую силу». В этом смысле большую роль играет политический дискурс в связи с его отнесенностью к сфере массовой коммуникации. Тексты такого рода обращены не к конкретной личности, а к массе, о которой коммуниканты имеют чаще всего стереотипные представления и оперируют речевыми средствами по соображениям

определенной коммуникативной цели. Интересные примеры можно привести из множества видеообращений русскоязычных людей к китайскому народу в связи с нынешней эпидемией, вызванной коронавирусом в Китае. Рассматриваемые нами видеообращения полностью или частично озвучены на китайском языке и разделены на три типа речевого поведения: публичные речи официальных лиц России, дружественные коллективные обращения китайцев от российских организаций, в том числе вузов и школ, индивидуальные, дружественные выступления деятелей различных кругов общества России. Если первый тип речевого поведения демонстрирует официальный характер дружественных отношений двух стран, что вполне соответствует дипломатическому этикету и протоколу, то пафосные, эмоциональные речи у второго и третьего типов речей с легкостью вызывают у китайских зрителей восхищение, восторг, волнение и благодарность, а протянутые интонации говорящих, чрезвычайно спокойное выражение лица и некие паралингвистические, телесные поведения могут отталкивать китайских реципиентов в такого рода коммуникации.

Важность лингвокультурологического аспекта языка как средства межкультурной коммуникации давно уже осознали и активно изучают представители различных областей современной лингвистики. Думается, что есть основание и необходимость подключить этот важный аспект языка также к аудиторным преподаваниям, выработать системный подход как к подаче языковых материалов, так и к созданию условий и имитированной ситуации для восприятия и использования языковых знаний, и в конце концов разработать модель аудиторных занятий, таких, как коммуникативных тренингов, ролевых игр с учетом коммуникативных целей, особенностей ситуаций и коммуникантов и т.д.

Дашевская Г.Я., Кондрашевский С.А.

Культура делового общения в рамках изучения межкультурной коммуникации

В XXI веке одним из наиболее актуальных вопросов в рамках изучения коммуникационных процессов становится межкультурная коммуникация. Проблемы национальной самоидентификации

и межкультурного взаимопонимания между представителями разных стран в современном глобальном мире очевидным образом ставят новые задачи перед лингвистами и составителями учебных программ в Высшей школе. Уже в конце XX века мы можем наблюдать тенденцию к смене научной парадигмы, связанной с ростом интереса в среде отечественных специалистов к сопоставительным исследованиям как в сфере востоковедной лингвистики, так и в сфере практического преподавания китайского языка. В 90-х годах прошлого века Институт стран Азии и Африки столкнулся с проблемой отсутствия современных учебных программ и материалов по китайскому языку в сфере делового общения, что препятствовало эффективному изучению современного китайского языка и наработке так необходимых в новое время профессиональных переводческих навыков. На фоне активизации деловых контактов и растущего товарооборота между Россией и КНР, возникла острая необходимость в специалистах, владеющих не только базовыми языковыми навыками, но и способных найти взаимопонимание с китайскими партнерами, успешно наладить диалог культур, владеющих не только международными, но и национальными аспектами языка и культуры деловой коммуникации. Приняв этот вызов, кафедра китайской филологии на начальном этапе использовала учебники, изданные в Китае, а с конца 90-х годов смогла полностью перейти к обучению на основе собственного учебника «Китайский язык для делового общения», авторами которого стали Г.Я. Дашевская и А.Ф. Кондрашевский. Через 20 лет, в 2019 году преподаватели кафедры подготовили и издали новый учебник «Китайский язык. Культура и практика делового общения» (Г.Я. Дашевская, С.Б. Ерасов, Юй Цзе). Он стал новым шагом на пути к повышению уровня того, как реализуются программы профессиональной подготовки студентов ИСАА МГУ. Целевой аудиторией данного курса являются студенты старших курсов бакалавриата и магистратуры. Значительная часть уроков нового учебника посвящена национальным традициям и правилам делового этикета, в том числе, формам обращения, правилам субординации, требованиям к дресс-коду, тому, как вести себя и на что обращать внимание за столом переговоров и во время делового банкета, предпочтениям и табу при выборе подарков для деловых партнеров. В учебнике рассматриваются важные элементы корпоративной культуры Китая, сюжеты описываются в живой разговорной

форме, даются рекомендации, необходимые для успешного ведения коммерческих переговоров. Учебник имеет многоуровневую структуру, содержит как традиционную для языковых учебников часть: учебные тексты, диалоги, словари слов и выражений, упражнения на активизацию знаний и навыков в рамках пройденного лексико-грамматического материала; так и инновационные виды заданий: упражнения и вспомогательные материалы для организации тематических «круглых столов», проведения презентаций и «деловых игр». Таким образом, широта и глубина предлагаемого материала позволит выпускникам, значительно расширить практические и фоновые знания, приобрести компетенции в сфере делового общения на китайском языке и успешно, на хорошем профессиональном уровне, применять их в качестве переводчиков и специалистов-консультантов. Учебник прошел успешную апробацию в аудитории, где совместно обучаются российские студенты и студенты из КНР.

Поспелова М.К.

К вопросу о преподавании китайского языка у студентов продолжающего уровня

Студенты продолжающего уровня в рамках программы ИСАА занимаются по учебнику Л.Г. Булыгиной, С.Н. Богданова и В.В. Севальнева, разработанному в 2004 году на базе содержания и структуры китайского пособия «Практический курс китайского языка», составленному в 1986 году [Булыгина]. Из плюсов пособия Булыгиной можно выделить достаточно актуальную лексику, подробный лексико-грамматический комментарий и разнообразные упражнения на активизацию лексического, грамматического и коммуникативного материала. Однако, несмотря на то, что с лексико-грамматической точки зрения материал и не кажется устаревшим, все же, учитывая те масштабные изменения, которые произошли в КНР за последнее время, кажется существенным вводить материал, актуализирующий и расширяющий ту базу, которую дает вышеупомянутое пособие.

При работе с дополнительными материалами учитываются интересы учащихся, а также современная повестка; возможным видом работы могут быть и просмотр, расшифровка и обсуждение видеоматериалов, подготовка докладов, связанных с изучаемым кругом

тем. По возможности производятся попытки привлечения текстов различного характера.

К примеру, дополнительным подспорьем к уроку 2 учебника Булыгиной, основной темой которого является путешествие главных действующих персонажей в Синьцзян-Уйгурский АР, были выбраны:

Текст «Национальное единство – одна семья». Текст представляет интерес как с социокультурной точки зрения (так, учащимся разъясняются принципы национальной политики КНР и в частности специфика идеи «национального единения», озвученной Си Цзиньпином в 2015 году), так и с филологической – источник текста (агентство «Синьхуа») во многом определяет его риторичность – так, студенты уже на данном этапе могут ощутить некоторую избыточную патетичность, склонность к гиперболизации, насыщенность текста сравнительными конструкциями, клише. Для удобства освоения материала студентам предлагался список кратких фраз и синтагм для перевода с русского на китайский язык и заучивания и отработки с преподавателем; [3]

Видео «Могут ли ханьцы вступать в брак с уйгурами?», представляющее совсем иной пласт лексики – язык блогосферы. Студентам было предложено просмотреть видео и коллективно подготовить список фраз и синтагм, представляющих на их взгляд, наибольший интерес и отражающий суть видео; [2]

В качестве контроля усвоенного материала студентам было предложено подумать над вопросами по содержанию текста и видео, предполагающими развернутые ответы, а также выполнить составленный преподавателем перевод текста, содержащий в себе лексико-грамматические конструкции как из учебного пособия Булыгиной, так и из вышеперечисленных дополнительных материалов.

Таким образом, была произведена попытка расширить достаточное сжатый материал 2 урока пособия Булыгиной, разнообразить его как представлением новых внутривнутриполитических явлений в КНР, так и современной и актуальной лексикой.

Литература

1. Булыгина Г.В., Богданов С.Н., Севальнев В.В. Практический курс китайского языка. Т.3
2. Ханьцзужэнь кэи хэ вэйуэрцзужэнь тунхунь ма? (Могут ли ханьцы вступать в брак с уйгурками?) [Электронный ресурс] URL: <https://v.qq.com/x/page/t0800kv9qzz.html> (дата обращения 20.02.2020)

3. Циньци долэ лу хаоцзоу – синьцзян миньцзу туаньцзе и цзя цинь цзяньвэнь. (Родным – новая дорога – об идее «национальное единство, одна семья») [Электронный ресурс] URL: http://www.xinhuanet.com/2018-12/06/c_1123817741.htm

Налич М.С.

Использование дополнительных материалов в преподавании арабского языка

В процессе преподавания иностранного языка преподаватель использует несколько видов учебных материалов: базовый учебник, справочники и сборники упражнений по грамматике, литературу для домашнего чтения, аудио и видеофайлы для аудирования, а также разные виды дополнительных материалов. К последним относятся газеты и журналы, как бумажные, так и электронные, интернет-страницы известных носителей изучаемого языка, фильмы и песни на нем, сборники анекдотов, комиксы и др. Использование дополнительных материалов помогает увеличить словарный запас, познакомить студентов с разговорной речью, расширить знания о реалиях повседневной жизни страны изучаемого языка, а также повысить мотивацию студентов к обучению. В преподавании арабского языка в качестве дополнения к учебнику я чаще всего использую так называемые глянцевые журналы, причем именно в печатном варианте, сборники шуток и анекдотов, а также песни популярных исполнителей. Каждый из этих видов дополнительных материалов решает определенную задачу. Поскольку для арабского языка характерна диглоссия, то есть существование двух форм языка: литературного арабского – языка литературы, науки и официальной сферы общения, и местных разговорных диалектов, а студенты в ИСАА изучают именно литературный арабский язык, то песни на арабском языке являются хорошим пособием для освоения арабских диалектов. Тем более, что тексты песен многих современных исполнителей отличается простота синтаксических конструкций и повторяемость лексики, что облегчает их понимание, однако с их помощью студенты знакомятся как с не характерной для литературного языка фонетикой (в частности, заменой звуков), так и особенностями грамматики (напр., нефлектируемостью именных слов). Шутки и короткие рассказы про известных средневековых личностей, которые можно назвать

историческими анекдотами, хорошо дополняют базовый учебник в изучении лексики и грамматики, а также обогащают знания студентов по истории и литературе арабов (рассказы про литератора IX в. ал-Джахиза). Что касается глянцевых журналов, то по моим наблюдениям, их лучше использовать именно в бумажном, а не электронном варианте, поскольку многие современные студенты практически не читают печатную прессу, и даже яркие фотографии в журнале и необычный шрифт, которым напечатаны заголовки, вызывают их интерес и желание понять, что там написано. В журналах печатают статьи разного объема и на разные темы: мода, здоровье, спорт, новости науки и культуры, психология, письма в редакцию и др.

Таким образом можно работать со всей группой в аудитории или предложить студентам выбрать заметку по своему вкусу, разобрать и перевести ее дома и/или подготовить по ней сообщение для устного выступления в классе. Можно утверждать, что регулярное использование в преподавании дополнительных материалов помогает студентам увеличить словарный запас, расширить кругозор, приобрести навык понимания на слух разговорной речи и даже повысить мотивацию к обучению.

Громова А.В.

Irān-e dijīāl: новые интернет-ресурсы для иранистов

«Цифровой Иран: вчера – одна из возможностей, сегодня – необходимость, завтра – движущая сила развития и прогресса». Этот девиз Министерства информационных и коммуникационных технологий (<https://www.ict.gov.ir/>) легко применим и к процессу преподавания персидского языка, в котором диверсификация используемых дидактических средств и материалов стала императивом последних лет. Предлагаемый доклад представляет собой краткий обзор доступных онлайн-ресурсов, которые могут быть использованы в курсе персидского языка и для дальнейшей профессиональной подготовки ираниста с учетом образовательного профиля.

Уже на начальном этапе обучения работа с текстами из аутентичных школьных учебников по персидскому языку, предназначенных для иранских школьников и размещенных на сайте Генерального управления по контролю над изданием и распространением учеб-

ных материалов, подведомственного Министерству образования и воспитания <http://chap.sch.ir/> (например, [Fārsi 2018]), значительно облегчается наличием аудиоверсии изучаемых материалов, опубликованной на сайте Национального школьного канала <http://www.goshd.ir>. Также множество интересных сказок и коротких рассказов находится в открытом доступе на порталах аудиокниг <http://book.iranseda.ir> и <https://www.navaar.ir>.

На среднем и продвинутом уровне к учебнику по страноведению [Joḡrāfiyā-ye Irān 2018] и к серии учебников по общественным наукам, которые включают обществознание, экономическую географию и историю (например, [Motāle'āt-e ejtemā'i 2018]), массу дополнительных упражнений можно найти на сайте <https://biamoz.com/>, где, как и на упомянутом выше сайте <http://www.goshd.ir>, представлены всевозможные тесты, вопросы и прочие задания для повторения и лучшего усвоения материала.

В конце февраля 2020 г. в связи с закрытием школ из-за распространения короновируса был запущен проект «Medrese-ye televiziyonī» («Телешкола»). Ежедневно на сайте Интернет-портала эфирного вещания и архива фильмов, сериалов и программ иранского телевидения <http://www.telewebion.com> публикуется 10–14 уроков по различным дисциплинам для каждого класса. Наибольший интерес, естественно, представляют собой 20-минутные уроки фарси.

Благодаря этому сайту можно совершить увлекательное виртуальное путешествие по изучаемой стране, как пример достаточно назвать серию документальных фильмов «Иран» на канале «Tamāšā», эпизоды «Путешествие по Ирану» передачи «С добрым утром, Иран!» на Первом канале. Красочные туристические сайты <https://www.eligasht.com/>, <https://www.visitiran.ir/>, <https://www.kojaro.com/>, портал Министерства культурного наследия, народных промыслов и туризма <https://www.mcth.ir/>, сайты Национального музея Ирана <http://irannationalmuseum.ir/fa/> и Национального центра статистики <https://www.amar.org.ir> представляют собой кладезь поданной в легкой и доступной форме информации об исторических памятниках и туристических достопримечательностях. Тут же можно найти информативные таблицы, яркие схемы, многочисленные фотогалереи, короткие видеосюжеты.

Основным источником новостных репортажей и аналитических статей служат сайты наиболее авторитетных СМИ: Информационное

агентство Исламской Республики (<http://www.irna.ir/>), Гостелерадио Исламской Республики Иран (<http://www.iribnews.ir/>), информагентства <https://www.khabaronline.ir>, <https://www.farsnews.ir/>, <https://www.isna.ir/>.

Всего по данным на 08.02.2020 г. лицензию Министерства культуры и исламской ориентации имело 11725 СМИ. С учетом политической линии на продвижение и развитие персоязычного контента в сети корпус полезных доступных материалов неизменно продолжает расти. Способность ориентироваться в них является такой же неотъемлемой частью профессиональной подготовки будущего ираниста, как и овладение инструментарием переводчика и научного поиска. Незаменимыми помощниками в работе оказываются толковые, двуязычные словари и специальные словари <https://dictionary.abadis.ir/>, <http://www.vajehyab.com/>, <http://barsadic.com/>, <https://tarjomic.com/dic>, а в дальнейшем – Национальный электронный архив научных журналов <https://iranjournals.nlai.ir/>.

Литература

1. Fārsi. Dovvom-e dabestān. – Tehrān: Edāre-ye koll-e nezārat bar našr-o towzi'-e mavād-e āmuzeši, 1397 (Персидский язык. Учебник для второго класса начальной школы. Тегеран: Генеральное управление по контролю над изданием и распространением учебных материалов, 2018). – 118 s.
2. Joḡrāfiyā-ye Irān. Pāye-ye dahom-e dowre-ye motavassete. – Tehrān: Edāre-ye koll-e nezārat bar našr-o towzi'-e mavād-e āmuzeši, 1397. (География Ирана. Десятый класс. Тегеран: Генеральное управление по контролю над изданием и распространением учебных материалов, 2018). – 112 s.
3. Motāle'āt-e ejtemā'i. Pāye-ye šešom-e dabestān. – Tehrān: Edāre-ye koll-e nezārat bar našr-o towzi'-e mavād-e āmuzeši, 1397. (Общественные науки. Шестой класс начальной школы / Тегеран: Генеральное управление по контролю над изданием и распространением учебных материалов, 2018). – 124 s.

Акинина О.Г.

Из опыта проведения дебатов на занятиях по арабскому языку

1. Одной из основных целей изучения иностранных языков на современном этапе является приобретение коммуникативной и межкультурной компетенций, подготовка к реальному общению

с представителями других культур. Это делает особенно актуальным «применение принципа коммуникативной направленности обучения» [Магомедова, 2017, с.239], особенно на старших курсах высшей школы, на этапе совершенствования речевых навыков студентов. С этой целью необходима обязательная отработка употребления лексических единиц при их использовании в разных видах речевой деятельности для понимания функции (контекста употребления) данных единиц в речи.

2. В распоряжении современного преподавателя имеются различные активные и интерактивные методы работы «для превращения студентов из пассивных наблюдателей в заинтересованных участников учебного процесса и для повышения его эффективности». [Акинина, 2019, с.105] При этом под «активными» понимаются такие методы обучения, «применение которых объективно невозможно без высокого уровня внешней и внутренней активности студентов». [Евплова, Тубер, 2015, с.7] Такие методы предполагают использование (наряду с традиционными формами работы) деловых, дидактических, блиц-игр, навыковых тренингов, проблемных ситуаций. В свою очередь интерактивными методами считаются те, «в результате применения которых обучающиеся находятся во взаимодействии друг с другом в режиме беседы, диалога» [Евплова, Тубер, 2015, с.7], например, дебаты, круглые столы, пресс-конференции. В отличие от активных методов, интерактивные ориентированы на более широкое взаимодействие студентов не только с преподавателем, но и друг с другом.

3. На продвинутых этапах обучения арабскому языку (начиная уже со второго курса в тех учебных заведениях, где он является основным восточным языком) целесообразно использовать в работе именно вышперечисленные формы деловых игр, в частности, дебаты. «Данная методика может быть задействована не как самостоятельный элемент учебного процесса, а как завершающий этап работы над определенной темой, позволяющий проконтролировать качество ее освоения, оценить уровень квалификации студентов, «отточить» их профессиональные навыки и компетенции». [Акинина, 2019, с.105] Представляется, что этот метод особенно продуктивен, если он используется на базе работы с аудио- и видеоматериалами, поскольку вся основная лексика по определенной теме, речевые обороты, формулы приветствий – все, что студенты воспринимают на слух из уст носителей арабского язы-

ка, может быть активизировано в соответствующих смоделированных ситуациях. В качестве примера можно привести проведение дебатов на занятиях по арабскому языку на третьем курсе ИСАА на тему: «Президентские выборы в Тунисе».

4. В этой арабской стране первый тур президентских выборов прошел в сентябре, а второй – в октябре 2019 г. За ходом данных событий следили студенты, получая от преподавателя видеоматериалы объемом около трех минут, перевод и расшифровка которых проверялись на занятии. Задачей этого этапа работы был сбор первичной информации по теме (ситуация в стране накануне и в ходе выборов). Помимо этого, студентам предлагались дополнительные тексты для формирования фоновых знаний по данной проблеме. После получения студентами определенного лексического минимума им было предложено выбрать какого-либо кандидата из первой десятки потенциальных претендентов на пост президента (а всего в стране баллотировалось более двадцати кандидатов). В Тунисе перед вторым туром голосования прошли открытые дебаты между кандидатами, что само по себе расценивалось как «демократический прорыв» в стране, ориентированной на французские культурные ценности. Студентам было предложено смоделировать на занятии эту ситуацию *munāzarāt maftūḥa* «открытых дебатов». Для этого было необходимо подготовить информацию о самом кандидате, озвучить лозунг его предвыборной кампании и предложить те шаги, которые бы он предпринял, заняв президентский пост.

5. Данная идея была воспринята студентами с энтузиазмом. Дебаты прошли на достаточно высоком уровне и вызвали неподдельный интерес, так как в процессе студенты-«кандидаты» должны были задавать провокационные вопросы оппонентам и в свою очередь уметь адекватно реагировать на них. Из реквизита понадобились лишь таблички с именами кандидатов и названиями партий, которые они представляют. Данный метод прошел успешную апробацию на занятиях в группах арабистов третьего курса и получил высокую оценку преподавателей кафедры арабской филологии ИСАА МГУ.

Литература

1. Акинина О.Г. Оптимизация процесса преподавания арабского языка в условиях профессионального выгорания // Высшая школа: научные исследования. – Сборник научных статей по итогам работы Межвузовского научного конгресса. – М, 2019. – С.102–110.

2. *Евплова Е.В., Тубер И.И.* Методика преподавания экономических дисциплин. Учебно-методическое пособие. – Челябинск, 2015. – 108 с.
3. *Магомедова С.И.* Общеметодические принципы функциональности и коммуникативности в свете обучения арабскому языку в средней школе // Актуальные проблемы арабской филологии и методики преподавания арабского языка. – Грозный, 2017. – С. 235–240.

Бессонова Е.Ю.

Устный и письменный перевод на начальном этапе обучения японскому языку

Одна из задач освоения японского языка является получение навыка письменного и устного перевода. В ИСАА МГУ на четвертом курсе бакалавриата студенты в рамках курса «Теория и практика перевода» получают теоретические и практические навыки перевода, на третьем курсе преподаватели также уделяют большое внимание переводу на занятиях «Речевая практика». Однако уже на начальном этапе обучения, а именно, практически с первых занятий по японскому языку (дисциплина «Основной восточный язык (японский)»), студентам предлагается выполнять задания на устный и письменный перевод с японского языка на русский и с русского на японский язык. В аннотации дисциплины «ОВЯ» отмечается, что «в процессе изучения данной дисциплины студенты приобретают первичные навыки устного перевода с «листа» и «на слух», а также письменного перевода с японского языка на русский и с русского на японский основных моделей предложений и адаптированных текстов по пройденной тематике, содержащих изученную лексику, фразеологию, иероглифику и грамматику» [2]. Основным учебным материалом на первом курсе ИСАА МГУ является учебник Л.Т. Нечаевой «Японский язык для начинающих» [1], в первом семестре устный и письменный перевод студенты делают в ходе выполнения упражнений на новую грамматику. Перевод обязателен и после чтения учебных текстов. В первом семестре учебные тексты – это небольшой по объему языковой материал, в котором применена иероглифика, лексика и грамматика, вводимая в уроке. Перевод такого рода текстов не вызывает трудностей у студентов, но уже на этом этапе необходимо уделять внимание правильности русской речи и корректности японского пе-

ревода. В первом семестре обычной практикой является письменный перевод на русский язык учебного текста каждого урока. Во втором семестре структура и объем учебных текстов меняется. Письменный перевод текстов такого объема требует значительных временных затрат, поэтому заданием является преимущественно устный перевод. Письменно могут быть переведены отдельные части текста, которые вызывают трудность для перевода «с листа». В статье Т.А. Розановой «Начальный этап обучения переводу» [2]: методические рекомендации студентам», отмечается, что для многих студентов основным препятствием при переводе неадаптированных текстов является «автоматический перенос алгоритма работы с текстом учебника на переводческий тип деятельности» [3, 106]. Действительно при переводе учебного текста, студенты демонстрируют большую зависимость от грамматических конструкций, часто перевод текста сводится к переводу отдельных предложений. Студенты ориентируются на подстрочник и сосредотачиваются только на грамматике и лексике, поэтому возникает проблема некорректного построения предложений на русском языке. Среди задач освоения дисциплины «Основной восточный язык (японский)» числится «умение устно и письменно переводить с японского языка и на японский язык тексты культурного, научного, политико-экономического и религиозно-философского характера» [2]. Для выполнения этой задачи необходимо с первых занятий по японскому языку обратить внимание студентов на основные правила перевода и зависимость перевода от тех целей, которые перед студентами ставятся, научить студентов с уважением относиться к переводческой деятельности. В последнее время средства массовой информации размещают большой объем переводного новостного материала, однако перевод во многих случаях вызывает сомнение как с точки зрения правильности передачи содержания, так и с точки зрения изложения материала на русском языке. В этой связи задача преподавателей еще раз обратить внимание на тему перевода, которая актуальна для всех этапов обучения японскому языку.

Литература

1. *Нечаева Л.Т.* Японский язык для начинающих. – М.: Московский Лицей, 2010.
2. Рабочая программа дисциплины «Основной восточный язык (японский)», МГУ, ИСАА, 2017.

3. Розанова Т.А. Начальный этап обучения переводу: методические рекомендации студентам // Сборник «Материалы научно-методической конференции «Японский язык в вузе» (октябрь, 2013 г.). Выпуск 10. – М.: Издательство «Ключ-С», 2014. – С. 106–110.

Никольская С.В.

Работа с материалами по общественно-политической тематике на начальном этапе обучения

Изучая любую страну, мы должны обращать внимание не только на её нравы и обычаи, историю и литературу, но и на политические идеи и учения, потому что они тоже являются составными частями культуры каждой страны. Не зная политики, невозможно понять принципы функционирования государства, определить векторы его поступательного развития, тактику и стратегию межгосударственных отношений. В этой связи следует придавать большое значение материалам по общественно-политической тематике. Они стимулируют политическую мысль современников, а историкам позволяют изучить степень политизации общества, пути распространения новых политических идей и социальные запросы граждан.

Общественно-политические материалы по конкретной теме содержат точку зрения по этому вопросу, имеют целью создание определенного умонастроения у читателя и оказывают агитационно-пропагандистское воздействие на аудиторию.

Главная особенность общественно-политических материалов состоит, с одной стороны, в изложении позиции властных структур или человека, облеченного такими полномочиями, с другой – в отражении оппозиционных взглядов. Поэтому общественно-политические материалы часто отличаются полемичностью и могут иметь эмоциональную окрашенность.

В основном можно выделить три категории общественно-политических материалов.

1. Документально-деловые материалы. Они включают в себя дипломатические документы, коммюнике, договоры. Их особенность – обилие специальных терминов и языковых клише.

2. Информационно-описательные материалы. Это исторические заметки, справочно-информационные материалы, статьи по общественно значимым проблемам, статьи обзорного характера. В них

много текущей лексики, современных реалий, встречается специальная терминология и цитаты.

3. Публицистические статьи, полемические речи и памфлеты. Этот вид общественно-политических материалов в значительной степени приближен к художественным текстам. Известно, что произведения такого жанра встречаются в творчестве многих известных писателей.

Для работы во второй половине четвертого семестра можно обращаться к отдельным материалам первой и второй категорий. Источниками их, кроме специальных учебных материалов, могут стать интервью и пресс-конференции, сконцентрированные вокруг определенного политического события, выступления государственных деятелей на разных форумах.

К сожалению, тексты устных выступлений китайских руководителей не всегда отличаются отсутствием сложных фраз и понятной лексикой, что подразумевается для речей на английском языке. Для политического китайского языка характерна образность выражений, специфический понятийный аппарат и повтор важных смысловых понятий. Поэтому, приступая к изучению общественно-политических материалов, надо проделать большую подготовительную работу:

1. Адаптировать оригинальный текст на выбранную тему;
2. Разработать систему упражнений для закрепления и активизации базовой лексики и терминологии;
3. Развить навыки двустороннего перевода и реферирования текста на русском и китайском языках.

В конце изучения выбранной темы дать для чтения полную версию текста и подобрать газетные материалы по этой же теме.

После проделанной с текстами работы можно предложить студентам сделать самостоятельный доклад или написать эссе на пройденную тему, проверив тем самым степень усвоения материала.

Васильева Л.В.

О критериях оценки ответов студентов на занятиях по разговорному аспекту

Каждому преподавателю иностранного языка приходится регулярно оценивать знания и уровень подготовки студента по разным аспектам, в том числе, связанным с устной речью. И если проверка

приобретенных студентом знаний, навыков и умений, выраженных в той или иной форме на письме (ответы у доски, контрольные работы, сочинения и т.п.), в достаточной степени формализована и объективна, то есть существуют четко сформулированные критерии оценивания письменных работ в зависимости от видов ошибок и их количества, то при оценивании устных ответов студентов критерии оценки не всегда так же однозначны.

В рамках обучения иностранным языкам часто существует разделение на письменные и устные аспекты, и в сфере устных аспектов обычно включаются навыки аудирования, монологической и диалогической речи, а также устный перевод. На начальном этапе обучения, когда идет активное освоение основ грамматики и базовой лексики, оценивание устных ответов наряду с письменными представляется вполне формализуемым. Студент должен продемонстрировать понимание и усвоение новых грамматических конструкций, умение выбрать из них наиболее подходящие для своего высказывания или перевода, а также использовать их без ошибок. В рамках расширения словаря и освоения новой лексики студент также находится в пока еще довольно узких рамках изучаемого материала, и критерии оценки его ответа с этой точки зрения тоже могут быть четко сформулированы: использование в речи достаточного количества новой введенной лексики без грамматических и семантических ошибок может стать достаточным основанием для получения высокой оценки.

На среднем и продвинутом этапах изучения языка ситуация с критериями оценки устной речевой деятельности становится гораздо менее определенной. Формальные критерии оценивания, безусловно, есть, и, оценивая ответ студента, преподаватель опирается на них. Так, например, в рамках государственной итоговой аттестации (ГИА) по иностранному языку в средней школе в качестве критериев оценивания устных ответов с точки зрения решения коммуникативной задачи можно упомянуть полное и точное раскрытие содержания в соответствии с ситуацией общения, логичность и связность высказывания, аргументацию в поддержку собственного мнения, умение понять и при необходимости уточнить вопрос собеседника и т.п. При оценке лексико-грамматической стороны речи учитывается соответствие выбора лексических единиц и грамматических структур поставленной коммуникативной задаче, правильность их использования, их разнообразие и сложность. Учитывается также соблюдение норм произноше-

ния и интонационного оформления речи [1, с. 186]. Однако при всем этом оценка устного ответа студента всегда включает в себя и ряд субъективных факторов, которые представляются нам почти неизбежными. Так, например, при оценивании устного перевода, особенно когда тренируется навык спонтанного перевода, а не подготовленного заранее в рамках изучаемого материала, что заслуживает более высокой оценки: использование сложных грамматических конструкций и лексических единиц (но с возможными погрешностями в их использовании) или умение достаточно полно и без искажений передать содержание оригинального высказывания, используя более простые языковые средства и элементы описательного перевода, если в обоих случаях коммуникативная цель достигнута? То есть преподавателю всегда приходится решать, какие критерии оценивания становятся более значимыми для вынесения общей оценки при наличии в арсенале студента широкого ассортимента знаний, умений и навыков.

Федеральные государственные образовательные стандарты, которые уже довольно прочно укоренились в средней школе, сейчас активно внедряются и в сфере высшего образования. И в рамках этих стандартов критерии оценивания устной речи изучающих иностранные языки должны быть достаточно четко сформулированы. Вопрос о том, насколько возможно в этой сфере свести к минимуму субъективные факторы, пока остается, на наш взгляд, открытым.

Литература

1. Сон И.С. Особенности оценивания знаний по иностранному языку (говорение, письмо) по балльно-рейтинговой системе [Текст] // Теория и практика образования в современном мире: материалы II Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, ноябрь 2012 г.). – СПб.: Реноме, 2012. – С. 185–188. – URL <https://moluch.ru/conf/ped/archive/64/2911/>

Нечаева Л.Т.

Музейная педагогика в преподавании восточных языков

Большинство студентов, начинающих изучать восточные языки, часто не имеют никакого представления о стране, её культуре. Некоторые студенты, поступая в ИСАА, попадают в группы не с тем языком, которые они хотели изучать. Здесь, конечно, большая ответственность

ложится на преподавателей языка, чтобы добиться хорошего отношения к языку, который они будут изучать. В конце концов, это всё получается, и все довольны специальностью, т.е. тем языком, который они изучали.

В этом случае в какой-то степени, может быть, и в большой, может помочь знакомство с культурой страны, язык которой изучают студенты. Но и те студенты, кто попадает на выбранный ими язык, нуждаются в эмоциональной поддержке. И в этой ситуации, безусловно, может помочь знание культуры страны. На первых занятиях можно порекомендовать книги известных писателей страны изучаемого языка, принести альбомы изобразительного искусства и архитектуры городов данной страны.

Потом учащиеся уже сами могут использовать разные типы материалов, которые включают в себя словари, энциклопедии, книги, Интернет-ресурсы. Сюда же входят и ресурсы культурных учреждений, в том числе и виртуальные музеи. Применение компьютерных технологий позволяет конструировать виртуальную реальность и расширять границы познания исторического и культурного наследия мира. Виртуальный музей является одной из таких форм.

В Москве есть музей стран Востока, обладающий коллекцией, насчитывающей 160 тыс. экспонатов. К сожалению, виртуальных экскурсий по музею нет, но на сайте музея есть много описаний, фотографий, по которым можно составить экскурсию, рассказ.

Представлены большие коллекции искусства Китая, Японии, Кореи, Вьетнама, Среднеазиатских республик, Казахстана.

В этом же музее сосредоточено основное собрание африканского искусства. Отдельные предметы появились в музее еще в период его создания, но собрание как таковое сформировалось с 60-х годов. История нынешней коллекции связана с тем, что в 60-е – 70-е годы в связи с политикой советского руководства в отношении независимой Африки Советский Союз регулярно посещали правительственные, партийные, профсоюзные и культурные делегации стран Африки, привозившие подарки. В молодые африканские государства хлынул поток советских граждан, бывших там краткосрочно или осевших на годы. В официальных учреждениях и частных домах Москвы внезапно оказалось огромное количество произведений африканского искусства. В московских коммунальных квартирах они просто не помещались. Антикварные магазины их не брали. Многие москвичи предлагали, не ища выгоды, подарить африканские памятники Музею Востока, но

дирекция и сами музейные работники долгое время не могли определиться в оценке этих памятников. Между тем, количество африканских экспонатов в фонде неукоснительно росло за счет официальных передач из других учреждений, даров с проводившихся в музее выставок и, в редких случаях, – из частных собраний. С 1971г. отдельные африканские памятники начали публиковать в музейных буклетах и каталогах. По искусству Африки есть ещё галерея «АФРОАРТ», её э-мэйл info@afroart, где можно купить альбомы по искусству Африки.

Как можно использовать музей для обучения восточному языку?

Можно самим составить экскурсии по залам определённой страны, так как на сайте музея есть фотографии экспонатов. Если их свести в отдельный файл, добавить аннотации, то получится такая мини-экскурсия по искусству определённой страны. Эту работу можно поручить студентам, даже сделать перевод, который проверит преподаватель и озвучит носитель языка. Т.е., в результате можно получить виртуальную экскурсию по залу определенной страны.

Музейная экспозиция представляет собой целенаправленную демонстрацию музейных предметов. Музейный предмет представляет собой материальную целостность, наделённую сложной совокупностью неисчерпаемых смыслов, поэтому «может рассматриваться как объект и особого рода субъект педагогического процесса». Специалисты в области музейной педагогики считают, что включение музейного предмета в образовательный процесс значительно расширяет использование активных методов образования и воспитания и позволяет «увидеть в предметах экспозиции широкий историко-культурный аспект». Поскольку модель экскурсии носит виртуальный характер, музейные предметы условны, они представлены на компьютере в фотографиях.

Подготовка виртуальных экспозиций предполагает активное участие обучаемых. Преподаватель вместе со студентами выбирает тему экскурсии, помогает в подборе лексики, в основном, опираясь на изученную лексику, назначает экскурсовода.

Почему надо посещать музеи? Потому что, что информация, полученная непосредственно от подлинных произведений искусства в музее, связана с особым **эмоциональным** восприятием. Эмоциональный отклик формирует «систему мировоззренческих представлений», поддерживает и развивает положительное отношение к стране изучаемого языка, его культуре.

Методика преподавания западных языков

Ерохина А.Б.

Обратная связь «студент–преподаватель»: опыт опроса по итогам курса

Обратная связь является важной составляющей системы регулирования качества образования; установить обратную связь со стороны обучающихся можно с помощью опросов, которые обычно проводятся по окончании учебных курсов. С одной стороны, опрос мнения студентов о содержании дисциплины может помочь преподавателю понять, какие потребности испытывают учащиеся, каким способом можно улучшить тот или иной курс и сделать его более ориентированным на современную аудиторию; в конечном итоге, это – эффективный инструмент профессионального роста преподавателя. С другой стороны, проведение подобных опросов способствует повышению мотивации студентов, которые чувствуют, что их мнение имеет вес в учебном процессе; кроме того, во время прохождения опроса студент вынужден проанализировать содержание курса, что является своеобразной формой повторения пройденного материала.

Приведем ряд рекомендаций по проведению таких опросов. Необходимо: выделить достаточное количество времени (около 20 минут) на его проведение во время занятия; обратить внимание студентов на то, что необходимы конструктивные замечания; что приветствуются как отрицательные, так и положительные отзывы; дать пример наиболее полезной обратной связи; сохранять анонимность ответов студентов до экзамена; включить проведение опроса в программу курса, чтобы студенты могли заранее критически осмыслить его содержание и дать продуманную оценку [Student Evaluations of Teaching 2020].

Для наиболее эффективного сбора мнений используют онлайн-платформы – Google Forms, JotForm, Survey Monkey, Typeform и др. С помощью этих сервисов можно задавать как закрытые вопросы (со шкалой оценки, с несколькими вариантами ответа), так и открытые. Анонимность опроса дает студентам возможность высказать честное мнение по поводу курса.

Автором был проведен опрос студентов второго курса Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова дисциплины «Английский язык» (аспект «Домашнее чтение») в конце осеннего семестра 2019–2020 учебного года на базе сервиса Google Forms. На последнем занятии студентам было предложено ответить на следующие вопросы (на английском языке, далее приводится перевод): Оцените прочитанные Вами рассказы по шкале 1–10; Какой рассказ понравился Вам больше всего/меньше всего? Почему? Соответствовал ли язык прочитанных рассказов Вашему языковому уровню? Есть ли авторы, произведения которых Вы бы хотели видеть в курсе в будущем? Достаточно ли было языковых упражнений по прочитанным рассказам? Как, по Вашему мнению, можно улучшить курс? Что Вам понравилось в этом курсе? По результатам опроса среди прочего было выявлено, что большая часть студентов чувствуют недостаток языковых упражнений на занятиях (Use of English). Предложения студентов по улучшению курса включали проведение дебатов по темам, затронутым в пройденных рассказах, разыгрывание эпизодов из рассказов по ролям, большее количество творческих письменных заданий. Положительный отклик нашли следующие элементы курса: дискуссии о содержании рассказов, их стилистический разбор, просмотр видео – интервью с авторами, короткометражных фильмов, снятых по пройденным рассказам.

Литература

1. Student Evaluations of Teaching. Vanderbilt University Center for Teaching. [Электронный ресурс]. 2020. – URL: <https://cft.vanderbilt.edu/guides-subpages/student-evaluations/> (дата обращения: 27.02.2020).

Фролова И.В.

Грамматические особенности при употреблении гендерной лексики в немецком языке

Политика ЕС в информационной, образовательной, педагогической и др. сферах по созданию так называемого «гендерно справедливого языка» (*gendergerechte Sprache*), исключающего дискриминацию по гендерному признаку, а также по контролю за соблюдением соответствующих предписаний, по всей видимости, показывает свои практические результаты. В немецкоязычных средствах массовой ин-

формации трудно найти хотя бы одно печатное или онлайн-издание, не выполняющее предписания специальных комиссий по контролю за применением в текстах гендерно окрашенных лексических единиц. В обращениях к читательской аудитории, учащимся учебных заведений, а также если речь идет о профессиях, исследовательском, научном сообществах, профессорах, преподавателях, посетителях музеев и выставок, пациентах больниц, врачах и т.д. стал обязательен отказ от общего (неспецифического) мужского рода для множественного числа (*generisches Maskulinum*). Другие гендерные обозначения (*Gendersternchen*, *Binnen I*, *Gender Gap*) также широко применяются по выбору или (нередко) дополнительные пояснения (*Karrieristen – Frauen mitgerechnet*). Также встречаются особые «местоимения», заменяющие неопределенно-личное *man* (*frau*, *man/frau*, *man(n)*), каждое из которых применяется при определенных условиях, для более точного указания половой принадлежности в общем количестве указанных лиц, их гендерной роли в случае, когда авторы не считают традиционное *man* достаточным или подходящим для этого.

В грамматике наблюдаются некоторые особенности:

1. *man(n)* заменяет существительное *der Mann*, но употребляется без артикля и без маркировки существительного (написания с большой буквы). То же можно заметить и в других случаях употребления гендерно окрашенной лексики.

2. *Studierende* вместо *Studentinnen und Studenten*, *Forschende* вместо *Forscherinnen und Forscher*. Там, где это возможно (например, в обращениях) происходит замена двух существительных, обозначающих лиц женского и (отдельно) мужского пола на активное причастие настоящего времени (*Partizip Präsens*), имеющее объединяющее значение множественности. Явление очень частое, при этом не совсем понятна причина – более краткая формулировка или возможность в «гендерно справедливом языке» выразить идею, что объединяющее значение включает не только мужчин и женщин, но и *non-binary* («небинарный гендер»).

3. *mit den Künstler*innen*. При обозначении гендерной звездочкой выпадает показатель числа и падежа (окончание *-n* в D.PL.) для общего множественного числа (*mit den Künstlern*) и остается только для множественного числа феминитива.

4. *die Arbeit der Archäolog*innen*. Выпадает показатель слабого склонения для общего множественного числа (окончание *-en*

в G.PL.) и остается только для существительного женского рода множественного числа. Также *das Werk der Ahn*innen*, *die Ausstellung der Fotograf*innen* (*Männer nicht mitgerechnet*).

5. *die Heiligen, die Geflüchteten*. Субстантивированные прилагательные и причастия имеют во множественном числе объединяющее гендерное значение и не показывают грамматических изменений.

Таким образом, при употреблении гендерной лексики правила регулярной грамматики не являются основным элементом и на первый план выходит задача создания «гибких» формулировок, исключающих дискриминацию по половому и гендерному признаку. Предпочтение же отдается гендерно-амбивалентной лексике и соответствующим обозначениям, даже если это противоречит правилам регулярной грамматики.

Короновская И.В.

Чтение аутентичных текстов на аудиторных интерактивных занятиях

В настоящее время для проведения аудиторных занятий со студентами все чаще используется термин «интерактивное общение», который подразумевает взаимодействие всех участников учебного процесса для выполнения коммуникативных задач по изучению иностранного языка. Важным принципом проведения занятий с использованием методики интерактивного общения является создание благоприятной обстановки на занятии с тем, чтобы все слушатели чувствовали свою успешность и значимость.

Для аудиторного интерактивного занятия продолжительностью два академических часа используются аутентичные статьи на разные темы: экономика, политика, культура, психология. Примерный объем статьи составляет 700 слов, время на прочтение и обсуждение – 60 минут. Оставшееся время – 30 минут – рассчитано на выполнение заданий к тексту в письменной форме.

Необходимо сразу перед началом чтения статьи настроить слушателей на участие в обсуждении заданной темы. Для этого можно прочитать заголовок статьи и предложить слушателям высказать свои предположения о теме данной статьи. Важно обращать внимание на ключевые слова в названии статьи, которые могут указывать

на ту или иную проблему. Преподаватель, в свою очередь, может задать вопросы, относящиеся к теме заголовка и таким образом узнать, случалось ли слушателям сталкиваться с данной проблемой прежде.

Дальнейшее чтение статьи можно проводить в режиме интенсивного чтения, когда один человек читает определенный отрывок вслух, другой слушатель выделяет ключевые слова или фразы, третий – формулирует главную идею прочитанного. Эту цепочку можно продлить, добавив задание на постановку вопросов к данному параграфу. Таким образом, в прочтении одного фрагмента текста участвуют несколько человек, последовательно закрепляя лексико-грамматические моменты прочитанных предложений. После разбора всего текста слушателям предлагается обсудить вопросы, поднятые в статье автором, высказать свою точку зрения по заданной теме, критически оценить возможное решение проблемы.

В качестве контроля знаний проводится коллоквиум по прочитанной статье, позволяющий оценить как интерактивные умения, так и самостоятельную работу слушателей при выполнении письменных заданий.

Литература

1. Интенсивное чтение [электронный ресурс]: статья // BBC British Council Teaching English. Режим доступа <https://www.teachingenglish.org.uk/article/intensive-reading>
2. Уиллис Д., [Willis D.] Изучающее чтение: как научить слушателей извлекать информацию в процессе интенсивного чтения [электронный ресурс]: статья // Дэйв Уиллис // BBC British Council Teaching English. Режим доступа <https://www.teachingenglish.org.uk/article/reading-information-motivating-learners-read-efficiently>

Черменская Н.А.

Чтение научной литературы по специальности на английском языке: практические аспекты преподавания курса

Чтение – это сложный вид речевой деятельности, предполагающий как техническое освоение навыков чтения, так и извлечение из текста необходимой информации.

Чтение научных текстов всегда связано с необходимостью усвоения каких-то новых понятий, это процесс накопления и расширения знаний. Чтение специальной научной литературы обладает некоторыми особенностями (логичность и четкая структурированность научного текста, но и большой объем языкового материала и его специфика (научная лексика, общенаучные и специальные термины, клишированные фразы и пр.), которые, с одной стороны, способствуют облегчению восприятия смысла, а с другой – затрудняют его. Задача преподавателя состоит в том, чтобы научить студентов преодолевать эти трудности, снабдить их своего рода инструментарием.

Существует несколько подходов к чтению научной, научно-публицистической и научно-популярной литературы, которые включают просмотровое, поисковое и изучающее чтение.

Просмотровое, ознакомительное чтение (reading for gist; global reading) ставит своей задачей получить самое общее представление о содержании текста.

Поисковое чтение (skimming & scanning) ставит своей целью поиск нужной информации. Студенты должны быстро находить необходимую информацию в тексте без установки на воспроизведение или запоминание.

Изучающее, аналитическое чтение (close reading) – это углубленное чтение, предполагающее максимально точное освоение содержания текста для его дальнейшего воспроизведения в устной или письменной форме (пересказа, обсуждения и пр.).

Основной целью курса «Чтение научной литературы по специальности на английском языке» является формирование у студентов профессиональной коммуникативной компетенции в области чтения научных текстов.

Достижение этой цели обеспечивается путем решения ряда образовательных задач, направленных на формирование у студентов следующих умений и навыков:

- умения понимать аутентичные научные, научно-популярные, научно-публицистические тексты по специальности «Востоковедение», используя различные стратегии и виды чтения (просмотровый, поисковый, изучающий виды чтения) в зависимости от конкретной коммуникативной задачи;
- умения определять тип научной статьи, стиль текста и разбираться в его логической структуре;

- умения предвосхищать, предугадывать содержание текста, опираясь на собственный опыт и знания, на содержание текста в целом, а не на значение отдельных слов;

- умения выделять в тексте смысловые опорные пункты, основные идеи, значимые слова, фразы, что предполагает деление текста на смысловые части, фильтрацию и сжатие текста без потери основы;

- умения критически осмыслить текст и его интерпретировать;

- умения письменно логично и связно передать основное содержание научной статьи, т.е. составить аннотацию (Abstract), отвечающую на основные вопросы статьи, кратко рассказывающую о ее целях, методах, результатах и выводах.

Занятия по курсу подразумевают несколько этапов:

- этап предварительного обсуждения темы статьи/текста, на котором проявляются базовые знания студентов в данной области;

- этап ознакомительного чтения, который включает в себя предварительный просмотр, анализ структуры текста и прогнозирование его содержания;

- этап углубленного чтения, во время которого студенты подтверждают свои прогнозы, анализируют содержание текста, делают выводы и обобщения, вытекающие из их собственных знаний и информации, содержащейся в тексте;

- этап критического осмысления и обсуждения призван сформировать у студентов навыки критического мышления для более глубокого понимания прочитанного с последующим его обсуждением.

Полунина Т.С.

Некоторые типичные ошибки в устной речи китайских студентов, изучающих английский язык: классификация, анализ и профилактика

Данная статья предназначена для преподавателей английского языка, работающих на младших курсах со студентами из КНР. Статья посвящена классификации, анализу и профилактике ошибок, допускаемых учащимися. Автором подчеркивается важность обучения их фонетике английского языка: как только преподавателем вводится лексический и грамматический материал, первостепенность освое-

ния просодической нормы языка часто отходит на второй план. В работе автором также предоставлена классификация ошибок в устной речи студентов. Целью статьи является предупреждение типичных ошибок в их устной речи, выявление основных причин, исправление и профилактика.

Для объяснения выявленных в речи ошибок сопоставляются две языковые системы – английская и китайская. Обосновывается идея о том, что основной причиной таких ошибок является интерференция. В статье уделено особое внимание задаче преподавателя – оказать практическую помощь в формировании у студентов правильных навыков устной английской речи. На основании анализа произношения учащихся в статье выявлены их наиболее типичные ошибки, а именно, замена звуков, отсутствующих в родном языке, на примере таких слов как really (действительно), rice (рис), love (любовь), которые китайские студенты произносят как *wewe*, *lice*, *lub*. Причиной данной ошибки является тот факт, что в их родном языке не существует звуков *r*, *l*. Стоит также отметить тот факт, что в китайском, в отличие от английского, не существует таких кластеров согласных как *tr*, *dr*, *pl*, *cl*, *fr* и т.д. Для достижения легкости в их произношении учащиеся добавляют в них гласные. Таким образом, вместо слова *dgare* они произносят *dilape*, вместо слова *French* – *Filench*.

Автор подчеркивает, что качественное усвоение фонетических норм иностранного языка неразрывно связано с хорошим усвоением всех его аспектов, а также овладением устной и письменной речью (как при продукции, так и при рецепции). Отклонение от произносительных норм часто ведет к искажению информации и нарушению коммуникации, а также к негативному восприятию говорящего определенным социумом. Трудности в освоении китайскими студентами английского языка, как иностранного, обусловлены, прежде всего, особенностями их родного языка, ведь еще Л.В. Щерба утверждал: «Мы должны признать раз и навсегда, что родной язык учащихся участвует в наших уроках иностранного языка, как бы мы не хотели его изгнать. И поэтому мы должны из врага превратить его в друга» [5]. Эти «естественные» трудности возможно преодолеть лишь путем реализации принципа синтезированного обучения строю языка на всех его уровнях, в первую очередь, на фонетическом, а также лексическом, словообразовательном, морфологическом и синтаксическом.

Литература

1. *Вайнрайх У.* Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования. Б.: «Текст», 2000 – 264с.
2. *Веренинова Ж. Б.* Типичные ошибки студентов в произношении английских звуков и методика их исправления – М.: МГЛУ, 2003. С. 199–205.
3. *Казюлина К. С.* Формирование фонетических навыков учащихся на начальном этапе обучения. – 2007. <http://festival.1september.ru>
4. *Мотина Е.И.* Избранные труды. – М., 2005.
5. *Щерба Л. В.* Языковая система и речевая деятельность. Ленинград, 1974.
6. *Crystal, D.* A dictionary of linguistics and phonetics. Oxford: Blackwell Publishing, 2003. 529 p.
7. *Paulette Dale, Lillian Poms.* English pronunciation for international students, 2000.

Омельченко И.Г.

Креативное письмо как средство развития коммуникативной компетенции

Статья посвящена вопросам формирования иноязычной коммуникативной компетенции студентов в области творческого письма.

В настоящее время в условиях интенсивного развития международного сотрудничества, которое также имеет место в сфере образования, выпускники российских вузов имеют большие возможности, как стажировки, так и работы за рубежом. Они также могут заниматься научными исследованиями по специальности с использованием иноязычных материалов. Таким образом, современным специалистам необходимо владеть как устными, так и письменными формами иноязычного общения.

В своей статье Л.Г. Кузьмина дает определение уровня владения иноязычной письменной речью и ее соответствия параметрам и требованиям, необходимым для реализации эффективной коммуникации на письме [Кузьмина 1999, 57].

Е.Н. Соловова в своей работе говорит о различных подходах к изучению письменной речи, а также о роли преподавателя в этом процессе [Соловова 2005, 61]. Изучение данных работ помогает понять, насколько значительный обучающий потенциал имеют задания, использующие технологию креативного письма.

Целью статьи является исследование различных технологических подходов к обучению письменной речи, определение ряда преимуществ

творческого письма для студентов, а также роли преподавателя в данном процессе.

Для того, чтобы мотивировать обучающихся и доставить им радость творчества, можно воспользоваться потенциалом креативного письма. Преподаватель также должен осознавать, на чем он акцентирует внимание: на обучении процессу письма или на продукте письма. В любом случае он должен хотеть сформировать привычку письма (to build a writing habit) [Jeremy Hammer 2007, 112].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что технология креативного письма может использоваться на любом этапе обучения и помогает развитию языка на всех уровнях: грамматике, лексике, фонологии и дискурсе. Кроме того, в креативном письме реализуется коммуникативный потенциал иноязычной письменной речи. Приобретенные навыки и умения в осуществлении креативной письменной речевой деятельности могут быть перенесены учащимися на осуществление иноязычной речевой деятельности не только в устной, но и в письменной форме, а также, у учащихся повышается мотивация к выполнению творческих письменных работ на иностранном языке.

Литература

1. *Кузьмина Л.Г.* Критерии оценки уровня формирования умений письменной иноязычной речи. – М. «Еврошкола». 2007.
2. *Соловова Е.Н.* Методика обучения иностранным языкам. Базовый курс лекций. – М. Просвещение. 2005.
3. *Hammer J.* How to Teach Writing. 2007

Макаева С.М.

Современная жизнь русских заимствований в английском языке

Английский язык – несомненный лидер в области влияния на другие языки, но и сам он подчиняется тем же законам языкового развития, принимая в себя иностранные слова, связанные с политикой, культурой, историей и т.д. В англоязычных новостных текстах можно встретить немало заимствований из русского языка, употребляемых уже без кавычек, превратившихся просто в удобные и выразительные синонимы.

Например, слово **‘glasnost’** уже явно живет самостоятельной жизнью, появляясь в текстах и заголовках, никак не связанных с российскими реалиями, и даже образует каламбуры – например, в заголовке *«Glasnost in Glastonbury»* [Mark Devenport, 2010].

Слово **‘samovar’** в статье *«Turkey election: Expats play decisive role in Erdogan vote»* [Jenny Hill, 2018] было употреблено как принадлежность уже турецкой культуры: *‘... election talk flows as freely as the tea from the Turkish samovar steaming in the corner.’* Видимо, яркое слово **‘samovar’** употребляется уже для обозначения любой *‘a hot water urn’*.

Слово **‘perestroyka’** иногда употребляется в статьях британских СМИ уже в приложении к современным западным проблемам: *«It is now sure that Barak Obama is not a perestroyka man, however he seemed so promising.»* [The Economist, 2012]

‘Pogrom’, прежде связанное с еврейским геноцидом в XX веке, теперь употребляется при описании проявлений национализма уже по отношению к представителям совсем других национальностей и религий: *«Going along with a pogrom: Aung San Suu Kyi and her foreign admirers must help the rohinyas»* [The Economist, 2017] – о связанных с мусульманами беспорядках в Бирме.

‘Troika’ (т.е. комиссия из трех участников) – это слово, в русском языке имеющее четкую ассоциацию с реалиями Советского Союза. Но в статье *«Greece’s troubles – the Troika is back»* [The Economist, 2014] под словом **‘troika’** подразумеваются Еврокомиссия, Международный Валютный Фонд и Европейский Центральный Банк: *«Hours later tight-lipped representatives of the troika – the European Commission, IMF and European Central Bank (ECB) – head back to their hotel while ministry officials spin their version of the talks ...»*.

Слово **‘gulag’** уже не аббревиатура, а просто существительное, которое пишется со строчной буквы и нередко обозначает вообще любой лагерь заключения и содержания: *«Many of the other rot in a gulag, enduring compulsory “re-education” in how to think and speak like the richer lot.»* [The Economist, 2020] – о притеснении уйгурских мусульман.

‘Intelligentsia’ тоже распространяется уже не только на российскую интеллигенцию. Например, в статье о современной поэзии: *«These copies are widely circulated among their fans and have become a must-read among Vietnam’s intelligentsia.»* [Nga Pham, 2004].

Таким образом, слова, связанные с таинственными реалиями российской жизни, не только не редки в английском языке, но и уже занимают в нем свое, законное место.

Литература

1. Dismantling China’s Muslim gulag in Xinjiang is not enough // The Economist. 2020. URL: <https://www.economist.com/leaders/2020/01/09/dismantling-chinas-muslim-gulag-in-xinjiang-is-not-enough> (дата обращения: 22.02.2020)
2. Jenny Hill. Turkey election: Expats play decisive role in Erdogan vote // BBC News. 2018. URL: <https://www.bbc.com/news/world-europe-44546035> (дата обращения: 15.01.2020)
3. The threat from Russia // The Economist. 2016. URL: <https://www.economist.com/leaders/2016/10/22/the-threat-from-russia> (дата обращения: 09.02.2020)

Клюкина Е.В.

Намеренное и непреднамеренное изучение лексики

Изучение любого иностранного языка в огромной степени зависит от усвоения лексики. Она важна на всех этапах обучения, т.к. именно обширный словарный запас позволяет достичь беглости языка, которая и отличает носителей от неносителей.

Непреднамеренное усвоение вокабуляра (incidental vocabulary learning) относится к процессу, во время которого учащиеся концентрируются на понимании смысла прочитанного или услышанного текста, а не заучивании новых слов, и усваивают новый вокабуляр как побочный продукт [Hulstijn, 2013, стр. 2633]. Соответственно, намеренное изучение вокабуляра (intentional vocabulary learning) относится к любой деятельности, нацеленной на запоминание лексической информации. Согласно Айзенку [1982], эти виды усвоения лексики можно разграничить по наличию заранее данных инструкций, которые предупреждают учащихся или нет о проведении дальнейшей проверки запоминания.

Отношение к намеренному и непреднамеренному усвоению лексики менялось радикально за последние 40–50 лет. В 70-х и 80-х годах 20-го века в период расцвета коммуникативного подхода главенствовали идеи овладения лексикой из контекста, т.н. «натуралистическое

усвоение». Идея непреднамеренного усвоения лексики представлялась очень заманчивой, она предполагала, что лексика иностранного языка позаботится о себе сама без значительного педагогического вмешательства, так же, как это происходит в родном языке. Однако, как показали эксперименты, если учащиеся не уделяют лексической единице внимания специально, вероятность запоминания незнакомого слова после однократной встречи в контексте ничтожно мала. В настоящее время превалирует мнение, что слова запоминаются быстрее и более эффективно при намеренном изучении.

Изменилось мнение и по отношению к экстенсивному чтению как источнику лексики. Если в 70-80-х считалось, что после первой тысячи слов остальные запомнятся сами в результате экстенсивного чтения, то сейчас исследователи придерживаются мнения, что этот процесс медленный, непредсказуемый и подвержен ошибкам, а запоминание слов зависит от глубины их переработки (processing). Хульстин и соавторы предложили теорию вовлеченности, которая включает мотивационный, когнитивный и оценочный компонент. Запоминание ранее незнакомых слов определяется степенью вовлеченности. Проработка слова в разных контекстах создает и усиливает его связи с другими словами в лексиконе, облегчая вспоминание. Забывание объясняется недостаточно частым использованием информации, неважно, запомнилась ли она намеренно или случайно [Hulstijn, 2013, стр. 3].

Тем не менее, если обращать внимание студентов на побочный вокабуляр систематически, повышается осознание ими сочетаемости языка, того, как работает язык. Как пишет С. Торнбери [Thornbury, 2002, стр. 3348], если лексическая единица встречается случайно, это не значит, что ее нельзя исследовать. Источниками побочного вокабуляра могут быть: преподаватель; другие студенты; чтение ради удовольствия или ради информации. Торнбери приводит примеры разных видов деятельности в аудитории, помогающих обращать внимание студентов на случайно возникающую лексику.

Побочное изучение вокабуляра обеспечивает повторяемость лексики, которая была частично усвоена путем эксплицитного запоминания (т.н. «гесуслинг»). Желательно дополнять случайное усвоение лексики заданиями, которые будут способствовать более глубокому осмыслению лексических единиц, и тогда оба вида успешно дополнят друг друга, способствуя более полному усвоению лексики.

Литература

1. *Eysenck, M.* Incidental learning and orienting tasks. In C. Puff (ed.), *Handbook of research methods in human memory and cognition*. 1982, pp. 197–228. New York: Academic Press.
2. *Hulstijn, J. H.* Incidental learning in second language acquisition. In C. A. Chapelle (Ed.), *The encyclopedia of applied linguistics*. Vol. 5, pp. 2632–2640. 2013. Chichester: Wiley-Blackwell.
3. *Thornbury S.* How to teach vocabulary. 2002. Pearson Education.

Шихзаманова Л.Э.

Прикладное значение практического коммуникативного курса «Ментальность и культура общения англичан»

Английский язык уже давно является языком международного общения, позволяющим представителям разных национальностей понимать друг друга. Однако у этого явления есть и обратная сторона: сегодня мы часто видим, что английский язык изучается без учёта его принадлежности определённому множеству людей, являющемуся носителем не только языка, но и определенной культуры, ментальности, образа жизни. К примеру, между американским и британским стандартами существует огромная разница не только в плане лексики и грамматики, но и в области коммуникации эти две культуры можно бесконечно противопоставлять друг другу. Соответственно, и общение строится в данных странах по-разному, хотя формально их народы говорят на одном – английском – языке. Таким образом, становится актуальным изучение английского языка с учётом национальных особенностей его носителей.

Практический коммуникативный курс «Ментальность и культура общения англичан» помогает студентам детально и подробно рассмотреть особенности вербального взаимодействия и общепринятые правила поведения, которые помогут обеспечить эффективную коммуникацию с носителями языка как по деловым вопросам, так и в бытовых ситуациях. В отдельные уроки (юниты) вынесены такие темы, как английский ‘small talk’ и умение вести светскую беседу; английское чувство юмора и его разновидности; культура общения на работе и некоторые нюансы ведения бизнеса; особенности общения, приёма пищи и обустройства дома у представителей разных

социальных классов; культура общения в общественном транспорте и на дороге; правила этикета при использовании мобильных телефонов и т.д.

Американский подход, – в значительной степени отличающийся от английского, – в ряде рассматриваемых тем даётся в качестве дополнительного комментария или путём сравнения двух культур. Курс также предусматривает бонусный урок по особенностям коммуникации и культуры австралийцев.

Курс построен с учётом новейших методик коммуникативного подхода, способствует развитию четырёх основных компетенций (чтения, аудирования, говорения и письма) и расширению словарного запаса учащихся. Для наглядности на каждом уроке используется обширный видеоматериал и большое количество английских источников; кроме того, в ходе курса студентам предлагается комплекс заданий на тренировку памяти, что также будет полезно в освоении любого другого иностранного языка. Данный курс на примере англичан даёт студентам инструменты к анализу менталитета и особенностей коммуникации народов стран изучаемого ими восточного языка. Ряд заданий предусматривает обсуждение и сравнительный анализ аспектов культуры и коммуникации англичан и восточных народов. Также в план курса включена подготовка презентаций на рассматриваемые темы по странам и регионам, изучаемым студентами.

Необходимо подходить к изучению языка глобально и концентрироваться не только на накоплении словарного запаса и умении грамотно использовать грамматические конструкции, но также ориентироваться в вопросах уместности того или иного способа выражения мысли, разбираться в этическом аспекте культуры речи.

Халютин М.Е.

SQ3R – эффективная стратегия чтения академической литературы

Исследования в области когнитивной психологии стали основой для разработки ряда стратегий чтения, которые ставили своей целью преодоление проблем, связанных с чтением больших объёмов литературы. Стратегия, получившая название SQ3R была разработана профессором психологии Ф. Робинсоном для обучения сту-

дентов военных специальностей. [Robinson F.P., 1946, pp. 14–41]. Впоследствии эти стратегии стали широко применяться в академической среде. SQ3R – это акроним, используемый для названия пятиступенчатой методики, состоящей из *Survey, Question, Read, Recite, Review*.

Ричардс и Шмидт [Richards J.C, Schmidt R., 2010, p. 506] определяют стратегию, как «рекомендованную для чтения академической литературы, которая наилучшим образом способствует пониманию и запоминанию прочитанного».

Так, одним из полезных навыков при отборе академической литературы для исследования является тщательный обзор источников – *Surveying*, при котором требуется обратить внимание на все выходные данные, заголовки, подзаголовки, части текста, написанные курсивом и жирным шрифтом, вступление и заключение, иллюстрации, графики и карты. Именно эти просмотревые действия перечисляются в определении первой ступени стратегии [Lolino A., 2014, p. 22].

Далее следует ступень, формирующая полезный навык постановки вопросов – *Questioning*. Вопросы, сформулированные по итогам просмотра, должны найти ответы во время стадии чтения. Отвечая на них, исследователю станет понятно, каким образом выбранный источник удовлетворят его целям.

Первое ‘R’ в формуле стратегии – *Reading* – определяет суть этого действия. На этапе чтения предполагается найти ответы на поставленные вопросы. Для выполнения этой части стратегии можно применять различные виды чтения. Начиная с чтения первых предложений в параграфах или первых и последних предложений, или первых и последних параграфов в каждой главе статьи и заканчивая чтением всей статьи полностью.

После прочтения статьи с применение одной из методик исследователю рекомендуется восстановить в памяти то, что запомнилось после прочтения статьи. Нужно воспроизвести суть важных концепций в форме устного или письменного изложения. Эта часть стратегии соответствует второму ‘R’ – *Recite*. В обучении академическим навыкам письма и чтения место этого навыка трудно переоценить, т.к. именно на этой ступени происходит приобретение микро-компетенций перефразирования, обобщения, реферирования, цитирования первоисточников.

Заключительная ступень стратегии – Reviewing – предназначена для сравнения своего изложения с оригиналом. На этом шаге нужно объективно оценить свою интерпретацию статьи и произвести коррективы в случае искажений или неточностей, а также вставить ключевые термины.

Опыт применения ступеней стратегии и сопутствующих каждой из них навыков показывает, что это действенный и эффективный метод, которому следует обучать не только студентов университетов, но и учащихся других образовательных учреждений. Все ступени вместе представляют собой руководство к тому, как читать академическую литературу и извлекать максимальное количество информации из прочитанного.

Литература

1. *Lolino A.* Reading for Academic Purposes: Techniques and Strategies to help Angolan ELT Students at ISCED-Benguela enhance their Reading Skills. NOVA University, 2014. – 128p.
2. *Richards J.C., Schmidt R.* Dictionary of Language Teaching and Applied Linguistics. 3rd Edition. – Essex: Longman, 2010. – 644p.
3. *Robinson F.P.* Effective Study. – New York & London: Harper and Brothers Publishers, 1946. – 272 p.

Зиза М.В.

Видеохостинг Ted Talks как эффективная информационно-коммуникационная технология для обучения английскому языку студентов с разным уровнем владения

Среди разнообразных языковых обучающих веб-приложений, которые активно используются учащимися для овладения языком, особая роль принадлежит интернет-ресурсу Ted Talks. Это обширная интернет-платформа, содержит в своей коллекции видеоконференции, подкасты, книги, учебные издания, блоги, организованные по тематическим группам и интересам участников и слушателей. Разнообразие и актуальность тем, имеющих в собрании видеохостинга (TED – акроним Technology Entertainment Design) дает возможность преподавателям создавать учебно-методический материал нового поколения, который отвечает потребностям, как студентов, так и преподавателей.

Возможности использования видео-лекций с сайта Ted.com, в качестве дополнительного материала на занятиях по английскому языку многоплановы, и приносят большую практическую пользу.

Большим преимуществом подобных лекций является тот факт, что выступающие говорят практически на все актуальные темы сегодняшнего дня: искусство, наука, правовые отношения, религия, новые технологии, охрана окружающей среды, мировые проблемы. Девизом подкаста является лозунг «Ideas worth spreading» («Идеи, которые стоит распространять»). Разнообразие тем предполагает и использование языка различных стилей: делового, академического, научного, публицистического, разговорного (но никогда просторечного). Необходимо отметить содержательность текста, интересные речевые обороты и общее хорошее владение языком (даже не у носителей).

Немаловажным положительным фактором является аутентичность материала лекций. Выступающие говорят на различных вариантах английского языка, с разнообразными акцентами, используют различный темп речи, интонацию, вставляют определенные шуточные слова, междометия, характерные жесты и т.д.

Длительность лекций варьируется от (в среднем) пяти до восемнадцати минут, что делает возможным подобрать ту, которая подойдет под уровень знания и восприятия учащихся. На начальных уровнях следует выбирать лекции с более коротким промежутком звучания, т.к. аутентичная речь представляется сложной для понимания.

Сочетание видеоряда (выступление-речь иногда подкрепляется у лекторов интересными слайдами, графиками, интервью, диаграммами, опытами) с аутентичным языком дает возможность составлять и отрабатывать разнообразные упражнения. К таким упражнениям можно отнести следующие: услышать и воспроизвести английские эквиваленты русским словам и словосочетаниям; записать или запомнить контекст, в котором они употреблялись; услышать и воспроизвести, фразовые глаголы, средства выражения недовольства или поощрения, сомнения, эмпатии; описать график, выключив звук речи лектора; воспроизвести статистические данные и многие другие.

Такие виды работы (при общем интересе к теме) вызывают сильный стимул и мотивацию к переработке информации и качественно-му выполнению задания. Постепенно реализуется задача по овладению коммуникативными способностями носителей английского языка. Проведенные исследования [Tikhonova E, Golechkova T (2016)]

показывают, что 95% респондентов осознают, что аутентичные тексты лучше способствуют развитию у них языковых навыков, а 83% хотели бы продолжить работу с такими текстами.

Необходимо отметить и тот факт, что видеоконференции TedTalks являются отличным примером при обучении публичным выступлениям и презентациям. Выступающие показывают, как структурировать текст выступления (вступительные и заключительные слова), какие языковые средства используются для выделения главных моментов проблемы, с какой интонацией произносить риторические вопросы, шутки и т.д.

Литература

1. *Tikhonova Elena, Golechkova Tatiana*, 2016/11/01, https://www.researchgate.net/publication/311363980_esp_students'_take_on_authentic_and_adapted_texts (дата обращения 11.02.2020)

Топчиева Т.С.

Внеклассное чтение в формате мультимедийного практикума (на материале французского языка)

Современный образовательный контекст характеризуется переходом от традиционной методики к обучению с применением информационных технологий, интернет ресурсов, что обуславливает актуальность создания и использования эффективных учебных продуктов и их интеграции в обучение. Мультимедиа ресурсы, интегрированные в содержание учебных материалов, способствуют установлению межпредметных связей, автономии, раскрытию личностных качеств, стимулируют мышление и творчество, повышая тем самым эффективность обучения.

Модель практикума «Aimer lire (Любить читать)» представляет собой комплекс обучающих материалов в электронном формате, предназначенного для студентов гуманитарного профиля, изучающих французский язык в качестве первого и второго иностранного. Практикум ориентирован на уровни A2, B1 Единой европейской классификации стандартов преподавания иностранных языков.

Среди прочих источников информации ведущим является письменный текст на бумажном и электронном носителях. Конечной

целью практикума является привитие вкуса к чтению на французском языке, усиление внутренней мотивации при работе с текстами, приобщение к ценностям французской культуры в процессе работы с мультимедиа ресурсами. Чтение рассматривается, с одной стороны, как средство овладения иноязычными средствами и как самостоятельный вид речевой деятельности, как опора развития говорения, аудирования, письменного выражения мыслей, с другой. Мультимедиа контент пособия включает корпус разножанровых текстов современных французских авторов и аудио-, видео- интернет ресурсов.

Практикум состоит из 4-х автономных частей, ориентированных на достижение самостоятельной методической задачи. Важной характеристикой практикума является интерактивность, взаимодействие пользователя с предлагаемым контентом. Это обеспечивается большой вариативностью предтекстовых и послетекстовых заданий к упражнениям.

Пособие может использоваться в группах с разным уровнем языковой подготовки, для оптимизации индивидуальной и самостоятельной работы как в аудитории, так и дома. Наличие большого количества разножанровых текстов, интегрирование мультимедийных интернет-ресурсов, свободная от линейности внутренняя структура предоставляют преподавателю возможность педагогического маневра и творческих находок.

Павловская О.А.

Учебные пособия по английскому и французскому языкам: компаративный анализ в рамках коммуникативного подхода к обучению

Формирование коммуникативной компетенции является одной из основополагающих задач современного обучения иностранному языку. Под этой компетенцией понимается способность человека осуществлять общение во всех сферах жизни: бытовой, учебной, трудовой, профессиональной, досуговой и др. Осуществляя интегративную цель образования, коммуникативный подход приводит к формированию навыков успешной социальной адаптации и способности к самообразованию, в результате чего формируется новый тип личности (языковая личность), умеющая представлять собствен-

ную культуру в процессе межкультурного и межличностного общения, способная толерантно относиться к культурам других народов.

Поскольку традиционные методы обучения и сами учебные пособия, которые главным образом акцентируют внимание на грамматике, письме, чтении и механическом запоминании языковых структур, не полностью удовлетворяют потребностям современного ученика, то возникает необходимость обращаться к новым методикам и учебникам. Расширяя требования, которые выдвигаются к современным учебникам, важно руководствоваться следующими принципами (основные сформулированы И.Л. Бим):

Принцип гуманитаризации (главная цель образования – воспитание полноценной личности, развитие умений, способностей, укрепление ценностей);

Принцип научности (учебный материал должен быть глубоко методически обоснован);

Принцип культуросообразности (изучение разнообразных связей между объектами в реальном мире, формирование объективной картины мира в ее связи с родной культурой и с культурой изучаемого языка);

Принцип наглядности (диаграммы, графики, фото, рисунки, аудио и видеоматериал, аутентичные тексты, структурированная и понятная система учебника);

Принцип инструментальности (создание специальных методических механизмов для усвоения материала, ориентация на разный уровень учащихся);

Принцип интерактивности (активное использование информационных технологий за рамками уроками, индивидуальная работа).

Издательские дома Macmillan, Pearson, Oxford, Cambridge (английский язык ESL) и Hachette, Cle International (французский язык) имеют столетнюю историю и опыт в создании учебных пособий, жесткая конкуренция стимулирует развитие новых методических приемов. Но главным остается то, что пособия этих издательств полностью отвечают вышеуказанным принципам. Ставя своей целью воспитать всесторонне развитую личность с необходимыми языковыми компетенциями, учебные пособия для изучения французского и английского языков, однако, значительно отличаются в некоторых аспектах. Во-первых, выбор сквозных тем во многом отражает те проблемы в обществе, которые наиболее актуальны для англо- или франкоязычного мира, тем самым авторы пособий формируют у уча-

щегося новую картину мира, которая позволяет более адаптивно ориентироваться в реальности. Во-вторых, французские пособия более нацелены на самоконтроль и самооценивание на каждом этапе прохождения материала. Также французские авторы, наследники-последователи французского философского течения картезианства, следуя его главным ценностям научности, системности, многоуровневости, логичности, математичности, скептицизма, создают методически более сложные приемы.

Тем не менее, и те, и другие пособия могут послужить прекрасным «учебником» современного общества и вызовов, которые оно решает.

Кононова Т.Л.

Опыт чтения «Дон Кихота» Сервантеса на занятиях испанского языка со студентами-востоковедами

Испанский язык часто называют «языком Сервантеса». Действительно, значение «Дон Кихота» для испанской культуры огромно. Однако в практическом преподавании испанского языка сам роман, написанный в начале XVII века, не используется. Чаще предлагается работать с адаптированными версиями, доступными с уровня А1.

В рамках наших занятий была осуществлена попытка познакомиться учащихся (уровень С1) с оригинальным текстом. Это решение мотивировано тем, что:

1. На том же, несколько архаичном, языке написаны и многие другие произведения Золотого Века испанской литературы. Приобретенные навыки и психологическая подготовка должны позволить студентам не ограничивать себя в будущем только современными текстами.

2. Читая роман в адаптированной версии, читатель лишается части значимой информации. Речь персонажей стилистически неоднородна. Так, например, у самого дона Кихота она зачастую более архаична (как у персонажа прошлой эпохи) и при этом меняется в зависимости от степени погруженности в рыцарский образ [Flores 1996: 62–63].

Для работы было выбрано критическое издание Института Сервантеса [Cervantes 1998], снабжённое подробным комментарием и доступное в интернете.

Сложности при чтении оригинального текста обусловлены несовременностью лексики и отличиями языка на всех уровнях. Их подробный обзор можно найти в [Gutiérrez Cuadrado 1998]. Основные явления включают:

1. Нестабильность безударных (*escrebir/ escribir, monesterio/ monasterio*) и ударных гласных (*mesmo/ mismo*);
2. Сохранение архаичной конечной *-e* (*Cide/Cid, interese/interés*);
3. Вариативность написания консонантных групп (*digno/dino, solemne/solene*);
4. Архаичные местоимения: *aqueste (este)* и слитные формы: *dello (de+ello), deste (de+este)*;
5. Сохранение этимологической *F* вместо *H*: *fermosura/hermosura, facer/hacer*;
6. Нестандартное использование родов, артиклей, форм прилагательных и причастий: *la amor, rompido (roto)*;
7. Возможность постпозиции приглагольных местоимений: *dijole (le dijo), tuvose (se tuvo)*;
8. Использование местоимения *vos* и обращения *vuestra merced*.

Для знакомства учащихся с этими архаичными явлениями были разработаны специальные подготовительные материалы. За основу были взяты современные, но стилизованные под старину песни (*Rap de Mío Cid*) и комиксы *Don Viriato*, созданные карикатуристом Jan. Работая с ними, студенты должны были индуктивно «вывести» правила грамматики и орфографии, а также познакомиться с тематической лексикой (рыцарство). Как вспомогательный инструмент был составлен мини-словарь сложных для понимания слов.

После чтения текста (главы 1 и 4) для проверки понимания студентам было предложено сравнить сюжет с комиксом, созданным по мотивам некоторых эпизодов.

В ходе доклада будут продемонстрированы использовавшиеся материалы и более подробно будет рассказано об опыте работы с ними, который в целом можно считать успешным.

Литература

1. *Cervantes, Miguel de. Don Quijote de la Mancha. Ed. de Instituto Cervantes dir. por Francisco Rico. Centro virtual de Instituto Cervantes, 1998. URL: <https://cvc.cervantes.es/literatura/clasicos/quijote/default.htm>*
2. *Flores, R. M. Estructura estilística en el Quijote. // Cervantes – 1996. – 16.2 – pp. 47–70.*

3. *Gutiérrez Cuadrado, J. La lengua del Quijote: rasgos generales. // Introducción. Cervantes, Miguel de. Don Quijote de la Mancha. Ed. de Instituto Cervantes dir. por Francisco Rico. Centro virtual de Instituto Cervantes, 1998. URL: <https://cvc.cervantes.es/literatura/clasicos/quijote/introduccion/apendice/gutierrez.htm>*

Иванова О.А.

Об опыте использования художественных фильмов при обучении немецкому языку

На кафедре западноевропейских языков ИСАА МГУ ведется работа по внедрению наиболее эффективных методик обучения иностранному языку. При этом учитываются новейшие разработки в этой области, а именно: узуальная теория усвоения языка, эмерджентная теория развития речи, динамический подход к изучению языка [Воронцова, Журавлева, 2017], методические рекомендации психолингвистов, проводится анализ работы, опрос студентов, разрабатываются задания разного типа, направленные на совершенствование коммуникативных компетенций. Одним из аспектов обучения немецкому языку является работа с нем. худ. фильмами. Анализ работ показывает, что аутентичный видеофильм создает иноязычную среду с естественным темпом речи, шумовыми и световыми эффектами, в результате чего совершенствуется сам навык аудирования. Анализ поведения персонажей фильма или его фрагмента, в том числе речевого, в различных ситуациях, задания, выполняемые до, в ходе и после просмотра, формируют ассоциативные связи между лексикой и адекватным речевым поведением, вызывают эмоции, способствующие лучшему запоминанию употребляемых выражений, интонаций, произношения.

Особая роль при подготовке материалов принадлежит критериям отбора фильмов: немецкие режиссеры, актеры, совместное производство западных и восточных киностудий, темы, затрагивающие межкультурное общение представителей восточных и западных культур в разные исторические периоды, наличие номинации выбранного фильма на лучшую режиссуру, сценарий, актерский состав. Строгий подход к выбору фильма объясняется ответственностью, стоящей перед преподавателем по формированию не только указанных компетенций, но и совершенствование критического мышления, способности оценить уровень современного кинематографа

[Т. Krüger, Н. Walter, 2002]. Тематика выбранного фильма соответствует восточному языку студентов.

Студентам демонстрируется фрагмент фильма и задания к нему. Отрывок заканчивается, эпизод обсуждается с лексической, грамматической, культурологической точки зрения. После обсуждения фрагмент демонстрируется второй раз для закрепления отрабатываемых моментов. Далее студентам предлагается посмотреть фильм самостоятельно до конца. Для более эффективного понимания предлагаются подготовительные задания перед просмотром: о режиссере, его мире и стремлениях, выбранном историческом периоде, литературной версии (если есть), некоторых актерах. После просмотра проводится семинарское занятие с обсуждением заданий. В зависимости от уровня подготовленности группы и ее мотивированности задания варьируются. Опыт показывает, что наличие в одной группе студентов, изучающих разные восточные языки, не является проблемой, поскольку обмен информацией по фильму, отражающей разные восточные культуры, также вызывает интерес и оживленные дискуссии. Поскольку обсуждение увиденного по интересующей культуре повышает интерес студентов, оживляет занятие новым видом деятельности, а возможность повторного просмотра, повторение лексического материала в ходе обсуждения и яркая эмоциональная реакция способствуют лучшему запоминанию, считаем данный подход заслуживающим внимания и целесообразным для дальнейшей разработки.

Литература

1. *Воронцова М.В., Журавлева А.М.* Использование фильмов в преподавании иностранных языков: когнитивные аргументы // *Litera*. – 2017. – №1. – с. 11–17.
2. *T. Krüger, H. Walter Medienmündigkeit.* Film-Heft von Klaus Dieter Felsman. – Institut für Kino und Filmkultur (IFK). – Köln, 2002. – 20 S.

Тарбеева Н.М.

Опыт использования аудиокниги на занятиях по французскому языку

В условиях изучения иностранного языка вне среды его функционирования основные силы преподавателя на уроках иностранного

языка направлены воссоздание аутентичной языковой среды, в которой учащийся мог бы развивать и совершенствовать свои навыки. В этой связи наиболее целесообразным является использование оригинальных языковых материалов.

Зачастую в «искусственной» языковой среде упор по умолчанию делается на понимании письменных текстов, так как письменный материал является наиболее доступным для студента и преподавателя. Как правило, выработка навыка аудирования происходит только во время занятия, поэтому начинающий студент имеет мало возможностей привыкнуть к звучащей речи и, следовательно, научиться понимать ее на слух и, в конечном итоге, поддержать беседу.

Использование аудиокниг на занятиях по домашнему чтению является дополнительным оригинальным языковым материалом, способствующим развитию навыка понимания устной речи и облегчающим переход студента к говорению.

Критериями выбора аудиокниги является: доступное пониманию учащихся произношение диктора, лексически и грамматически доступный пониманию текст, захватывающий сюжет, вызывающий желание узнать продолжение.

На начальном этапе изучения иностранного языка студенту необходимо научиться на слух распознавать то, что уже было им изучено. В силу особенностей франкоязычной речи данная задача сама по себе является непростой, поэтому преподаватель должен облегчить понимание текста, устранив все лексические трудности и составив вопросы по тексту, чтобы направлять учащихся во время прослушивания. После обсуждения услышанного, студентам предлагается текст прослушанного отрывка с целью устранения оставшихся трудностей.

Благодаря использованию аудиокниги, учащиеся лучше усваивают устную речь в целом, и произношение слов и словосочетаний, в частности, так как их внимание обращено на звуковой образ слов, а не на буквенный. Кроме того, усвоение аудиоматериала облегчает выход на обсуждение, так как учащийся оперирует словами и фразами, звуковой облик которых уже был им усвоен при прослушивании. В целом, аудиокнига является ценным дополнением традиционной книги, так как позволяет не только усваивать письменный текст и вести беседу по затронутым в нем темам, но и на достаточно простом материале отрабатывать навык понимания устного текста, который является ключевым для общения на изучаемом языке.

Шихзаманова Т.Н.

Интегративный подход к преподаванию английского языка на примере разработки «Познавая Москву»

Сегодня одним из самых значительных инновационных явлений в образовании является интеграция. Как справедливо отмечает В.Ф. Тенищева, 'интеграция обеспечивает движение педагогической системы к её большей целостности и, как результат, приводит к повышению уровня образовательного процесса, что выражается в формировании необходимых компетенций / компетентности обучающихся' [3, с.69].

Согласно И.А. Зимней и Е.В. Земцовой, интегративный подход – это 'целостное представление совокупности объектов, явлений, процессов, объединяемых общностью как минимум одной из характеристик, в результате чего создаётся его новое качество' [2, с.14–19].

Практика обучения лишь одному предмету, изолированно от всех других, уходит в прошлое.

Интегративный подход позволяет более эффективно готовить студентов к профессиональной деятельности, одновременно развивая у них целостное мировоззрение. Он обеспечивается не только интегрированием дисциплин, но и слиянием методов, форм и организации учебного процесса.

Особую роль играет интеграция родной культуры в процесс обучения иностранным языкам. По словам О.В. Борщёвой, 'интеграция национальной культуры учащихся в процесс обучения иностранным языкам способствует расширению их кругозора, гибкости мышления, формированию нравственных ценностей, патриотических чувств и толерантности' [1, с.71].

Разработка 'Познавая Москву' создана на основе принципов интегративного подхода, который предполагает использование разноплановых творческих заданий, проектов, ролевых игр и т.д., а также использование информационных технологий, таких как слайд-презентации, веб-квесты, блоги, видео материалы и пр. Целью является создание ситуаций, максимально приближенных к реальным условиям использования иностранного языка.

В рамках формирования социокультурной компетенции были разработаны задания на парное и групповое обсуждение на английском языке проблем культуроведческой направленности, модели-

рование ситуаций повседневной жизни, организация ролевых игр, в которых студенты могут выстраивать коммуникацию на основе определённой социальной роли. Например, учащиеся выступают в роли гидов, работающих с группами англоязычных туристов. Студенты учатся составлять туристический маршрут по Москве, включающий виды транспорта, время в пути, а главное – список достопримечательностей и умение рассказать о каждой из них. Таким образом, студенты моделируют ситуации общения с иностранными туристами на английском языке на основе полученных знаний культуроведческого характера с использованием аутентичных материалов.

Литература

1. Борщёва О.В. Интеграция национальной культуры в процессе обучения иностранному языку в неязыковом вузе // *Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Сер. Педагогика и психология*. – 2010. – № 4. – С. 69–73.
2. Зимняя И.А., Земцова Е.В. Интегративный подход к оценке единой социально-профессиональной компетентности выпускников вузов. // *Высшее образование сегодня*. – 2008. – № 5. – С. 14–19.
3. Тенищева В.Ф. Интегративно-контекстная модель формирования профессиональной компетенции. Диссертация на соискание учёной степени доктора педагогических наук. – М., – 2008.

Маркова К.А.

Коммуникативная методика на примере французского языка. Старые игры по-новому

В последнее время наряду с классической методикой преподавания все большую популярность набирает коммуникативный способ изучения языка. Многие частные языковые центры используют ее в качестве привлечения клиентов, называя уникальной и очень эффективной. Действительно, данный метод призван сделать процесс обучения живым и познавательным. Здесь нет рамок и границ, есть огромный простор для творчества, что позволяет не только достичь видимых результатов, но и отвечает задачам и целям педагогики. Роль педагога также является значимой в данном процессе, помимо создания максимально естественной языковой среды на занятиях, преподавателю необходимо отвлечь учащихся от самой идеи изуче-

ния языка, что легко можно сделать при помощи коммуникативной игры:

Волшебная коробочка. На листочках бумаги пишем разные выражения, которые им больше всего понравились или идиомы, записываем, кладем в коробочку и сочиняем разного рода истории, логически вплетая выражения в импровизационный текст

Интервью. Выбираем персону известную, которая нравится учащимся. Например, возьмем канадскую певицу Селин Дион. Превращаемся в журналистов, изготавливая бейджи с логотипом телеканала, именем и фамилией. Сочиняем ряд интересных вопросов, начиная от творческих планов до философских, другой человек в роли селебрити должен отвечать на задаваемые вопросы, используя весь арсенал лексики, вводные конструкции, поговорки и пословицы, а также афоризмы, чтобы «выкрутиться» из неудобного положения (je pense que, a mon avis, la curiosite est un villain default – я думаю, что, на мой взгляд, любопытной Варваре на базаре нос оторвали)

«Reality show». Выбираем с учащимися ситуацию, например, необитаемый остров, на котором остались люди, создаем совет, кто из них должен покинуть остров и почему, ученики приводят доказательства за и против, используя максимальное количество вводных слов и конструкций. Кроме того, возможно проработать грамматическую тему Subjonctif: «Donc, je veux que tu ailles!» (я хочу, чтобы ты ушел из нашей команды)

«Слабое звено». Преподаватель заранее предлагает ученикам составить по 10 вопросов из любой области знаний, и в течение занятия на скорость друг другу задаются вопросы, что позволяет, кроме проработки грамматических структур (способы задать вопросы с est-ce que, или инверсия), расширить кругозор.

Мемори. Возьмем мемори столицы мира, играем в карточки, при этом запоминаем названия государства, флаги, столицы мира. Помимо этого, во французском языке очень важно употребление предлогов со странами, поэтому возможно «дожимать» учеников вопросами, хотел бы он поехать в ту или иную страну, где бы хотел жить, таким образом, тренируя предлоги в Париже-а Paris, лететь во Францию – aller en France, в США – aux Etats-Unis

«Слэнг-стори». Учащимся дается задание составить рассказ, используя только изученный сленговые слова и выражения, минимизируя «нормальные». При этом ученики узнают новые выражения

друг от друга, объясняют их значение и обогащают тем самым свой лексический запас

«Угадай Кто?» – игра с помощью карточек, игрок не видит, что на ней изображено, с помощью наводящих вопросов он пытается догадаться: Est-ce que je suis un homme ou une femme, je suis une banane ou pomme, je suis rouge ou vert, est-ce que c'est un objet (я мужчина или женщина, я банан или яблоко, я красный или зеленый, это предмет и т.д.).

История, источниковедение и историография древнего и средневекового Востока

Башкеев В.В.

Повторяющиеся действия императора У-ди в сакральной сфере в период 141–87 гг. до н.э.

В рамках исследования политического процесса первой долговременной империи китайской древности — Западной Хань (202 г. до н.э. — 8 г. н.э.), опираясь на содержание *Хань шу* («История [империи] Хань») — официальной истории (*чжэньши*), рассмотрим один из аспектов описания правления императора У-ди (141–87 гг. до н.э.), а именно *повторяющиеся действия*, совершаемые императором, как важный феномен, отражающий личную активность носителя высшей власти в сферах политической борьбы и управления ([1–2]).

Упоминания действий носителя высшей власти представляют собой базовые элементы исторической информации, характерные для этого исторического памятника ([2]). Их важным признаком является простота — они выражены одной лексемой, как правило, состоящей из одного или (реже) двух иероглифов. Среди них наиболее существенные: *цзы* 祠 «принести жертвоприношение», *син* 幸 «почтить [посещением]» или же *синсин* 幸行 «почтить посещением».

Данные действия в сочетании с объектами, на которые они направлены, могут образовывать формулы, имеющие вид устойчивых сочетаний иероглифов. Например, *синсин Юн*, *цзы учжи* 行幸雍, 祠五畹 畹 «почтить посещением Юн, принести жертвоприношение на Пяти Алтарях».

Мы исходим из того, что повторяемость в источнике действия или устойчивой формулы три и более раз на протяжении заданного

периода времени указывает на распространенность отраженного ею явления. Таким образом, выявление повторяющихся действий и формул позволяет понять важные тенденции развития политического процесса.

Для описания правления У-ди характерно преобладание повторяющихся действий в сакрально-религиозной сфере. Чаще всего упоминается слово *син* 幸 «почтил посещением» и его двусоставный вариант *синсин* 幸行 — 47 раз (начиная с 134 г. до н.э.), затем жертвоприношение *цзы* 祠 — 29 раз (также со 134 г. до н.э.), по 7 раз упоминаются жертвоприношения *сы* 祀 и жертвоприношения Небу и Земле *сюфэн* 修封 (или *фэншань* 封禪).

Что касается светских действий правителя, то они встречаются реже и относятся в основном к ритуальной сфере (с 141 г. до н.э.): дарения *цзы* 賜 — 22 раза; общая амнистия по Поднебесной *шэ Тянься* 赦天下 — 19 раз; а также к сфере управления: наделение титулом *ва* 王 — 5 раз.

Распределение сакральных действий У-ди на протяжении его правления (141–87 гг. до н.э.) таково: с 141 по 134 г. до н.э. правитель не осуществлял путешествий и жертвоприношений, с 134 по 122 гг. до н.э. он делал это нерегулярно — пять раз за 13 лет. Начиная со 114 г. до н.э. и по 98 г. до н.э. а затем с 95 г. до н.э. до последнего, 87 г. до н.э. он делал это каждый год за исключением 112 г. до н.э.

Проведенное исследование позволяет прийти к выводу о том, что если сообщения о действиях императора в светской сфере упоминаются в источнике часто и регулярно, то это свидетельствует о высокой степени его личного участия в управлении государством и в принятии управленческих решений. Но если преобладают повторяющиеся действия в сакральной сфере, то это позволяет предполагать, что в ходе политической борьбы он был оттеснен другими участниками политической борьбы в сферу отправления ритуальных функций и вынужден был искать пути борьбы с ними как верховный жрец, а не как главный управленец.

гг. до н.э.	Перемещения	Жертвоприношения	Прочее	Итого
<i>Период 134–122 гг. до н.э. 13 лет, сакральные действия У-ди характерны для пяти из них</i>				
134	1	1		2
129	1			1

126	1			1
123	1	1	2	4
122	1	1		2
Период 114–98 гг. до н.э. 17 лет, сакральные действия У-ди каждый год, кроме 112 г. до н.э.				
114	3	1	1	5
113	1	1	2	4
111	1	1		2
110	2	2		4
109	1		1	2
108	1	1		2
107	2	3	2	7
106	3	3		6
105	3	5		8
104			1	1
103	1	1		2
102	1	2		3
101	1			1
100	1	1		2
99	2			2
98	2	3	1	6
Период 95–87 гг. до н.э. 9 лет, сакральные действия У-ди каждый год				
95	1			1
94	3		6	9
93	3	5	1	9
92	2	1		3
91	1			1
90	1			1
89	3	3	1	7
88	1	1		2
87	1			1

Литература

1. Башкеев В.В. Интенсификация жертвоприношений в правление У-ди (Западная Хань, 141–87 гг. до н.э.) как один из признаков протекания политической борьбы // XLII научная конференция «Общество и государство в Китае» Выпуск 6, часть I. М., 2012. С. 157–160.
2. Башкеев В.В., Ульянов М.Ю., Целуйко М.С. Подходы к исследованию исторических процессов в описании древней и средневековой истории

Китая и стран Юго-Восточной Азии // «Отголосок прошедшего в будущем». М., 2012. С. 41–71.

3. Башкеев В.В. Две «эпохи» в правление западноханьского У-ди (141–87 гг. до н.э.): деятельность императора в сакральной сфере как инструмент политической борьбы // В пути за китайскую стену. К 60-летию А.И. Кобзева. Выпуск 12, М., 2014.

Вигасин А.А.

Вокруг острова Ябадиу

Остров $\Upsilon\alpha\beta\alpha\delta\acute{\iota}\omicron\nu$, согласно Клавдию Птоlemeю (VII.2.29), находится почти на самом краю Ойкумены – в «Индии, которая за Гангом». Географ поясняет, что название «означает Ячменный» ($\sigma\eta\mu\alpha\acute{\iota}\nu\epsilon\iota\ \kappa\rho\upsilon\theta\acute{\eta}\varsigma\ \nu\eta\sigma\omicron\varsigma$). А еще он говорит, что остров богат золотом. «Он находится под $167^{\circ} - 8^{\circ}30'$ ю. ш., а восточный предел его под $169^{\circ} - 8^{\circ}10'$ ю.ш.» – следовательно, вытянут узкой полосой с запада на восток. В историографии его отождествляют с Явой, Суматрой или Борнео.

Название, несомненно, индийское: от санскритского $yava$ – «ячмень» и $d\bar{v}\bar{i}ra$ – «остров» (в разговорной, пракритской, форме $d\bar{i}va$). Против отождествления с Явой обычно приводится тот аргумент, что на этом острове нет месторождений золота. Но этот довод не кажется убедительным, потому что в индийских преданиях обилие драгоценных камней и металлов – устойчивая характеристика едва ли не всех областей Юго-Восточной Азии. А название, несомненно, указывает на Яву.

Но проблема состоит в том, что ни на Яве, ни на Суматре не растет ячмень... В санскрите $yava$ часто фигурирует как нечто, по форме напоминающее ячменное зерно – т.е. узкое и длинное (что соответствовало бы Яве или Суматре, но никак не Борнео). Тогда название Явадвипа можно было бы перевести как «Остров Ячменное Зерно». В античной литературе географические объекты сравнивались с той или иной геометрической формой (Сицилия похожа на букву Δ – Мела II.115, Пелопоннес напоминает лист платана, а Иберия бычьей шкурой – Страбон II.1.30; VIII.2.1).

Однако среди индийской географической номенклатуры упомянуть в этой связи можно разве что песчаную косу Рамешварам –

Дханушкоти (dhanuṣkoṭī – «навершие лука»). Так как в Индии, видимо, не было карт, то и зримый образ географических объектов мог появиться лишь изредка.

В индийской словесности Yavadvīra ранее всего упомянута в «Рамаяне» (IV.40.25-30): это – страна на далеком Востоке богатая золотом и драгоценными камнями. В тех краях обитают людоеды, а также мифические существа (одноногие, с огромными ушами и т.п.). Со слов моряков о подобных обитателях Индии и восточных морей говорили и античные писатели – от Мегасфена до Птолемея. В рукописной традиции временами вместо Yavadvīra появляется Yamadvīra («Остров бога Ямы») или Yamaḥkoṭī («Оконечность Ямы») или «Крепость Ямы». В «Ваю-пуране» (48.19-20) Yamadvīra упомянута рядом с Малайей – Malayadvīra (и речь также идет о золоте и драгоценных камнях).

Знаменитый индийский астроном Арьябхата, вычерчивая образ земного шара, говорит о том, что нулевой меридиан проходит через г.Уджаин и Ланку. На четверть окружности к востоку от Ланки находится Yavakoṭī («Оконечность Явы»). Средневековый комментатор Сурешвара поясняет, что это Yamaḥkoṭī («город Ямакоти», согласно «Сиддханта-широмани» III.17). А к западу от Ланки (города Lañkārupa – «Сиддханта-широмани») на четверть окружности – «Римская страна» (Romakaviṣaya). А еще далее на четверть окружности за «Римом» располагается Siddhapura (Āryabhaṭīya, IV.1.13).

Абурейхан Бируни удивлялся: «Что касается города Сиддхапуры, то я не знаю, откуда индийцы его взяли». Мы можем ответить на это недоумение. В индийских религиях сиддха – «святой подвижник, сверхъестественный персонаж» (ср. siddhaloka и siddhakṣetra в «Махабхарате» III.83.83; XII.271.53). Как «Город святых подвижников» индийцы перевели τῶν Μακάρων νῆσοι – «Острова Блаженных» античной космографии (Канарские о-ва). Идею шарообразной Земли индийцы заимствовали у греческих астрономов, но осмыслили ее по-своему. Все четыре названные пункта могут быть найдены на карте, но, тем не менее, все они – мифические, потому что ни Острова Блаженных, ни Ява, ни Ланка не являются «городами» (pura).

Птолемей допустил погрешности при вычислении длины Ойкумены. Арьябхата же вовсе не занимался подобными вычислениями – только по этой причине он мог утверждать, будто «Римская страна» отстоит от «Города (или крепости) бога Ямы» ровно на 180°.

Описывая дальние страны, греки порою индийские мифы принимали за географическую реальность. Индийцы же, напротив, астрономическую теорию греков включили в мифологическую картину мира.

Гордиенко Е.В.

Повествование о воительнице Нгок Тъи как источник по истории Вьетнама в I в. н.э.

Древняя история Вьетнама, находившегося в составе китайских империй и царств со 111 г. до н.э. до X в. н.э., традиционно изучается по немногочисленным сообщениям в китайских источниках (в первую очередь, в Хоу Ханьшу) и вьетнамским государственным летописям, цитирующим китайские источники.

В целях расширения круга источников нами – впервые в российской науке – переводятся и исследуются вьетнамские повествования о духах-покровителях общин (*txantymt̃h*, thần tích 神蹟). Одно из них – повествование о воительнице Нгок Тъи (Ngoc Chi 玉枝), жившей в I в. н.э. и до настоящего времени почитаемой в своей родной деревне Няву в провинции Хынгием во Вьетнаме.

Это рукописный текст, написанный в 1938 г. на вьетнамском языке (из библиотеки ИНИОН Вьетнама), восходит к более раннему, ныне утраченному жизнеописанию, составленному придворными историографами на классическом китайском языке в XVI–XVII вв. (на основе отчетов чиновников о местных духах и преданиях о них). Повествование о Нгок Тъи погружает нас в эпоху становления империи Восточная Хань (25–220 гг.) благодаря вниманию авторов к историческим деталям (в духе историзации текста, свойственной дальневосточной литературной традиции).

Из летописей мы узнаем, что утверждение власти на своих крайних южных рубежах – в дельте Красной реки – приводит к вооруженному сопротивлению местных элит (40–42 гг.) под предводительством знатных овдовевших сестер Чынг. После объявления независимости из Китая приходит подкрепление во главе с генералом Ма Юанем, которым подавляет восстание и восстанавливает власть империи Хань в этих землях.

Повествование о Нгок Тъи расширяет наши представления о событиях. Именно из этого сочинения мы узнаем имена нескольких

сподвижников сестер Чынг (в летописях лишь сказано о казни сподвижников, но не сообщаются их имена). Кроме того, мы узнаем о географии событий в дельте Красной реки, поскольку одна из ставок восстания находилась на родине Нгок Тьи – в провинции Хынгхиен.

Обращение к повествованию о Нгок Тьи не только обогащает наши представления о древней истории Вьетнама, но и демонстрирует возможности использования повествований о духах в качестве исторического источника.

Литература

1. Thân Tích Thần Sắc làng Nhân Vũ tổng Nhân Vũ phủ Ân Thi tỉnh Hưng Yên (Повествование и указы о духах деревни Няву волости Няву округа Антхи провинции Хынгхиен). – Копия рукописи на вьетнамском языке из фондов библиотеки Института научной информации по общественным наукам Вьетнама (документ 12027).
2. Краткая история Вьета (Вьет шы лыок). Пер. с вэньяня, вступит. статья и коммент. А.Б. Полякова. – М: Наука, 1980. (Памятники письменности Востока)
3. Полное собрание исторических записок Дайвьета (Дайвьет шы ки тоан тхы): в 8 т. Т.2: Внешние анналы. Главы III–V. Пер. с ханвьета, коммент., предисл. и прил. К.Ю. Леонова, А.В. Никитина и А.Л. Федорина; вступ. ст. А.Л. Федорина. – М: Вост. лит., 2010. (Памятники письменности Востока).

Грачёв М.В.

От «великой непочтительности» к «умыслу мятежа»: Япония и Бохай в японских источниках второй половины VIII – первой половины X вв.

Отношения Японии с соседствующими державами в древности и средневековье – важная часть японской историографической традиции не только во времена стародавние, но и нынешнюю эпоху. Это проблема не только исторического, но зачастую политико-идеологического свойства.

Основываясь на японских источниках второй половины VIII – первой половины X вв., можно обнаружить свойственные правящей элите Японии представления о государстве Бохай (698–926) и его обитателях, которые волею судеб оказывались на территории «страны лучезарного злата».

Летопись «Сёку нихонги» («Продолжение Анналов Японии», сост. в 797 г.) информирует о том, что в 720 г. в «страну мохэ» (территория контролировалась государством Бохай) были отправлены японские посланники. И хотя о дипломатических задачах миссии в сообщении не сказано (посольский обмен становится регулярным с 727 г.), с этого времени начинается отсчет многолетнего сотрудничества двух стран в политической (военно-стратегической), экономической (торговой) и общекультурной (заимствование новых технологий с континента) сферах. Археологические материалы, к примеру, позволяют предполагать, что в IX в. на западном побережье о-ва Хонсю (пров. Вакаса, Этидзэн, Кага и Ното; совр. преф. Фукуи и Исикава) активно функционировало несколько морских портов, в непосредственной близости от которых располагались постоянные дворы, где могли проживать и негоцианты Бохай (об этом свидетельствуют палеопаразитологические исследования).

В сформированных во время правления Да Уи (719–737) и Сёму (724–749) добрососедских отношениях Японии и Бохай, после того как китайский император в 762 г. пожаловал правителю Да Циньмао титул государя, наметился разлад. В IX в. противоречия в межгосударственных сношениях стали более явственными (исключение составляли контакты в области торговли). Последнее посольство из Японии в Бохай было отправлено в 811 г. (бохайцы посещали Японию до первой трети X в.). Создатели летописей уличали жителей Бохай в неблагоденности, коварстве и потенциальной склонности к предательству, а их посланника Пэйцина (посол в Японии в 908 и 919 гг.), когда он в 929 г. прибыл в качестве официального эмиссара киданей, заклеили как жалкое существо, отказавшееся от родины (Бохай пал под натиском киданей), не имеющее не только совести, но и утерявшее человечность.

Стараниями творцов «истории» японского государства обитатели Бохай становятся источником скверны и иных напастей. В трудах IX в. можно обнаружить неединичные примеры, когда вина за хвори или же порчу возлагалась на обитателей чужих земель. В то время как в Японии в 872 г. бушевала эпидемия неведомой хворобы на страницах общегосударственного летописного свода «Нихон сандай дзицуруку» («Правдивые записи о правлении трех императоров», сост. в 901 г.) виновниками смертельно опасного недуга были объявлены участники посольской миссии Бохай, прибывшей на японскую

землю. Посольство в 105 человек прибыло в конце 871 г. в Кага, но по причинам ритуального и делопроизводственного свойства не могло покинуть пределы провинции, и только в 5-м месяце 872 г. (через полгода после прибытия) бохайцы оказались в столице, что совпало со временем первых известий о распространении неизвестного заболевания, погубившего многих людей. Дошло до того, что в столице и ее окрестностях стала разноситься молва об ужасающей способности иноземных гостей одним взглядом передавать болезни. «Тело» иностранца, промежду тем, провозглашалось многомерной причиной злосчастий.

Деоник Д.В., Ганишин Б.К.

Символы правления как источник при изучении истории Китая

Символом правления или части правления монарха является пара иероглифов, первым из которых является Определение к Объекту, второй – Объект. Это относится ко всей истории Китая от Западной Хань до Цин. Датирование событий в традиционном Китае велось согласно символам и годам внутри символов. Любой грамотный человек понимал символы, дата любого документа – это конкретный год внутри конкретного символа, т.е. это массовое явление: вся информация о наступающем после объявления символа (например, «Великое Начало») времени, которая нужна и подданным, и государству, передавалась через символы. Формулировались задачи общества, как их понимал монарх.

Система символов глубоко связана с высшими силами, поскольку обращались за защитой и помощью к ним; а через символы это обращение становилось достоянием всех грамотных людей, не зная их не мог ни один грамотный человек. Поскольку символ – это форма общения с высшими силами, существовало особое Астрологическое ведомство, которое помогало императору выработать окончательную формулировку символа.

Система символов существовала с середины II в. до н.э. до начала империи Мин (1368 г.), когда от нее фактически отказались – символ стал даваться один раз в начале правления конкретного монарха и не отражал последующих событий в период его правления, и, соответ-

ственно, стал просто средством датировки. Природа символа принципиально изменилась, эта ситуация сохранилась и в Цин.

Сформировалась данная система символов при Западной Хань в середине II в. до н.э., до этого датировки основывались на имени правителя (например, «12-й год Му-Гуна»). Небольшое количество новых символов появилось в Восточной Хань, самое большое число дополнений пришлось на эпоху Тан. Впоследствии система лишь незначительно дополнялась при Сун и Юань. Что существенно, символы могли повторяться в последующих династиях, причем все прекрасно знали, что это – повторяющиеся символы.

Были изучены 292 символа, это – генеральная совокупность символов всех центральных династий, а не выборка.

Приведем два примера анализа: анализ в период стабильности и кризиса и специфика набора символов разных этносов.

Самый массовый Объект в символах на всем исследуемом отрезке времени – «Спокойствие». Интересен набор символов и соотношение их частот в разные периоды и применительно к разным ситуациям в государстве. Чем различаются наборы и частота символов в периоды стабильности и кризиса той или иной династии, система постановки приоритетов для страны в период стабильности и кризиса. Различия весьма существенны, но если брать набор символов или отдельно объектов во времени, то, хотя есть специфические только для кризиса, в целом списки сопоставимы, но очевидно существенное различие частоты упоминаний, достаточно заметны «заклинания от кризисов».

Различия существенны. Если взять только Объекты выделенной нами массовой категории «Желаемая ситуация в империи», то, помимо обязательного «спокойствия» на первом месте, в период стабильности самые массовые – «мир», «процветание» и «начало», а в период кризиса – «равновесие» и «счастье». Третья группа по массовости в период стабильности: «изобилие», «счастье», «благодать» и «равновесие», а в период кризиса: «годы», «благодать» и «благоденствие». Чего нет в период стабильности – это «безопасности». Подобные «заклинания от кризиса» особенно ярко проявляются в Южной Сун.

Специфика выбора символов разных этносов видна в Троецарствие: два ханьских государства (Вэй и Шу) с одной стороны и одно юэское (У) государство с другой дают существенное различие списков.

Дадим в качестве примера полного комплекса символов список переводов символов Западной Хань периода ее стабильности в хронологическом порядке (с 140 по 48 гг. до н.э.):

Годы строительства/созидания; Годы света; Годы [похода на север; Годы зимней охоты; Годы трипода; Годы церемонии [представления императора Небу и Земле]; Великое первое; Небесная Хань; Великое начало; Завоевания и мир; Поздние годы; Начало годов; Годы феникса; Годы равновесия; Истинное начало; Время земли; Годы благополучия; Божественный кубок; Пять фениксов; Изобилие; Желтый дракон.

* * *

Изучение символов позволило (кроме периодов Мин и Цин) проследить смену желаний монархов в отношении своей страны, желаний, санкционированных свыше и ориентирующих подданных на восприятие действительности. Еще раз напомним, что знанием символов обладали все грамотные люди, символами пользовались для датирования всех событий и действий.

Литература

1. *Rothschild N.H.* An inquiry into reign era changes under Wu Zhao, China's only female emperor // *Early Medieval China*. – 2006. – Т. 2006. – №. 1. – С. 123–149.
2. *Wright M.C.* What's in a Reign Name The Uses of History and Philology // *The Journal of Asian Studies*. – 1958. – Т. 18. – №. 1. – С. 103–106.
3. *Деоник Д.В.* Количественные методы в изучении исторической информации (проверяемая история). – Восточная литература, 2011.

Крол А.А.

«Ал-Аллаки – средневековый город в Нубийской пустыни. Результаты третьего сезона археологических исследований Нубийской археологической экспедиции МГУ на памятнике Дерахейб (Республика Судан)»

С 2017 года Нубийская археолого-антропологическая экспедиция НИИ и Музея антропологии МГУ проводит раскопки на памятнике Дерахейб. Городище Дерахейб расположено в провинции Красное Море Республики Судан у истоков Вади ал-Аллаки в шести киломе-

трах от 21 параллели на расстоянии около 400 километров от Нила и 200 – от Красного моря.

Памятник включает в себя следующие археологические объекты: «Крепость 1/Северная Крепость», «Крепость 2/Южная Крепость», Городище, Южный Некрополь, поселения золотодобытчиков, места древней и средневековой золотодобычи.

На территории городища с уверенностью может быть локализован город ал-Аллаки, упоминающийся в средневековых арабских источниках. Город, предположительно существовал с IX по XII (?) вв. и был центром золотодобычи в Нубийской пустыне, а также остановкой на караванном пути, соединявшем верхнеегипетский город Асуан и красноморский порт Айзаб. Через Айзаб товары, привезенные из Йемена, Абиссинии, Занзибара, Индии и Китая, доставлялись в Египет. Среди основных товаров из Индии и Йемена упоминаются корица и перец. В Айзаб из стран Юго-Восточной Азии и Индии привозили шеллак, цивет, гвоздику, ароматическую древесину. С XI по XIV в. через Айзаб в Египет, а затем в Европу доставлялся китайский фарфор.

Путь по Вади ал-Аллаки использовали не только купцы, но и паломники, пересекавшие Нубийскую пустыню для того, чтобы затем, переплыв Красное море, добраться до Джидды и продолжить путь к священным городам ислама.

С 12 по 28 февраля 2020 года состоялся третий сезон исследований на памятнике Дерахейб.

В сезоне 2020 года российские исследователи приступили к изучению Северной Крепости, расположенной в самом центре памятника. Монета, обнаруженная в неповрежденном археологическом слое, позволяет утверждать, что основание (или перестройка) Северной Крепости датируется временем правления Ибн Тулуна. Эта находка хорошо коррелирует с данными письменных источников. Известно, что к середине 9 в. на территории Вади ал-Аллаки велась активная золотодобыча с использованием рабского труда.

В результате проведенных в феврале 2020 года раскопок у башни, где располагался въезд в Крепость, и вдоль северо-западной стены, был получен богатый материал, который повествует о повседневной жизни Крепости в средневековый период.

Были продолжены раскопки Здания 3 на городище. Полученные данные позволяют предполагать, что Здание было пятничной мечетью аль-Аллаки.

Были проведены топографические работы на памятнике. Для начала систематических раскопок Дерахейба были установлены реперные точки с точной географической привязкой. Была также создана высокоточная 3-Д модель памятника с целью последующего моделирования исторического ландшафта Дерахейба в различные периоды бытования памятника.

Кроме того, в сезоне 2020 была начаты этнографические исследования народов племенного союза беджа, населяющих близлежащие к памятнику территории.

Никольская К.Д.

У истоков европейского востоковедения: о неизвестных документах из архива Г.Я. Кера

В фондах РГАДА хранится архив, принадлежавший человеку, который стоял у истоков европейского востоковедения, немецкому ученому, несколько лет прожившему в России, – Георгу Якобу Керу (1692–1740). Значительную часть своей жизни Кер изучал языки и письменность народов Востока. Закончив университет в Галле, с 1732 года он служил в России, в коллегии Иностранных дел переводчиком арабского, персидского и турецкого языков, а также обучал этим языкам русских студентов. Именно Керу принадлежит проект создания общества для изучения восточных языков – прообраза будущего Института Востоковедения.

Обширный архив Кера крайне плохо разобран. Так, значительная часть документов из обширного эпистолярного наследия ученого имеет не идентифицированных авторов и значится в каталоге как «письмо от неизвестного». Среди них есть два – одно 1716 года (РГАДА, ф.191, д.141, л.112–113), другое 1723 (РГАДА, ф. 191, д.141, л.133–134). Оба на немецком языке, записаны готическим шрифтом и, очевидно, связаны друг с другом общей историей.

Первое письмо написано Бартоломеем Цигенбальгом (1682–1719), одним из первых протестантских миссионеров в Индии, который, начиная с 1706 года, жил в Транкебаре в т.н. «Датской королевской миссии». Второе принадлежит Бенджамину Шульце (1689–1760), тоже протестантскому священнику, который в 1719 году сменил умершего Цигенбальга в Транкебарской миссии. Оба автора, как

и Г.Я. Кер, были выпускниками Галльского Университета и стояли у истоков индологии как направления востоковедной науки. Цигенбальг познакомил Европу с южноиндийской культурой и тамильским языком. Шульце создал первую грамматику телугу, изучал дакхини.

Два обнаруженных письма посвящены совершенно разным темам. Письмо от Шульце касается проблемы переводов и изучения языков (работа Транкебарской типографии по изданию христианской литературы на тамильском и португальском, а также правила тамильской грамматики). При этом выглядит оно, как продолжение давнего диалога, т.к. содержит ответы на вопросы, очевидно заданные в прежних посланиях. Письмо же Б. Цигенбальга темы миссионерской деятельности и изучения языков не затрагивает вовсе. По содержанию оно более всего напоминает религиозную проповедь и предполагает адресата, хорошо знакомого с обстоятельствами личной жизни и нравственными переживаниями пастора. Этот момент представляется весьма странным, поскольку вопросы такого рода мало интересовали Г.Я. Кера. Кроме того, странным кажется и сам характер обращения (Herr Professor): в 1716 году Кер не только не был профессором, но даже не получил еще статуса магистра. Эти обстоятельства указывают на то, что в отличие от письма Шульце, письмо Цигенбальга было адресовано вовсе не Керу. Кто же был его адресатом? И как оно попало в архив Кера?

Анализ опубликованного эпистолярного наследия Б. Цигенбальга демонстрирует, что долгие годы пастор состоял в регулярной переписке с несколькими профессорами своей alma mater, из которых наиболее вероятным кандидатом на роль адресата (по содержанию известных на сегодняшний день писем, их хронологии и сведениям биографического порядка) кажется учитель Цигенбальга, Август Герман Франке (*August Hermann Francke*, 1663–1727).

Присутствие этих двух писем в архиве Г.Я. Кера, очевидно, свидетельствует об устойчивом интересе ученого к региону и, вероятно, об относительно регулярных его контактах с миссионерами Транкебара. Вполне вероятно, что именно письмо, которое было адресовано некоему «господину профессору» (предположительно, Августу Герману Франке), попавшее в руки Георга Якоба Кера, стало той первой ласточкой, которая позволила ученому завязать переписку

с пастором Цигенбальгом, а затем продолжить ее и со сменившим его в «Датской королевской миссии» Бенджамином Шульце, получая от своих *vis-à-vis* интересующие его сведения относительно языков Индии. Такое развитие событий позволяет понять, как попало к ученому чужое письмо, содержание которого, на первый взгляд, никак не было связано с кругом его интересов, и почему он сохранил его в своих бумагах.

Попова Г.С.

Классификация глав *И-Чжоу-шу* («Утраченные записи Чжоу»)

И-Чжоу-шу 逸周書 – сборник различных по объёму произведений, состоящий из 70 глав, из которых 11 были утрачены. Они были найдены вместе с другими древнекитайскими памятниками в конце III в. н.э. в гробнице правителя царства Вэй (совр. уезд Цзисянь пров. Хэнань) – Сян-вана (318–296 гг. до н.э.). Обстоятельства их обнаружения заставляют предположить, что не все ныне входящие в него произведения могли быть частью упоминавшихся в произведениях периода Чжань-го (453–221) «Записях [государства] Чжоу» (Чжоу-шу 周書). Выдвинуть предположение относительно изначального состава данного сборника можно посредством проведения классификации его глав по следующим параметрам: виды, жанры и содержание произведений. Совмещение результатов классификации позволит понять, какие произведения составляли основу данного сборника.

Виды произведений:

1. литургические – к ним относятся прозаические и поэтические произведения, в данном случае в основном речи правителей и их сановников, произнесенные по случаю событий государственной важности и предназначенные для декламации жрецами в ходе дворцово-храмовых церемоний: 10 глав (13, 35, 36, 40, 43, 44, 48, 55, 56, 66);

2. псевдолитургические – произведения, по структуре сходные с литургическими, однако принципиально отличающиеся от них по содержанию речей: 28 глав (11, 12, 21–31, 34, 37, 38, 39, 45, 46, 47, 49, 50, 57, 58, 60, 61, 63, 64);

3. трактаты – произведения, содержащие обобщение знаний о действительности, систематизированные описания различных явлений: 23 главы (1–10, 32, 33, 51–54, 59, 62, 65, 67–69, 70).

Жанры произведений:

1. «наставление» – монолог или диалог исторических персонажей с элементом назидания, произнесенные в определённое время и/или в определённом месте: 29 глав (11, 12, 21–31, 34, 37–39, 45–47, 49, 50, 56, 57, 58, 60, 61, 63, 64);

2. «рассуждение» – произведения, содержащие обобщение знаний о действительности и перечисление причинно-следственных связей между явлениями: 16 глав (1–10, 32, 33, 65, 67–69);

3. «историческое повествование» – рассказ о событиях из жизни или деяниях исторических персонажей, содержащий упоминания или описания последовательности исторических событий: 5 глав (36, 40, 48, 55, 66);

4. «описание» – словесное изображение предмета или явления через представление его характерных признаков: 7 глав (51–54, 59, 62, 70);

5. «речь перед битвой» содержит перечисление преступлений противника, указания относительно поведения в бою, а также сведения о наградах и наказаниях за действия в сражении: 1 глава (43);

6. «обращение» – речь правителя или одного из его помощников к приближённым или народу с целью разъяснения или оправдания действий правителя: 1 глава (44);

7. «повествование» – рассказ о неких событиях из жизни исторических персонажей, не содержащий упоминаний исторических событий и дат: 1 глава (13);

8. «ода» – торжественная песня, посвящённая историческому событию или герою: 1 глава (35).

Содержание:

1. управление государством: 34 главы (1–4, 7, 12, 21–31, 33, 34, 37, 38, 39, 46, 47, 49, 50, 57, 58, 60, 61, 63, 64, 65, 69);

2. военное искусство: 6 глав (6, 8–10, 32, 68);

3. экономика: 2 главы (5, 11);

4. поход У-вана против Чжоу-синя: 4 главы (35, 36, 40, 55);

5. оправдание насильственного смещения законного правителя: 4 главы (36, 43, 44, 66);

6. натурфилософия: 4 главы (51–53, 67);

7. описание действий ритуального характера: 3 главы (40, 55, 56);
 8. ритуал: 3 главы (54, 59, 70);
 9. география: 2 главы (59, 62).

Сопоставление результатов классификации произведений показывает, что наибольшее количество глав принадлежат к жанрам «наставления» и «рассуждения». Эти же главы относятся к категориям псевдолитургических произведений и трактатов, а содержание большинства их относится к теме управления государством. Кроме того, цитаты именно из этих глав можно увидеть в произведениях эпохи Чжань-го. Поэтому можно с уверенностью сказать, что основой сборника, известного в период Чжань-го под названием *Чжю-у-шу*, были псевдолитургические произведения и трактаты жанров «наставление» и «рассуждение», посвященные теме управления государством.

Трухан Д.В.

Ритуал *горё:-э* как мера противодействия стихийным бедствиям

Различные стихийные бедствия, малые и большие, являются проблемой, одолевавшей Японию с древних времен. Одним из объяснений возникновения особенно крупных природных аномалий в эпоху Хэйан становится активность мстительных духов придворных, погибших в результате заговоров, смут или во времена иных политических нестабильностей. Мстительные духи этих людей именовались «почтенными» (*горё:*) и со временем в их честь стали исполнять особый обряд умиротворения – *горё:-э* («соборание почтенных духов»), который приобрел государственную значимость.

Первый такой ритуал был проведен в 5-ой луне 863 года в Синсэн-эн, и был адресован шести «почтенным духам», которые были поименно перечислены в хронике *«Нихон сандай дзицуроку»*: принцу Савара, он же государь Судо:, Фудзивара-но Танэцугу, принцу Иё, его матери Фудзивара-но Китико, Фудзивара-но Наканари, Татибана-но Хаянари, Фунъя-но Миятамаро. Со временем число и состав духов, которым были адресованы подобные ритуалы, активно изменялись. Так, в разные годы *горё:-э* посвящались Фудзивара-но

Хироцугу, принцу Осабэ, Сугавара-но Митидзанэ и другим. Всех этих царедворцев объединяло отлучение от двора или скоропостижная гибель в результате политических интриг. Ритуал состоял из подношений духам цветов и яств, исполнения ритуальных танцев и песен, а так же чтений сутр, каждая из которых имела особое значение с точки зрения поддержания порядка и спокойствия в государстве.

Ритуалы, тождественные с *горё:-э* по исполнявшимся на них действиям, проводились и ранее в народной среде, однако они представляли собой форму почитания духов предков, лишенных всякой персонализации. По всей вероятности *горё:-э* появился на базе подобных народных ритуалов, но приобрел отличное от них значение почитания и умилоствления духов определенных политических деятелей, не всегда связанных кровными узами с императорским родом. Интересно, что спустя два года после первого проведения ритуала *горё:-э* при дворе, проведение «народных» *горё:-э* без повеления правительства было запрещено.

В начале своего существования ритуал *горё:-э* был одной из форм реагирования на чрезвычайные ситуации, такие как стихийные бедствия и поветрия, но уже к началу XI в. превратился в регулярную церемонию, справлявшуюся в ряду столичных храмов в период с 5-ой по 10-ую луны. Имеющиеся в нашем распоряжении статистические данные показывают, что именно в эти месяцы столица была подвержена наибольшему числу различных стихийных бедствий и вспышек эпидемий, и проведение *горё:-э* было призвано предупредить возникновение кризисных ситуаций.

Литература

1. Ито: Нобухиро. Горё:-э-ни кансуру горё: синко: [О ритуалах горё:-э (в рамках связи с верованиями горё:) // Гэнгобунка ронсю: [Записки о языках и культуре]. Университет Нагоя, Нагоя. – 2003. – Т.24. Вып. 2. – С. 3–16.
2. Катахира Хирофуми. Хэйанкё:-но сайрэй то рэкиси сайгай [Церемонии Киото и стихийные бедствия] // «Рэкиси сайгай то тоси – Кё:то, То:кё:-о тю:син-ни» хо:кокусё [Записи семинара «Стихийные бедствия и города: Киото и Токио»]. Университет Рицумэйкан, Киото. – 2007. – С. 11–19.
3. Нихон сандай дзицуроку [Правдивые записи о правлении трёх императоров]. – Т. 2. Токио, Эбису Косё сёппан, 2009. – 716 с.

Ульянов М.Ю.

Политические и социальные условия возникновения «массовой» школы по подготовке «служилых» в конце периода Чуньцю (втор. пол. VI – перв. пол. V вв. до н.э.)

Исследование политических, социальных и культурных процессов при изучении древней истории связано с рассмотрением «школ», в которых обучались представители социальных групп, которые были вовлечены в политическую борьбу [1].

Во второй половине периода Чуньцю (771–453 гг. до н.э.) представители новой социальной группы «служилых» (*ши* 士) проходили обучение в пришедшей на смену *храмовой* и *дворцовой* в новой «школе», которая может быть названа «массовой», поскольку она не являлась элитарной и была открыта для представителей различных социальных групп [2–3].

Самые ранние упоминания о такой школе связаны с именем жившего в царстве Лу Конфуция (551–479 гг. до н.э.). Поскольку он является одной из ключевых фигур китайской истории, то в источниках («Исторические записки» и др.) сохранилось много уникальных подробностей о его времени, которые обычно опускались.

Формирование новой социальной группы и появление школы нового типа происходило в ходе политической борьбы. Клан родственников монархов правящей династии (потомки государей предыдущих поколений), которые ранее являлись их социальной опорой, становились основными оппонентами и все настойчивее оспаривали высшую власть. В середине VII в. до н.э. произошло ослабление власти монархов Лу, но борьба за возможность участвовать в управлении продолжалась на протяжении восьми правлений. Изначально доминировал клан Цзан 臧, потомки сына луского Сяо-гуна (795–769). Именно его представители со второй половины VIII в. до конца VI в. до н.э. занимали высшие военные и гражданские должности в Лу. Соперниками двора и клана Цзан были три клана потомков луского Хуань-гуна (711–694), которых называли *саньхуань* 三桓: Мэнсунь 孟孙, Шусунь 叔孙, Цзисунь 季孙. Еще в VII в. до н.э., действуя консолидировано, они смогли добиться высокого положения во власти.

В политическом процессе прослеживаются три периода: усиление противостояния с кланами (659–591 гг. до н.э.); апогей борьбы с кла-

нами (590–510 гг. до н.э.); победа трех кланов, установление полного контроля над монархами (509–468 гг. до н.э.).

Члены клана Цзан, договариваясь с членами трех других кланов, уничтожали или изгоняли из царства представителей других кланов и родов. Они препятствовали не только их проникновению во власть, но и самому существованию. В результате к середине VI в. до н.э. в Лу стала ощущаться нехватка служилых на разных гражданских и военных должностях. Отчасти она компенсировалась за счет утративших знатность (но сохранявших родовитость) лусцев и выходцев из соседних царств. Но их было недостаточно. И монархи, и оспаривавшие власть аристократические кланы нуждались в новой социальной силе, на которую они могли бы опереться и в политической борьбе, и в управлении государством. Возник острый запрос на служилых, при назначении на должности которых ни место рождения, ни знатность, ни родовитость не имели бы значения, но которые, обладая управленческими знаниями и навыками, являлись бы и носителями новой культуры.

В Лу в ходе политической борьбы, по мере усиления трех кланов, значение служилых в управлении царством возрастало. Постепенно они занимали те должности, которые в других царствах оставались за представителями высшей и средней родовой знати (*дацин* 大卿 и *дафу* 大夫). Рост их числа позволял создавать и новые административные должности.

Их регулярная и массовая подготовка осуществлялась благодаря возникновению новой школы, которую возглавлял Конфуций. Он определил социальный состав учеников и наполнив программу обучения идеями, актуальными для грядущей эпохи. Сначала она возникла при дворе главы клана, но не стала сугубо клановой, а переместившись ко двору, не стала и «дворцовой». Ее учащимися были выходцы из различных социальных групп, уроженцы не только Лу, но и других царств. Они, в отличие от аристократии, могли находиться на службе в любом царстве и у монархов, и у глав влиятельных кланов, никакие этические требования не мешали им переходить от одного господина к другому, достаточно было лишь выполнять свой служебный долг (*и* 義) и сохранять верность (*чжун* 忠) во время службы.

Литература

1. История образования и педагогической мысли в эпоху Древности, Средневековья и Возрождения. М., 2004.

2. *Ульянов М.Ю.* К характеристике социальных и культурных процессов периода Чуньцю (771–453 гг. до н.э.): от школы «дворцовой» к школе «массовой» // Ломоносовские чтения. Востоковедение. Тезисы докладов научной конференции (Москва, 15 апреля 2019). С. 25–27.
3. *Ульянов М.Ю.* «Дворцовая» школа в царствах Восточной Азии: к характеристике социальных и культурных процессов первой половины периода Чуньцю (771–453 гг. до н.э.) // 49-я научная конференция «Общество и государство в Китае». Ученые записки Отдела Китая. Выпуск 30. Т. XLIX. ч.2. М., 2019. С. 28–62.

Ульянов М.Ю.

Ключевые вехи становления первой «массовой» школы в царстве Лу в конце периода Чуньцю (втор. пол. 6 – перв. пол. 5 вв. до н.э.)

Создание в царстве Лу первой из известных школ, в которой происходила подготовка новой социальной группы «служилых» (*shi* 士), связано с именем Конфуция (551–479) — далее Кун-цзы [1–2]. Он сам принадлежал к этой группе, был родовит, но не знатен, его дед и отец, родственники правившей в царстве Сун династии, в Лу занимали невысокие административные посты на уровне волости. Такая школа возникла в результате социальных и культурных процессов в ходе длительной и ожесточенной политической борьбы двора монарха, который опирался на наиболее родовитый клан Цзан, потомков луского Сяо-гуна (795–769) с тремя кланами (Мэн, Цзи, Сунь) потомков луского Хуань-гуна (711–694).

Основные вехи истории ее становления таковы. В 535 г. до н.э. в правление луского Чжао-гуна (541–510) Кун-цзы (16 лет) стал учителем сына главы клана Мэн. В 533 г. до н.э. после поражения Мэн в очередном межклановом конфликте, Кун-цзы перешел в хозяйство клана Цзи, где сначала был назначен учетчиком скота, а затем в 529 г. до н.э. ему (22 года) было поручено создать школу при дворе главы клана. Рождение будущей массовой школы было вызвано стремлением главы клана создать в противовес царскому двору свой двор, атрибутом которого была своя школа по подготовке служителей во владениях главы клана. Таким образом, именно в ходе противостояния кланов с царским двором происходил и важный культурный процесс: отделение школы от двора и формирование некой новой школы.

Через четыре года ситуация изменилась, власть луского *гуна* усилилась. В 525 г. школа Кун-цзы (26 лет) уже была при дворе *гуна*. В 517 г. до н.э. политическая борьба разгорелась вновь, клан Цзи стремился оттеснить членов клана Цзан. Двор же попытался воспользоваться межклановыми противоречиями, чтобы усилить свое положение, но потерпел поражение, монарх бежал в соседнее царство Ци, с ним была часть двора, в том числе и Кун-цзы (34 года). В 510 г. до н.э. когда к власти пришел Дин-гун (509–495), он возвратился в Лу и продолжил преподавание в школе (41 год). Но политическая ситуация изменилась — двор достиг компромисса с кланом Цзи, а Кун-цзы и его школа были вынуждены вернуться под опеку его главы.

В 502 г. до н.э. клан Цзи был разбит и на время утратил влияние. После этого Кун-цзы (51 год) был не просто возвращен ко двору, но был взят на государственную службу и всего за год прошел путь от низовой должности начальника волости до высших должностей: *сыкуна* (главы приказа общественных работ), затем *да сыкоу* (главного судьи) и советника *гуна*. Очевидно, такой карьерный взлет главы школы давал возможность двору включить в управление максимальное число ее выпускников. Это принесло свои плоды.

Власть монарха усилилась настолько, что в 498 г. до н.э. Кун-цзы (53 года) попытался нанести решающий удар по трем кланам одновременно — скрыть укрепления в их ставках. Он был близок к успеху, но глава клана Мэн неожиданно оказал ожесточенное сопротивление. Кун-цзы и двор потерпели поражение и в следующем 497 г. до н.э. ему (54 года) пришлось покинуть царство Лу. На родину он вернулся только в 484 г. до н.э., в правление Ай-гуна (494–468), уже пожилым человеком (67 лет). Он не занимал официальных должностей, но продолжал преподавание в школе, которая, очевидно, находилась под патронажем дворца. К 480 г. до н.э. он завершил составление программных учебных произведений, а в 479 г. до н.э. ушел из жизни, сетуя на катастрофические изменения.

Со смертью Ай-гуна в 468 г. до н.э. главам трех кланов удалось полностью подчинить двор и обрести высшую политическую власть в Лу. Все эти годы школа продолжала действовать и в отсутствие ее основателя, в ней преподавали выпускники школы, его ученики. Ее существование не зависело ни от физического присутствия основателя, ни от внутривластной ситуации в царстве. Ее специфика

и заключалась в том, что, не став дворцовой школой, она стала массовой, казенной, по сути школой — устойчивым государственным институтом, формировавшим свою, альтернативную храмовой и дворцовой, культурную среду [3].

Впоследствии, в период Чжаньго (453–221), именно такая модель оказалась наиболее востребованной, возникавшие в разных царствах массовые школы могли быть как государственными — «чиновничьи», так и частными, возглавляемые учителями-мыслителями, т.е. «философскими». В конце Чжаньго их выпускники, объединившись, могли образовывать своего рода «университеты» при дворах монархов или высокопоставленных управленцев.

Литература

1. Ульянов М.Ю. «Дворцовая» школа в царствах Восточной Азии: к характеристике социальных и культурных процессов первой половины периода Чуньцю (771–453 гг. до н.э.) // 49-я научная конференция «Общество и государство в Китае». Ученые записки Отдела Китая. Выпуск 30. Т. XLIX. ч.2. М., 2019. С. 28–62.
2. Ульянов М.Ю. К характеристике процесса сохранения исторической памяти в Древнем Китае периода Чуньцю (771–453 гг. до н.э.) // Древнейшие государства Восточной Европы. 2013 год. Зарождение историописания в обществах Древности и Средневековья. М., 2016.
3. Ульянов М.Ю. О понятии «культурная среда» и особенностях создания письменных произведений в период Чуньцю (771–453 гг. до н.э.) // Ломоносовские чтения. Востоковедение. Тезисы докладов научной конференции (Москва, 20 апреля 2015 г.). М., 2015. С. 281–283.

Хазизова К.В.

Церемониальное одеяние *мёнбок* корейских правителей позднего периода Чосон

Церемониальные наряды правителей позднего периода Чосон (конец XVIII– начало XX в., надевавшиеся при проведении важнейших государственных ритуалов, отличались рядом особенностей, четко зафиксированных в законодательстве еще в начальный период правления династии Ли.

Поскольку с момента установлении династии Ли в 1392 г. Чосон был вассалом Минского Китая, чосонский ван был вынужден носить

церемониальные одежды, подчеркивавшие этот статус, то есть, находясь формально одним рангом ниже Сына Неба, он не имел права на ношение императорского халата и головного убора, и его парадные одежды соответствовали нормам, установленным в Китае для удельных князей. Лишь после провозглашения Империи Тэхан в 1897 г. ван Коджон впервые надел парадный императорский халат желтого цвета, украшенный двенадцатью декоративными элементами, по образцу халата императоров Мин.

Все детали традиционной церемониальной одежды чосонского вана были строго регламентированы по цвету, форме и размеру узоров и украшений. Во время проведения пяти главных церемоний правитель надевал костюм *мёнбок* (면복 冕服), состоявший из многослойного одеяния *коллёнхо* (곤룡포 袞龍袍) и головного убора *мёллюгван* (면류관 冕旒冠). До провозглашения Империи Тэхан одеяние и головной убор вана имели по девять обязательных декоративных элементов, после 1897 г. у императора их стало по двенадцать [Ю Хигён и др., 2009, с. 55].

Мёнбок состоял в общей сложности из пяти слоев и насчитывал двенадцать элементов, не считая нижней одежды, включавшей еще минимум четыре элемента. Сначала правитель надевал традиционные кофту *чогори* (저고리) и штаны *паджи* (바지). Затем надевались однослойные гетры с тесемками *хэнджон* (행전 行纏), традиционный халат *турумаги* (두루마기) и халат без рукавов *чонбок* (전복 戰服).

После этого наступал черед первого из 12-ти регламентированных элементов – нижнего халата *чундан* (중단 中單), который позиционировался как нечто среднее между нижней и верхней одеждой [Ким Ёнсу, 2012, с. 33]. Далее следовало *сан* (상 裳) – подобие широкой юбки из двух полотнищ на поясе. Поверх него надевался верхний халат *ый* (의 衣) из черного шелка. Нижняя и передняя части халата никак не украшались, поскольку были прикрыты рукавами и целым рядом дополнительных элементов, одним из которых была шейная повязка с ритуальным знаком *пансим конён* (방심곡령 方心曲領).

Следующим элементом облачения был красный шелковый пояс *тэдэ* (대대 大帶), который фиксировался к петлям на спине верхнего халата *ый*, после чего к нему прикрепляли задний фартук *су/хусу* (수 綬/후수 後綬) и передний фартук *пхесиль* (폐슬 蔽膝). Яшмовый пояс *октэ* (옥대 玉帶) надевался поверх *тэдэ* и фартуков. По бокам к нему прикреплялись две нефритовые подвески *пхэок*

(패옥 佩玉), причем при правильном расположении они лежали на боковых элементах пояса *тэдэ*. Завершающим элементом одеяния *коллёнхо* были красные шелковые носки *маль* (적말 赤襪, 홍말 紅襪, 주말 朱襪) и красные же туфли *сок/чоксок* (적석 赤舄). *Коллёнхо* дополняли головной убор *мёллюгван* (면류관 冕旒冠), название которого иногда используется в значении «корона» [Чхве Ёну, 2015, с. 11], и яшмовая или нефритовая именная табличка *кю* (꺄 圭), которую правитель по традиции держал обеими руками перед собой.

Таким образом, церемониальное облачение *мёнбок* чосонских правителей было крайне сложным, многослойным и детально проработанным в духе конфуцианской культуры, оно практически не менялось на протяжении почти 500-летней истории династии Ли, а с провозглашением Империи Тэхан еще более усложнилось.

Литература

1. 등. 우리 옷 이천년 (*Ю Хигён и др.* 2000 лет корейскому костюму). – Сеул, «Мисуль мунхва», 2009.
2. 왕실문화도감 조선왕실복식. 김연수 총괄 (Иллюстрированный справочник по истории дворцовой культуры периода Чосон. Сост. Ким Ёнсу). – Сеул, Государственный музей дворцовой культуры, 2012.
3. 최연우. 면복 (*Чхве Ёну.* Мёнбок). – Сеул, «Мунхак тоннэ», 2015.

Новая и Новейшая история стран Азии и Африки

Тертицкий К.М.

Описание России и ее жителей в «Хуан Цин чжигун ту»

«Хуан Цин чжигун ту» (Изображения данников августейшей Цин) представляет собой собрание изображения народов, рассматривавшихся властями Цинской империи в качестве данников, а также комментариев к этим изображениям. С учетом китайской политической доктрины, в рамках которой в качестве вассалов (верных или мятежных) рассматривались все народы, с которыми китайские власти поддерживали контакты, можно сказать, что этот альбом содержит описание если не всех, то большинства народов, известных китайцам в то время.

Традиция составления таких собраний имеет длительную историю. Первое из них, именовавшиеся «Чжигун ту», появляется в VI веке в государстве Лян в период Южных и Северных Династий. Известны также более поздние собрания, появившиеся под таким же или почти таким же названием в периоды Тан, Сун, Юань и Мин. В первый цинский вариант «Чжигун ту» был составлен во время правления императора Цяньлуна; основная работа была выполнена в 1750-х годах. В дальнейшем он пополнялся новыми изображениями, а в правление следующего императора Цзяцина также появилась его дополненная версия. На сегодняшний день известно шесть вариантов этого собрания, подготовленных в виде нарисованного от руки альбома, свитков или ксилографий. Они включают изображения более 300 пар мужчин и женщин, принадлежащих к разным странам и народам, т.е. всего изображения более 600 персонажей. В некоторых случаях одна страна или один народ могли быть представлены

двумя парами, одна из которых представляет изображение местной знати.

Цинские «Чжигун ту» активно изучаются в Китае и за его пределами. В России соответствующий проект в последние годы реализуется в СПбГУ.

Одним из самых интересных иллюстраций сборника являются две пары изображений обитателей России (одна из них – это изображение российского чиновника с женой). Данные рисунки привлекают внимание исследователя прежде всего тем, что внешний облик нарисованных на них персонажей во многом далек от внешнего облика россиян того времени.

Это обстоятельство, в свою очередь, ставит вопрос об прототипе изображенных там образов. Предположения, согласно которым рисунок мог быть подготовлен с опорой на соответствующие европейские издания или на рисунки, выполненные китайскими художниками в Кяхте или в Пекине, где в это время побывали торговый караван, дипломатические курьеры и прибыл новый состав Духовной миссии, не позволяют решить эту проблему. Следует отметить, что этот же вопрос ставился исследователями и при анализе других изображений «Чжигун ту», но также до конца решен не был.

Более перспективным оказывается анализ текста, сопровождающего рисунок, и сопоставление рисунка и текста с другими рисунками и текстами собрания. Анализ текста показывает, что он восходит к фрагментам китайского сочинения «И юй лу» (Записки о чужеземном крае), содержащим описание путешествия китайского посольства, направленного на Волгу к калмыцкому правителю Аюке-хану (1712–1715). Фрагменты эти, судя по всему, были воспроизведены по цитате из этого текста, включенной в посвященный России раздел китайского географического свода «Да Цин и тун чжи». Сопоставление текста и рисунка дает основание предполагать, что текст в данном случае был первичен, а рисунок был подготовлен, чтобы его иллюстрировать. Сопоставление же других рисунков (например, рисунка, где изображены поляки) с сопутствующими текстами показывает, что в других случаях первичным мог быть рисунок, а подпись была призвана объяснить нарисованное.

Проведенный анализ, таким образом, позволяет говорить о наличии как минимум двух моделей подготовки материалов для данных сборников.

Волчкова Е.В.

Описания народа гэлао в «альбомах мяо» XVIII – начала XIX вв.

«Альбомы мяо» представляют собой собрания изображений и сопровождающей информации о народах Юго-Западного Китая (чаще всего – пров. Гуйчжоу и Юньнань), которые получают распространение в Китае в XVIII в. с активизацией политики перевода окраинных регионов под прямое управление имперской администрации (*гайту гуйлю*). В отличие, например, от альбомов «Хуан Цин чжигун ту» (Изображения данников августейшей Цин), альбомы мяо создавались не под императорским патронажем, а по частной инициативе, которая нередко принадлежала чиновникам, служившим в юго-западных областях, или ученым, занимавшимся сбором и классификацией этнографической информации о неханьских народах. Тексты в таких альбомах могли заимствоваться из историко-этнографических описаний провинций (например, «Гуйчжоу тунчжи») или же писались самим составителем на основании реальных наблюдений за бытом населения Юго-Запада. Цветные иллюстрации также обнаруживают знакомство создателей – профессиональных художников – с предметом изображения.

Помимо собственно тех этнических групп, которых китайская традиция классифицировала как мяо, альбомы мяо описывают и другие народы, проживавшие в Гуйчжоу и сопредельных регионах. Одним из таких примеров может служить народ гэлао, анализ привоимой информации о котором дает возможность проследить структуру интереса составителей альбомов к предмету описания. Язык гэлао относится к паратайской (тай-кадайской) языковой семье, однако из-за долговременного проживания рядом с мяо гэлао восприняли от них ряд культурных традиций, что отмечается некоторыми составителями альбомов мяо. Гэлао классифицируются в этих альбомах согласно принятой имперской практике – исходя из наиболее ярких черт материальной культуры и обычаев («выбивающие зубы гэлао», «красные гэлао», «цветные гэлао», «гэлао [носящие головной убор в виде] круга для котла», «гэлао в накидках», «стригущие волосы гэлао», «кующие железо гэлао», «водные гэлао» и т.д.)

Прежде всего, в описаниях заметен политический интерес составителей – часто текст резюмируется выводом о способности той или

иной группы к взаимодействию с властями, мирном или немирном характере, трудолюбию и выборе достойного или недостойного, с точки зрения властей, типа хозяйствования. Одновременно альбомы мiao становятся воплощением краеведческого интереса к южным регионам Китая среди ученых цинской империи, который выражается в каталогизации этнографической информации. Применительно к гэлао, в частности, составители анализируемых альбомов выделяют три разных типа причесок и головных уборов, наиболее яркие элементы традиционной одежды и типы жилых построек; описывают шаманские верования и структуру брачных отношений. Наконец, еще один аспект описаний – заметный интерес ко всему экзотическому, чудесному (и нередко морально амбивалентному) в жизни неханьских народов – делает альбомы мiao к концу XVIII в. популярными среди широких слоев населения. У разных групп гэлао, например, составители фиксируют (и сопровождают подробными иллюстрациями) обычай выбивания зубов невестами перед свадьбой, необычный для китайцев похоронный обряд, специфические формы жертвоприношений, склонность к вооруженному насилию и антисанитарные привычки.

Литература

1. Мяо фань ту 苗蕃圖 (Альбом вассалов мiao). Б/м, б/г. – Chinese Rare Book Collection. Library of Congress. <https://www.loc.gov/item/2014514068/>
2. Фан Тин. Мяомань ту цэ е 苗蠻圖冊頁 (Альбом мiao и маней). Б/м, 1786. – Chinese Rare Book Collection. Library of Congress. <https://www.loc.gov/item/2014514069/>
3. The Art of Ethnography: A Chinese «Miao Album» / Trans. David M. Deal and Laura Hostetler. Seattle: University of Washington Press, 2006. 177 p.

Симонова-Гудзенко Е.К.

«Приключения» географической карты Японии: Франция – Россия – Япония

Картография, являясь одновременно наукой, искусством и техникой, предполагает и многофункциональность использования карты. Как и любой другой исторический документ географическую карту возможно интерпретировать лишь в историческом контексте ее соз-

дания и использования. С древних времен географические карты создавались мастерами в одних странах, использовались в разных, пути их «движения» часто были запутаны и сложны.

В 1792 г. Россия предприняла попытку установления отношений с Японией. Была направлена миссия под руководством Адама Лаксмана (1766–1806), в числе задач которой было сопровождение на родину Дайкокуя Кодаю (1751–1828), японского капитана, потерпевшего кораблекрушение и проведшего 11 лет в России. История японского капитана, потерпевшего кораблекрушение у дальневосточных берегов России, широко известна. В историографии данное событие традиционно рассматривается как один из важных этапов российско-японских отношений XVIII в. Доклад посвящен «приключениям» карты Японии, которая была привезена русским посольством в далекую восточную страну.

Во время своего пребывания в России японский капитан по просьбе принявшей его страны делал карты Японии. Вероятно, Кодаю рисовал карты Японии в период 1789–1791 в Иркутске и Петербурге, исследователи полагают, что он сделал 7 карт. Дневник японского капитана, умение пользоваться морской картой позволяют предположить его достаточно высокий уровень образованности. Вызывают удивление допущенные им неточности при создании карт японского архипелага. Возможно, именно эти неточности в сделанных японцем картах, явились одним из оснований включить карту Японии в комплект 10 карт (мира, Европы, Азии, Африки, Америки, Азии и Америки, полная карта России, «гармошки» из 8 карт наместничеств и губерний России, Петербурга, Японии), привезенных посольством А. Лаксмана.

В Японию была отправлена карта 1679 г. Ж. Б. Тавернье (1605–1689) известного французского путешественника XVII в.

Одна из первых книг о Японии в России была издана в 1734 г. В ней были приведены некоторые общие сведения об островах и их жителях, а также рассказывалось о гонениях на христиан. Книга «Описание о Японе: Содержащее в себе три части, то есть: Известие о Японе и о вине гонения на христиан, Историю о гонении христиан в Японе и Последование странствования Генрика Гагенара, которое исправною ландкартою и изрядными фигурами украшено» была составлена из трех адаптированных для русских читателей сочинений Ж. Б. Тавернье, Р. Жизберца, Ф. Карона и открывалась картой Япо-

нии 1679 г. Ж.Б. Тавернье. Это была первая печатная карта Японии в России. В Японию, вероятно, была отвезена рукописная копия этой карты, сделанная в 1782 г. В.Ф. Ловцовым штурманом бригаантины в экспедиции А. Лаксмана.

В XVIII в. французские ученые, среди которых было немало картографов, служили при русском императорском дворе. Вероятно, популярность французского языка и культуры предопределила выбор русских составителей книги «Описание о Японе». В конце XVIII в. в России должен был уже быть известен Атлас Ортелия, и карта Японии Тейшейра в нем опубликованная, однако миссия Лаксмана в комплекте карт привозит карту Японии Тавернье, возможно, потому что копия была у них под рукой. Эту «русскую» карту Японии представил Кацурагава Хосю (1751–1809) в «Хосо бунряку» в 1794.

Таким образом, карта, созданная в 1679 г. во Франции французским мастером, была переведена и издана в 1734 г. в России, а в 1792 г. была привезена в Японию.

Наливайко О.А.

Дайдокоро кайрё – модернизация кухни в Японии в конце XIX – начале XX века

В докладе анализируются различные аспекты и последствия «кухонных преобразований», проведенных в Японии в конце XIX – начале XX века, а также рассматриваются отдельные иллюстрации и рекламные изображения из периодической печати начала XX века.

Согласно новой идеологии каждая женщина в стране должна была «отдать свой долг государству», всецело посвятив себя семье и освоив все тонкости ведения домашнего хозяйства, то есть стать *сюфу*. Термин «*сюфу*» – домохозяйка, появившийся в японской периодической печати в конце XIX века, трактовался не просто как «замужняя неработающая женщина, занятая домашними делами», а как профессия, требующая от женщин владения теоретическими знаниями и практическими навыками [Cwiertka, 1998, p. 75]. Все аспекты комплекса домашней кулинарии оказались под пристальным вниманием просветителей эпохи Мэйдзи (1868–1912). В частности, вопросы гигиены во время приготовления пищи стали одной из важ-

ных тем как в периодике, так и в пособиях по домоводству и кулинарных сборниках начала XX века.

Кухонное пространство как одно из самых загрязненных мест в доме подлежало немедленному реформированию. В одном из известных женских журналов конца XIX – начала XX века – *Дзёгаку дзасси* – читательниц призывали относиться к кухне как к научно-исследовательской лаборатории, а процесс приготовления пищи сопоставлялся с медицинским экспериментом по созданию новой вакцины, способной спасти тысячи жизней [Sand, 2003, p. 63].

В периодической печати и публицистических изданиях эпохи Мэйдзи часто говорилось о необходимости проведения «реформы кухни», то есть о внедрении технических новшеств: электрического освещения, водопровода, газовых плит.

В начале XX века у японских домохозяек постепенно формируются новые привычки, характерные для представителей западной культуры (готовить стоя, носить фартук, пользоваться стеклянной и алюминиевой посудой). Безусловно, упомянутые нововведения затронули весьма ограниченный круг городских семей и до 20-х годов XX века оставались недоступной роскошью для большинства населения страны.

Новые представления об идеальном кухонном пространстве нашли своё отражение в иллюстрациях и рекламе, размещенных в периодических изданиях. К примеру, красочная гравюра с изображением образцовой кухни в доме государственного деятеля Окума Сигэнобу (1838–1922) на первых страницах романа Гэнсай Мураи (1863–1927) «Наслаждение от приёма пищи» (*Куй до:раку*, 1903) или реклама алюминиевой печи-*камадо* в политической газете *Хо:ти симбун* (1903) наглядно демонстрировали результаты технического прогресса и заявляли о новых возможностях, открытых для жителей страны.

Анализ информации, взятой из периодики и публицистики, а также из отдельных иллюстраций и изображений, позволяет утверждать, что «реформа кухни» представляла собой долгий процесс и до 20-х годов XX века носила скорее идеологический и образовательный характер. Несмотря на настойчивые призывы просветителей эпохи Мэйдзи, бытовые условия, особенности архитектурного устройства японского жилища, недоступность и дороговизна технических новшеств не позволили провести быструю модернизацию кухонного пространства.

Литература

1. *Cwierka K.* The Making of Modern Culinary Tradition in Japan / Ph.D. dissertation. – The Netherlands: University of Leiden, 1998. – 235 p.
2. *Sand J.* House and Home in Modern Japan: Architecture, Domestic Space, and Bourgeois Culture, 1880–1930. – Harvard University Asia Center, 2003. – 482 p.

Овчинникова Л.В.

**Национально-освободительная борьба
в Корее в 1920–1930 гг. и Коминтерн в служебных
материалах японского генерал-губернаторства**

2020 г. – это год 75-летия победы в Великой Отечественной войне, разгрома милитаристской Японии и освобождения Кореи. Автор обращается к истории национально-освободительной борьбы корейского народа. Прошлый 2019 г. – год столетия со дня образования Коминтерна. Автор пытается проследить, в какой степени решения Коминтерна коснулись борьбы корейцев за освобождение.

Проблематика истории Кореи и Японии колониального периода остаётся актуальной. Одним из источников его изучения можно считать служебные издания японского генерал-губернаторства. Содержащаяся в них информация позволяет выделить основные этапы борьбы корейского народа за обретение независимости, определить следующие блоки вопросов: 1. Подъем корейской освободительной борьбы в начале новейшего периода истории. Выступление 1919 г. Зарождение социалистического движения в Корее, его зарубежный период (1919–1925 гг.) 2. Зачатки единого фронта патриотических сил Кореи. Создание КПК. Июньская демонстрация 1926г. Образование общества «Синганхве» (1925–1928 гг.) 3. Левосектантский курс VI Конгресса Коминтерна (июль-сентябрь 1928г.). Ультралевизна и сектанство в борьбе корейских патриотов. Роспуск КПК в 1928 г. Роспуск Синганхве (1929–1935 гг.) 4. Изменение тактики корейского освободительного движения после VII Конгресса Коминтерна (июль-август 1935 г.). Патриотическое подполье в стране. Борьба корейских партизан в Маньчжурии (1935–1939 гг.).

Авторы японских служебных изданий отмечают влияние на Корею революционных событий в России, а также вильсоновских принципов. Источники указывают на переплетение в корейской ос-

вободительной борьбе двух внешнеполитических ориентаций, что засвидетельствовали события 1919г. Период после реформ 1919 г. именуется временем легальной борьбы левых сил. Он характеризуется ими как прямой непосредственный перенос в Корею из-за границы – в первую очередь из России – коммунистических идей. Не поддерживая утверждение о полном диктате РКП(б) при отсутствии внутренних условий для освободительного движения в стране, автор напоминает о помощи со стороны Москвы, Советской России, Коминтерна. Их указания, рекомендации были далеко неоднородны. Решение VI конгресса Коминтерна не признать ни одну из делегаций, прибывшей на конгресс, не оправдало себя; роспуск КПК был данью сектантству, революционному нетерпению со стороны Коминтерна. Июньская демонстрация 1926 г. продемонстрировала возможность единства действий патриотов разной политической ориентации. И все же в 30-е годы в освободительной борьбе корейцев, прежде всего в леворадикальном движении, усилились левацкие ультрареволюционные наслоения, отход от наметившегося единства действий с буржуазно-патриотическими силами, что было в первую очередь отражением установок VI Конгресса Коминтерна.

Вторая половина 30-х гг. была периодом серьезных перемен в мире, связанных с наступлением фашизма и ростом угрозы войны. Мировая ситуация требовала новой стратегии и тактики освободительной борьбы колониальных и зависимых стран. VII конгресс Коминтерна 1935 г. выдвинул политику единого широкого народного фронта для борьбы против фашизма и войны для решения общедемократических задач. Решения VII конгресса сыграли определенную роль в развитии национально-освободительной борьбы в Корее, перехода ее к новому этапу. В левом лагере освободительного движения стали проявляться симптомы постепенного «выздоровления».

Новакова О.В.

**«Вьетнам или Индокитай?»
Концепция индокитайского федерализма Франции
и позиция КПК**

1. Образование Индокитайского союза в 1887 г. в составе пяти частей: Тонкин, Аннам, Кохинхина, Камбоджа и Лаос. Появление

в лексиконе термина «Индокитай». Распространение термина «Đông Dương» во вьетнамском языке на рубеже XIX и XX веков. Символизм образа «Пяти цветов», раскрывающего понятие «Индокитайский союз». Вместе эти пять разнородных частей должны были составить новую геополитическую единицу, образуя пятиконечную структуру, которая стала называться Индокитайский союз. Прекращение использования прежних названий Дайнам или Вьетнам.

2. Новые методы управления Франции ее новым колониальным владением на Дальнем Востоке. Организация управления более чем шестнадцатью миллионами человек в рамках новой формации – Индокитайского союза.

3. Теоретическое обоснование генерал-губернатором Полем Бо и политическим комиссаром в Тонкине и Лаосе Ж. Арманом новых концепций управления. Тезис о ведущей роли вьетнамцев в Индокитайском союзе при наборе административных кадров в Лаос и Камбоджу.

4. Альбер Сарро (генерал-губернатор Индокитая в 1911–1914, 1917–1919 гг.) и его идея франко-вьетнамского сотрудничества и формирования новой элиты. Появление многочисленной вьетнамоязычной прессы и ее роль в формировании мышления новой элиты [Новакова, Соколова, 2011, с. 267–268].

5. Французская концепция Индокитайской федерации как возможная модель государственного устройства Индокитайского союза. Начало движения вьетнамцев на запад, в Камбоджу и Лаос в формате Индокитайского союза. Путешествие Фам Кюиня в Лаос [Pham Qũnh, 1931, p. 3–7.]

6. Связь процесса вьетнамской иммиграции в Лаос и Камбоджу с концепцией Индокитайской федерации и проблемами модернизации у вьетнамской элиты, составившей в 1930-е годы некий перелом в отношениях между вьетнамцами и их западными индокитайскими соседями, проявившийся со всей полнотой во время Второй мировой войны.

7. Вьетнамские соседи – Камбоджа и Лаос, входившие в состав Индокитайского союза – и их реакция на происходившие перемены. Дискуссия Фам Кюиня с принцем Лаоса Пхетсаратом.

8. Форсирование Францией проведения политики «Индокитайской федерации» на фоне постоянно растущих антиколониальных выступлений. Линия Коминтерна на создание КПИК.

9. Позиция левых партий по вопросам концепции «Вьетнам или Индокитай?». Применение термина «Вьетнам» в революционных выступлениях 1930-х годов, организованных ВВП и. КПИК. Модель Советского Союза, как потенциальная форма советского государства в Индокитае с включением Лаоса и Камбоджи в «Советский союз Индокитайской Республики» [Новакова, 2018, с. 113–115; 118–119.].

10. Неопределенность самого названия страны после коллапса колониальной системы в 1945г. Победа Августовской революции 1945 г. и окончательное закрепление названия «Вьетнам» (ДРВ) как официального.

Литература

1. *Новакова О.В.*, Соколова. В. Н. Вьетнамская «старая» и «новая» элита в колониальный период: суть конфликта (первая половина XX в.). – «Элиты стран Востока» – М. МГУ – 2011. – С. 256–272
2. *Новакова О.В.* Об истории зарождения коммунистического движения во Вьетнаме – Вьетнамские исследования. Серия 2 – 2018, № 1 www.ifes-ras.ru/vs. – С. 105–120.
3. Pham Qũnh. «Du-Lich Xu Lào » («Voyage au Laos»). // Nam-Phong – janvier 1931 – n° 158 – P. 3–7.

Сучков Г.В.

Малайзия после выборов 2018 г.: веки внутриполитического противостояния

В мае 2018 г. Малайзия стала свидетельницей, пожалуй, самого серьезного электорального потрясения в своей истории: впервые на общенациональных выборах оппозиция сумела завоевать большинство мандатов, а к формированию кабинета министров приступил добившийся триумфа Альянс надежды. При этом во главе правительства встало узнаваемое и уже имевшее опыт работы премьером лицо – ветеран малайзийской политики Махатхир Мохамад, с именем которого ассоциировались многочисленные успехи государства в недалеком прошлом [3].

Интригу таила судьба неожиданно для самого себя оказавшегося на непривычной стороне баррикад Национального фронта. Не меньшего внимания заслуживала борьба за власть, намечавшаяся в лагере победителей и обещавшая стать лейтмотивом малайзийской полити-

ки в обозримом будущем. Махатхир Мохамад и Анвар Ибрагим, еще один лидер Альянса надежды, оказались в одной лодке во многом волею стечения обстоятельств: их отношения с конца 1990-х гг. были в лучшем случае натянутыми (иногда дело доходило до открытых конфликтов). Мало у кого в Малайзии возникали сомнения в том, что амбиции этих политических деятелей рано или поздно в очередной раз столкнутся.

Борьба за власть в стане победителей в известной степени проявилась уже в первые недели после подведения итогов выборов. С течением времени градус политической напряженности лишь повышался. Противоречия достигли своего апогея в феврале 2020 г. и завершились отставкой премьера, на временной основе продолжившего, однако, исполнение служебных полномочий (отдавать кормило правления он не собирался). Это породило известную неопределенность, грозившую перерасти в настоящий политический кризис. Дополнительное измерение конфликту придавало то, что Объединенная малайская национальная организация, давно привыкшая быть у руля и вместе с союзниками отстраненная от власти в мае 2018 г., увидела в этих событиях шанс для себя; некоторые другие оппозиционные структуры также пытались воспользоваться ситуацией [см., например: 1]. Эти перипетии привели к расколу находившейся у руля коалиции и приходу к власти нового премьера Мухидина Яссина, который объединил усилия с ключевыми элементами оппозиции [2].

В своем выступлении докладчик остановится на анализе промежуточных итогов политической борьбы последних двух лет и очертит свое видение возможного сценария развития событий в Малайзии в ближайшее время.

Литература

1. Berita Harian, 27.02.2020. Дата обновления: 27.02.2020. URL: <https://www.bharian.com.my/berita/nasional/2020/02/659797/terkini-kronologi-kemelut-politik-negara> (дата обращения: 01.03.2020).
2. Berita, 01.03.2020. Дата обновления: 01.03.2020. URL: <https://www.bernama.com/bm/politik/news.php?id=1817800> (дата обращения: 01.03.2020).
3. The Straits Times, 10.05.2018. Дата обновления: 11.05.2018. URL: <https://www.straitstimes.com/asia/se-asia/mahathir-sworn-in-as-7th-malaysian-pm> (дата обращения: 01.03.2020).

Сафронова А.Л.

Индийские княжества и Британская империя: синтез политических культур

Система управления «княжеской Индией» окончательно сформировалась во времена королевы Виктории в последней четверти XIX в. и «канула в Лету» в процессе обретения Британской Индией независимости в 1947 г. и последовавшей интеграции княжеств в доминионы Индийский союз и Пакистан.

Вопреки устоявшимся представлениям о том, что княжества (общее их число достигало 600 и они занимали 45% южноазиатского субконтинента) долгое время оставались за пределами политической жизни Индостана и Британской империи в целом, исследования последних лет показывают, что деятельность князей отличалась активностью и носила многовекторный характер, идущий при этом наперекор протестным движениям индийских национальных сил в провинциях Британской Индии. Князья были прочно привязаны к политической жизни Британской империи и британского королевского дома. В рамках Британской империи князья строили свои отношения с вице-королями и британскими монархами по законам метрополии. Они были вписаны в политические процессы через Имперские конференции, подписание Версальского договора и деятельность в Лиге наций, Конференции «круглого стола» в Лондоне начала 30-х гг. Княжеские военные контингенты участвовали в мировых войнах.

Исторически сложившееся взаимодействие индийских княжеств и британских имперских институтов привело к складыванию уникальной политической системы княжеств, отстаивавших перед лицом британцев свое право на традиционные для истории Индостана модели управления, с одной стороны, и перенимавших элементы политической системы британской монархии, сочетавшей монаршее правление с развитием представительных институтов власти – парламентом, с другой. Князья стали создавать совещательные органы при дворе – диваны, вводить посты министров, которым делегировали часть своих полномочий. Британские резиденты и агенты были важной составляющей этих представительных органов, являясь советниками князей и координаторами их деятельности во внешних, а нередко и внутренних делах княжеств. Англичане, в свою очередь,

использовали в строительстве своих отношений с князьями традиционные обычаи: в результате возникла синтетическая форма управления – британские дарбары, проводимые вице-королями.

Продуманный до деталей церемониал, сложившийся во взаимоотношениях княжеских дворов и британских властей, невзирая на то, какой религиозной принадлежности был правитель, был основан на общей для всех культуре *дарбара*, заимствованной у правителей Могольской эпохи и трансформированной с учетом реалий колониального времени. В помпезных дарбарах махараджей и навабов принимали участие британские резиденты и агенты. Британские дарбары проводились вице-королями, и даже монархами в Дели в 1877, 1903 и 1911 гг. Британские монархи (Виктория, Эдуард VII, Георг V, Георг VI) санкционировали права князей на власть.

Князья наделялись целым рядом почестей, вели борьбу за увеличение количества салютных залпов в их честь на проводимых британскими вице-королями дарбарах. Стремясь создать себе опору в лице лояльной индийской знати, британцы даровали князьям гербы, создаваемые знатоками британской геральдики. В Британской империи для них были учреждены специальные награды – Орден звезды Индии, Имперский Орден короны Индии, Орден Британской Индии, им присуждалась военная награда Британской империи – Крест Ордена Виктории. Постепенно сложилась своеобразная культурная традиция англо-индийского колониального общества, вместившая в себя как старинные индийские традиции княжеских династий, так и обычаи британского королевского дома.

Смирнов В.Е.

«Книга законов Египта» («Мысыр Кануннамеси») о месте и роли оджаков в военно-политической иерархии Османского Египта в эпоху первых бейлербеев

Завоевание турецким султаном Селимом I Явюзом Египта и включение его территорий в состав Османской державы повлекло за собой реформирование всей военно-административной системы бывшей империи мамлюков. Османские правители предусмотрительно учредили в Египте нескольких центров политической активности, взаимное противодействие которых должно было стать

гарантом стабильности внутри самой провинции и в конечном итоге способствовать созданию благоприятных условий для эффективной эксплуатации хозяйственных ресурсов страны.

В центре внимания настоящего исследования – размещённые в египетском бейлербейлике османские боевые части, или оджаки, призванные лишить прежних властителей-мамлюков монополии на военную власть. Обладая средствами внеэкономического принуждения, они играли роль одной из наиболее активных и влиятельных социально-политических групп, которые обеспечивали на начальном этапе османского правления устойчивый баланс властных структур.

Для анализа военно-бюрократических структур Османского Египта несомненный интерес для исследователей представляет один из знаковых османско-турецких документов, связанных с определением нового статуса Египта и характера его взаимоотношений со Стамбулом – свод законодательных положений (канун-наме). «Мысыр кануннамеси» («Книга законов Египта») – основополагающий документ центральной османской администрации, который почти три столетия регламентировал военно-административное и хозяйственное обустройство страны. Этот манускрипт содержит ряд ценных сведений о внутренней структуре и организации воинской службы в оджаках.

Проанализированные материалы данного источника показали, что в интересующий нас временной отрезок (1522–1586 гг.) египетское гарнизонное войско не было единым целым. Оно состояло из семи войсковых корпусов (оджаков) и представляло собой довольно пёстрый конгломерат лиц разной этнической и социальной принадлежности. Часть из них относилась к категории «государевых слуг», набравшихся либо из рабов, либо посредством набора «девширме» из христианского населения империи, другие были обычными провинциальными ополченцами, сопровождавшими армию Селима, третьи мамлюкскими воинами, присягнувшими на верность своему новому сюзеру. Все вместе она представляли собой особую, хотя и разнородную, привилегированную часть египетского общества, приём в которую представителей автохтонных социальных слоёв был категорически запрещён.

Османские части в Египте отвечали за поддержание законности и порядка в стране, обеспечивали сбор налогов и доставку регулярной дани в Стамбул, охрану караванных путей, т.е. выполняли

функции, характерные для провинциальных гарнизонов в других областях империи. Египетские оджаки образовали не совсем типичное для османских провинций крупное гарнизонное войско на жалование. При первых османских бейлербеях они выступали в качестве полноценного составного элемента имперского войска и претендовали на ведущие роли в военно-политической иерархии страны.

Литература

1. Баркан, Омер Лютфи. Книга законов Египта (Мысыр Кануннамеси, 1524). Перев с тур. Э.А. Грунина, прим.: Ф.М. Ацамба, Э.А. Грунина; предисл. М.С. Мейер; отв. ред.: Ф.М. Ацамба, М.С. Мейер. – М.: Издательский дом «Медина», 2017. – 152 с.
2. Ацамба Ф.М. Система административного управления египетской провинции Османской империи (XVI–XVIII вв.) // Восток в новое время. Экономика, государственный строй. – М.: Издательство «Наука», 1991. – С. 115–117.
3. Иванов Н.А. О типологических особенностях арабо-османского феодализма // Народы Азии и Африки. – 1978. – № 3. – С. 63–66.

Коняшкина Т.А.

«Навязанная республика» [1]: Модернизация vs традиция в республиканской кампании 1923–24 гг. в Иране

Если идея республиканского правления, отметившего 2019 году свое сорокалетие, была для Ирана конца 70-х гг. XX в. практически безальтернативной, то ее конкретное претворение, основанное на принципе «веляйте факих», вызвало дискуссию, отсылающую исследователя к событиям начала 20-х гг., когда попытки ревизии монархических принципов, реализовались в два независимых республиканских проекта – сначала в прикаспийском Гиляне, где она была декларирована от имени традиционного лидера, вождя местных повстанцев Кучек-хана, а вскоре и в Тегеране, где ее инициировала центральная власть. Впрочем, провозглашение в Гиляне советской социалистической республики не рассматривалось официальным Тегераном как серьезная угроза монархическим устоям в стране. В ней видели главным образом факт военной экспансии с возможностью распада страны.

Безусловно, эти события являются следствием тех кардинальных изменений, которые были вызваны Первой мировой войной. Заявившие о себе в первую очередь в воюющих странах, они не обошли и нейтральный Иран. Серьезную обеспокоенность Тегерана вызывал усиливавшийся сепаратизм племенных вождей, взрыв демократического движения в Азербайджане и Гиляне.

Выход из затянувшегося кризиса молодые политики из партии «Таджадод» видели в низложении каджарской династии и передаче властных полномочий премьеру и военному министру Реза-хану как президенту республики. Умело организованная ими кампания по дискредитации каджаров обеспечивала, как казалось, гарантированную победу «премьерского эскорта», который даже с минимальным откликом «улицы» мог считать себя победителем. [2] Но примеры соседних Турции и Советской России, которые привлекали иранских националистов возможностью утверждения во власти политического деятеля с амбициями вождя общенационального уровня, оказались не востребуемыми обществом. Начатая Реза-ханом и его окружением республиканская кампания вызвала столкновение двух социальных сил, обладавших возможностью быстрой и эффективной мобилизации своих сторонников: нового претендента на власть, который, мог уверенно опереться на армию, и таких традиционных институтов как духовенство, пользующееся поддержкой торгово-ремесленного населения городов. [3] За этими двумя силами стояли противоположные принципы и скрытые за ними смыслы – светски ориентированный националистический подход и инерция традиции, подкрепившая в начале XX в. свои позиции текстом конституции, дававшим видным шиитским богословам право контроля над законодательной властью.

У этого сюжета открытый финал. Одержав победу над своими противниками во время республиканской кампании, традиционные силы в то время не смогли предложить обществу, находившемуся в поиске выхода из тупика каджарского правления, перспективный политический контрпроект. Общественный запрос на сильную и независимую власть, а фактически на сильную личность как ее главу, который формировался иранской публицистикой, начиная с Первой мировой войны, был реализован в его стандартной монархической форме. В октябре 1925 г. 5 меджлис низложил династию каджаров, а в декабре Реза-хан был объявлен наследственным шахом Ирана под именем Реза-шах Пехлеви.

Литература

1. *Эшки Мирзаде*, Джумхури-наме // Коллийат-е мосаввар, Тегеран, 1350 (1981), с. 282
2. Бюллетень полномочного представительства СССР в Персии, РГАСПИ, фонд 495, оп.90, д.93, л. 9
3. *Cronin S.* (ed.), *The making of modern Iran: State and society under Riza Shah, 1921–1941*, Routledge, Taylor & Francis group, London, New York, 2003.

Победоносцева Кая А.О.

Какого цвета партийный билет? Следственное дело курдоведа А. Шамилова

Массовые официальные документы о гражданах позволяют расширить источниковую базу изучения различных исторических процессов через исследование биографий. Относительно малодоступные документы следственных дел являются особенно ценным источником информации о политических процессах именно в силу своей закрытости, которая вела к накоплению в них совсем иных сведений, чем в других, особенно публичных документах.

Основным источником доклада послужило следственное дело по обвинению курдоведа Араба Шамоевича Шамилова, арестованного в 1935 г. и сосланного в ИТЛ. Яркая и талантливая, но и неоднозначная личность Араба Шамоевича Шамилова (1897–1978) позволяет использовать его биографию, как курда и выходца из Закавказья для исследования эволюции отечественных курдских исследований, а также смены внутренней политики по отношению к национальным меньшинствам.

А.Шамилов родился в семье езидского шейха в селе Сусуз Кагызманского округа Карсской области. Занимаясь с ранних лет пастушеством среди различных народов региона, он не только освоил местные языки, но и начал политическую деятельность связавшись в 1916 г. с организацией РСДРП (б) в Сарыкамьше.

В 1918 г. А.Шамилов вступил в партию и до 1923 г., по его утверждению, работал в ВЧК-ОГПУ и участвовал в боях против генералов Алексева, Деникина, Шкуро, Драценко. До 1930 г. А.Шамилов неоднократно арестовывался и был судим, что не мешало ему быть ответственным инструктором ЦК КП (б) Армении в 1924–1930 гг.

Шамилов не имел высшего образования, хотя и учился в Московском Институте Живых Восточных Языков (МИЖВЯ), Институте Востоковедения им. Н.Нариманова и Комвузе им. И.Сталина (Ленинград). Это не помешало ему поступить в аспирантуру Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК), заниматься научной работой в области лингвистики и этнографии, преподавать курдский язык на Курсах Нацмен Советского Востока, участвовать в организации Первой Всесоюзной курдоведческой конференции в 1934 г. и разработке нового курдского алфавита.

Репрессии середины 1930-х гг. коснулись многих востоковедов, но особенно катастрофически они отразились на курдоведении, почти полностью уничтожив его как отрасль. А.Шамилову выпало работать в этих условиях, и его судьбу, которая отражает общие процессы внутривосточной борьбы в СССР и разгрома курдоведения, удалось реконструировать, используя материалы неопубликованных следственных и личных дел сослуживцев, подопечных и коллег А.Шамилова, например, К.К.Курдоева, С.Б.Джафарова и др. Эти данные позволили проследить социальную активность А.Шамилова, который сочетал покровительство избранным лицам с успешной работой в области курдоведения и взаимодействием с государственными структурами.

При подготовке доклада были использованы материалы Архива Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, Центрального государственного архива Санкт-Петербурга, Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга, Центрального государственного архива литературы и искусства Санкт-Петербурга, архивов Российской Академии Наук (ИИМК РАН, АРАН, СПбФ АРАН).

Шлыков В.И.

Противоречивая динамика развития турецко-американских отношений в исторической перспективе 1940-х – 2010-х гг.

В докладе представлены результаты анализа периодов восходящей и нисходящей динамики развития турецко-американских отношений в исторической перспективе последних восьми десятилетий

(1940-е – 2010-е гг.). Исходный тезис о дискретности в развитии отношений Анкары и Вашингтона позволил выявить важный парадокс: факторы, сближавшие две страны, одновременно составляли основу их разногласий. Генезис сегодняшнего кризиса турецко-американских отношений рассматривается в нескольких взаимосвязанных аспектах – с точки зрения нарастания авторитарных тенденций, отхода Турции от прозападного консенсуса во внешней политике и ее выпадения из орбиты «блоковой солидарности» по линии НАТО, а также эскалации принципиальных расхождений в трактовках и подходах к вопросам региональной и международной безопасности.

С 1940-х гг. отношения Анкары и Вашингтона балансировали между сотрудничеством и конфронтацией. Заинтересованность США детерминировалась стремлением использовать Турцию для противодействия «советской угрозе», а также для поддержания регионального баланса сил. Однако активность Турции на Ближнем Востоке в 1950-е гг. оказалась масштабнее, чем рассчитывали США.

К концу 1960-х гг. и особенно в 1970-е гг. Турция все с меньшим энтузиазмом демонстрировала готовность быть проводником американской политики в регионе, выстраивая собственную ближневосточную политику, которая не должна быть составным элементом турецко-американского сотрудничества. Снижение интереса США к Турции вместе с эмбарго на поставки оружия Турции из-за Кипра (1974) привели к стагнации турецко-американских отношений в конце 1970-х гг.

В 1980-е гг. США озаботились необходимостью реанимировать отношения с Турцией, поскольку в 1979 г. региональная конъюнктура значительно изменилась (Иран, Йемен, Афганистан).

В 1990-е гг. Турция выполняла ключевую роль в сдерживании Ирака и Ирана, помогала Вашингтону в реализации его политики на Балканах и построении энергетического коридора «Восток–Запад». В начале 2000-х гг. Турция – участник международной коалиции во главе с США и партнер в афганском урегулировании, а также пример страны, сочетающей западную демократию, рыночную экономику и ислам.

Нарастание кризисных тенденции с конца 2000-х и в 2010-е гг. отразило формирование нового баланса приоритетов и ценностных

установок Анкары, в котором ценностно-идеологическая солидарность с Западом, характерная для периода «холодной войны», была вытеснена идеей примата среднесрочных национальных, а по сути, конъюнктурных, интересов. Вопросы политической идентичности девальвировались, а новые политические элиты Турции 2000-х и 2010-х гг. стали рассматривать партнерство с США в иной системе координат (сквозь призму потенциальных вызовов национальной безопасности и потенциальному содействию в их купировании).

В 2010-е гг. сотрудничество между Турцией и США, ранее развивавшееся преимущественно в рамках НАТО и многосторонних международных инициатив, сузилось до формата двухстороннего взаимодействия, что отразило концептуальные расхождения в подходах к региональной и международной безопасности. Турецко-американские отношения оказались на самом низком уровне за всю историю их развития. За очевидными проблемными зонами и сферами расхождения интересов (по всей совокупности ближневосточной повестки дня, вопросе об экстрадиции Ф. Гюлена и др.) – лежат структурные факторы вкупе с различиями в глобальных и региональных приоритетах двух стран и их политических элит.

Шлыков П.В.

Трансформация политической роли армии в Турции в 2000-е и 2010-е гг. и проблема милитаризации турецкой политики¹

В докладе представлены результаты анализа трансформации роли военной элиты в общественно-политической жизни Турции в 2000–2010-е гг. как отражение процесса формирования новой модели военно-гражданских отношений и переосмысления внутренних и внешних угроз национальной безопасности. В фокусе анализа – институциональные, правовые и финансово-экономические основы политического влияния армии, структурные преобразования в организации вооруженных сил (ВС) и иерархии соподчинения военного и политического руководства страны, кадровое реформирование

¹ Работа подготовлена при поддержке гранта РФФИ проект №17-01-00203.

турецкой армии, а также ревизия доктрины национальной безопасности.

Многофакторный анализ трансформации военно-гражданских отношений позволил выделить ряд ключевых факторов-катализаторов этого процесса. Во-первых, масштабные реформы европеизации 2000-х гг., определившие ход политической трансформации страны в 2000-е гг. Во-вторых, рекордное по продолжительности для демократического периода развития страны время пребывания у власти одной партии, относительные успехи экономического курса которой ощутимо усилили позиции «гражданской политики» в целом. В-третьих, переосмысление содержания и изменения в подходах к определению угроз национальной безопасности и мерах по их купированию, выразившееся в том, что традиционный для военной элиты подход, выразившийся в «секьюритизации» острых политических вопросов, уступил место поиску политико-экономических компромиссов (ради обеспечения национальной безопасности стали активно использоваться инструменты «мягкой силы», с соседними государствами налаживался политический диалог и развивалось экономическое сотрудничество). В-четвертых, это формирование нового поколения политической элиты, более консервативной и не испытывающей пиетета к армии. Экспансия представителей этой новой элиты во властные институты, сферу бизнеса и образования существенно ослабила позиции традиционной кемалистской элиты, всегда испытывавшей почтение к военным и покорно относившейся к доминированию военной элиты в политической сфере. Наконец, перемены в восприятии армии турецким обществом, с одной стороны, по-прежнему соглашающимся с необходимостью высокоэффективной и боеспособной армии, но с другой – не поддерживающим политические амбиции военной элиты.

Революционные перемены в устоявшейся модели взаимоотношений общества и армии, ставшие отражением трансформации Турции в 2000-е и 2010-е гг., и радикальные военные реформы 2010-х гг. имели неоднозначные последствия для страны. Тотальные репрессии против высококвалифицированных офицерских кадров после путча 2016 г. не только серьезно ослабили военную элиту, но и негативно отразились на военно-техническом и военно-стратегическом потенциале турецких ВС, нивелировав достижения 2000-х и 2010-х гг. (в этот период число турецких офицеров со степенью магистра и доктора существенно возросло, что ощутимо повысило ин-

теллектуальный и командно-аналитический потенциал высших офицеров и армейского руководства в целом).

При этом в Турции складывается парадоксальная, на первый взгляд, ситуация: с одной стороны, режим Р.Т. Эрдогана окончательно лишил военную элиту политической субъектности, ликвидировал всех реальных и гипотетически нелояльных режиму военными функционеров (от курсанта до генерала), с другой, с низведением армии до инструментального уровня роль ВС в ряду механизмов наращивания внешнеполитического влияния и регионального веса только усилилась.

Фурсов К.А.

Исчезновение Субхаса Чандры Боса: поиски истины и кому выгодно её скрыть

Согласно принятой в Индии версии, 18 августа 1945 г. глава Временного правительства свободной Индии и главнокомандующий Индийской национальной армией (ИНА) Субхас Чандра Бос погиб при крушении японского бомбардировщика, вылетая из Тайбэя в Токио. Эту версию рассказал англо-американским следователям единственный соратник Боса, которого он якобы взял в тот полёт, полковник Хабиб-ур-Рахман.

Два британских расследования в 1945–46 гг. не убедили власти и общественность в гибели Нетаджи окончательно, так как вскрылись многочисленные нестыковки. На этом фоне многих удивляли заявления премьер-министра Дж. Неру о его гибели. Поэтому в 1956 г. Неру был вынужден назначить комиссию расследования во главе с Шахом Навазом Ханом. Она отметила неувязки в показаниях свидетелей, но противоречить версии правительства не осмелилась.

В 1970 г., в обстановке раскола Индийского национального конгресса (ИНК), правительству И. Ганди пришлось учредить новую комиссию – судьи Г.Д. Кхослы. Однако её отчёт (1974 г.) тоже был подогнан под официальную версию. Между тем парламентарий С. Гуха показал, что свидетельство о смерти и разрешение на кремацию одного японского солдата говорят о фабрикации истории авиакатастрофы. Привлёк он внимание и к факту изъятия ряда папок по Босу в канцелярии премьер-министра.

Правительство партии Джаната (М. Десаи) в 1978 г. заявило, что выводы комиссий не бесспорны, но не было готово поднимать вопрос Боса вновь. Это стало возможным лишь в конце XX в., когда монополия самой мощной индийской партии на власть оказалась расшатана достаточно. Назначенная правительством Бхаратия джаната парти (БДП) во главе с А.Б. Ваджапай третья комиссия (1999–2006) судьи М.К. Мукерджи опровергла выводы двух первых: Бос в 1945 г. не погиб, а история с крушением самолёта была инсценирована японскими властями, чтобы дать Босу возможность улететь в занятую Красной Армией Маньчжурию. Правда, правительство ИНК (М. Сингх) отчёта Мукерджи не приняло.

Участие конгрессистских правительств Индии в сокрытии правды о Нетаджи неудивительно с учётом его роли в освободительном движении. Эта роль по сути была альтернативной роли Ганди – Неру, которые стояли за ненасильственные формы протеста и переговоры с британцами. Обратив себе на пользу национальный подъём в связи с судом над офицерами ИНА в 1945 г., Конгресс отправил и её, и Боса в политическое небытие. Деятельная и бескомпромиссная фигура Нетаджи по сути служила укором всему руководству Конгресса. Отсюда замалчивание не только вклада Боса в достижение страной независимости, но и его судьбы после мнимой авиакатастрофы: существовали опасения, что если Бос всё-таки жив и вернётся в Индию, легитимность конгрессистского руководства будет подорвана.

Это замалчивание выводит на проблему характера деколонизации. Индия – один из главных примеров деколонизации, проведённой сверху: имперская держава передала местной элите власть и удалилась во многом на своих условиях. Неудивительно, что в интересах обеих договаривающихся сторон было исключить иные пути перехода власти.

Однако политизация поисков истины о судьбе Боса не ушла в прошлое. Сегодня правящая БДП использует образ Боса в своих политических целях так же, как использовал его Конгресс в 1945–1946 гг. Этим продиктовано, помимо прочего, рассекречивание в 2016 г. правительством Н. Моди документов по Босу. Вся правда о судьбе Нетаджи неизвестна и поныне, хотя косвенные свидетельства позволили реконструировать правдоподобную версию его жизни после исчезновения в 1945 г.

Филимонова А.Л.

Исламистские партии в политической жизни Пакистана: специфика и динамика

Исламистские силы составляли неотъемлемую часть пакистанского политического дискурса на всех этапах существования государства. Политические партии исламистов – в первую очередь, «Джамаат-и ислами» (ДИ), «Джамиат-и улама-и ислам» (ДУИ) и «Джамиат-и улама-и Пакистан» (ДУП) – были основаны в 1940-е гг., в период подготовки и непосредственного раздела Британской Индии. И хотя их отношение к этому процессу было весьма неоднозначным, данные организации в конечном итоге поставили перед собой задачу превратить Пакистан из государства мусульман в государство подлинно исламское.

Деятельность пакистанских исламистских организаций целесообразно рассматривать в двух перспективах. С одной стороны, целый ряд особенностей в их функционировании не был связан с их исламистской направленностью и обуславливался негативным политическим климатом в Пакистане. Общенациональные выборы впервые были проведены только в 1970 г., и в дальнейшем принцип выборности власти регулярно нарушался или соблюдался с ограничениями. В этой ситуации необходимость взаимодействовать с избирателями отходила на второй план: доступ к управлению могли обеспечить только тесные связи с военно-бюрократическими элитами. Соответственно, функционирование любого рода партий – в данном случае исламистских – не может быть вырвано из контекста общей политической истории Пакистана.

С другой стороны, ограничения, накладываемые внутривнутриполитической ситуацией, задавали условия, в которых проявлялась непосредственно специфика исламистских организаций.

Прежде всего, в силу своей универсальности и размытости исламистская риторика была одновременно популярной среди широких слоёв населения и неприменимой практически. Это традиционно делало исламистов желанными союзниками для остальных пакистанских партий и в то же время ограничивало их способность действовать самостоятельно и согласовано.

Кроме того, исламистские организации всегда уделяли большое внимание благотворительной и просветительской деятельности, пре-

жде всего работе с молодёжью. Такая «лёгкая на подъем» целевая аудитория обеспечивает массовость исламистских митингов и придёт деятельности исламистов взрывной потенциал, с которым вынуждены считаться как власти, так и политические конкуренты.

Вышеуказанные особенности в той или иной мере давали о себе знать на всех этапах существования Пакистана. В деятельности исламистских партий можно выделить три периода, внутри которых прослеживается определенная устойчивая динамика.

С момента образования государства и вплоть до начала 1970-х гг. – в отсутствие потребности апеллировать к электорату – организации, подобные ДИ, ДУИ и ДУП сосредоточили свои усилия на согласовании внутривнутрипартийных взглядов; их политическое присутствие в это время было минимальным.

Период 1970-х–1980-х гг. ознаменовался проникновением исламистов во власть на провинциальном уровне и усилением их взаимодействия с федеральным руководством – особенно в период «исламизации» Мухаммада Зия-уль-Хака (1977–1988 гг.).

Третий этап, продолжающийся по настоящее время, характеризуется резким подъемом политической активности исламистских сил. Демонстрируя скромные результаты на выборах, исламистские партии тем не менее успешно действуют в коалициях и последовательно наращивают собственную медийность.

Можно сделать вывод, что за последние десятилетия исламисты сумели найти свою политическую нишу. Не имея потенциала для единоличного прихода к власти, они отстаивают свои интересы, с выгодой для себя используя повышенное внимание общественности и лояльность основных партий Пакистана.

Шалупенко Е.В.

Этнический состав армии Пакистана

Во многих государствах Азии армейский аппарат играет ключевую роль в современной политике. К числу таких государств относится Пакистан, армия которого является важнейшим элементом политической системы.

Пакистан – полиэтническая страна: на территории его 4 провинций, Панджаба, Синда, Белуджистана и Хайбер-Пахтунхвы, прожи-

вают различные этнические группы. Однако с самого начала независимого существования Пакистана численное преимущество в армии имели панджабцы и пуштуны, что в итоге привело к этническому дисбалансу в рядах его вооруженных сил (ВС).

В начальные годы существования Пакистана доля панджабцев в сухопутных войсках составила 71–75 %, пуштунов – 15–21 %, численность синдхов и мухаджиров, переселенцев из Индии, составила 3–5%, количество белуджей – 0,3% [3]. Бенгальцев в армии было менее 1% [1].

После превращения Восточного Пакистана в независимое государство Бангладеш в 1971 г. руководство страны приняло во внимание полиэтничный состав населения Пакистана, что привело к увеличению численности рекрутов из так называемых «малых этносов» в ВС.

В 1971 г. в Пакистане было установлено обязательное минимальное количество новобранцев из Синда и Белуджистана. В 1980 г. был создан Синдский пехотный полк. В 2011 г. было объявлено о наборе в ряды армии 10 тыс. человек из Белуджистана. В 1990-е гг. требования к рекрутам из провинций Синд и Белуджистан были смягчены по сравнению с общими требованиями для панджабцев.

Одной из главных причин для привлечения в армию разных этнических групп является борьба с сепаратизмом в стране. В провинциях Синд и Белуджистан с первых дней существования Пакистана наблюдаются центробежные настроения. Центральное правительство стремится привлекать в военные структуры синдхов и белуджей с целью воспитания патриотизма.

Однако едва ли можно ожидать, что синдхи и белуджи в дальнейшем смогут составить хотя бы половину личного состава ВС, поскольку плотность населения в Синде и Белуджистане относительно небольшая, и население этих провинций не может поставлять равное с Панджабом и Хайбер-Пахтунхвой количество военнослужащих.

Согласно данным из статьи пакистанского аналитика Джамил Фатих за 2018 г., количество военнослужащих в сухопутных войсках из Панджаба составило 51%, Хайбер-Пахтунхвы – 20%, Синда – 16%, Белуджистана – 3,2%. Помимо перечисленных провинций ряды армии Пакистана пополняло население территорий Азад Кашмира и Гилгит-Балтистана (в 2018 г. их численность составила 9, 1 %) [2].

Центральное правительство не может положиться при подавлении волнений на военных – выходцев из провинций Синд и Белуджистан. Такие военнослужащие могут использовать полученные за годы службы навыки, чтобы тренировать сепаратистов, что в конечном итоге обернется против армии.

Учитывая невысокий уровень доверия центральной власти к новобранцам из этих провинций, а также слабую развитость военной инфраструктуры за пределами Панджаба, вряд ли можно ожидать, что в дальнейшем пропорции этнических групп в армии существенно изменятся: панджабцы в силу своего численного преимущества, а также лояльности к власти будут составлять основной костяк ВС.

Литература

1. *Fair, C. Christine.* Fighting to the End. The Pakistan Army's Way of War. Oxford University Press. New York. 2014.
2. *Fateh, J.* Is the Pakistan Army Really a Punjabi Dominant Army? URL: <https://www.quora.com/Is-the-Pakistan-Army-really-a-Punjabi-dominant-army> (дата обращения: 09.01.2020)
3. *Siddiqi, A.* Military Inc. Inside Pakistan's Military Economy. London: Oxford University Press. 2007.

Спектор И.Б.

Итоги выборов в законодательное собрание Дели 8 февраля 2020 года: различия общенациональной и региональной повесток

Февральские выборы в Дели проходили на фоне массовых протестов против поправок к «Акту о гражданстве», инициированных правящей на общенациональном уровне Бхаратия джаната парти. В Дели, как и во многих других регионах, протесты вылились в ожесточённые столкновения с полицией. Среди политических партий наиболее активно против принятия изменений в законодательство выступал Индийский национальный конгресс и ряд региональных партий – прежде всего, Тринамул конгресс в Западной Бенгалии и Дравида муннетра кажагам в Тамилнаду. Правящая в Дели Ам адми парти (Партия простых людей) и возглавляющий столичное правительство Арвинд Кеджривал заняли несколько более уме-

ренную позицию – ААП голосовала против «Акта о гражданстве» в парламенте, но долгое время не поддерживала протестующих официально, ограничиваясь осуждением насилия со стороны полиции. Осторожная позиция ААП была связана с приближающимися выборами в столичную законодательную ассамблею и отсутствием достоверных социологических данных о поддержке протестов большинством жителей столицы. Выступления против «Акта о гражданстве» не закончились и после окончания выборов – 23 февраля в Дели начались межобщинные столкновения, жертвами которых стали более 20 человек.

Большая часть социологических опросов предсказывала сохранение ААП у власти в Дели, но результаты выборов 8 февраля всё равно можно назвать неожиданно удачными для партии А. Кеджривала. ААП получила 62 мест из 70 в законодательном собрании и практически не растеряла своих сторонников после триумфальных выборов 2015 года. БДП не смогла существенно увеличить свою фракцию в законодательном собрании, даже несмотря на поддержку общенационального правительства. Выборы 2020 года фактически завершили оформление в Дели двухпартийной системы, основанной на противостоянии ААП и БДП – Индийский национальный конгресс получил менее 5% голосов и не смог провести ни одного депутата в законодательную ассамблею.

Одним из наиболее важных вопросов, связанных с делийскими выборами, является сравнение важности городской и общеиндийской проблематики. БДП сравнительно легко выиграла общенациональные выборы в Дели в 2019 году, переговоры ААП и ИНК о создании коалиции провалились. Попытки ААП участвовать в выборах в других штатах также были не слишком удачны. Итоги последнего голосования заставляют предположить, что политические предпочтения делийских избирателей существенно различаются в зависимости от уровня проводимых в городе выборов. Вместе с тем, несмотря на первостепенную значимость внутригородских проблем для правительства Кеджривала, ААП скорее всего придётся занять более определённую позицию и в продолжающемся уже несколько месяцев общенациональном политическом кризисе.

Языкознание

Кондрашевский С.А.

К проблеме интерпретации современных китайских неологизмов

С начала курса реформ и открытости 1979 года в китайском языке начинает лавинообразно появляться масса неологизмов, описывающих понятия и явления, возникшие в стране в связи с большей открытостью внешнему миру. Подавляющее число китайских неологизмов – это производные слова, собранные из первичных лексем. По структуре большинство из них многосложны, их значения обычно возникают как результат семантического сложения, в целом они отвечают нормативным словообразовательным моделям и не нарушают стандартов лексической сочетаемости в современном китайском языке. Очень часто в создании неологизмов принимают участие суффиксы и другие аффиксальные формы (族; 阶层; 化), многие представляют собой фонетические заимствования (打的), являются результатом бурного развития самых разнообразных аббревиатур, так свойственных китайскому языку. Порой, массовое возникновение новых слов приводит к тому, что они в неизменном виде попадают в язык (DVD, CT, GDP), а в других ситуациях мы становимся свидетелями гибридного способа образования новых слов, такие, например, нередко встречаются в медицинской лексике (X光, B超). Статистически наиболее распространённой и продуктивной моделью образования неологизмов на сегодня является атрибутивная (耳机; 保温瓶; 电动车).

Основной массив современных китайских неологизмов приобрёл общеязыковой характер и был зафиксирован в словарях новых слов. При этом не стоит забывать, что по мнению целого ряда лингвистов, в случае, когда слово приобретает статус общепонятного, оно автоматически перестаёт быть неологизмом, поэтому не

удивительно, что семантика большого количества представителей современных широко употребляемых сетевых неологизмов не знакома многим носителям языка, либо же знакома лишь отдельным возрастным или профессиональным стратам. Ежегодно в китайском языке возникает более 1000 новых слов, однако не все они в нем закрепляются, получают широкое использование и, тем более, становятся продуктивными. Также следует отметить очевидную тенденцию к изменению этих слов и появлению их новых вариантов, по структуре больше соответствующих построению фраз в английском языке.

К неологизмам следует относить не только новые слова и выражения, но и новые значения уже существующих лексических единиц, что особенно явно отражается в современном сетевом арго. Важно учесть и то, что большое количество сетевых неологизмов можно отнести к категории индивидуально-авторских окказионализмов, поскольку к их созданию порой имеют отношение конкретные писатели, журналисты, популярные блогеры различных китайских платформ или публичные персоны, а семантика этих слов не всегда отражается в словарях новых слов. Сегодня в эпоху интернета и цифровизации средств массовой информации именно глобальная мировая сеть и её китайский сегмент, в частности, становятся богатейшим источником неологизмов. Особую и очень существенную роль в формировании многих китайских сетевых неологизмов играет, так называемая, система гармонизации интернета.

Ли Мэй

Исследование трансляции цепной связи с местоимениями в русско-китайском переводе

С развитием лингвистики и углублением исследования перевода, переводчики стали обращать все больше и больше внимания на более крупную языковую единицу – текст.

Как известно, связь между предложениями как один из главнейших признаков текста представляет собой основу понимания текста. Особого внимания заслуживают средства обеспечения связности в практике перевода, в результате чего перевод становится настолько

же совершенным текстом, как и оригинал. Данная работа основана на теории русского синтаксиста Г.Я. Солганика, который подразделил связь между предложениями в тексте на: (1) цепную связь, (2) параллельную связь, (3) присоединительную связь [Солганик 1989: 46]. Цепная связь отражает в текущей речи процесс развития мысли, это самая распространённая связь в тексте. Анафора местоимения и в русском языке, и в китайском является очень активным средством обеспечения связности текста. В процессе русско-китайского перевода главная задача передачи русских местоимений в том, чтобы переводный текст соответствовал выражениям китайского языка и избежал непонимания. Данная работа посвящена исследованию выражения цепной связи посредством местоимений в русско-китайском переводе.

1. Методы передачи местоимений в цепной связи в русско-китайском переводе

В русском языке местоимений с функцией анафоры больше, чем в китайском языке. Поэтому в процессе перевода с русского на китайский некоторые русские местоимения трансформируются в другие слова. На практике существуют четыре метода передачи местоимений при указании цепной связи, это сохранение, эллипсис, замена и восстановление. Они органически переплетены и вместе связывают предложения в цельный текст.

2. Принципы ограничения по анафоре местоимения в китайском языке

Ши Тэцян, сравнивая типы анафоры местоимений в русском и китайском тексте, уделил большое внимание анализу разных факторов, ограничивающих использование местоимений. Он считает, что с одной стороны в русском языке в функции анафоры используется большее число местоимений, чем в китайском, а с другой стороны, указанные объекты, грамматика, стилистика и другие факторы также ограничивают возможности пользования местоимений китайского языка для различения смысла русского текста [Ши Тэцян 2001, Т. 4: 54–60].

По данным статистического анализа Ли Баолина местоимения сохраняются в 88% случаев. В остальных случаях изменения бывает трёх типов – это восстановление, эллипсис и замена. Среди них восстановление употребляется гораздо чаще других и составляет 52%. Замена употребляется реже всего [Ли Баолин 2006: 37].

2.1 Местоимение указывает на человека

Когда в контексте появляются больше двух героев, особенно разного пола, для того чтобы избежать нечёткого указания в китайском языке не используются местоимения, заменяющие героев, а повторяются их имена тех самых людей, за счёт чего и достигается связность предложений.

2.2 Местоимение указывает на предметы

В китайском языке неагентивное неодушевлённое подлежащее не может заменяться местоимением. Поэтому предметно-личное местоимение русского языка употребляется шире, чем местоимение китайского языка «它», и в китайском языке необходимо использовать повторение слов, там, где в русском можно применять местоимения.

2.3 Анафора местоимений ограничена синтаксисом

Ориентированность на подлежащее – характерная черта анафоры китайского языка. Когда находящиеся в начальном предложении дополнение или определение становятся темой дальнейшего предложения, независимо от того, насколько близко по расстоянию они находятся от подлежащего предыдущего предложения, они обозначаются посредством имени существительного, а не местоимения.

Как в русском языке, так и в китайском языке замена членов предложения на личные местоимения является наиболее распространённым способом обеспечения цепной связи. Китайский перевод не может точно соответствовать русскому тексту. Тематичность и агентивность заменяемых объектов, отсутствие категории рода и синтаксические ограничения также сужают сферу использования местоимений китайского языка.

Литература

1. Ли Баолин. О трансляции цепной связи с местоимениями в русско-китайском переводе // Университета иностранных языков Народно-освободительной армии / магистерская диссертация. 2006. – С. 37.
2. Солганик Г.Я. (Перевод Гу Сяцзюня). Синтаксическая стилистика русского языка. – Шанхай: Шанхайское издательство об образовании иностранных языков, 1989 – С. 46.
3. Ши Тэцян. Сравнение анафоры местоимений в русском и китайском тексте // Исследование иностранных языков. – 2001. – Т. 4. – С. 54–60.

Мяо Чунь

Фразеологические единицы китайского языка гуаньюньюй

Термин гуаньюньюй (惯用语 «привычные выражения») был введён в конце XX века Ма Гофанем (马国凡). Гуаньюньюй – это особый тип устойчивого словосочетания: трёхсложные или четырёхсложные разрываемые глагольно-объектные идиоматические сочетания, выступающие на правах члена предложения. В таких структурах лексические единицы выступают как несвободные (связанные), их нельзя заменять другими элементами, лексемы следуют в последовательности, определённой грамматикой. Например:

1. 穿小鞋 chuān xiǎoxié: «обувать» + «тесные туфли». Нельзя сказать chuān dàxié: «надевать большие туфли».
2. 出难题 chū nántí: «испускать» + «трудный вопрос». Глагол chū нельзя заменить глаголом 提 tí «задавать».
3. 吃定心丸 chī dìngxīnwán: «кушать, выпить» + «сердечные пилюли». Глагол chī нельзя заменить глаголом 喝 hē «пить».
4. 唱对台戏 chàng duìtáixì: «петь» + duì «противоположный» tái, счёт. Слово а «театру» xì. Здесь «петь» нельзя заменить глаголом 演 yǎn «выступать с».

В таких словосочетаниях между глаголом и дополнением могут появляться другие лексические единицы:

1. 穿小鞋 chuān xiǎoxié – chuān 一双 (yīshuāng) «пара» xiǎoxié. В этом случае также можно продублировать глагол: chuānchuan xiǎoxié.
2. 出难题 chū nántí – chū 一些 yīxiē «некоторые» nántí.
3. 唱对台戏 chàng duìtáixì – chàng 出 chū 出 (букв. «выпеть») duìtáixì.
4. 吃定心丸 chī dìngxīnwán – chī 一粒 (yīlì, «один» + сч.слово) dìngxīnwán.

Фразеологические сочетания гуаньюньюй обладают обобщённым, переносно-образным значением, метафоричностью и широко применяются в устной речи. Рассмотрим такое значение вышеуказанных примеров:

1. «Обувать тесные туфли» употребляется в значении «придираться к кому-л.; чинить препятствия; ставить кого-то в неловкое положение».

2. «Задавать сложный вопрос» также предполагает значение «ставить кого-то в неловкое положение».

3. «Петь на противоположных подмостках» значит «действовать наперекор (кому-л.); быть в оппозиции (к кому-л.)».

4. «Принятие успокоительных пилюль» употребляется в значении «перестать волноваться».

Многие фразеологизмы появились в глубокой древности (первые два из нижеприведённых примеров). Другие возникли недавно (третий пример). И те, и другие приняты обществом, всем знакомы и широко употребляются. Приведём примеры недавних «привычных выражений».

1. 刷存在感 shuā cúnzàigǎn: («чистить, обновлять» + «чувство существования») употребляется в значении «напомнить людям о себе (о своём присутствии)».

2. 接地气 jiē dìqì: «соединить, встречать» + «жизненная энергия; приспособленность к данной местности» употребляется в значении «быть близким к простому народу».

3. 打擦边球 dǎ cābiānqiú: «играть» + «спорт. шарик пинг-понга, едва не вылетевший за пределы площадки» подразумевает значение «совершать действия, граничащие с преступлением».

Знакомство с «привычными выражениями» углубляет знание тонкостей и своеобразия китайского языка, позволяет понять особенности национальной культуры Китая.

Софронов М.В.

Китайская письменность на переходе от Шан к Чжоу

Первыми памятниками китайской письменности являются надписи на бронзовых колоколах и ритуальной утвари – атрибутах культа предков эпохи Шан (1300–1046 гг. до н.э.). Они состоят из одного или нескольких знаков, представляющих родовые или собственные имена их первых владельцев. Со временем размер надписей расширился до коротких высказываний о назначении предмета, в поздний период этой эпохи появляются надписи объёмом до 50 знаков. Предметы с надписями хранились в родовых храмах предков и были открыты для обозрения всем членам рода. В начале эпохи Шан знаки в этих надписях были единственной письменностью в Китае. Знаки

на шанской бронзе следуют основному правилу всех иероглифических письменностей: простые знаки представляют собой пиктограммы, изображающие отдельные предметы. В плане содержания они соответствуют значимым лингвистическим единицам – словам или морфемам. Сложные знаки, являются идеограммами с непредметными значениями, которые состоят из нескольких простых компонентов, образующих своего рода визуальный текст. Знаки письма на бронзе различаются по прототипическим признакам, допускающими графические различия между знаками-синонимами. Фонограммы, передающие только чтения знаков, отсутствуют.

Надписи на бронзе были частью трудоёмкого процесса литья, который требовал специальных инструментов для подготовки литейных форм, и особой техники их размещения на разных частях отливки. Дальнейшее развитие письменности на бронзе зависело как от технологии самого процесса письма, так и от материала его носителей. Пригодными носителями, на которых можно было без особых усилий писать знаки письма заострённым предметом с последующей пигментацией, служили органические материалы: панцири (пластроны) черепах и лопаточные кости крупных млекопитающих, обладающие сакральными свойствами. С конца II тысячелетия до н. э. эти материалы становятся носителями надписей в особом ритуале гадания, который совершался преимущественно в столичном иньском оракуле (совр. Аньян).

Хронологически иньское письмо на гадательных костях является наследником письма надписей на бронзе и сохраняет с ним сходство по графической форме и семантической структуре. По графическим признакам надписи на бронзе эпохи Шан и надписи на гадательных костях в последнюю четверть XI в. до н. э. развиваются параллельно. Иньское письмо также состояло из простых знаков-пиктограмм и сложных знаков-идеограмм, к которым в конце эпохи Шан присоединились ранние формы фонографии. Со сменой поколений писцов графический облик иньских знаков неоднократно изменялся от крупных к мелким, от небрежных к тщательным. Результатом этих опытов стала графическая стабилизация форм иньского письма, которые сохранялись долгое время за пределами иньского оракула. Отсутствие ограничений на использование существующих и создание новых знаков способствовало естественному росту их числа и усложнению их графической формы. По современным подсчётам

за 300 лет истории письма иньского оракула общее число различных знаков на всех носителях, достигло примерно 50 тысяч единиц, часть которых были графическими вариантами. Общественная роль гадательных надписей видна в том, что в отличие от публичных бронзовых предметов того времени они не были публичными. Вместе со своими носителями они не выходили за пределы оракула: по завершению ритуала гадания их помещали в недоступные для посторонних подземные хранилища. Таким образом, к концу эпохи Шан иньская письменность представляла собой громоздкое сакральное письмо приемлемое в ритуале гадания, но неудобное для широкого использования.

Развитие иньского письма за пределами иньского оракула продолжалось на окраине империи Шан. Археологические источники указывают, что в храме предков столицы вассального государства Чжоу (совр. Чжоуюань) совершались гадания по шанскому ритуалу. В развалинах этого храма было обнаружено около 20 тысяч заготовок для гадания по иньскому ритуалу без надписей и 293 носителя с надписями иньским письмом. Содержание гадательных костей из Чжоуюаня во многом сходно с содержанием костей иньского оракула: жертвоприношениях, войны, охота, отношениях с соседями. К этим сведениям часто присоединяются собственно гадания, по форме и технике отличающиеся от шанского ритуала. В конечном счёте это означало постепенное изменение роли ритуала гадания в государстве Чжоу. В отличие от надписей иньского оракула надписи из Чжоуюаня занимают лишь часть лицевой поверхности носителя и выполнены мелкими гравированными знаками иньского письма. Гравирование вместо иньской прорезки знаков письма, скорее всего, означает перенос опыта работы писцов в Чжоуюане с формами для бронзового литья на органические носители. Общим техническим отличием от иньских гадательных костей являются сквозные отверстия или частичное сверления на обратной стороне носителя против места для ответной трещины. Перемены в графике проявляются в сложных знаках. В идеограммах Чжоуюаня заметна тенденция к формализации их структуры: по меньшей мере, один компонент здесь часто выступает не в собственном значении, а как формальная графическая единица, изменяющая его смысл. Среди сложных знаков Чжоуюаня, встречаются первичные фонограммы, где вместо основного знак выступает его омоним и собственно фонограммы, состоящие из

несистемного компонента в собственном значении и фонетической части, которая указывает произношение знака в целом.

Структурные перемены в иньской письменности в вассальном Чжоу, выглядят как его подготовка к бронзовым носителям, предназначенным для текстов более значительного объёма, которые более соответствовали мировоззрению империи Чжоу. Традиционный основой этого мировоззрения оставался культ предков. В качестве основных предметов ритуала культа выступали бронзовые треножники «дин» для приготовления отвара жертвенного мяса с сопутствующей утварью и колокола «чжун», под звуки которых совершался ритуал. По новым представлениям о государственном устройстве основной функцией главы государства было управление подданными, которое выражалась в виде устных распоряжений и материальных даров. Документальным оформлением того и другого служили надписи на атрибутах государственного ритуала культа предков, предающие прямую речь правителя. Предметы с надписями изготавливались по заказу самого получателя милостей и хранились в родовом храме предков, доступном всем членам рода. Кроме того, придворные аристократы Чжоу заказывала на тех атрибутах культ надписи, прославляющие в прозе и в стихах их род и личные заслуги его отдельных представителей. Объем надписей того и другого вида был достаточно большим и обычно содержал ценные сведения о культуре и общественных отношениях Китая той эпохи. Большинство надписей на бронзе было создано в эпоху западной династии Чжоу (1046–771 гг. до н.э.). Образцом зрелого письма этой эпохи является надпись на треножнике Мао Гун дин из 32 строк, 497 знаков, отлитом при правлении Сюань-вана (827–782 гг. до н. э.). https://translate.googleusercontent.com/translate_c?depth=1&hl=ru&prev=search&rurl=translate.google.com&sl=zhTW&sp=nmt4&u=https://zh.m.wikipedia.org/wiki/%25E7%2594%25B2%25E9%25AA%25A8%25E6%2596%2587&usg=ALkJrhjkQwk0uEfnAi0rTSO9wbDbQHbv-g Надписи на бронзе этой эпохи содержат немногим более 3000 знаков. Из них 1804 различны по значениям, что означает рост их числа по сравнению с надписями на гадательных костях. Качественное развитие китайской письменности пришлось на время от иньского письма на гадательных костях до создания в эпоху Западной династии Чжоу фонетических знаков, состоящих из семантической части, указывающей на антропоцентрические области семантики знака: части тела человека,

предметы ландшафта, явления природы и т. п. В письменности того времени фонетические знаки составили подавляющее большинство, которое сохраняется и в настоящее время. Их чтения сохранились в школьной и филологической традиции Китая и являются основными источниками реконструкции фонетики древнекитайского языка эпохи Чжоу.

Тимчишена Е.А.

Словообразовательные модели глаголов купли в современном китайском языке

В нашем исследовании предпринята попытка определить наиболее продуктивную модель словообразования для глаголов купли в современном китайском языке. Основным способом образования новых слов в китайском языке является словосложение, а основными моделями словосложения можно назвать копулятивную модель, атрибутивную модель, глагольно-объектную модель, глагольно-результативную модель, глагольно-предложную модель и субъектно-предикативную модель. Вопросам описания отдельных моделей словосложения посвящены работы отечественных лингвистов Т.П. Задоевко (результативная модель), А.Л. Семенов (копулятивная модель), Ж.В. Шмаровой (атрибутивная модель) и других. Рассмотрим эти модели более подробно на материале глаголов купли современного китайского языка.

Копулятивная модель.

Компоненты данной модели, должны быть одной грамматической природы, они находятся в сочинительных, равноправных отношениях.

Соединение синонимичных или близких по значению основ: 趸买 dūnmǎi – купить оптом (趸 – покупать, скупать оптом + 买 – покупать)

Соединение антонимичных основ: 买卖 mǎimài – покупать и продавать; купля-продажа (买 – покупать + 卖 – продавать)

Соединение взаимосвязанных основ: 包揽 bāolǎn – иметь монополию (包 – взять (нанять) целиком, оставить за собой, скупить + 揽 – прибирать к рукам, скупать (с целью спекуляции), монополизировать)

Соединение основ с отдалённым значением: 采办 cǎibàn – закупать, производить заготовку (采 – брать, собирать + 办 – заготавливать, доставать, раздобываться [чем-л.], изыскивать [средства], закупать [товар])

Глагольно-объектная модель.

Глаголы, второй компонент которых, выражает объект действия: 趸货 dǔnhuò – скупать товар в целях спекуляции (趸 – покупать, скупать оптом + 货 – товар, груз, предмет)

Второй компонент выражает средство, орудие, материал с помощью которого совершается действие: 买贿 mǎihuì – давать взятку, подкупать (买 – покупать + 贿 – взятка, подкуп)

Второй компонент выражает цель, ради которой совершается действие: 赎罪 shúzuì – откупаться от наказания (赎 – покупать, выкупать, откупаться + 罪 – наказание, кара, осуждение, обвинение)

Атрибутивная модель.

При образовании глаголов по данной модели зависимая основа может быть глагольной, именной, качественной. На этом основании можно выделить следующие подтипы:

Соединение глагольных компонентов. Первый компонент выражает способ совершения действия, представленного вторым компонентом, путём обозначения сопутствующего действия: 回赎 huíshú – выкупать [заложенное имущество] (回 – вновь, снова, обратно + 赎 – покупать, выкупать, откупаться)

Соединение качественного и глагольного компонентов. Первый компонент – это качественная морфема, которая указывает на признак действия, процесс протекания действия: 外购 wàigòu – покупать за границей, приобретение со стороны (外 – снаружи, на стороне, наружу + 购 – покупать)

Соединение именного и глагольного компонентов. К данной группе относятся глаголы, первый компонент которых является именной основой и обозначает способ действия, средство или инструмент: 邮购 yóugòu – покупать по почте (邮 – почта + 购 – покупать)

Соединение наречного и глагольного компонентов. Здесь первый компонент представляет собой сокращённую форму двусложного наречия: 预购 yùgòu – покупать заранее, абонировать (预先 – заранее, предварительно, заблаговременно + 购 – покупать)

Глаголы, образованные в результате морфемной контракции: 批汇 pīhuì – приобретение (обмен) иностранной валюты с разрешения гос. органов (批购 – покупать [продавать] оптом + 外汇 – валюта)

Проведя исследование 101 глагола купли, мы обнаружили, что 47 глагола образовано по копулятивной модели, 30 – по атрибутивной модели, 17 – по глагольно-объектной модели и 7 – по глагольно-результативной модели.

Литература

1. Семенов А.Л. Копулятивный тип связи в лексике современного китайского языка: Дис... канд. филол. наук. – М., 1973. – С. 200
2. Шмарова Ж.В. Словообразовательная и содержательная структура глаголов китайского языка, образованных по атрибутивной модели сложности: Дис...канд. филол. наук: 10.02.22. – Владивосток, 2003. – С. 215

Вихрова А.Ю., Бахматова А.Д.

Глоттографическое исследование 3-го тона современного китайского языка

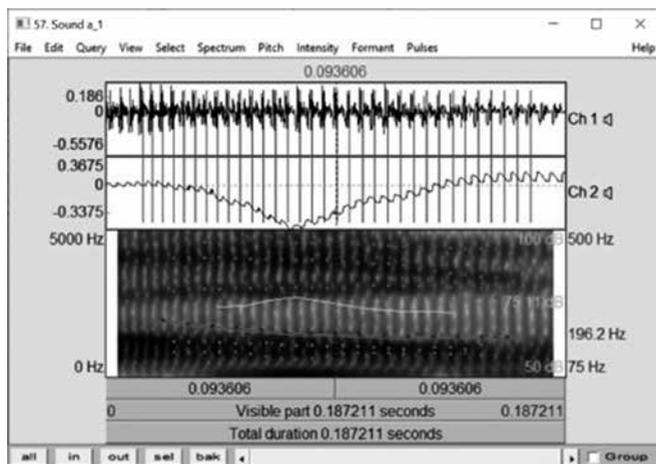
Для глоттографического исследования речи используется прибор, который был сконструирован французским физиологом Ф. Фабром в 1957 г. Принцип работы прибора основан на изменении сопротивления токов ультравысокой частоты, подаваемых на гортань. Проходя через гортань, ток изменяет свою силу в соответствии с колебаниями голосовых складок. Смыкание понижает сопротивление, размыкание – усиливает. Изменения силы тока фиксируются на экране осциллографа в виде кривой (глоттограммы). Таким образом, на глоттограмме наблюдаются фазы колебаний голосовых складок в форме их электрического аналога.

В данном исследовании речь пойдёт о третьем тоне китайского языка. «Мелодия третьего тона складывается из трех частей: нисходящей, ровной и восходящей. Наиболее существенной у третьего тона является его ровная низкая часть». Из этого определения явно следует, что низкая ровная часть звучит наиболее напряжённо. Отсюда и интерес к третьему тону, а не к оставшимся трём.

Третьему тону китайского языка нередко приписывают явление «скрипучести» («creakiness»). Скрипучий голос характеризуется низким уровнем частоты основного тона, на слух воспринимается как «низкий», «грудной» голос. Используя глоттограф, можно увидеть, как должен произноситься третий тон китайского языка.

Материалом исследования послужили гласные звуки китайского языка (всего 6 гласных: а, о, і, е, u, ü). Исследование проводилось следующим образом: на первом этапе в лабораторию экспериментальной фонетики были приглашены дикторы, которые озвучили заранее подготовленный текст. Их речь была записана с помощью программно-аппаратного комплекса Real-Time EGG в двухканальном режиме: в первый канал записывался микрофонный сигнал, а во второй – сигнал с глоттографа. Далее мы прослушали записи и выбрали наиболее чётко произнесённый вариант. Из выбранной записи при помощи программы для анализа звукового сигнала Praat были вырезаны все гласные звуки, произнесённые третьим тоном. Обратим внимание, что звуковое окружение не принималось во внимание, гласные рассматривались сами по себе.

С помощью программы Praat мы получили изображения – спектрограммы и глоттограммы гласных звуков китайского языка. На них отчётливо видно, как голосовой сигнал проходит через гортань, как работают голосовые складки при произнесении третьего тона. Подобные исследования могут в значительной степени помочь в изучении тональной системы китайского языка, поскольку наглядно показывают, каким образом реализуется мелодия тона.

Литература

1. *Задоевко Т.П., Хуан Шуин.* Начальный курс китайского языка. Часть 1, – 5-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство ВКН, 2015. – С. 12.

Вихрова А.Ю., Войцехович А.А.

Корейские шумные согласные на примере группы [t]. Глоттографический метод исследования

Одной из особенностей корейского языка является система шумных согласных, которые противопоставлены друг другу по силе произнесения и по наличию придыхания при их произнесении. Выделяются слабые, сильные и придыхательные согласные.

В исследовании был применён акустико-глоттографический метод. Диктор – носитель корейского языка столичной (сеульской) произносительной нормы зачитал небольшой отрывок из текста, написанного на современном корейском языке. Запись производилась в ЛЭФ ИСАА МГУ с помощью программного обеспечения Real-Time EGG двухканально: в первый канал записывался микрофонный сигнал, а во второй – глоттографический. Все каналы были обработаны программой Praat.

Корейский слабый переднеязычный [t] имеет три позиционных варианта:

- Перцептивно слабая позиция. Звук встречается в начале слова и реализуется как глухой переднеязычный взрывной, на слух напоминающий русский [т]. На глоттограмме видно, что в процессе создания звука голосовые связки участия не принимают.
- Сильная позиция. Звук встречается между гласными и после сонорных согласных и реализуется как звонкий взрывной, напоминающий на слух русский [д]. На глоттограмме видно, что при произнесении голосовые связки вибрируют, а значит они задействованы в процессе артикуляции.
- Позиция нейтрализации. Звук встречается на конце слов и перед шумными согласными и реализуется как переднеязычный импловзивный. На интонограмме видно, что интенсивность при выдержке не уходит в ноль, а произносительные органы готовятся к произнесению следующего звука.

Корейский сильный переднеязычный [tt] встречается во всех позициях, кроме позиции на конце слова и перед глухими согласными. Звук реализуется как глухой переднеязычный взрывной, на слух напоминающий русский [т], но с большей выдержкой и интенсивностью, чем слабый [t].

Придыхательный [t'] встречается во всех позициях, кроме позиции на конце слова и перед глухими согласными. Звук реализуется как аспирированный глухой переднеязычный взрывной, на слух напоминающий русский [т] с придыханием. На глоттограмме не видно колебаний голосовых связок, что говорит о том, что они не участвуют в процессе образования данного звука.

В зарубежной литературе для различения пар звонких и глухих согласных прибегают к корреляту VOT (англ. voice onset time, сокращённо VOT). Этот признак учитывает состояние голосовой щели в момент размыкания смычки и считает время задержки голоса относительно смычки. Считается, что для звонких согласных данный параметр намного ниже, чем для глухих. На наших интонограммах это тоже чётко прослеживается.

Литература

1. Baart, J. L. G. A Field Manual of Acoustic Phonetics. Dallas, TX: SIL International, 2010
2. Шевченко Т.И., Бурая Е.А. Социофонетические методы анализа звучащей речи, Дубна, 2015.

Быкова С.А.

Ономатопея в территориальных диалектах японского языка

Широкое использование ономатопеи в японском языке характерно для него на протяжении веков и не будет преувеличением сказать, что, распространение ономатопеической лексики в современной японской языковой системе значительно превышает показатели распространённости подобной лексики во многих других языках. Исследования ономатопеической лексики в японском языке проводились как в японском, так и в отечественном языкознании, однако анализ этой категории лексических единиц осуществлялся на материале стандартного, а правильное сказать, общего языка. Работы, которые посвящены детальному описанию особенностей и функционирования подобной лексики в территориальных диалектах японского языка, в настоящее время отсутствуют. Тем не менее ряд исследователей, анализируя диалектальную лексику, отмечал

своеобразие диалектальной ономатопеической лексики в сравнении с общепонской. Установлено также, что именно диалектальная ономатопея в ряде случаев стала основой для появления знаменательных слов, обозначающих, например, домашних животных. Так, во всех префектурах Японии распространены в целом четыре звукоподражания, воспроизводящих мычание коров: *мо:*, *мэ:*, *бо:*, *бэ:*. В целом по всей территории Японии более распространено звукоподражание *мэ:*, но, поскольку звуки *м* и *б* в указанных выше слогах часто воспринимаются жителями ряда регионов как взаимозаменяющие, эта тенденция оказывает влияние на формирование не только соответствующей ономатопеической лексики в территориальных диалектах, но и других лексических категорий. В результате неразличения звуков *м* и *б* на территориях распространения ряда территориальных диалектов слова основного словарного фонда японского языка нередко обретают фонетическую форму, отличную от стандартной. Так, в районе Тохоку и в средней части центрального острова Хонсю фиксируется произношение *сабуи* вместо *самуй* «холодный», *мабори* вместо *мамори* «защита». В Тохоку частотность употребления *мэ* и *бэ* в качестве звукоподражаний примерно одинакова, но всё же именно высокая частотность употребления звукоподражания *бэ*, с одной стороны, и ласкательного аффикса *ко*, с другой, привели к появлению слова *бэко*, а также его фонетического варианта *бэго* «бычок» в одноименном диалекте. При этом образование полнозначительных единиц на основе ономатопеи отмечается и в других префектурах страны. Так, в префектуре Кагосима на острове Кюсю употребляется слово *гуру*: «кошка» (вместо общепонского *нэко*), восходящее к местному звукоподражанию мяуканью кошки *гуругуру*. Существует слово детского языка *то:то:*, обозначающее курицу и возникшее на основе звукоподражания *то:то: то:то:*, аналогичного русскому «цып-цып».

Нередко в территориальных диалектах фиксируются лексические единицы, представляющие собой глаголы или прилагательные, образованные путём присоединения глагольных суффиксов *мэгу*, *мэгасу* (аналог суффиксов стандартного языка *мэку* и *мэкасу* со значением видимости качества) и адъективных суффиксов *дзу*, *дзи*, *нэа* (аналог *най*), *коэ* и др. к диалектальным ономатопеическим единицам. Так, диалектальный глагол *тэпа:мэгу/ тэпа:мэгасу* со значением «постоянно находиться в движении, постоянно перемещаться» вос-

ходит к сочетанию *тэпатэна* (диалектальное слово, означающее состояние крайней занятости) с глаголами *мэгу* или *мэгасу*, прилагательное *нэбакаба:дзу* «липкий» – к сочетанию диалектального слова *нэбакаба/нэбакуба*, означающего состояние вязкости, с суффиксом *нэа*, прилагательное *катякутя:нэа* «плохое настроение» – к сочетанию диалектального слова *катякутя* (означает душевное смятение) с суффиксом *нэа*, прилагательное *сэсэра:ноэ* (першит в горле) – к сочетанию ономастопозитического слова *сэрасэра* (означает неприятные ощущения в горле) и суффикса *ноэ* (аналог общеязыкового *ппой*) и т.д.

К сожалению, детальный сравнительный анализ ономастопозитической лексики, употребляющейся в различных диалектах, пока отсутствует, однако данные различных глоссариев и наблюдений японских диалектологов позволяют сделать вывод о том, что, по-видимому, наиболее богат ономастопозитической лексикой район Тохоку.

Крнета Н.

Элементы мужской и женской подсистем японского языка как инструмент создания образа

В японском языке на протяжении веков существовал ряд отличий между мужской и женской подсистемами речи на всех уровнях языка. С середины XX в. эти различия постепенно стали исчезать, а некоторые языковые элементы, которые считались неотъемлемыми атрибутами женской речи, перешли из области повседневной разговорной речи в речь «стереотипную», «виртуальную». «Стереотипная речь» или «ролевой язык» – это определённый набор языковых элементов (интонация, слова, обороты, конструкции), использование которых призвано вызвать у слушающего образ определённого типажа (по полу, возрасту, профессии и т.д.). [Кинсуй 2014: 205]. Происходит постепенный переход выражено «мужских» и «женских» языковых элементов из повседневной речевой практики в плоскость массовой культуры.

Различия между мужской и женской речью реализуются, в первую очередь, в устном стиле речи. На письме не существовало чётких отличий между мужской и женской подсистемами. С развитием дистанционного общения в интернет-пространстве, разница между

разговорной речью и письменной начала исчезать. Скорость обмена сообщениями позволяет элементам разговорной речи проникать в эту сферу. К тому же, данный способ общения предпочитают использовать люди молодые, более склонные к экспериментам, нарушениям традиционных правил общения. Современные технологии позволяют употреблять в сообщениях нестандартные для японской системы письма знаки пунктуации, которые приносят в текст дополнительные эмоциональные и смысловые оттенки. Общаясь с собеседником исключительно путём сообщений, автор создаёт образ, который может расходиться с реальным. Используя разные языковые средства можно построить «виртуальную» личность, обладающую некоторым набором качеств (пол, возраст, профессия). Но это будет уже не «ролевой язык», так как он у японцев прочно ассоциируется с миром «вымышленным», «виртуальным», а язык «реального дистанционного я».

В романе «Reverse» («Наоборот») современного японского писателя Исида Ира, главные герои Тиаки (девушка) и Хидэки (юноша) обмениваются электронными письмами. В сети они представляются другими людьми: Тиаки пишет, что она – юноша по имени Акихито, а Хидэки – что он девушка по имени Кирико. Был проведён анализ приведённой в романе переписки с целью выявления тех элементов языка, которые позволяли создать образ «мужчины» и «женщины». Учитывая, что в японском языке нет категории рода, а использование стереотипных форм приведёт к раскрытию обмана, интересным представляется вычленение тех элементов языка, которые в эпоху «түсэйка» («усреднения (языка)») продолжают восприниматься как чётко «женские» и «мужские».

Из лексических особенностей выделяется использование местоимений первого лица *боку* и указательного местоимения *котура* для мужчины и *ватаси* для женщины. *Боку* и *котура* считаются преимущественно мужскими личными местоимениями, *Ватаси* считается нейтрально-вежливым личным местоимением, но в данной переписке оно оперирует в качестве «женского», так как переписка происходит между друзьями. Из модально-экспрессивных частиц наиболее часто встречаются общеупотребительные частицы *ё* и *нэ*. Акихито изредка использует считающуюся «мужской» частицу *са*. Кирико местами использует фонетически удлинённые варианты частиц и наречий, например, *наа*, *яппари* что выражает повышенную

эмоциональность. В «мужской» части переписки встречаются слова с оттенком грубости, например, *яцу* «тип», «парень».

Речь Кирико боле вежлива в целом, чем речь Акихито. Она чаще использует слова с вежливым префиксом *о*, адресивные формы сказуемого. В целом сообщения Акихито более короткие, сами фразы тоже содержат меньше знаков, чем у Кирико, что соответствует представлению о более сдержанном и кратком способе изложения у мужчин. Ещё одним инструментом, призванным дополнить образ женщины, это использование нестандартных знаков пунктуации в сообщениях Кирико, таких как восклицательный и вопросительный знаки, иногда несколько подряд, длинные многоточия. Они повышают эмоциональную нагрузку и часто передают восходящую интонацию и высокий тон, характерные для женской речи. Дополнительные способы передачи настроения и эмоций, это иероглиф со значением «смех», «аплодисменты». В сообщениях Акихито подобные элементы не наблюдаются.

В результате проведённого анализа можно сделать вывод, что в японском языке, несмотря на общую тенденцию «усреднения», сохраняется ряд языковых элементов, позволяющих придавать речи оттенок «мужественности» и «женственности» и даже на расстоянии создавать образ «мужчины» и «женщины». Это, как и традиционные элементы, такие как личные местоимения и модально экспрессивные частицы, так и новые элементы, появившиеся благодаря новым технологиям и изменениям в молодёжной речи, такие как знаки пунктуации, смайлики, нестандартное использование иероглифов.

Литература

1. *Исида И.* Reverse. – Япония: Сюэйся, 2015. – С. 323
2. *Кинсуй С.* Ва:тяру нихонго. Якувариго но надзо. – Япония: Иванами сётэн, 2014. – С. 225

Курочкин В.Г.

Общая характеристика диалекта Цугару в ряду северных диалектов региона Тохоку

Диалект Цугару, распространённый в западной части префектуры Аомори и относящийся к северо-восточным диалектам япон-

ского языка (диалекты Оу или Хокуо), имеет культуuroобразующую значимость, поскольку используется 22.2% населения префектуры (примерно 277280 чел., данные на 2016 г.) и представлен в произведениях писателей Дадзай Осаму (1909–1948), Тэраяма Сюдзи (1935–1983), поэта Такаги Кёдзо (1903–1987) и др.

Диалект сформирован на базе исконно японских слов «яматоко-тоба» (или ваго) под влиянием языка народа айну, занимавшего территорию современного острова Хоккайдо и северную оконечность Хонсю. По этой причине в диалекте присутствуют искажённые варианты древних слов, а также канго: «дэки» (беспокойство, затруднения, заботы) изменённое канго «тайги» (тягостный, обременительный, утомительный). «Дзяйго» (родные места, сельская местность) происходит от канго «дзайго» с тем же значением.

Исконно японские слова «агито» (жабры) и «одокаи» (подбородок) представлены в диалекте словами «агэта» и «одогэ». К слову, яматоко-тоба «агито» присутствует во всех диалектах японского языка.

Среди слов языка айну в диалекте заметны «тяпэ» (кошка) и «боккэ» (белокопытник японский).

В области фонетики диалект Цугару отличают следующие особенности. Звук И в начале слова звучит как Э. (ИРО-ЭРО, ИМА-ЭМА и т.д.). Звуки И и Ю приобретают средненёбный характер, близкий к русскому Ы. (прим. ИСИ-ИСЫ, ЭСЫ, ХАТИ-ФАЦЫ и т.д.). Звук Э после гласных йотируется. Сочетание звуков АЭ и дифтонг АЙ сливаются в единый звук Е или Э. (ОМАЭ-ОМЕ, ФУКАЙ-ФУДЭ). Глухие согласные К, Ц, Т в положении между гласными озвончаются, а звонкие согласные приобретают носовой призвук (АКИТА-АГИДА, АТАМА-АДАМА, КАРАДА-КАРАНДА, МАДО-МАНДО).

В области грамматики наблюдаются следующие особенности. Для выражения намерения и предположения широко применяются суффиксы БЭ. (ИКО:-ИГУБЭ, КАКО:-КАГУБЭ, АКАЙ ДАРО:-АГЭабЭ, СИДЗУКА ДАРО:-СИДЗУГАДАБЭ). Глаголы второго спряжения изменяются по принципу ОКИЁ:-ОГИБЭ, АКИЁ:-АГИБЭ. Глаголы, имеющие окончание У после гласного звука, заменяют его на РУ. (ОМОУ-ОМОРУ, НАРАУ-НАРАРУ, КАУ-КАРУ).

Глагол СУРУ имеет формы: 1 основа СА, например, СИ-НАЙ-САНЭ.; 2 и 3 основы: СУ (со средненёбным звуком) СУ-РУ-СУБЭ.; 4 основа СЭ, например, СУРЭБА-СЭБА.

Интересно употребление служебного слова РАСИИ. В диалекте заметна близкая к общеупотребительной форма РАСИ, но чаще используется ЁНТА. (ФУРУ РАСИИ-ФУРУ ЁНТА).

Вежливость в диалекте Цугару слабо выражена, однако можно выделить следующие особенности. Форма глагола с МАСУ имеет вид СИ. (КАКИМАСУ-КАГИСИ, ОКИМАСУ-ОГИСИ), а в отрицательной форме ХЭН (со средненёбным звуком), образованный от СЭН). При повышенной степени вежливости глагол на МАСУ имеет форму на «ДЭГОСИ». (КАКИМАСУ-КАГУДЭГОСИ, ИКИМАСУ-ИГУДЭГОСИ). Ранее, преимущественно в Хиросаки, существовала форма высокой степени вежливости утраченная в настоящее время «ДЭГОЭСИ». (КАГУДЭГОЭСИ, ИГУДЭГОЭСИ). Вспомогательный глагол повелительного наклонения «НАСАИ» в вежливом стиле приобретает форму на ХЭ. (ЁМИНАСАИ-ЁМИХЭ, ОКИНАСАИ-ОКИХЭ). Глагол КУДАСАИ с глаголом в деепричастной форме в значении просьбы совершить действие в вежливом стиле диалекта имеет форму на «-ДЭКЭХЭ». (КАИТЭ-КУДАСАЙ – КАИДЭКЭХЭ, ОКИТЭ-КУДАСАИ – ОГИДЭКЭХЭ).

Литература

1. Лобачёв Л.А., Быкова С.А. Учебное пособие по японской диалектологии // Издательство Московского университета, 1990, 63 с.
2. Miura Yoshio. Katsute seikatsu-ni tsugaruben-ga ikiduiteita// Kitanomachi, 2000, 155 p.

Нечаева Л.Т.

Выражение уступительного значения в японском предложении

В качестве средств для выражения уступительных отношений в предложении в японском языке используются определённые формы сказуемого в сочетании с частицами, а также союзы, союзные слова. Хотя все эти средства объединяет общее значение – выражение уступительности, каждое из них имеет свои особенности употребления.

В основном, все способы передачи уступительного значения, приводятся в учебнике для начинающих [1] и в учебнике для продолжающих. [2].

Но необходимо ещё раз остановиться на особенностях употребления этих средств.

1. Форма сказуемого уступительного предложения на ТЭ МО обозначает нейтральное отношение говорящего к происходящим действиям, например: *Кё:; нихонкоку-ни ва, рикути-но эдзумэн ва годзаттэ мо, мада кайдзу ва най ё: дэсу*. Хотя сейчас есть карта сухопутной части Японии, но, кажется, ещё нет карты морской акватории. [3]

В главном предложении могут употребляться формы волеизъявления, например: *Татэ икитэ ита тоситэ мо, соно мама-но синтай-дэ ва ораэнакатта хадзу дэ ару*. Даже если бы он ещё был жив, то, должно быть, он не смог бы жить в таком состоянии.

Форма ТЭМО показывает на незавершенное действие, например: *Тю:гокухэй-ни мицукаранакутэмо, коно мама цукарэтэ сидзундэ симайу но дэ ва най ка то осоросикатта*. Хотя мы не были обнаружены китайскими солдатами, но было страшно – не утонем ли мы такие уставшие?

Для усиления противительного значения в предложении может употребляться наречие ТАТОЭ *пусть, хотя бы, если даже*, например: *Татэ, оримпикку сюмоку-дэ накутэ мо, рэсурингу-ни какэру оmoi ва каваримасэн*. Хотя это и не олимпийский вид спорта, но не отличается от борьбы.

Разговорной формой ТЭМО является форма ТАТТЭ, например: *Има сара, нани-о ситаттэ осой*. Даже сейчас, что бы ни делал, поздно.

2. НОНИ является разговорной формой для обозначения противительного значения.

НОНИ не употребляется при обозначении последовательно совершаемых действий.

НОНИ употребляется при описании уже совершившихся действий или действий, совершающихся в данный момент.

НОНИ употребляется в тех случаях, когда:

- в главном предложении проявляется результат, противоположный результату, предполагаемому из содержания 1-го предложения;
- сказуемое главного предложения содержит неожиданный, непредсказуемый вывод, часто выражает какое-либо недовольство, порицание, поэтому форму НОНИ не рекомендуется употреблять часто. Этой форме предпочтительней форма ТЭМО, не несущая какой-либо эмоциональной нагрузки.

Следует обратить внимание на то, что сказуемое придаточного предложения с НОНИ, выраженное глаголом, обычно имеет:

а) форму прошедшего времени, например:

Синкансэн-но нака-дэ рэнсю:-ситэ ита нони, соно сэйка-о хиро:-суру кото-га накунатта нова дзаннэн дэатта. Хотя я практиковался в синкансэне, но жаль, что о результатах ничего не сообщили.

б) форму длительного вида, например: *Анэ-га вагая-ни китэ курэ-тэ иру нони, наканака фуан-ситэ нэмурэмасэн.* Хотя сестра и пришла к нам домой, но была взволнована, не могла заснуть.

в) отрицательную форму настоящего времени, например: *Боку-но кодомо ва, нингэн-но котоба ва рикай дэкинай нони, онгаку-но котоба, онкай ва рикай-сита.* Хотя мой ребёнок не мог понять речь людей, но он понимал музыку, гаммы.

г) сказуемое, выраженное прилагательным, имеет форму настоящего времени, например: *Сэнсэй кагё: тою: но ва, кю:рё:-га ясуй нони, ироиро-то сигото-га аримасу на:.* У преподавателя хотя зарплата маленькая, но есть ещё различные подработки.

д) связка составного именного сказуемого имеет форму настоящего или прошедшего времени, например: *Ватаси ва, кадзан га-куся-дэ най нони, китё:-на тянсу-ни мэгумарэмасита.* Я хотя и не специалист по вулканам, но благодарен выпавшему мне такому ценному шансу. *Кино:-мадэ ва суки датта нони, кё:-кара ва као-о миру-но мо коэ-о кичу-но мо ия-ни наримасита.* До вчерашнего дня я её любил, а сегодня мне противно и видеть её лицо, и слышать её голос.

3. НАГАРАМО – форма письменного языка, употребляется в речи о 1-м, 3-м лице, но не в речи о собеседнике, например: *Хай. Ицука ва, о-ханаси синакэрэба наранай то омоинагарамо, соно кикай-га накутэ...* Да, хотя я думаю, что необходимо поговорить, но нет случая...

Литература

1. Л.Т. Нечаева. Японский язык для начинающих, ч. 2. М. 2015
2. Е.Ю. Бессонова, Т.А. Корчагина, А.В. Кудряшова, Л.Т. Нечаева. Японский язык для продолжающих, урок 14. М., 2009
3. Электронный ресурс: КОТОНОХА <http://www.kotonoha.gr.jp/shonagon/> (дата обращения: 15.01.2020).

Захарьин Б.А.

Назализация и порождаемые ею сегменты в истории индоарийского

Панини в сутре 1.1.8 определял *anunāsika*, т.е. «назализацию» (и процесс, и его итоговые производные), как «одновременное использование при артикуляции и ротовой, и носовой полостей». Такое понимание разделялось и всеми древнеиндийскими фонетистами, выделявшими в ведийском в качестве конечных продуктов процесса носовые смычные *ṅ, ṅ̄, ṇ, ṇ̄, ṁ*; носовые сонанты *ṅ̄, ṅ̄̄, ṅ̄̄̄* и множество противопоставленных «чистым» назализованным гласным (типа *ā̄, ī̄* и т.п.). Другим употребительным был термин *anusvāra*, обозначающий некий «носовой пазвук» (*m*), предполагавший альтернативу с историческими *m* или *n* в позиции «после гласной и перед щелевой». Графическим отражением *анусвары* являлась надстрочная «точка»; графический символ для *анунасики* был более сложным: надстрочный «полумесяц» с «точкой» в его центре.

Оба термина продолжали использоваться и в описаниях фонетики санскрита, но их значимость была иной: в случае ведийского термин ‘*анунасика*’ и применялся к носовым согласным и сонантам, и указывал на назализованность гласной и её удлинение (в случае исходной краткости). Кроме того, с ауслатными гласными *анунасика* могла подразумевать и «эвфоническую», предотвращающую «зияние», функцию: *sacā + indrah* > [*sacā̄ indrah̄*]. Описывавший такое использование *анунасики* ранний трактат ‘Rg Prāṭiśākhya’ одновременно предупреждал пользователей о недопустимости вторичной назализации гласных в контакте с носовыми согласными данного или соседних слогов. Этот процесс, по-видимому, едва наметившийся в разговорном ведийском, приобрёл впоследствии полномасштабный характер и стал обычным в новом индоарийском.

В большинстве фонетических трактатов, посвящённых собственно санскриту, слог с назализованной гласной приравнивался к «тяжёлому» слогу с долгой гласной, а сам процесс назализации описывался чаще при помощи термина ‘*анусвара*’, почти полностью вобравшего в себя семантику ‘*анунасики*’. Это отразилось и на графике: если в ведах надстрочные «полумесяц» и «точка» выполняли разные функции, маркируя, соответственно, назализованную гласную и но-

совой согласный, то в ранних текстах на санскрите они с равной вероятностью использовались для обозначения и (первично или вторично) назализованной гласной, и носового согласного, гоморганного последующему неносовому; при этом процесс назализации сонантов тогда полностью прекратился. В позднейших санскритских текстах универсальный знак «точки» стал доминирующим во всех контекстах, а в эпоху пракритов использование типовой для *анунаски* графемы «полумесяца» сделалось весьма редким.

Эту «экспансию» *анусвары* исследователи склонны объяснять чисто техническими причинами, поскольку в графике знак «точки», как очевидно, проще своего противочлена. Однако подлинное положение дел много сложнее, так как древнеиндийские труды по фонетике существенно размежёвываются по вопросу о качественной трактовке *анусвары*: в части из них *анусвара* – исключительно «назализованная гласная», для других она – «ослабленный» носовой согласный неполной артикуляции; третьи совмещают в *анусваре* вокальные и консонантные характеристики. Все фонетисты при этом солидарны в том, что с ходом эволюции вокальность *анусвары* укреплялась, а консонантные свойства ослабевали. Не исключено, что расхождения в трактовках имплицированы объективными диалектальными различиями, нашедшими отражение в позициях авторов фонетических сочинений, но истинность подобного предположения не проверяема никакими экспериментальными методами анализа.

Рассмотренные термины и графемы используются и в новоиндийской фонетике при опоре на ведийскую модель, т.е. *анунасика* предполагает назализованную гласную, *анусвара* – гоморганный согласный. Но в фонологии имплицированные обоими процессами сегменты должны трактоваться в качестве самостоятельной «фонемы назализации», неотъемлемо связанной с оппозициями форм в рамках грамматической категории числа.

Хохлова Л.В.

Два типа глагольных композитов в хинди

Существует множество описаний лексической и грамматической семантики глаголов хинди, образованных сочетанием основы смыс-

лового и финитной формы лёгкого глагола. Легкие глаголы выполняют экспликативную, модифицирующую и действительную функцию. В отличие от вспомогательных, лёгкие глаголы могут употребляться в языке и как полнозначные предикаты.

Предметом предлагаемого ниже анализа является тот вид глагольных композитов, которому до сих пор уделялось мало внимания в лингвистической литературе. Описываемые композиты по структуре аналогичны сочетаниям с лёгкими глаголами: состоят из основы первого глагола + финитная форма второго, однако в отличие от лёгких, второй глагол в таких сочетаниях полностью сохраняет своё лексическое значение. Некоторые особенности анализируемых ниже композитов рассмотрены в [Raina 2011: 135–152].

Можно выделить четыре типа отношений между подсобытиями, из которых складывается значение рассматриваемых предикатов:

(1) причина-следствие:

mālī ne bandar ko mār bhagāyā
садовник Erg обезьяна Acc бить бежать. Caus.Aor.M.Sg
'Садовник прогнал обезьяну (побив, заставил убежать)'

(2) первое подсобытие плавно переходит во второе:

sītā ne gend uchāl phe^{nkī}
Сита Erg мяч.F подбросить бросить.Aor.F.Sg
'Сита бросила мяч (подбросив бросила)'

(3) способ – направление движения:

cor jel se bhāg nīklā
вор тюрьма Abl бежать выходить.Aor.M.Sg
'Вор сбежал из тюрьмы' (4) предшествование – следование
rakeś ne ciṭṭhī likh bhejī
Ракеш Erg письмо.F писать посылать.Aor.F.Sg
'Ракеш написал и отправил письмо'

Описываемые глагольные сочетания по своим функциям напоминают сериальные глаголы, однако отличаются от последних по структуре: в сериальных глаголах обе части композита представлены финитными формами.

В сочетаниях с лёгкими глаголами аргументная структура предиката определяется основным смысловым глаголом, именно к нему присоединяются каузативные суффиксы при актантажной деривации:

(5)

*rām ne naukar se bhikhārī ko bhagvā diyā*Рам Erg слуга Instr попрошайка Acc бежать.Caus давать.Aor.M.Sg
'Рам велел слуге прогнать попрошайку'.

Только четвёртый тип композитов с двумя полнозначными глаголами допускает актантную деривацию: оба компонента могут присоединять каузативный суффикс, при этом порождаются предложения с различной аргументной структурой:

(6)

*rakes ne ciṭṭhī likhvā bhejī*Ракеш Erg письмо.F писать.Caus отправлять. Aor.F.Sg
'Ракеш попросил (кого-то) написать письмо (или продиктовал кому-то письмо) и отправил его (сам).

(7)

*rakes ne ciṭṭhī likh bhijvā*Ракеш Erg письмо.F писать отправлять.Caus.Aor.F.Sg
'Ракеш написал письмо (сам) и попросил (кого-то) его отправить'.

Только некоторые конструкции типа «способ – направление движения» допускают инверсию составных частей, при этом последовательность событий, описываемых композитом, может меняться, например, (3) при инверсии приобретает значение 'Вор вышел из тюрьмы и побегал'. В других случаях значение композита остается неизменным:

(8)

*pakṣī cal uṛā = pakṣī uṛ calā*птица.M двигаться лететь.Aor.M.Sg птица лететь двигаться.Aor.M.Sg
'Птица улетела'.

Факторы, влияющие на изменение значения композитов при инверсии их компонентов могут стать предметом дальнейшего исследования.

Литература

1. Raina, Achla M. The co-eventual verb in Hindi. // Indo-Aryan Linguistics, Omkar N. Koul (ed.), Mysore, Central Institute of Indian Languages. – 2011. С.135–152.

Sarkisyan O.

The Armenian Language in the Linguistic Diversity of Moscow Urban Setting

Introduction

Moscow is one of the most densely populated cities in Europe, and as any other urban setting it is a clear example of co-existence of various languages and ethnicities within one urban context. Being multiethnic and multilingual metropolis, it has more than 160 languages being spoken there [Коряков Ю. Б., 2017].

It is important to note that the Armenian diaspora in Moscow plays a significant role in forming such an ethnic and linguistic diversity in Moscow because it is rather numerous and old one, and at the same time it is now well integrated into the local population. The article describes the linguistic behavior of the Armenian language heritage speakers in urban context and examines the strategies of the ethnic language preservation [Galkina T., 2006].

Methodology

The collection of data for further research represented a standard question-answer interview. An interview itself was divided into 3 blocks based on the type of questions. The first block consisted of the questions considering some personal background. The second part of an interview was firstly devoted to the languages usage, where I was interested in finding with whom and in what social situations the respondents prefer using a particular language. The questions from the third block were designed to elicit the information about various institutions, places and events in Moscow where the ethnic language and culture can be learned and practiced. Additionally, with the use of the questions from the third block I tried to estimate the importance of ethnic language acquisition for Armenian heritage speakers. There were 30 twenty people at the age of 18-30-year-old who were subjected to an interview.

Results

The results show that Armenian heritage speakers prefer using the ethnic language at home with relatives and inside the religious institutions. In the borders of the city our respondents mainly speak Russian but in some cases they can switch to Armenian if they find themselves in the company of other representatives of the diaspora, whenever it happens at university, work or any other public places.

Armenians of Moscow find it of great importance to have a good command of the ethnic language. Some even claim that is vital for them to force their children to study the heritage language. It is highly likely, that for these reasons there are quite a lot of educational and social institutions that provide the representatives of Armenian diaspora with the language courses.

To conclude I may say that the Armenian language is an essential part of the Armenian diaspora that is highly unlikely to be lost. Almost all of respondents have no doubt transmitting their knowledge of the language to their children, and do appreciate the using Armenian among themselves.

References

1. *Коряков Ю. Б.* Языки Москвы по данным переписи 2010 года // Родной язык, 2017, № 2 (7). С. 24–44. (The languages of Moscow in the 2010 census – in Russian)
2. *Galkina T.* (2006) Contemporary Migration and Traditional Diasporas in Russia: The Case of the Armenians in Moscow // *Migracijske i etničke teme* 22, no 1–2, pp. 181–193.

Громова А.В.

Счётные слова в диалектах Фарса (на примере давани)

Диалектальная лексика, описывающая традиционные способы измерения пространства, времени, массы (например, размеры пашни, сада или комнаты) и нумеративы, используемые для пересчета людей, скота, растений и определения урожая (снопы и вязанки колосьев), – общим числом 34 термина – стали одним из семантических полей, особо выделенных иранскими лингвистами Академии персидского языка и литературы в процессе разработки словарной подборки «Руководства по описанию и документированию языкового многообразия Ирана» [Rāhnamā 2012: 22–24].

Первой из описанных по этой модели языковых разновидностей Ирана стал давани. В «Диалектологической сокровищнице Фарса» [Salāmi 2004: 150–152] можно найти многочисленные примеры счетных слов, используемых для описания сельскохозяйственных работ (1–3), скотоводства (4), прядения (5), также приводится ряд единиц измерения длины (6), жидкости и сыпучих тел (7):

(1) *bona* (букв. ‘основа/росток’, ср. *bonvār* ‘побег, растущий от старого ствола дерева’) используется для подсчёта деревьев и растений;

(2) *gā* (букв. ‘корова’) служит единицей измерения площади сада или пашни, то есть участок, который можно вспахать за один день плугом, в который впряжён вол (бык); другими единицами измерения земли являются *vejab* ‘пядь’ (расстояние между раскрытыми большим пальцем и мизинцем) и *me* ‘ман’ (единица измерения сельскохозяйственных угодий и единица веса, около 3 кг);

(3) собранное в поле укладывается в *tāla/per* ‘стог’, из колосьев делают *qōba* ‘сноп’ (пучок колосьев злаков, сколько можно удерживать в руке, мера сжатого хлеба);

(4) скот считают по головам *to* (букв. ‘штука’);

(5) пряжа и нитки мотаются в *gogufa/qōza* ‘клубок’, *gogufa* является однокоренным *goguk* ‘веретено’;

(6) единицей длины (около 1 метра) является *gaz* ‘гяз’, в традиционной архитектуре Давана для комнат используется специальное счётное слово *rōla*, букв. ‘плоский камень, расстояние между двумя соединяющимися арками’;

(7) очень мелкие объекты считаются по каплям *tella/čorra* (букв. ‘капля’) и крупинкам *nītārek* (‘очень малое количество, унция’), в том же значении приводится *ašk* (букв. ‘слеза’, ср. *ašk gōtan* ‘лить слезы, плакать’); для сыпучих тел используется *mos* ‘кулак’ и *ginj* ‘горсть, сколько помещается в закрытом кулаке’, а также традиционная мера сыпучих тел *keyla* ‘кейль’.

Уже этот небольшой список примеров позволяет отметить случаи полисемии (3), вопросы синонимичных терминов – например, в примере (7) и *beyla/dassa/bor* ‘некоторое число людей’ – подлежит дальнейшему изучению с уточнением семантики существительных, которые в определённой синтаксической позиции (после числительного и перед исчисляемыми предметами) выполняют роль нумеративов.

Анализ доступных диалектальных текстов [Salāmi 2002: 209–536; примеры с сайта А. Салами <http://davanpars.com>] показывает, что, как и в современном разговорном персидском языке, наиболее широкой сочетаемостью обладает не оформляемый изафетным показателем нумератив *to* ‘штука’. Им считают предметы (8), животных (9) и людей (10), даже если в словаре для пересчёта людей предлагается *nefar* ‘человек’.

(8) Tu ko:-gal-e dovu nundza:-to eškat he. ‘В горах Давана есть девятнадцать пещер’; Ārvēz a qeylun mēga to-t dicco silāy he ‘Сито говорит кальяну: «У тебя две дырки»’

(9) Tu dē-mu sēza-to asp he ‘В нашей деревне есть тринадцать лошадей’; Mor-e golbāqleyi-š da:-to čekēk he ‘У пестрой черно-белой курицы десять цыплят’; Pos-e āmu-mu-š si-vo tsā-to kamutar he ‘У моего двоюродного брата 34 голубя’; Tsārda-to-š boz-o mēš bi ‘У него было 14 коз и овец’.

(10) Šiš-to-š do:t-e ā:zav he ‘У него шесть незамужних дочерей’; Nene-y Pari oš so-to baček-e baček he ‘У бабушки Пари три внука’.

Использование счётных слов с исчисляемыми объектами факультативно (11). Числительное *ya* ‘один’ может выражать или усиливать выраженную постпозитивным артиклем *-i* неопределённость и, как и в персидском языке [Иванов 2019: 151], преимущественно сочетается с нумеративом *duna* (букв. ‘зёрнышко’), а не *to* (12).

(11) An Dovu boš-a: bis reqam angir he. ‘В Даване существует больше двадцати видов винограда’

(12) *ya: duna boz-e ku-yi an tu kō vānamondā* ‘одного горного козла в горах не осталось’; *to ya: boz-i hādet a unā* ‘чтобы он дал им одного козла’.

Литература

1. *Rāhnamā-ye gerd'āvāri-ye guyešhā* // Farhangestān-e zabān va adab-e fārsi. – 1391 (2012). – URL: <https://apll.ir/?p=3373> (дата обращения 01.03.2020).
2. *Salāmi A.* Farhang-e guyeš-e davāni. Farhangestān-e zabān-o adab-e fārsi, Našr-e āsār, 1381 (2002). – 367 p.
3. *Salāmi A.* Ganjine-ye guyeššenāsi-ye Fārs – Vol. 1. –Tehrān: Farhangestān-e zabān-o adab-e fārsi, Našr-e āsār, 1383 (2004). – 537 p.
4. *Иванов В.Б.* Очерк теории персидского языка. Том 1. М.: Садр, 2019.

Иванов В.Б., Силантьева Л.Г.

Квантитативно-тонический компонент ваханского ударения

Ваханский язык относится к восточной подгруппе иранских языков. Он распространён в исторической провинции Вахан, частично охватывающей территории Таджикистана, Афганистана, северного

Пакистана и КНР. Большинство ваханцев Таджикистана двуязычны (второй язык – таджикский), в меньшей степени трёхязычны (третий язык – русский). Большое количество ваханцев Афганистана владеют языками дари и пашто. Для ваханцев северного Пакистана, где государственными являются два языка – английский и урду, в зависимости от окружения вторым разговорным языком может быть шина или бурушаски. Для ваханцев КНР вторым является китайский язык, третьим – уйгурский.

В первом эксперименте анализировались записи речи четырёх студентов-носителей ваханского языка (двух юношей и двух девушек), проведённые 15 октября 2008 в Хороге. На этом этапе проводился исключительно акустический анализ микрофонного сигнала. В качестве исследуемого лексического материала были взяты двух- и трёхсложные числительные.

Акустический анализ записанной речи проводился в ЛЭФ ИСАА МГУ. В каждом слогоносителе измерялась длительность (Т), интенсивность (I) и частоты основного тона (F_0). По данным измерений была составлена таблица, которая была обработана статистическим пакетом SPSS по линейной многомерной модели. Проверялась статистическая связь ударения с вышеописанными параметрами слогоносителя. Наряду с абсолютными значениями параметров, рассматривались их относительные дериваты, которые измерялись в процентах (%%). За 100% принималось наибольшее значение параметра в пределах фонетического слова. Всего было обследовано 120 слогов (58 ударных и 62 безударных).

Результаты статистической обработки показали высокосвязную связь всех параметров с ударением ($p < 0,001$). Для иранских языков такой результат является исключительным. В других иранских языках словесное ударение либо квантитативное, либо тоническое (подробнее см. [Иванов, 2012, с. 49–51]). До сих пор ударение, маркируемое всеми вышеописанными параметрами, нам удалось найти только в одном изолированном (не иранском) языке – бурушаски (см. [Иванов, 2013, с. 76–78]). Стоит обратить внимание на то, что на севере Пакистана все ваханцы многоязычны, и одним из вариантов является бурушаски-ваханское двуязычие. Возможно, через ареальное взаимодействие просодическая система бурушаски оказала влияние на просодию в таджикском говоре ваханского языка, что получило отражение в их речи. Эта

проблема требует специального исследования. На этом этапе можно было сделать вывод о том, что ударение в ваханском языке является многокомпонентным – динамико-тоническо-квантитативным.

Во втором эксперименте приняло участие трое других информантов-носителей ваханского языка (двое мужчин и одна женщина). Записи речи проводились в Москве летом и осенью 2019 года в Лаборатории Экспериментальной Фонетики ИСАА МГУ. На этот раз помимо микрофона с усилителем использовался глоттограф.

С помощью глоттографа регистрируется (записывается в файл) частота колебаний голосовых связок (F_0) и коэффициент открытости голосовой щели Q (Quotient), т.е. отношение того времени, в течение которого голосовая щель открыта, ко всему периоду колебания голосовых связок (измеряется в %%). Подъем ларинкса (Vertical larynx position, VLP) был хорошо заметен на глоттограмме и измерялся в относительных единицах по отношению к нулевой линии. Возвратно-поступательные движения ларинкса в вертикальной плоскости могут быть охарактеризованы средней инфразвуковой частотой. В нашем случае она определялась в интервале 7–37 Гц. Всего было обработано 88 слогов (44 ударных и 44 безударных).

Аналогично первому эксперименту все абсолютные значения параметров были пересчитаны в относительные (в %%). Полученная таким образом таблица была обработана статистическим пакетом SPSS по многомерной линейной модели.

Статистический анализ показал, что по раздельности параметры длительности (T) и частоты основного тона (F_0) высокозначимо связаны с ударностью слононосителя ($p < 0,001$). В такой же степени высокозначимыми оказались интегральные параметры ($F_0\text{area}$) и (V), в которые эти параметры совместно входят в качестве компонентов. Несколько меньшая значимость обнаруживается у интенсивности (I) ($p = 0,001$) и её производного параметра $I\text{area}$ ($p = 0,002$). Ларингальные параметры инфразвуковая частота (Sub) и вертикальное смещение ларинкса (VLP) для просодии оказались незначимыми ($p = 0,838$ и $p = 0,897$ соответственно).

Результаты обоих экспериментов свидетельствуют о том, что основными характеристиками ваханского ударения являются длительность (T) и частота основного тона (F_0). Они маркируют ударный

слог почти в 100% случаев. Значимой, но несколько менее регулярной характеристикой оказывается интенсивность (I).

Литература

1. Иванов В.Б. Ударение в иранских языках // Ломоносовские чтения. Востоковедение. Тезисы докладов научной конференции. – ИД «Ключ-С», Москва, 2012. – С. 49–51.
2. Иванов В.Б. Гласные и многокомпонентное ударение языка бурушаски // Ломоносовские чтения. Востоковедение. Тезисы докладов научной конференции (15 апреля 2013 г., МГУ имени М.В. Ломоносова, ИСАА). – ИД-Ключ, Москва, 2013. – С. 76–78.

Аганина Г.Р.

Вклад Ал-Халила ибн Ахмада в развитие фонетического учения арабов

Начало письменной истории арабской филологии и лингвистической традиции арабов, в частности, связано с именем видного представителя басрийской школы грамматистов Абу 'Абдурахмана Ал-Халила ибн Ахмада ал-Фарахиди ал-Азди ал-Басри (718–786/789/791), известного как Ал-Халил ибн Ахмад. До нас дошло не многое из его письменного наследия.

Имя Ал-Халила ибн Ахмада широко известно в качестве одного из источников грамматической теории его ученика Сибавайхи (ок. 796), автора первого полноценного грамматического трактата. Многие теоретические взгляды Ал-Халила в области грамматики арабского языка сохранились в изложении Сибавайхи.

Общепризнанными в арабистике, как в собственно арабской, так и в востоковедении, считаются его достижения по меньшей мере в четырёх областях филологии:

– разработка теории арабского метрического стихосложения ('*arūd*'), опирающееся на удивительно тонкое понимание просодической системы арабского языка, минимальной единицей которой является мора (*harf*) [Фролов Д.В. 1991. С. 191–193];

– учение о структуре арабского слова и созданный им принцип её моделирования через корень *f-'l*, а также учение о корневой основе арабского слова с точки зрения её количественной характеристики в трех частях речи: имени, глагола и частицы [Фролов Д.В., 1991, с. 193];

– разработка принципа составления словарей по корневому принципу и переход от создания тематических словарей к полным, охватывающим обширнейший фонд лексики;

– создание основ фонетической теории и описание на её основе звукового состава арабского языка.

О фонетическом учении Ал-Халила мы узнаем из авторского предисловия к его толковому словарю «Китаб ал-‘айн» (Книга ‘айна), которое единодушно признается первым авторитетным источником в области учения о звуковой стороне арабского языка. В нем он:

– излагает первую классификацию звукового состава арабского языка по месту артикуляции (*ḥayūiz/madraj/mawḍi‘*) в направлении от глубоко артикулируемых, гуттуральных звуков к губным и создаёт на этой основе фонетический алфавит, в соответствии с которым он распределяет слова в словаре;

– выделяют две группы фонем: согласные (*hurūf ṣiḥāḥ*) и гласные (*aḥruf jawf* или *hawā‘iyūa*);

– имплицитно дифференцирует гласные по признаку длительности, объединяя в одну группу харфы *alif, wāw* и *yā‘*, с одной стороны, и «облегчённую *hamz-у*», с другой;

– вводит в научное употребление основную терминологию, касающуюся характеристики единиц фонетического анализа (*harf*) с точки зрения места образования;

– применяет фонетическую характеристику корневых согласных по месту образования в качестве критерия распознавания исконно арабской и новой, привнесённой лексики (*kalima muḥdatha, mubtada‘a*).

В самом словаре Ал-Халил применяет разработанное им фонетическое учение при рассмотрении возможности сочетаемости компонентов корневой основы арабского слова.

Достижения Ал-Халила в области фонетики, не претерпев существенных изменений, явились базой дальнейшего развития данной области языкознания в традиционной арабской грамматике и науке о речитации Корана.

Литература

1. Фролов Д.В. Классический арабский стих. История и теория аруда. М.: Наука, 1991. – С. 191–193.

Закрыжевский М.Ш.

Теории происхождения арабских диалектов. Теория пиджинизации и креолизации

Нидерландский лингвист К. Верстег (1984), выдвинул теорию, согласно которой, многие общие черты между Классическим арабским и диалектами – результат процессов пиджинизации, креолизации и последующей декреолизации.

Учёный предполагает, что раннеарабский язык подвергся пиджинизации, т.е. существенному упрощению в эпоху раннего Ислама в результате усвоения его большим количеством неарабоязычных, что привело к использованию некой разновидности арабского языка в качестве *lingua franca* между арабами и говорящими на других языках.

Затем, как полагает Верстег, этот язык был «креолизован», т.е. стал родным для неарабоязычных, а затем распространился и за пределами Аравийского полуострова. В конечном итоге, именно этот креольский язык и стал источником большинства современных арабских диалектов.

Ещё один тезис, который выдвигает лингвист, состоит в том, что одновременное использование в языковой среде и диалектов, и Классического арабского языка привело к постепенной декреолизации и сближению диалектов с Классическим арабским языком. Так начался процесс интеграции ряда черт, характерных для Классического языка в диалекты, процесс этот продолжается и по сей день.

Ответ Чарльза Фергюсона на теорию пиджинизации

Данная теория была воспринята, в целом, положительно, однако, вызвала ряд противоречий: так, например, известнейший диалектолог Чарльз Фергюсон ставит описанные процессы под сомнение. С его точки зрения, имели место другие процессы, например, внутренняя устойчивость языка, «койнезация», «внешнее проникновение».

В своей статье «Грамматическое согласование в Классическом арабском языке и современных диалектах» («Grammatical agreement in classical Arabic and the modern dialects») Фергюсон приводит объяснение и примеры данных явлений:

1) Внутренняя устойчивость языка

Во всех современных диалектах арабского языка существует маркер «t», показатель единственного и множественного числа второго лица, а также единственного числа третьего лица женского рода. Нет никаких свидетельств того, что этот показатель когда-либо исчезал из арабского языка, это крайне устойчивое явление, восходящее ещё к протосемитским и даже протоафро-азиатским языкам. Даже если будет доказано, что какой-либо арабский пиджин когда-нибудь утрачивал данный маркер, а затем вновь обретал его в процессе декреолизации, это не свидетельствует о том, что и другие диалекты прошли через этот же процесс.

2) «Койнезация»

В классическом арабском языке маркер подлежащего в имперфектной форме, *ta*, содержал краткий гласный *a*, при том, что известно, что в других вариантах древнеарабского он содержал гласный *i*, и хотя, в целом, вариант *a* сохранился лучше, чем *i*, современное использование этих морфем указывает на то, что вариант *i* был характерен для диалектов оседлого населения, а также неаравийских диалектов. Это говорит о том, что в эпоху раннего ислама этот вариант преобладал. Верстег же характеризует это как «возможный случай», хотя таких случаев должно было быть множество.

3) Внешнее проникновение

Самым ярким примером этого явления, по мнению Фергюсона, является распространение в диалектах слов, заимствованных из европейских языков в результате либо непосредственно заимствования, либо внутреннего изменения однажды заимствованного слова. Так, например, во многих арабских диалектах существует слово «bosta» ('почта'), заимствованное из романских языков несколько веков назад или, например, слово «talfon» ('телефон'), заимствованное из английского сравнительно недавно.

Литература

1. Charles A. Ferguson Grammatical Agreement in Classical Arabic and The Modern Dialects; Stanford University, 1987: 81–90
2. Kees Versteegh. The Arabic Language; Edinburgh University Press, 2001: 148–151

Лебедев В.В.

Образовательный потенциал арабской языковедческой традиции (вопросы методики обучения арабскому языку как иностранному)

1. У обучающего арабскому языку есть выбор: строить обучение арабской фонетике и грамматике на основе европейской лингвистической традиции (ЕЛТ), или арабской языковедческой традиции (АЯТ). Обе традиции относятся к мировым. Обе имеют широкий ареал распространения в пространстве и времени. У обеих многовековой опыт применения в обучении: у европейской – европейским и другим языкам, в том числе, и арабскому, у арабской – только арабскому языку, как арабов, так и не-арабов.

2. Идея обучения арабской фонетике и грамматике на основе АЯТ в системе востоковедного образования в нашей стране была выдвинута и реализована в шестидесятые годы в МГУ им. М.В. Ломоносова, в ИСАА проф. Г.М. Габучаном. Позднее она была материализована в учебниках: Г.М. Габучан «Литературный арабский язык в текстах. Учебное пособие по начальному курсу» М., 2005 – в серии «Классический университетский учебник»; Г.М. Габучан, В.В. Лебедев, А.К. Торос «Литературный арабский язык в текстах» Части 1 и 2 М., 1993; В.В. Лебедев «Полный курс литературного арабского языка. Начальный этап» М., 2017; В.В. Лебедев, Г.И. Бочкарев «Полный курс литературного арабского языка. Основной этап. Продвинутый этап. Завершающий этап» – в 6 книгах. М. 2017; В.В. Лебедев «Учись читать Коран по-арабски» в 3 книгах. М., 2002; В.В. Лебедев, А.Ф. Садриев «Учебник арабского языка Корана» Части 1–3. М., 2019.

3. Проф. Г.М. Габучан основоположник теоретического освоения разных отраслей АЯТ в целях углублённого адекватного понимания устройства и функционирования арабской языковой системы и совершенствования обучения арабскому языку как иностранному. Авторами научных исследований и публикаций по этой тематике являются А.А. Санчес, Д.В. Фролов, В.В. Лебедев, С. Карабекян, В.М. Пак, Г.Р. Аганина, О.Г. Акинина и др.

4. Обучение арабскому языку как иностранному на основе АЯТ имеет свои неоспоримые преимущества. Оно имеет и свои «недочёты». И те, и другие должны тщательно учитываться как при выборе стратегии обучения на основе АЯТ, так и в процессе следования ей.

4.1 К неоспоримым преимуществам стратегии обучения ЛАЯ на основе АЯТ относятся:

4.1.1 тот факт, что АЯТ создавалась и развивалась исключительно на основе эмпирического материала арабской речи в её письменной и устной форме, и что этим занимались люди, владевшие широким спектром научной информации мирового уровня, включая и такие области, как математика, теория музыки, познавательная деятельность человека;

4.1.2 тот факт, что АЯТ была изначально нацелена на процесс обучения АЯ и долго хранила свою зависимость от этого своего начала;

4.1.3 вытекающую из предыдущего факта последовательную установку АЯТ на выявление причинно-следственных отношений между языковыми явлениями, а именно эти отношения между явлениями, практически составляют стержень всего познавательного процесса окружающего мира;

4.1.4 принципиально системный подход АЯТ к явлениям языка, получающий своё дидактически значимое отражение в метаязыке и понятийном аппарате представления и истолкования арабских языковых реалий;

4.1.5 сознательный, последовательный и продуктивный учёт коммуникативной природы языка и его свойства быть носителем информации;

4.1.6 широкомасштабное применение моделирования: от изучения высказывания и процесса порождения речи до полного и детального отражения и учёта словообразовательных процессов и арабских словарных ресурсов, а также заимствованного из математики метода аналогии;

4.1.7 обучение литературному арабскому языку на основе АЯТ попутно вводит обучаемого в одну из терминологических систем ЛАЯ – грамматическую, а через неё и в типологически сходные с ней арабоязычные терминологические системы других гуманитарных, а также и естественных наук.

5. «Недочётами», т.е. «недоучтёнными» при выборе стратегии опоры на АЯТ обстоятельствами может стать, прежде всего, тот факт, что в сознании обучаемого уже присутствует «привычная» стратегия изучения языков, которая может казаться единственно возможной при изучении любого языка, а все, что свыше, будет казаться «излишним». Поэтому выбор в пользу стратегии опоры на АЯТ при

изучении арабского предполагает со стороны преподавателя постоянную готовность к мотивированию и обоснованию такого выбора, особенно, на начальном этапе обучения.

6. Положения, перечисленные в п.4, являются основными среди тех, которые отражают и высокий образовательный потенциал АЯТ, её способность к эффективному развитию интеллектуальных способностей обучаемого.

Кроме того, стратегия опоры на АЯТ знакомит обучаемого ещё с одной, новой для него грамматической традицией, отличающейся своим ярко выраженным порождающим характером, которая исходит из представления о языке как закрытой системе и последовательно применяет системный подход в его лингвистическом описании.

7. Практическая значимость стратегии опоры на АЯТ в подготовке арабиста заключается и в том, что в результате такого обучения он оказывается полностью подготовленным к продолжению гуманитарного образования в арабских странах.

Порхомовский М.В.

Об употреблении разговорной речи в турецких масс-медиа и рекламе

Разговорную речь мы понимаем как спонтанную устную речь носителей турецкого литературного языка в условиях непринужденного общения. При анализе корпуса современных (2019–2020 годы) текстов прессы и рекламы на турецком языке можно выделить широкое использование следующих особенностей разговорной речи:

1. Употребление одноаффиксного изафета, в котором определение выражено существительным с аффиксом принадлежности, хотя в таком случае строго обязательным является употребление двуаффиксного изафета. Необходимо отметить, что наиболее часто это встречается в рекламе и различных лозунгах и девизах, как политических, так и корпоративных, например, девиз на сайте крупнейшей выставочной компании Турции «ТЮЯП»: *Hazırladığımız fuarlar ile ülkemiz ve bölgemiz [должно быть – bölgemizin] ekonomisine güç vermeye devam ediyoruz* (Мы продолжаем укреплять экономику нашей страны и нашего региона с помощью проводимых нашей компанией выставок) – www.tuyap.com.tr

2. Отсутствие аффикса страдательного залога, например: Milli Savunma Bakanlığı'ndan yapılan açıklamada şu ifadeler kullandı [*должно быть* – kullanıldı] (В заявлении министерства обороны было сказано следующее) – www.sozcu.com.tr/2020/gundem/son-dakika-suriyeden-aci-haber-geldi-2-asker-sehit-5637050/

Каждый конкретный подобный пример можно было бы отнести к опечаткам, которыми так полна турецкая пресса. Однако высокая частотность такого использования позволяет говорить об устоявшейся тенденции.

3. Различные субстантивации, не свойственные письменной речи:

а) Использование субстантивированной формы от вспомогательного глагола etmek в различных значениях, например: Şu an bir plakanın 2 milyon TL'den fazla ederi var (В настоящее время стоимость регистрационного номера такси превышает 2 миллиона лир) – www.sozcu.com.tr/2020/ekonomi/imamoglundan-taksi-plakasi-sinyali-5580169/

б) Присоединение аффикса принадлежности к финитным формам, например: Bol yeşillik, üstüne limon sıkarak, olmazsa olmazımız zeytinyağımız, bazen köy tereyağımız (Много зелени, сбрызнутой лимоном, наше оливковое масло, без которого мы не можем обойтись, иногда наше деревенское масло) – www.sozcu.com.tr/2020/saglik/tip-dunyasini-ikiye-bolen-kahvalti-tartismasi-buyuyor-5569921/.

Очевидно, что частотность использования в письменном языке форм, свойственных устной турецкой речи, будет только возрастать, и это необходимо учитывать в процессе подготовки учебных курсов для изучающих турецкий язык.

Литература стран Азии и Африки

Акимушкина Е.О.

Цикл «индийских стихов» Кудси Машхади (1582–1646) (к проблеме дефиниции жанра)

В персоязычной постклассической поэзии сравнительно часто встречаются произведения, в которых описывается Индия, в частности, ее города (Акбарабад (Агра), Лахор) и регионы (Кашмир, Декан). Такие произведения, получившие условное название «индийских стихов», представлены, например, в творчестве Калима Кашани (ок. 1593–1650), Саиба Табризи (1601–1677), Талиба Амули (1580–1626/27) и других поэтов XVI–XVIII вв. В настоящем сообщении рассматриваются «индийские стихи» Кудси Машхади, выдающегося поэта при дворе могольского императора Шах-Джахана (1627–1658). До недавнего времени его творчество не становилось объектом изучения в отечественной иранистике. В зарубежном иранистическом литературоведении интерес к его стихам возник только в XXI веке (работы С. Ахмада, П. Лозенски, С. Шармы).

«Индийский» цикл стихов Кудси Машхади включает 34 произведения объемом от 6 до 200 бейтов, написанные рифмовкой *маснави*. Ровно половина из них посвящена описаниям природных ландшафтов и флоры Кашмира и составляет «кашмирский» цикл. Восемь стихотворений описывают красоты Акбарабада, формируя «акбарабадский» цикл. Каждый из циклов имеет свою внутреннюю структуру, а также оформленные особым образом начало и конец. Поскольку многие из этих произведений содержат отсылки друг к другу, то, по всей видимости, они мыслились автором как единое целое. Дополнительным аргументом в пользу выделения «кашмирских стихов» Кудси Машхади в отдельную группу в рамках цикла «индийских стихов», выступает то обстоятельство, что все они написаны одним и тем же стихотворным размером *хазадж*. Во всех

стихах Кудси о Кашмире и Акбарабаде преобладают дескриптивные мотивы, которые находятся преимущественно в регистре (термин П. Зюмтора) восхваления, при этом соотношения панегирика и описания различны, т.е. возникает эффект «панегирического описания» или «описательного панегирика» ([Куделин 1973, с. 164, 170]). Однако в «индийском» цикле стихов Кудси Машхади представлены и произведения, относящиеся к другим жанрам, – панегирической (*мадх; фахр*), хулильной (*хаджв; замм*), охотничьей (*тардиййат*), философско-аскетической (*зухдиййат*) и любовной поэзии. Таким образом, «индийские стихи» Кудси Машхади оказываются неоднородными в жанровом отношении.

Исследование цикла «индийских стихов» Кудси Машхади представляется нам необходимым в контексте выявления законов, в соответствии с которыми происходит циклизация произведений в персоязычной поэзии классического и постклассического периодов, а также в рамках изучения принципов функционирования произведений, написанных рифмовкой *маснави*, но по своим тематике и композиционной структуре приближающихся к касыде, газели или кыта, которые являются монорифмическими жанровыми формами. Кроме того, анализ дескриптивных мотивов в постклассический период способствует реконструкции процесса формирования пейзажной лирики в условиях становления индивидуально-творческого художественного сознания в персоязычной литературной традиции.

Литература

1. Куделин А. Б. Классическая арабо-испанская поэзия (конец X – середина XII в.). – М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1973. – 190 с.

Ардашникова А.Н.

Поединок поэтов на фоне республиканской кампании Реза-хана (1924)

Крупные исторические события и последовавшие социально-политические изменения в Иране начала XX в. сформировали интеллектуальную обстановку, вызвавшую к жизни поэзию нового типа.

Еще десятилетие тому назад остававшаяся в канонических рамках средневековой эстетики, персидская поэзия стала идеологически ангажирована и понятна широкой, зачастую не владеющей грамотой аудитории. Некоторые поэты начала XX в., откликнувшись на актуальные волнующие общество вопросы, начали использовать разговорную стилистику и изъясняться языком улиц, экспериментировали с жанровой формой стиха, используя в том числе формы фольклорного происхождения. Эта гражданская поэзия легко научилась поддерживать или ниспровергать разнообразие политические идеи и их приверженцев. Так случилось и во время республиканской кампании, стремительно набиравшей обороты после отъезда из страны Ахмад-шаха Каджара.

Кампания по приведению премьеры Реза-хана к президентству была умело срежиссирована. Пресса печатала одобрительные телеграммы из провинции, поддержку провозглашению республики демонстрировали участники уличных шествий. Безусловным пропагандистским успехом республиканцев стало выступление на концерте популярного поэта Арефа Казвини (1882–1934), призвавшего народ поддержать республику: «Да сгинет время Каджаров! Пусть бесплодным станет их древо! Пусть до судного дня будет вершить справедливость// Мощная длань республики!» [Ареф Казвини, 1957: 423].

Однако иранское общество оказалось не столь единодушно в одобрении республиканской идеи, как хотелось бы премьеру, хотя уверенный в своей победе Реза-хан уже назначил дату собственной инаугурации – первый день иранского нового года (21 марта), к этой дате были выпущены золотые монеты нового, республиканского образца для традиционного новогоднего подарка. От имени большинства иранцев, не поддержавших переход к республиканскому строю, прозвучало поэтическое слово независимого журналиста Мирзаде Эшки (1893–1924), чье мнение всегда ранее совпадало с позицией Арефа. «Слушай, мусульманин, и не верь» [Эшки, 1957: 295], – призывал он соотечественников со страниц своей газеты «Двадцатый век», в которой из номера в номер печаталась его поэма «Книга о республике»: «Святое дитя свободы оказалось выкидышем», а республика – «овечьим навозом в сахаре» [Эшки, 1957: 298–299].

На фоне хора официальной прореспубликанской прессы, говорившей на языке политехнологических приемов, Эшки был единствен-

ным голосом против, который получил народный отклик. Его стихи, намеренно выполненные в низком стилевом регистре с использованием грубых просторечных выражений и разговорных грамматических конструкций, заучивалась наизусть, декламировалась на площадях и базарах, в кофейнях и банях. В стихотворной хронике, документально воспроизводящей заседания меджлиса, он нарисовал целую галерею поэтических карикатур на известных сторонников республики, включая премьера: «Сказал: “Установлю-ка я республику, а сам за поводья её возьму. Народ, что требует её, будет ослом. ...Затем некоторым задам овса и таким образом их обуздаю, а если все совсем пойдёт гладко, то еще и оседлаю!”» [Эшки, 1957: 280]. «Жаль, что напрасно пройден долгий путь и испытаны многочисленные страдания!» [Эшки, 1957: 286] – таков неутешительный приговор Эшки как патриота и равнодушного гражданина «навязанной республике» [Эшки, 1957: 282] или «республике против воли народа» [Эшки, 1957: 286].

Поэма Эшки, с одной стороны, максимально полно отразила недоверие Реза-хану, которое испытывали патриархи либерального движения (Моссадек, Таги-заде) и часть сановников и духовенства (удивительно, но эмоционально окрашенные стихи Эшки – это социологически верная оценка идеологических умонастроений периода), с другой – сыграла ключевую роль в формировании отношения к республике базара, открытое выступление которого в виде марша к зданию меджлиса и предрешило исход кампании. Вскоре после публикации этих стихов Эшки пал жертвой наемных убийц, следы которых вели в подчинявшиеся Реза-хану полицейские структуры. Сам факт убийства политического оппонента недвусмысленно подтверждает, насколько действенным было его слово. Похороны поэта превратились в массовое шествие тегеранцев, которые провожали Эшки в последний путь в окровавленной одежде как шахида, мученика за веру.

Литература

1. *Ареф Казвини*. Диван (Собрание лирических произведений). – Тегран, 1336 (1957).
2. *Эшки, Мир-заде*. Коллийат-е мосаввар (Полное иллюстрированное собрание сочинений). – Тегран, 1350 (1981).

Бакланова Е.А.

Образ ребенка в тагальском рассказе первой половины XX века

Становление филиппинской новеллистики проходит в 1920–1940-е гг. с опорой на местную просветительскую и романтическую романистику, а также образцы американской и западноевропейской прозы XIX в. [San Juan 1974]. Авторы ранних рассказов интересуют темы любви и сопутствующих ей чувств и поступков («Кузены» А.В. Эрнандеса, 1924, «Ай, ай!» Р. Агинальдо, 1936 и др.); образцовые отношения в семье между супругами, детьми и родителями («Старая дева» Т. Сауко, 1926, «Украшение дома» И. Лабог, 1928 и др.); ставится вопрос сохранения филиппинских ценностей на фоне урбанизации, а также национального самосознания («Возвращение к истокам», 1924, и «Алоха», 1931, Д. Росарио). Для рассказов этого периода характерен выраженный дидактизм, авторская оценка персонажей, типизация сюжетов и действующих лиц. Тема детства отсутствует в ранней тагальской новеллистике 1920 – нач. 1930 гг. Образ ребенка не выражен и сводится к второстепенным упоминаниям в контексте семейной ситуации для усиления драматичности («Рыбак» Н. Баэнс дель Росарио); для демонстрации образцовых отношений в семье («Украшение дома» И. Лабог); в метафорических целях («Алоха» Д. Росарио).

Формирование новой для филиппинской литературы темы детства начинается в 1930-х гг., когда общество «Литература» (А. Абадилья, К. дель Мундо) возглавило движение за обновление литературы. Англо- и тагалоязычные писатели, среди которых были Б. Батунгбакаль, С. Гинигундо, П. Дандан, Х. Эдраса-Матуте, М. Пинеда, Г. Флорес, Л. Арсео, обратили серьезное внимание на американскую и западноевропейскую литературу (Ш. Андерсон, У. Стил, У. Сароян, Э. Хемингуэй). Авторы начинают использовать в своих рассказах приемы невыявленного нарратора, многоплановости образа героя и постепенного его раскрытия, мозаичности композиции и приема умолчания, внутреннего монолога; отказываются от морализаторства. В творчестве этих новеллистов усиливается социально-реалистическая тематика, отображаются проблемы общества – бедность, неравенство, социальные пороки. Ребенок как второстепенный персонаж появляется на страни-

цах рассказов для усиления драматичности повествования. Так, в рассказе «Руки» Г.Флореса (1948) образ маленького попрошайки и нищенки с малышом на руках противопоставлены образу немилосердного главного героя, сделавшего попрошайничество своей профессией.

Ребенок как протагонист впервые появляется в творчестве Хенобебы Эдросы Матуте, которая посвятила теме детства и отношений взрослых и детей основную часть своей прозы. В ее рассказах ребенок, как правило, делит роль главного персонажа с наставницей-нарратором (обычно учительницей начальных классов, какой была и сама Матуте). Это позволяет автору, с одной стороны, добиться эффекта отстраненности в раскрытии образа, а с другой, решить дидактическую задачу, которую она, очевидно, ставит перед собой: научить взрослых читателей пониманию и бережному отношению к детям, раскрыть перед ними внутренний мир ребенка. Яркими примерами таких произведений стали рассказы «Восьми лет отроду», 1939, «Путешествие... к сердцу ребенка», 1947, «Рассказ Хорошей», 1951, и др. По признанию писательницы, сильное влияние на нее оказало творчество Ч. Диккенса и У. Сарояна [Almario 2008, xix]. В произведениях Матуте отразился диккенсовский образ невинного ребенка, противопоставленного бездушному и негуманному «взрослому миру» («Приключения Оливера Твиста», «Лавка древностей»), а также черты прозы Сарояна (напр., «Меня зовут Арам», 1940) – простой язык повествования, описание происходящего сквозь призму детского восприятия. В свою очередь, проза Матуте послужила импульсом к развитию темы детства и образа ребенка в тагальской новеллистике. Так, в рассказе Педро Дандана «Есть жизнь в городке Лообане» (1949) отражен взгляд мальчика на переезд его семьи: чистота желаний Попоа противопоставлена меркантильным стремлениям и пустым амбициям его отца. В ярком рассказе Л. Арсео «Иссохшая земля жаждет» (1943) ребенок и протагонист, и нарратор. Главная героиня-девочка предстает заложницей проблем в отношениях взрослых: ее сердце ждет родительской любви, как иссохшая земля жаждет дождя, но родители поглощены своим конфликтом и слепы к ее чувствам.

В тагальской новеллистике первой половины XX в. только начинается становление образа ребенка. Тема детства появляются лишь у небольшого числа авторов, ребенок, как правило, представлен

в дихотомии со взрослым, его образ призван высветить отрицательные черты взрослых персонажей рассказа или пороки общества.

Литература

1. *Almario, Virgilio S.* «Ang mga Kuwento ni Aling Bebang», *Indroduksyon ni Virgilio S. Almario*, Quezon City, 2008
2. *San Juan, Epifanio Jr.* (1974). *Introduction to Modern Pilipino Literature*. – New York: Twayne Publishers

Балданмаксарова Е. Е.

«Сокровенное сказание монголов» в контексте взаимовлияния разных культурных пространств в эпоху Средневековья

Изучение памятников средневековой монгольской литературы – во многом еще не раскрытого духовного богатства – остается актуальным в современном литературоведении. Проблемы взаимодействия разных литератур, соотношения их поэтических и историко-культурных процессов и явлений актуальны во все периоды развития национальных литератур. Монгольская средневековая литература развивалась в рамках «восточной поэтики», в частности, тюркской (уйгурской), индийской (санскритской), тибетской и китайской, поэтому для с самых ее истоков нее характерно развитие в контексте разных историко-литературных контактов и взаимосвязей.

Надо отметить, что высокоразвитая уйгурская культура, с которой монголы близко соприкоснулись лишь в конце XII – начале XIII в., внесла неопределимый вклад в развитие культурной жизни Центральной Азии. Сложившаяся у них система письма проникла к монголам, которая в дальнейшем реформируясь, стала основой классической монгольской письменности (с 1311 по 1945 гг., сейчас – старомонгольской). Необходимо обратить внимание, что с начала XIII в. поиски в области филологии не прекращались, можно выделить китайско-монгольский период (1210–1220), затем тибето-монгольский, когда было создано т.н. «квадратное письмо» (1260–1269). Даже такой поверхностный взгляд на развитие письменной культуры монголов свидетельствует о всесторонних культурных связях народов Центральной Азии, об их взаимопроникновении и взаимовлиянии.

Несомненно, велика роль уйгурской поэзии, литературы, умело сложенной художественной речи на формирование и становление монгольской словесности, особенно в ранний период. К самым первым памятникам монгольской литературы XIII в., дошедшим до нашего времени и написанным на уйгуро-монгольском алфавите, относится «Чингисов камень» (1220 г.), найденный в Забайкальском крае, сейчас хранится в Эрмитаже. Монгольская литература возникает в первой половине XIII в. – почти в одно время с образованием Великого Монгольского государства. Стремительное появление Монгольской империи на мировой арене довольно полно отразилось в первом, дошедшем до нас историко-литературном памятнике монгольских народов «Сокровенное сказание монголов» (*Монггол-ун нигуча тобчиян*, 1240). По решению ЮНЕСКО в 1990 г. было широко отмечено 750-летие «Сокровенного сказания монголов». В Резолюции ЮНЕСКО отмечается, что «по своим художественным, эстетическим и поэтическим достоинствам, богатству и оригинальности языка, это произведение является уникальным в истории монгольской литературы, представляя собой богатое сокровище мировой словесности и <...> служит важным источником по истории и культуре Монголии и других стран Центральной Азии» [Бира, 1990, с. 3].

В монголоведении до сих пор не утихают споры, когда данное произведение было транскрибировано китайскими иероглифами и переведено на китайский язык. Баяр, современный ученый из Внутренней Монголии Китая, доказывает, что «Сокровенное сказание монголов» (далее – ССМ) было затранскрибировано китайскими иероглифами и переведено на китайский язык в Юаньский период (1271–1368), а не в эпоху Минской династии. И автором этого труда он называет крупного монгольского ученого того времени блистательного переводчика Цагана. Трехтомный труд Баяра состоит из китайского оригинала, его латинской транскрипции, реконструкции ССМ на старомонгольской и современной письменности. Как одно из примечательных достоинств этого труда можно отметить глоссарий, где более 500 китайских иероглифов, использованных для транскрипции ССМ. В России о ССМ узнали после опубликования Палладием Кафаровым русского перевода китайской версии, представляющего сильно сокращенный перевод монгольского подлинника, под названием «Старинное монгольское сказание о Чингис-хане»

(1866). Затем им же была выполнена русская транскрипция текста ССМ (1872). С.А. Козину удалось восстановить полный текст на языке оригинала по его китайской транскрипции, представить его перевод на русский язык и проанализировать его с филологической, литературоведческой и исторической точек зрения (1941).

«ССМ» – уникальное по своему синкретизму произведение, на примере которого можно проследить как шло формирование и становление литературы средневекового типа, как развивалась жанровая система. Ведь роль жанра в этот период становится основополагающей, ибо авторское начало еще явно не выражено. «ССМ» свидетельствует как формировались средневековые методы изображения, закладывались литературные традиции, литературный стиль, какую роль сыграло поэтическое творчество народа. «ССМ» – это результат своеобразного литературного развития в контексте центрально-азиатского ареала и, как всякое значительное произведение, оставило заметный след в истории литературы монголов.

Литература

1. Бира Ш. «Сокровенное сказание монголов» – великий исторический и письменный памятник / Доклад, прочитанный на юбилейном заседании, посвященном 750-летию «Сокровенного сказания монголов» – Уланбаатар, 1990. – 20 с.
2. (Козин С.А.) Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. Юань чао би ши. Монгольский обыденный сборник // Введение в изучение памятника, пер., тексты, глоссарии С.А. Козина. М.-Л., 1941. – 620 с.

Барaboшкин К.Е.

Воля (*чжи*) и литературное творчество в трактате Ван Чуна «Весы суждений»

Проблема свободы воли в древнем Китае проявляется несколько иначе, чем в большей части современной аналитической философии. Некоторые ученые утверждают, что в раннем Китае нет проблем, связанных с противоречиями между свободой воли и детерминизмом, с чем нельзя согласиться – отсутствие конкретных терминов, соответствующих современным понятиям, не доказывает, что к подобным проблемам не обращались. Одним из первых к подобной

проблеме обращается Мэнцзы. По Мэнцзы существует надлежащее и не надлежащее в судьбе (*мин*) [1, с. 705], и, хотя судьба – это и есть некий детерминизм, но от нее возможны отклонения вследствие человеческой произвольности.

Подобного рода рассуждения в некоторой степени разделяет и Ван Чун, к вопросу детерминизма он подходит с точки зрения рассмотрения влияния внешних факторов на человеческие усилия. Особенно острой в данном контексте является его попытка ответить на вопрос, волновавший многих мыслителей до этого, насколько судьба (*мин*) влияет на поступки человека, и помогает ли самосовершенствование (*сю*) в рамках конфуцианского ритуала (*ли*) повлиять на итоговый результат, или же *мин* по сути определяется врожденными характеристиками, природой человека (*син*)? С этим же вопросом тесно связана проблема намерения или воли (*чжи*), которая частично зависит и от поведения (*син*), что в свою очередь связано с культивацией (*сю*). То есть, несмотря на то, что человек ограничен с одной стороны сердцем (*синь*), а с другой – природой (*син*), которые «врожденны», и хотя культивация (*сю*) возможна лишь в определенных пределах, заданных судьбой (*мин*), но именно направленность воли (*чжи*) определяет успех самого процесса культивации, в то же время здесь немалую роль играет и удача (*юй*).

Именно поэтому Ван Чун приводит в пример довольно большое количество исторических лиц, которые «родились не в то время, и не в том месте» и не стали известными. Однако воля (*чжи*) способна повлиять во многом на «известность». Данные размышления имплицитно влияют на идею Ван Чуна о таланте литераторов, которые, как скакуны, хотя могут не обладать необходимой «мастью» по природе (*син*), но обладая мощной волей (*чжи*), и непрестанно совершенствуя свой талант, могут добиться высокого положения при дворе. Но и здесь также вмешивается удача (*юй*) – при неблагоприятных обстоятельствах все их усилия могут оказаться тщетными.

Литература

1. Семеновко И. И. Мэнцзы в новом переводе с классическими комментариями Чжао Ци и Чжу Си / исслед., пер. с кит., примеч. и прил. И.И. Семеновко. – М.: Наука – Восточная литература, 2016. – 901 с.

Башелешвили Л.О.

Доктрина любви и её контексты в поэме Шота Руставели «Вепхисткаосани»

«Поэма Вепхисткаосани» – «Носящий барсовую шкуру» (К. Бальмонт) является той любовно-героической поэмой, о которой, её создатель Шота Руставели, (XII в.) выразился так: «по рукам людей катилась, как жемчужное зерно». «Для Средневекового сознания» (в лоне которого была сотворена эта поэма), «один и только один аналог того, что мы, современные люди, называем «текстом» – это текст, написанный Богом и проявляющий себя во всех своих многочисленных вариантах» [Анкерсмит: 2007. С. 136]. Соответственно, поэт в начале поэмы обращается к тому «Большому тексту» и Его создателю с надеждой на прощение, поскольку приступает к выполнению функций демиурга, осознавая всю свою дерзость – ведь истинным творцом является только Тот. Грузинский же народ воспринимал «Вепхисткаосани» как один из вариантов того «Большого Текста».

У «Вепхисткаосани», кроме Библии, есть множество контекстов, одним из которых является и «Висрамрамиани» (XI в.). Книга отсылает к другой книге, чтобы тем самым создать так называемый мегатекст. Именно в мегатексте и реализуется в совершенной форме замысел поэта, а именно полноценно раскрываются грани доктрины любви во всех своих ипостасях. Руставели трижды отсылает читателя к героям «Вис и Рамин» Гургани (183,3; 1080,4; 1543,4) без всякой отрицательной коннотации. Одним из контекстов поэмы, как бы парадоксально это ни звучало, также является заимствованная арабо-персидская лексика, сознательно употребляемая поэтом для обозначения именно культурного наполнения. Концепцию любви и кодекс поведения миджнуров Руставели в основном излагает в прологе поэмы, и именно в нём содержатся, в том числе и дидактические мотивы, системно-созвучные концептам Гургани. Они великолепно проанализированы проф. М.Л. Рейснер в её работе «Дидактика любви»: «Десять писем» в поэме Гургани «Вис и Рамин» (ср. Рейснер: 2012. С. 58–62). Если использовать в качестве сопоставительного материала для «Вепхисткаосани» грузинский прозаический перевод романа Гургани, то станет очевидным, что контекст «Висрамиани» затрагивает далеко не все стороны доктрины любви в поэме Руста-

вели, напротив, иногда налицо пропасть, возникающая между культурными составляющими.

Совпадают же:

Понятие любви как болезни и исступления, как стремление к совершенству: «Называется миджнуром у арабов тот влюблённый, / Кто стремится к совершенству, как безумец исступлённый». «Единственность и принципиальная невозможность подмены объекта» любви (Рейснер: 2012. С. 58), также характерно для влюблённых пар грузинской поэмы: Нестан и Тариела, Тинатин и Автандила. Мотивы терпения любви, возвращения любви и работы духа над ней, пожалуй, всё это является совместными топосами для указанных памятников. Доктрина любви в поэме Руставели исключает: любовь как таковую к замужней женщине (даже если брак иллюзорный, как в случае с Вис и шахом Мобадом); добрачные плотские страсти, т.е. блуд (миджнур должен быть невинным), блуд есть компрометация возлюбленной. Итак, исследователь никогда не должен искать только аналоги, напротив, он должен фиксировать и различия, имеющиеся в сопоставляемых памятниках.

Литература

1. Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт. М., Европа. 2007. С. 136.
2. Рейснер М.Л. «Дидактика любви»: «Десять писем» в поэме Гургани «Вис и Рамин» (XI в.) // Вестник Московского Университета. Сер.13. Востоковедение. М., 2012. С. 55–64.

Волкова К.Б.

Жанр пьесы-дискуссии в драматургии короля Вачиравуда («Ради своего ребенка» и «Унижение суда»)

Рама VI Вачиравуд (1881–1925) известен как «отец современной тайской драмы» и основоположник нового театра в Таиланде. Монарх рассматривал драматургию как социально значимый механизм и использовал творчество как рупор идеологической пропаганды и распространения своих взглядов среди тайского населения. Театральное искусство становится формой дидактического общения абсолютного монарха со своими поданными, а новый театр теперь

выполняет просветительскую функцию, решает прежде всего общественно-политические задачи.

Наиболее подходящей жанровой формой для короля стала пьеса-дискуссия по образцу западноевропейской драматургии XX в. (Б. Шоу, Г. Ибсен и др.), где устами главных героев он мог донести до зрителя свои идеи. Именно этот жанр помог Вачиравуду выполнить главное предназначение его творчества, – просветить и образовать свой народ.

В этом жанре были написаны одноактные пьесы, где драматург на первый план выводит не внешнее действия, а идеи (дискуссия, спор, полемика), на которых сконцентрирована интрига. Малая драматическая форма позволила сосредоточить внимание на конфликтах между различными тезисами, причиной которых выступают социальные противоречия, скрытые как в несовершенстве общества («Унижение суда»), так и в человеческих пороках («Ради своего ребенка»).

Уже ранние драматургические произведения Вачиравуда – «Ради своего ребенка» (1910) и «Унижение суда» (1914), различны по тематике и проблематике (первая – образец чувствительной, «слезной» драмы в духе сентиментализма, вторая же – сатирическая комедия), однако в обоих случаях сюжетно- и жанрообразующей становится дискуссия.

В пьесе «Ради своего ребенка» в споре перед зрителем предстают два героя с противоположным пониманием любви к ребенку – эгоистическое и жертвенное. Помимо эмоционального содержания произведения, важен его дидактический посыл: Вачиравуд показывает, какова должна быть истинная любовь к своим детям. Автор выступает не как идеолог, а, скорее, как дидактик-моралист, борющийся за утверждение истинных нравственных ценностей в обществе.

В сатире «Унижение суда» драматург решат другие задачи. Основная цель автора – обличение и осмеяние судебной системы в королевстве. Тематика предопределила и ее судебно-правовой дискурс. В ходе напряженной полемики между главными героями – судьей и невинно осужденным им человеком, жертвой порочной судебной системы, – предметом дискуссии становятся основные принципы судостроительства: независимость всех участников процесса, гласность и равенство всех перед законом.

Несмотря на различия в тематике и предмета полемики, пьесы «Ради своего ребенка» и «Унижение суда» имеют некоторые

общие черты сюжетообразования: герои противостоят друг другу антагонистически; в ходе пьесы их линии сближаются и сходятся одной точке, а затем оказываются в противоположном от исходного положения; наконец, в обеих пьесах – открытый финал, благодаря чему читатель/зритель может самостоятельно осмыслить ключевую мысль драматурга и предсказать дальнейшее развитие сюжета.

Жанр пьесы-дискуссии представлялся Раме VI Вачиравуду – просвещенному и в то же время абсолютному монарху – оптимальным для создания такого драматургического произведения, в котором бы его идеи свободно обсуждались, однако результатом полемики всегда оказывалась бы идеологическая теза автора.

Литература

1. *Вачиравуд*. Ради своего ребенка, Бангкок, 1910.
2. *Вачиравуд*. Унижение суда, Бангкок, 1914.

Гурия А.Г.

Сюжетика сборников «Гирлянда джатак» Арьяшуры (III–IV вв.) и Харибхатты (IV–V вв.)

Сборник Арья Шуры «Гирлянда джатак» был первой или наиболее успешной попыткой переложить сюжеты из долитературных палийских джатак не только на язык санскрит (на котором бытовали и доавторские сборники преданий), но и на новую для жанра джатаки поэтику, отвечающую более поздним художественным вкусам. Сопоставление палийских джатак и «Гирлянд джатак» Арья Шуры и Харибхатты позволяет проследить некоторые особенности развития жанра литературной санскритской гирлянды джатак. В настоящем докладе анализируется сюжетика двух сборников.

Сборник палийских джатак – 547 историй, вошедших в палийский канон «Типитака», – бытовал устно несколько веков в полуфиксированной форме, передаваясь сказителями-*бханака*, отвечавшими за сохранение разделов канона. (При этом наизусть учились стихи, а проза импровизировалась вокруг них в согласии с традицией, т.е. механизм передачи напоминал бытование архаического эпоса.) В середине I в. н.э. текст был зафиксирован уже полностью. Палийские джатаки единообразно устроены по композиции (рамочная история

«в настоящем» – вставная история о прошлом рождении – отождествление персонажей) и отчасти унифицированы по форме (канонический текст стихов и проза-комментарий в варьирующемся соотношении). Что же касается сюжетов, то здесь палийское собрание джатак крайне разнообразно (от бытового анекдота до эпического сказания). Не всегда бодхисаттва является главным героем истории о прошлом в джатаке: иногда он эпизодический персонаж или просто наблюдатель.

У Арья Шуры и Харибхатты мы наблюдаем единую картину в том, что из огромного разнообразия возможных источников избираются лишь те истории, где бодхисаттва был главным героем и совершал при этом некое выдающееся деяние, подвиг. При этом у Арья Шуры истории подобраны и расположены так, чтобы иллюстрировать т.н. *парамиты* – нравственные совершенства, по десять историй о щедрости (до самопожертвования), добродетели (воздержании от убийства, блуда, кражи, лжи и пьянства) и терпения; четыре последние истории более пестрые, хотя делались попытки их свести к иллюстрации оставшихся *парамит* – старания/мужества, отрешения, сосредоточенности и мудрости. Каждая история вводится кратким назидательным зачином и кончается его перефразированным повтором; рамка, где Будда выступал как рассказчик, снимается. У Харибхатты повествовательной рамки тоже нет; каждая история вводится поэтической строфой с прямым упоминанием иллюстрируемой добродетели-*парамиты*, а в конце истории идет назидательный вывод в прозе. Однако порядок расположения историй не так прямолинеен, что позволяет ему избежать монотонности, чередуя разные по наполнению сюжеты.

Половина историй Арья Шуры связана с одним и тем же событием: герой отдает свое имущество, пищу, последнее, что у него есть, стойко перенося голод, или готов расстаться с частями тела (глаз, мясо), и даже с жизнью, чтобы накормить/пропитать нуждающегося, даже злодея. Нередко этим просителем выступает принявший чужой облик царь богов Индра. У Харибхатты акценты меняются: для его героев актуальная опасность – не впадение в бедность и голод, а гибель, утрата царства, престижа и влияния. Главные герои у Арья Шуры в большинстве своем ученые брахманы либо аскеты, купцы, иногда цари или царевичи, но данные в одном своем аспекте: цари-дарители; кроме того, у него немало джатак о добродетельных

животных. У Харибхатты картина по видимости сходная. Но при этом конкретика, которую развернуто изображают авторы, различна. У Арья Шуры наиболее развернуто изображен купеческий быт – от домашней жизни и раздачи даров нищим до караванных и морских поездок – и жизнь отрешившихся, будь то прославленный наставник или одинокий лесной аскет. У Харибхатты же именно цари и царевичи окружены богато прописанной картиной дворцового быта, царских занятий, изысканно учтивых бесед, тонких чувств, приемов и советов, военных походов и охоты.

Судя по всему, (хотя до нас дошел не весь текст памятника), отказывается Харибхатта и от большого раздела, имеющего задачей обличать пороки. Заклятие истиной (*satъявада*), позволяющее правдоречивому герою совершать чудеса, у него используется просто как повествовательный прием, а не помещается в ключевую, решающую позицию в сюжете, возвеличивающем правдивость. Сюжет, включающий проповедь против блуда, не включен в последовательность историй о грехах из буддийского списка, а соположен историям о добродетели. Кроме того, сама линия сюжета о связи царицы и гуляки изображена в изысканных тонах придворной поэзии, без особого осуждения. В историях о животных смещен акцент с буддийской назидательной составляющей на живописное и правдоподобное изображение животных и сентиментально-трогательные отношения их между собой и с людьми. В целом как отбор сюжетов, так и характер переработки указывают на то, что Арья Шура ориентировался на городские круги, на купеческую и брахманскую аудиторию, тогда как Харибхатта явно имел в виду придворного читателя.

Дубянский А.М.

Поэтика одного гимна из средневекового шиваитского свода «Тирувасагам» (*tiruccālal*)

1. «Тирувасагам» («Священное речение») – крупное произведение шиваитского бхакти на тамильском языке, автором которого является поэт-святой Маниккавасагар (IX в.). Произведение представляет собой свод поэтических текстов (числом 51) в разных жанрах. Аналогом ему является вишнуитский свод *tirumōḷi*, также понимаемый как «Священное речение».

2. Примечательной особенностью шиваитского свода является наличие в нем частей, явно восходящих к фольклору. Причем, использованы песенные формы, применявшиеся девушками во время игр, ритуалов, домашних обрядов.

3. Одной из таких форм можно считать попевки во время игры в «чажаль», где «чажаль» – восклицание, обозначающее передачу слова другой стороне (возможно, с перебрасыванием мяча или иного предмета).

4. Эта игра и сопровождающий ее текст представляют собой яркий пример амебейной структуры, или приема «подхвата», характерного для фольклора. Четко выявлены две партии, вступающие в своего рода словесный поединок, или, более обобщенно, в обмен высказываниями по принципу «тезис – антитезис».

5. Содержанием данного текста является восхваление Шивы, которое дается в виде диалога: в первых двух строках содержится либо вопрос, либо сомнение или даже скепсис в отношении бога. Две другие строки (т.е. текст другой партии) выполняют функцию ответа на первые две.

6. Каждая из 80 строф заканчивается возгласом «чажалё!», знаменующим провозглашение истины. В произведении затрагиваются многочисленные эпизоды мифологии Шивы, а также аспекты шиваитской теологии.

Ершова Ю.С.

Тема брачных отношений в рассказах индонезийской писательницы Лабибах Заин

Рубеж XX–XXI веков ознаменовал собой период эволюции женской прозы Индонезии от чисто развлекательной литературы любовного характера до серьезной, поднимающей актуальные проблемы. Произведения отдельных авторов приобретают явную феминистскую направленность. Ярким примером является сборник рассказов Лабибах Заин «Вторая женщина» (*Perempuan Kedua*), вышедший в 2008 году. Писательница использует идеи феминизма в качестве инструмента провозглашения ценности женщины как личности, выступает против иерархической гендерной системы, говорит о стремлении женщин вырваться из тисков патриархальных устоев, проти-

востоять мужскому доминированию. Героини ее рассказов страдают от физического и/или психологического насилия в семье, стереотипов и общественного мнения, навязывающего им определенные модели поведения. Рассмотрим несколько историй из сборника.

В рассказе «Осенний эпизод» отец главной героини Лии мечтал о сыне, но мать не смогла подарить ему наследника, поэтому он решает взять вторую жену. Героиня чувствует страдания матери, страдает и сама. Она с головой уходит в учебу и науку, получает ученую степень. Спустя некоторое время происходит ее встреча с бывшим возлюбленным Дамаром. Сейчас он женат, и его жена понимает, что он все еще любит Лию, поэтому согласна, чтобы та стала его второй женой. Однако главная героиня в ужасе отказывается от предложения. Она видит в этой женщине свою собственную мать, покорно принявшую желание мужа повторно жениться, а в Дамаре – своего отца, заставившего их страдать.

Аина, по имени которой названа другая история сборника («Аина»), выходит замуж по одобрению родителей, но она несчастна в браке, так как всего три месяца спустя после свадьбы ее муж взял вторую жену. Девушка боится рассказывать кому-либо о сложностях в отношениях с мужем. Однажды она отправляется в гости к подруге и попадает в авиакатастрофу. Придя в себя в больнице, притворяется другой пассажиркой, летевшей в соседнем кресле, так как лицо героини настолько пострадало, что никто не мог ее узнать. Лишь присвоив себе чужое имя, Аина находит освобождение от тяготивших ее отношений с мужем и начинает новую жизнь.

Героиня рассказа «Женщина, искавшая материнскую грудь», наоборот, очень привязана к мужу. До замужества она видела, как что ее мать несчастна в браке из-за натянутых отношений с мужем, постоянных ссор с ним. После потери матери, которая всегда готова была утешить и приласкать ее, девушке не хватало близкого человека, способного восполнить ее утрату. По совету окружающих она выходит замуж, но семейные отношения не ладятся. Муж признается, что не хотел этого брака и женился по наставлению любимого человека. В конце истории героиня понимает, что этим человеком является ее собственный отец.

В рассказе «Вторая женщина» повествование ведется от лица главного героя по имени Поли, семейного мужчины, который неожиданно влюбляется и хочет взять вторую жену (Гини), так как первая

(Гами) уже не так привлекает его. Потенциальная супруга – вдова с двумя детьми, работающая учительницей английского языка. Первая жена дает мужу свое согласие. Однако женщины решают наказать героя: Гами уходит от него к другому мужчине, а Гини выходит замуж за директора школы.

В рассказах сборника «Вторая женщина» Лабибах Заин показывает ломку устоявшейся патриархальной системы, осуждает многоженство и любое проявление насилия над женщинами в семье. Несмотря на то, что далеко не все истории имеют счастливый конец, писательница наделяет многих женских персонажей сильным характером и желанием бороться против угнетения и унижения в браке. Феминизм и эмансипация становятся ключевыми понятиями, сделана попытка показать социальную трансформацию положения женщин в семье и в обществе.

Караетьянц А.М.

К вопросу о роли Шицзина в духовной культуре эпохи Чуньцю

Чуньцю – это эпоха складывания канонических текстов, прежде всего поэтического канона Шицзин (Шиц) и прозаического канона Шуцзин (詩書). Текст Шиц к VI в до н.э. в основном сформировался. Это доказывает известный текст Цзочжуани (ЦЧ) о событиях 543 г до н.э. В нем упоминаются в каноническом порядке все части памятника, однако порядок перечисления глав (царств) первой части «Нравы царств» несколько нарушен. Из 15 глав только первые 8 введены в порядке канонического текста, но песни Цао в нем не упоминаются. Правда говорится о «песнях царства Гуй и последующих» (и только они никак не охарактеризованы), но это «последующее» в существующем Шиц представлено только упомянутым Цао. В этом тексте описано показательное исполнение Шиц, сопровождаемое комментариями слушателя.

Ритуальное исполнение Шиц отражено в другом случае, не привлекавшем внимания исследователей. В обоих случаях поют (歌) Шиц «мастера» (工), а само исполнение связано с сановником царства Лу с посмертным именем Му-цзы. В вышеупомянутом сообщении он представляет музыку правящего царства Чжоу кня-

жичу царства У. В рассматриваемом ниже сообщении о событиях 569 г. до н.э. он реагирует на исполнение музыки в его честь на приеме у правителя царства Цзинь. Эта история изложена и в «Речах царств» (РЦ), и в ЦЧ, что подтверждает ее ритуальную значимость.

Му-цзы не поклонился ни при исполнении трех музыкальных пьес на колоколах, ни при исполнении трех первых од первой десятки «Больших од» и только кланялся каждый раз после исполнения трех первых од первой десятки «Малых од». Ответ на вопрос «почему он проигнорировал великое и отдал дань менее престижному?» был таков.

Исполнение трех музыкальных пьес объявляется Му-цзы подобающим для приема Сыном Неба «изначальных хоу» или даже «главы хоу» (т.е. гегемона), а исполнение трех больших од – для встречи двух правителей. Му-цзы не осмелился их слушать. Назначение трех малых од в целом дается только в РЦ: «этим правитель жалуется по слову». Далее следуют характеристики трех малых од.

«Олени кричат» это выражение восхищения (嘉) моим правителем (по РЦ «прежними правителями»), как я мог не поклониться восхищению!» Знак 嘉, употребленный не в обычном значении, является центральным в самом стихотворении, описывающем ситуацию приема гостей (крики оленей – зачин). Он там входит в сочетание 嘉賓 «восхитительные гости» (единственная общая для всех трех строф строка 我有嘉賓 «У меня восхитительные гости») и еще два раза в последних строках второй и третьей строф (в конце есть еще 嘉樂 «восхитительная музыка»). «Четыре скакуна» понимаются как оценка усилий посланника. Действительно, это песня от лица чиновника, мчащегося выполнять поручение чжоуского вана, несмотря на тоску по дому.

Реакция на «Цветы великолепны» заслуживает специального разбора. В РЦ говорится, что этой песней «правитель наставляет посланника словами «каждый раз озабочен тем, что не справлюсь» (это последняя строчка первой строфы – А.К.) и что, консультируясь, строя планы, взвешивая и вопрошая, непременно следует искать совета вокруг, и разве я мог не совершить поклона за наставления?!». В ЦЧ просто «правитель поучает, что необходимо искать совета вокруг». «Вокруг» (周) и «искать совета» (咨) – это повторяющиеся полные слова последних строк четырех основных строф песни. Так,

последняя строка второй строфы 周爰咨諷 «будучи всесторонним в поисках советов и консультациях» (первые строки описывают коней, вторые – поводья, третьи, повторяющиеся передают смысл «мчаться»). Перечисленные же в РЦ четыре операции – это последние чередующиеся иероглифы этих строф.

В обоих текстах рассуждения о последней песне заканчиваются пассажами, начинающимися со слов «Я слышал следующее». Центральной частью их является толкование четырех операций как «поисков совета» в чем-то, причем РЦ операции задаются в порядке перечисления в песне, а в ЦЧ – в обратном порядке, при этом совпадает толкование только последней операции. В ЦЧ этой части предшествует толкование самих «поисков совета», в РЦ в этой позиции толкуется «каждоразовая озабоченность», а после четырех толкований следует толкование иероглифа «вокруг». Таким образом, в РЦ получается шестичленное построение, в ЦЧ – пятичленное, размерность которых («шесть благодатей» и «пять добрых [советов]») эксплицируется после завершения изложения услышанного.

Из рассмотренного материала следует, что 1) оды уже тогда делились на десятки, причем большие оды были престижнее малых; 2) исполнение од составляло часть ритуала наряду с исполнением музыкальных пьес на колоколах, и все это называлось «чжоуской музыкой»; исполнялись по три первых оды из первых десятков, что вместе с тремя пьесами составляет ритуальное число $3 \times 3 = 9$; 4) интерпретация исполнения учитывала не только содержание песни, но и ее словесное оформление – текст задавал систему понятий, причем наиболее значимым представлялось содержание последних строк; 5) возможно, ключ к понятийной системе знаково нагруженного текста содержался в конце, что отвечает исходному принципу толкований в словаре «Эрья».

Ковлеков К.И.

Образ автора в японском реинкарнационном фэнтези

В общемировом контексте жанра фэнтези японский вариант обладает четко выраженной самобытностью. Примером этому может

послужить реинкарнационное фэнтези, которое сформировалось в 2010-х гг. и получило широкое распространение в молодежной среде. Это сотни произведений, выпущенных в виде веб-романов, десятки адаптированных в ранобэ (от яп. райто-нобэру – лёгкие романы), многочисленные манга- и анимэ-адаптации. Реинкарнационное фэнтези снискало огромную популярность за одно десятилетие, что, в свою очередь, говорит об актуальности вопроса научного изучения данного феномена. Ежегодно сотни авторов пытаются взойти на пьедестал славы, но лишь единицам это удается. Логично предположить, что уровень авторского успеха зависит не только от одной удачи, но и от определенной способности автора войти в контакт с читателем и пленить его разум. За ответами обратимся к образу автора.

С точки зрения научного познания – автор японского реинкарнационного фэнтези как объект исследования представляется сомнительным, ввиду своей анонимности и приверженности к формульному стилю. Иными словами, ни биографии, ни личного вклада в создание произведения – только массовость, стереотипичность и никакой глубины мысли или душевных переживаний. По крайней мере, так кажется на первый взгляд. Всё же, обратившись к текстам произведений, можно проследить неоднозначный образ автора. За псевдонимом могут скрываться частности в авторских отсылках к массовой культуре, комментариях и послесловиях. И со страниц романов можно наблюдать автора, который пренебрег одними конвенциями в угоду другим – именно в этом может проследиваться авторский замысел. И так произведения можно по наличию подобного замысла разделить на ориентированные на процесс или на результат.

Таким образом, по формальным признакам можно составить собирательный образ автора японского реинкарнационного фэнтези: лицо, пожинаящее плоды субкультуры «отаку»; молодёжного возраста (от 15 до 35 лет); мужского или женского пола. Иными словами, человек современный во всех смыслах. На составление того или иного частного образа автора влияют формульные особенности, которые прослеживаются в желаниях «начать сначала», «стать лучше», «жить», которые служат основными авторскими установками, в случае, если таковые имеются, в противоположность потаканию инстинктивным потребностям.

Литература

1. Широкова И.А. Образ автора в художественном произведении: отражение отражаемого // Вестник Челябинского государственного университета. Ч.: ЧГУ, 2014, №23(352), С. 103–106.
2. Ковлеков К.И. Современное японское фэнтези: реинкарнационные тэнсэй-моногатари // В поисках границ фантастического: на пути к методологии. Под ред. А.В. Сеницкой и Е.А. Нестеровой. Wrocław: Библиотека Русско-польского института, 2017. С. 190–203.

Кукушкина Е.С.

Театральный апокриф: драматургия Малайзии о собственной истории («Трилогия оперной сцены» Закария Ариффина)

В 1988 году британец М. Уолл опубликовал пьесу о Малайзии «Среди варваров». Это был отклик на смертный приговор двум согражданам автора за ввоз в Малайзию наркотиков. Через год малайский драматург Закария Ариффин ответил Уоллу пьесой Оперная сцена, определив ее как националистическую. Его целью было опровергнуть обвинения Уолла: малайцы цивилизованный народ со своей культурой. Образцом малайской культуры в пьесе выступал театр бангсаван, переходное зрелище между народными представлениями и современным театром. Позднее Закария написал еще две пьесы на ту же тему. Вместе они вошли в «Трилогию оперной сцены» (2015).

Действие пьес происходит в конце японской оккупации и в первые послевоенные годы. Героями выступают актеры бангсавана. Посыл автора реализуется через две главные линии. Во-первых, артисты принимают участие в национально-освободительной борьбе. Во-вторых, они понимают важность своего искусства как части национальной культуры и стремятся сохранить его в тяжелое время.

Драматург тщательно воспроизводит бытовые и театральные реалии, воссоздает атмосферу эпохи. Многие детали выдают его знакомство с историей бангсавана. Так, владелец труппы родом с Пинанга, где зародилась эта зрелищная форма. В репертуаре артистов из «Трилогии» постановка на классический сюжет бангсавана. Название труппы звучит типично для традиции этого театра. Герои-актеры соответствуют стандартным амплуа. Декорации первой пьесы точно воспроизводят сцену для представлений бангсавана.

Сюжет содержит многие мотивы, отражающие специфику жизни трупп. Это ухаживание за примадоннами, которое иногда заканчивалось выгодным браком, а иногда – вынужденным сожительством. Это уход артистов театра в кинематограф в середине XX века. Это попытки спасти театр через сбор средств и поиск спонсора и т.д.

Создаваемая картина выглядит достоверно, но на деле это не совсем так. В пьесе труппа полностью малайская. Примадонны поют только малайские песни. Упоминаются постановки на хорошо известные малайские сюжеты. Малайцы борются за будущее своей страны и своего бангсавана.

В этих деталях тоже история, только уже не реальная, а апокрифическая, какой ее хочет видеть государство. Искусство бангсавана предстает традиционным сугубо малайским театром, что далеко от истины.

Бангсаван начался с подражания театру парсов и индийских сюжетов, а затем сформировал обширный репертуар из малайских, яванских, китайских, тайских, европейских сюжетов. Пестрый характер носили музыкальные, вокальные и танцевальные интермедии. Актерский состав был многонациональным. В 1980-х годах правительство Малайзии начало возрождать пришедший в упадок бангсаван, однако делало это согласно концепции национальной (т. е., малайской) культуры.

Трилогия Закарии Ариффина показывает, что малаизация театральной традиции Малайзии осуществляется не только в реанимированных представлениях бангсавана, но и в драматургии. Трилогия написана в неотрадиционалистском ключе: элементы культурного наследия отбираются в соответствии с идеологическими установками автора. Пьесы Закарии не являются исключением в сегодняшней драматургии Малайзии.

Литература

1. *Braginsky V., Suvorova A.* A new wave of Indian inspiration: translations from Urdu in Malay traditional literature and theatre // *Indonesia and the Malay World*. Vol. 36, N 104. – 2008. – P. 115–154.
2. *Tan Sooi Beng.* *Bangsawan. A Social and Stylistic History of Popular Malay Opera.* – Singapore: Oxford University Press, 1993. – 261 p.
3. *Zakaria Ariffin.* *Trilogi Pentas Opera.* – Kuala Lumpur: Dewan Bahasa dan Pustaka, 2015. – 258 ms.

Мощенко И.А.

Раннее творчество Чжан Айлин как отражение литературного процесса 1930-х годов²

Чжан Айлин – одна из самых талантливых китайских писательниц XX века. Она ярко заявила о себе в 1943 году и стала главной знаменитостью оккупированного Шанхая.

Раннее творчество любого крупного писателя всегда вызывает особый исследовательский интерес, поскольку позволяет проследить, какие тенденции в современном ему литературном процессе оказали на него влияние.

Самый ранний период своего творчества Чжан Айлин описывает в эссе «Мечта о таланте» (天才梦, 1939), «О чем писать» (写什么, 1944), «Черновики» (存稿, 1944).

Молодая писательница четко очерчивает круг литературных жанров и направлений, на который она ориентировалась в юности: «я <...> полагала, что могу написать что угодно: и исторические романы, и пролетарскую литературу, и модернистские произведения (школа неосенсуалистов), и даже популярные семейные нравоучительные романы, романы в жанре «усья», любовные романы» [2].

Ученический период творчества Чжан Айлин включает в себя незавершенные и неопубликованные работы, а также два произведения «Буйвол» (1936) и «Ба-ван прощается со своей наложницей» (1937), опубликованные в школьном журнале.

Об этих произведениях писательница рассказывает в эссе «Черновики», в котором достаточно критически отзывается о своих первых творческих шагах. Показательно, что эти тексты не были включены в ее первый знаменитый сборник рассказов «Об удивительном» (传奇, 1944). Однако она определенным образом группирует эти произведения, что позволяет предположить сознательный выбор формы и содержания для своих первых литературных опытов. Самые ранние свои работы Чжан Айлин называет популярными романами (通俗小说). А два опубликованных текста – «произведениями в стиле новой литературы» [Чжан Айлин, 2003, 29], то есть в стиле литературы движения «4-го мая».

² Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант «Аспиранты», № 19-312-90018.

Проведенный анализ опубликованных произведений позволяет нам говорить о двух разных формах, с которыми экспериментирует писательница. Повесть «Буйвол» затрагивает темы социального неравенства, угнетения крестьян, бесправия женщин в традиционном китайском обществе. В основе повести «Ба-ван прощается со своей наложницей» лежит известный исторический сюжет. Однако в отличие от традиционной интерпретации все внимание писательницы сосредоточено на образе главной героини. Ее самоубийство показано, не как исполнение преданной наложницей своего долга перед господином, но как протест, собственный, психологически мотивированный поступок. Юй Цзи в критический исторический момент вдруг осознает свое бесправное положение, бессмысленность своего существования, и поэтому решает уйти из жизни. Такая новая трактовка сюжета была абсолютно чужда китайской литературной традиции, что понимает и сама писательница, в этом произведении «так мало китайского, как в современных костюмированных пьесах», – скажет она в эссе «Черновики» [Чжан Айлин, 2003, 30].

Таким образом можно утверждать, что существовало два литературных ориентира, определяющих раннее творчество писательницы. С одной стороны, это «популярные романы» (通俗小说), с другой, литература, созданная в русле движения «4-го мая». На сочетании этих двух традиций писательница Чжан Айлин выработала свой собственный уникальный стиль, который превратил ее в одну из главных литературных фигур XX века.

Литература

1. 张爱玲典藏全集(全14册)–散文卷二: 1939–1947年作品, 哈尔滨出版社, 2003. 150 с. (Чжан Айлин. Полное собрание сочинений в 14 томах. Эссе. Том 2: произведения с 1939 – 1947. Из-во Харбин, 2003. 150 с.)
2. 张爱玲, 散文, 写什么 (Чжан Айлин. Эссе. О чем писать) URL: <https://www.kanunu8.com/book3/7108/155457.html> (дата обращения 29.02.2020)

Никольская С.В.

Лондон глазами китайца

Первые упоминания о китайцах в Европе встречаются в 80-е годы XVIII в. Постепенное расширение торговых связей с Китаем обусло-

вило появление большого количества «китайской экзотики». Проявлением хорошего тона стало украшение европейского дома в китайском стиле, а западные писатели начали успешно использовать «восточную маску», чтобы показать свою страну глазами «человека со стороны». Особенно интересен в этом отношении роман О. Голдсмита «Гражданин мира». Главными действующими лицами, ведущими переписку друг с другом, являются философ, татарский посланник и президент Академии церемоний в Пекине с псевдокитайскими именами. Лян Чи Альтанчи приезжает в Лондон, чтобы убедиться в благоденствии страны и познакомиться с ее достижениями. Однако его ждет разочарование: город грязный, архитектура бедная, достопримечательности обветшали, театр в упадке, лица людей угрюмы. Критике подвергается почти всё, увиденное в Лондоне. «Восточная маска» понадобилась западному автору, чтобы открыть миру то, что кажется обычным местным жителям, а на самом деле всё смешно или страшно. Отсюда и категоричность суждений, и резкая критика, не характерные для китайцев.

Китайского писателя, приехавшего в Лондон в середине 20-х годов XX в., интересует не только город и его обитатели, но и судьба соотечественников, попавших в европейскую столицу. Герои романа Лао Шэ (1899–1966) «Два Ма» пытаются приспособиться к жизни в Англии, но постоянно ощущают, что к ним относятся как к людям второго сорта, и сын решает покинуть Лондон. Каждый поворот сюжета открывается пейзажной зарисовкой, иногда переходящей в жанровую картину. Пейзаж рисуется не только пастельными, но и яркими красками. Лишь в минуты сомнений и переживаний Лондон ассоциируется у главного героя с мертвецом, у которого не осталось души. Всё вокруг чужое и чуждое, везде таится опасность, даже среди китайцев, объединенных патриотической идеей. Рисуя портрет китайца в интерьере города, Лао Шэ не столько поделился впечатлениями от города, сколько представил своих соотечественников и отношение к ним на Западе. Обобщенные художественные образы помогли писателю акцентировать внимание на конфликте цивилизаций и показать, насколько глубоки корни этого конфликта.

Желание познакомиться с западной культурой привело в Англию поэта и художника Цзян И (1903–1977). Он взял псевдоним «Молчаливый странник» (The Silent Traveler), записывал впечатления, указывая, что его внимание привлекают вещи, которые принято назы-

вать маленькими и незначительными. Свои книги он иллюстрировал сам в китайской манере рисовать не с натуры, а передавать впечатление от увиденного. В Лондоне прежде всего поражает погода – всего один сезон, длящийся целый год. А толпы людей с зонтами можно спутать морскими волнами, отхлынувшими от берега. Разговоры о погоде создают особое братство людей, у которых нет желания завязывать близкие отношения. В повседневной жизни британцы отличаются спокойным нравом. Книга Цзян И «Молчаливый странник в Лондоне» логически делится автором на две части: лондонские пейзажи и жизнь Лондона. Первая – более импрессионистическая, вторая – этнографическая, но они одинаковы по стилю не только потому, что принадлежат перу одного автора, но и по ощущению ностальгии, которую испытывает человек вдали от родины.

Итак, европейский писатель надевает «маску» китайца, чтобы покритиковать свою страну, китайский критический реалист хочет показать конфликт цивилизаций, а китайский художник и эссеист, нашедший в Англии «землю обетованную», с восхищением говорит о ней, но при этом остается истинным китайцем, не оторвавшимся от родных мест.

Оганова Е.А.

Образ падшей женщины в драматургии Тунджера Джюдженоглу

Современная турецкая литература, в том числе драматургия, не осталась в стороне от традиционного для Востока «женского вопроса», который в Турции сохранял свою актуальность несмотря на многочисленные преобразования Ататюрка в области прав и свобод женщин. С момента установления в Турции республиканского строя (1923 г.) женская тема в драматургии имеет огромное значение, в том числе и в связи с тем, что большой импульс к развитию турецкая драматургия получила посредством «Народных домов» (своеобразных домов культуры), на сценах которых ставились пьесы преимущественно социальной проблематики. Одним из наиболее дискутируемых вопросов был вопрос о положении женщины в турецком обществе, о ее матримониальных обязанностях и возможности сочетать статус замужней женщины, воспитывающей детей,

с профессиональными достижениями; широко обсуждались также «результаты» предоставленной женщине свободы: во многих драматургических произведениях 20–40-х гг. XX в. женщина «пускается во все тяжкие», и именно поэтому часто центральным персонажем пьес этого периода становится ветреная капризная особа, которая стремится только к развлечениям, пренебрегает своими супружескими обязанностями, спустя рукава воспитывает детей, доводит своего мужа до безумия из-за того, что он не без основания сомневается в ее супружеской верности и пр. С такими героинями мы встречаемся в пьесах Халита Фахри Озансоя, Ведата Недима Тора, Джевдета Кудрета, Назыма Хикмета, Неджипа Фазыла Кысакюрека и др.

Во второй половине XX в., когда турецкая литература, и драматургия в частности, продолжает сохранять свою социальную направленность, вектор изображения женщины меняется: все чаще она рассматривается как жертва патриархального строя: несмотря на произошедшие в турецком обществе социально-политические перемены, она по сути остается полностью зависимой от мужчины. Отсутствие мужчины (мужа, брата, отца) в семье, традиционно воспринимающегося в турецком обществе как защита и опора женщины, ведет к шаткости ее положения, невозможности устроить свою судьбу должным образом.

Во второй половине XX в. женская проблематика прежде всего занимает женщин-драматургов, таких как Улькер Кёксал, Адалет Агаоглу, Бильгесу Эренус, Незихе Араз и др. В отличие от драматургических произведений первой половины XX в., здесь перед нами возникает уже другой образ женщины, как правило, униженной и угнетенной, лишенной шанса на самовыражение. Во главе угла таких пьес – проблема самореализации женщины в современной Турции, поиск хрупкой гармонии между семейным очагом и карьерой, непростые взаимоотношения с мужчиной.

В то же время в 80-е гг. XX в. возникают многочисленные пьесы, центральной героиней/героинями которых является «падшая женщина». Интересно отметить, что этот образ восходит еще к средневековым народным представлениям «Карагез» и «Орта Оюну», единственным женским персонажем в которых была Зенне – женщина легкого поведения. Пьесы турецкой драматургии второй половины XX в., где главным действующим лицом является блудница, выявля-

ют и анализируют проблему разрушения моногамной модели семьи, утраты моральных канонов нации, кардинального изменения ценностной ориентации современной турецкой женщины.

Драматургические произведения, главной героиней которых является падшая женщина, можно условно разделить на два типа: пьесы с акцентом на социальной обусловленности такого выбора женщины и пьесы с «затушеванным» социальным фоном, в которых драматурги в первую очередь подчеркивают человеческие качества таких героинь и поднимают проблему обесценивания человеческой личности.

Насколько мы можем судить, первым драматургическим произведением на эту тему стала знаковая пьеса «Как спасти Асию?» (1966–68 гг.) Васыфа Онгерена. Написанная в стиле брехтовского театра, она является одним из лучших образцов пьес турецкого эпического театра и драматургии в целом.

Типология образа распутной женщины может быть прослежена на примере таких пьес второй половины XX в., как «Псевдоним Гонджагюль» (1981) Октая Араыджы, «Рабыни ночи» (1988) Динчера Сюмера, «Красавица болота» (1989) Эрман Джаната, «Стамбул белый, раки цветная» (1998) Озена Юлы, «Мои бедные женщины» (1983) и «Фосфорическая Джеврие (на стамбульских улицах)» (2015) Тунджера Джюдженоглу. Так, героиней этих пьес является женщина-блудница, приоритетами которой являются развлечения и легкая жизнь, а не семья и материнство, проститутка-жертва, которая встала на путь блудницы не по собственной воле (как правило, ее толкают на такой путь социальные обстоятельства), девушка-жертва, которая находится в шаге от того, чтобы стать проституткой (этот роковой шаг она не делает), гулящая жена, которая в конце пьесы осознает необходимость вернуться к правильной жизни и выполнять свою роль жены и матери.

В докладе рассматриваются особенности создания образов «падших женщин» в указанных выше двух пьесах Т. Джюдженоглу – одного из самых популярных современных турецких драматургов, пьесы которого переведены более чем на 30 языков и ставятся более чем в 40 странах мира; в том числе его пьесы с женской проблематикой ставились/ставятся преимущественно в странах Восточной Европы (Югославия, Болгария и пр.) и странах постсоветского пространства (Грузия, Азербайджан, Узбекистан и др.).

В докладе делается вывод о том, что в обеих пьесах мы встречаемся с героиней-жертвой. В пьесах нет акцента на социальную обусловленность такого выбора женщины, драматург подчеркивает прежде всего душевную трагедию своих героинь. Обе пьесы наполнены любовью и состраданием к людям, желанием разглядеть в них лучшие стороны, очистив внешнюю грязь; в то же время это и гимн женщине, которая умеет любить и проявлять милосердие, сопереживать и жертвовать собой – в этих произведениях, как и во всем драматургическом наследии Т. Джюдженоглу, ярко проявляется себя гуманистическое начало.

Осинова К.Т.

«Из Алеппо в Париж. Путешествие ко двору Людовика XIV» Ханны Дийаба как памятник литературы

Ханна Дийаб (ок. 1688 – вторая половина XVIII в.), маронит из Алеппо, известен как информант Антуана Галлана (1646–1715), познакомившего мир с циклом сказок «Тысяча и одна ночь». Как свидетельствует дневник А. Галлана, с 6 мая по 2 июня 1709 г. Дийаб поведал французскому ориенталисту 16 историй, в числе которых «Сказка о волшебной лампе Алладине» и «Сказка про Али Бабу». Ранее эти истории в сохранившихся источниках не встречались.

Несколько лет назад в Ватиканской библиотеке была найдена рукопись мемуаров Х. Дийаба о его путешествии из Сирии в Париж. Данное увлекательно написанное произведение позволяет посмотреть на известную историю с иного ракурса: глазами знаменитого и известного по имени рассказчика с Востока.

«Путешествие из Алеппо в Париж» написано на, так называемом, «среднеарабском языке» (*al-'arabiyya al-wasīta*), т.е. на смеси литературного и разговорного языков, характерной для стиля сказителей (*quṣṣāṣ*) того времени.

Мемуары о путешествии, занявшем три с половиной года, написаны в 1764 г., т.е. через 54 года после возвращения в Алеппо. Что подвигло уважаемого 75-летнего алеппского торговца тканями написать о предпринятом в молодости путешествии не известно, т.к. первые страницы рукописи утеряны. Возможно знакомство с другими

произведениями современников о путешествии в Европу, а возможно желание – по его собственному выражению – «облегчить душу» и поделиться терзавшими размышлениями.

На протяжении девяти глав Х. Дийаб рассказывает о перипетиях путешествия по морю и суше из Сирии через Кипр, Египет, Северную Африку, южную Европу в Париж, а затем обратно в Алеппо через Стамбул. Автор держит читателя в напряжении до последней страницы, используя ряд нарративных приемов, рассчитанных на эмоциональную реакцию, в том числе контрастный способ повествования *ал-фарадж ба 'ада шицца* («облегчение после трудности») и технику «драматической визуализации» (по выражению, Д. Пино) событий. Произведение изобилует яркими деталями. Особенно обстоятельно автор относится к описанию одежды как запоминающейся зрительной детали, а также к еде и питью как вкусовому образу познаваемого мира. Экспрессивность повествования достигается за счет психологических наблюдений, оценочных суждений, душевных переживаний. Диапазон описываемых эмоций весьма широк: от настороженности до оцепенения, от удивления до невозможности подобрать слов восхищения, от недоверия до крайней степени раздражения.

Умелый рассказчик, Х. Дийаб объединил в своих воспоминаниях разные жанры: датированную автобиографию, описания городов и нравов их жителей (*фада'ул*), исторические сообщения, морские рассказы, бытовые анекдоты, истории о благочестивых людях, плутовские рассказы и романтические предания. При этом не создается впечатления случайно собранных эпизодов. Развитие сюжета подчинено строгой логике, формирующей определенную цельность произведения. Это достигается как стилистическими средствами (напр., выражениями-связками «об этом расскажем чуть позже», «о чем упоминали выше» и т.п.) и содержательными элементами (через многочисленные сюжетобразующие детали), так и структурой повествования (сюжет динамически развивается до кульминационного пребывания в Версале, а затем после череды наслаивающихся неприятностей описано сложное, но менее яркое впечатление возвращения домой).

«Путешествие из Алеппо в Париж» – это еще не просветительская *рихла* XIX, но уже и не региональная география на автобиографической основе с элементами *фада'ул*. Живость и драматизм из-

ложения позволяет говорить об этом произведении как о памятнике художественной литературы

Литература

1. *Hanna Dyāb, Min Ḥalab ila Bārīs (Rihla ila bilāṭ Luwīs ar-Rābi‘ashara)*. Beirut, 2017.
2. *Крачковский И.Ю. Избранные сочинения* в 6 т. М./Л., 1957. Т.4.
3. *Pinault, D. Story-Telling Techniques in the Arabian Nights*. Leiden: Brill, 1992.

Поспелова М.К.

Поэтические переводы и поиски новых жанров в Китае в первой половине XX в.

Переводческая деятельность начала активно развиваться в Китае еще в конце XIX века, и прежде всего это развитие было связано с обучением за границей видных представителей интеллигенции (Янь Фу, Лян Цичао).

Важнейшим этапом в развитии как переводческой деятельности, так и новой литературы в целом, стали первые два десятилетия XX века, и в частности «Движение четвертого мая» (1919 г.) и литературная реформа, с которых принято в том числе вести отсчет становления новой китайской литературы. Одними из постулатов литературной реформы стали отказ от старого литературного языка *вэньянь*, поиск новых литературных форм, в том числе и в других литературных традициях.

Размышления о судьбе новой поэзии, о новых поэтических формах шло неразрывно с появлением в периодических журналах большого количества переводов поэзии, авторами которых выступали такие фигуры, как Лю Баньнун, Чэнь Дусю, Чжоу Цзожэнь, Бин Синь и др.

Уже в 1918 году в журнале «Новая молодежь» появились первые переводы зарубежных стихотворений в прозе – читатели смогли познакомиться с произведениями И.С. Тургенева в переводе Лю Баньнуна. Другими периодическими изданиями, где печатались в том числе и поэтические переводы, стали «Сяошо юэбао», а также издания, выходящие под эгидой общества «Творчество» («Чуанцзао

чжоубао»). Заслуживает внимания также и то, что переводчиков привлекали произведения авторов не только западной поэзии: так, к примеру, в разные годы были опубликованы переводы произведений таких литераторов, как Дж. Халил Джебран и Р. Тагор.

Существует, однако, некоторая непоследовательность в формировании жанровой системы новой поэзии, в том числе и в рамках переводов: так, в дальнейшей традиции поэтические произведения Тагора, опубликованные в журналах в первой половине XX века, стали причисляться к «саньвэньши» («стихотворениям в прозе»), тогда как переводчики (Чэнь Дусю, Лю Баньнун), характеризовали их как «ши» («поэзия») или «сяоши» («поэзия малых форм»). Таким образом, уже намного позднее, когда создавалась теория нового жанра «саньвэньши» (30-е годы XX века), китайские литераторы пришли к необходимости по-новому взглянуть на жанр давно переведенных произведений, усмотрев некоторые формальные переклички между этими произведениями и теми, что традиционно причисляются к «стихотворениям в прозе» (например, «Senilia» Тургенева).

Можно сделать вывод о том, что не некоторые конкретно устоявшиеся жанровые поэтические формы изначально привлекали китайских авторов-переводчиков, тем более, жанр стихотворений в прозе, до сих пор не имеющий стройной теории. Скорее интерес вызывали произведения новаторские как с точки зрения содержания, так и с формальной, которые могли бы стать источником вдохновения для создания новых произведений уже китайскими литераторами. Так, глубокая философская гуманистическая подоплека поэзии Тагора и Джебрана интересовала переводчиков куда больше, чем то, в каком конкретно жанре были написаны эти произведения. С другой стороны, в том числе и в подборке произведений для перевода китайские литераторы ориентировались на западную переводческую практику, и тогда тем более неслучайным кажется выбор для публикации произведений таких признанных на западе фигур, как Джебран или Тагор.

Литература

1. Хуэй Сюн. Вайго шигэ дэ фаньи юй чжунго сяньдай синьши дэ взньги цзяньгоу (Переводы зарубежной поэзии и становление жанров китайской поэзии) // издательство «Чжунъян бяньи чубаньшэ», 2013.

Рейснер М.Л.

Культ страдания в персоязычной газели индийского стиля (XVI–XVII в.)

Начиная со второй половины XV в. становятся заметны новые стилистические тенденции в персидской поэзии – формируется стиль, позже названный индийским. Действительно, полюс развития персоязычной литературы в этот период смещается в Индию, ко двору правителей династии Великих Моголов. Однако эти стилистические веяния можно наблюдать на всей территории распространения персидского языка в качестве литературного, в частности в Иране периода правления Сефевидов. Именно с этой династией связана религиозная реформа Ирана: после многовекового господства суннизма государственной доктриной был объявлен шиизм.

Ориентация на шиитское мировоззрение с его центральной идеей священной жертвы и мученичества за веру не могла так или иначе не отразиться на характере и направленности литературы. Прямое влияние шиитских траурных ритуалов и «государственный заказ» на поэзию религиозной тематики привели к очевидному возрастанию количества произведений в жанре плачей (*марсийа*, *науха*). Таково строфическое стихотворение – *таркиббанд* – Мухташама Кашани (ум. 1588), за которое автор получил баснословную награду. Вот строки из последней строфы:

Молчи, Мухташам, ведь этот исходящий кровью стих
 Стал кровавыми слезами в глазах внимающих...
 Молчи, Мухташам, ведь от тех слёз, которые пролили небеса
 На поверхности моря появились тысячи кровавых пузырей.

[Ардашникова, Рейснер 2010, с.453]

Далеко не все «люди пера», жившие в Иране в это время, готовы были безоговорочно принять новую религиозную модель и присоединить свои голоса к трагическим поминальным плачам по шиитским мученикам, слагаемым по заказу сефевидских государей. Многие талантливые стихотворцы навсегда покинули родину и переселились в северо-западную Индию, где при дворе Великих Моголов царила более светская и благоприятная для творчества атмосфера. Однако дух эпохи с её крутыми политическими переменами, религиозными

войнами, жестокостью и кровопролитием, хоть и косвенно, всё же нашёл отражение в образном языке поэзии, внешне мало связанной с шиитской религиозной тематикой.

В любовно-мистических газелях корифеев индийского стиля выделяется целая группа мотивов, описывающих любовные страдания через образный язык физической боли (кровь, ожог, рана и т.д.). В таких стихах нарочито подчеркнута жестокость объекта любви, чья красота описывается как оружие или орудия убийства, а муки любви – как боль от удара меча, стрелы и т.д. Один из первых случаев столь экспрессивно окрашенной интерпретации мотива любовных страданий встречается у Баба Фигани Ширази (ум. 1519):

Слова о твоей жестокости, о беспощадная турчанка,
Всюду [стали] письмена, которые на моем теле оставила
твоя нагайка.

Канонический образ возлюбленной персоны, неприступной красавицы или жестокого красавца, в газели предшествующей, классической эпохи (X–XV вв.) редко сопровождался открытым словесным выражением эмоций, связанных с физической болью. В газели индийского стиля высокая частотность этих мотивов проявляется и в выборе лексем соответствующей семантики в качестве *радифа* (слова или словосочетания, повторяющегося после рифмы и служащего ей украшением). Таковы газели ‘Урфи Ширази (1555–1591) с *радифом* «кровь» (*хун*), Калима Кашани (ок. 1593–1650) с *радифом* «ожог» (*даг*) [Пригарина 1999, с. 258, 284]. Сходные мотивы можно встретить и у других поэтов эпохи.

В XVIII в., в период «возврата к древности», в поэзии представителей литературного движения «Базгашт» при смене стилистической парадигмы рассматриваемые мотивы остаются в репертуаре газели, но в них усиливается шиитская тональность «апологии мученичества во имя любви» [Ардашникова, Рейснер 2014, с. 65].

Литература

1. Ардашникова А. Н., Рейснер М. Л. История литературы Ирана в Средние века (IX–XVII вв.). – Ид «Ключ-С» Москва, 2010. – 500 с.
2. Пригарина Н. И. Индийский стиль и его место в персидской литературе (вопросы поэтики). – М.: Издательская фирма «Восточная литература РАН» 1999. – 328 с.

3. Ардашникова А. Н., Рейснер М. Л. Моштаг Исфохани и формирование нового стиля в персидской поэзии XVIII в. – *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика*. – 2014. – № 1. – С. 61–70.

Репенкова М. М.

Художественные особенности романа З. Ливанели «Кошка, человек, смерть»

Роман З. Ливанели (род. 1946) «Кошка, человек, смерть» (Bir Kedi, Bir Adam, Bir Ölüm) вышел в 2001 г. Работа над романом велась писателем в течении 25 лет. З. Ливанели начал его писать, как только эмигрировал в Швецию в 1974 г. и переписывал пять раз. Первоначально название у произведения было другое «Анархист, приверженный к порядку» (Düzen Düşkünü Bir Anarşist) [Seferoğlu 2017: 32]. В 2001 г. книга получила «Премия имени Юнуса Нади» за лучший роман года. В 2002 г. она была переведена и опубликована в Греции и в Сербии, в 2004 г. – в Иране, в 2005 г. – в Швейцарии, кроме того переведена на французский, английский и немецкий языки под названием «Сезон одиночества».

В романе два повествователя: личный (главный герой, политэмигрант Сами Баран) и безличный (друг Сами Барана, описывающий от третьего лица жизнь главного героя). Оба повествования переплетаются, входят в друг друга, создавая глубокий психологический портрет человека, вынужденно покинувшего родину и живущего на чужбине. Сами Баран приехал в Стамбул из Анкары, чтобы учиться на философском факультете Стамбульского университета. Он интересуется кино, хочет снимать фильмы. Он собирается жениться на Филиз, студентке из бедной семьи с юго-востока страны. Филиз «левых» взглядов, оппозиционна правящему режиму. В один из дней силы безопасности убивают Филиз на глазах у Сами Барана, его же арестовывают и пытаются получить от него показания о том, что Филиз была членом некоей «левой» организации. Через некоторое время героя отпускают, и он бежит в Швецию. В Стокгольме он с трудом привыкает к жизни политэмигранта (он просит политического убежища у шведских властей). Через несколько лет, попав в шведскую больницу, он встречается там с пожилым человеком,

в котором узнает бывшего министра сил безопасности Турции, причастного к гибели Фелиза. Сами Бараном овладевает чувство мести. Он хочет убить смертельно больного пожилого человека, у которого опухоль мозга. Но в конце романа герою удается справиться с собой. Он, наоборот, спасает пожилого человека от самоубийства, полагая, что ждать смерти тому будет намного тяжелее, чем оказаться убитым.

В романе много автобиографических моментов, которые пережил сам З. Ливанели будучи политэмигрантом в Швеции. Показательна в этом плане сцена, когда писатель приходит в полицейский центр с просьбой о статусе политического беженца, отраженная в его книге воспоминаний «Моя возлюбленная жизнь» (Sevdalım Hayat, 2007): «Однажды я с Айпери Карабуда пошел в шведский полицейский центр с просьбой о политическом убежище. Нас отвели в комнату для допросов. Я рассказал, что в Турции я занимался издательским делом, что три раза сидел в тюрьме, что я имею права просить у Швеции политического убежища. Айпери переводила все, что я сказал, на шведский. Офицер в полицейской форме угрюмо слушал» [Livaneli 2018: 192]

А вот сцена в полицейском центре, происходящая с Сами Бараном. Она вызывает то же тягостное чувство, что и сцена с самим З. Ливанели: «В тот день, когда, когда он пошел в Стокгольмский полицейский центр, чтобы получить статус политического беженца, он увидел высокого полицейского с поразительно худым и длинным лицом, сидящего за металлическим столом. Полицейский безучастно спросил Сами о целом ряде вещей, связанных с его паспортом. Потом нажал на кнопку звонка и вызвал еще несколько полицейских, с которыми Сами сел в лифт и поднялся на самый верхний этаж» [Livaneli 2019: 18].

Автобиографичность не противоречит признакам беллетристики. Наоборот, как уже отмечалось выше она является одной из ярких черт национальной мидл-литературы. Иногда, правда, создается впечатление, что турецкие писатели просто катастрофически неспособны отделять себя от персонажа. Однако у З. Ливанели романский текст при всей его автобиографичности не теряет художественной условности, не устремляется в русло дневниковых откровений. Наоборот, дистанция между автором и героем четко обозначена. А сам автор по-прежнему демиург, а не аранжировщик пережитых фактов.

Литература

1. *Livaneli Z. Sevdalım Hayat.* – İstanbul: Doğan Kitap, 2018. – 466 p.
2. *Livaneli Z. Bir Kedi, Bir Adam, Bir Ölüm.* – İstanbul: Doğan Kitap, 2019 – 203 p.
3. *Seferoğlu E. Zülfü Livaneli Edebiyatı.* – İstanbul: Titik Ülke Yayınları, 2017 – 306 p.

Семенов И.И.

Основы конфуцианской поэтики

I. Трудности в определении понятия и хронологических границ формирования конфуцианской поэтики. Коренное значение древнего периода (до III в. н.э.) в ее становлении. Имплицированная конфуцианская поэтика как основа эксплицитной.

II. Источники изучения ранней конфуцианской поэтики. Высказывания конфуцианских мыслителей, канон («Пятикнижие»), комментарии к нему, историческая литература и др.

III. Широкое понимание литературы, включающей самую разнообразную письменность того времени: канонические книги, деловую прозу, философские и исторические сочинения, ритуальные жанры, поэтические произведения и т.д.

IV. Космологизм словесности – органической части «узора» (вэнь 文) вселенной. Проявление в этом литературном «узоре» единой у человека с космосом этической сущности.

V. Литература как общественная практика. Ее социально-политическое и этико-воспитательное значение.

VI. Вопрос о происхождении литературы.

1. Возведение ее начала к культурным героям и мудрецам, основателям древних династий. Связанные с их именами канонические произведения как исходная часть китайской словесности.

2. Концепция о чувствах людей как источнике поэзии.

VII. Связь литературы с традицией. Конфуцианский «классицизм» («возвращение к древности» – *фу гу* 復古). Вопрос о соотношении традиции и новаторства.

VIII. Проблема творчества в конфуцианской поэтике.

1. Категория «создания» (*цзо* 作) в ее соотношении с категорией «передачи» (*шуй* 述). Первоначальное представление о творчестве как

привилегии мудрецов (*шэнов* 聖). Эволюция семантики *цзо* в связи с формированием феномена авторства. Понимание творчества как вариативного продолжения традиции.

2. Структура и психология творческого акта. Энергетическая субстанция «порыв» (*ци* 氣) как актуализация человеческой «природы» (*син* 性) и ее два психических коррелята: «вдохновение» *син* 興 и «разочарование» *фэнь* 憤.

IX. Формирование в раннем конфуцианстве герменевтики как важной составной части поэтики.

1. Отношение к древним авторам по аналогии с диалогом друзей, допускающим элементы критики. Диалогическая природа комментария.

2. Два основных вида интерпретации: метафорический и объяснительный. Категория «наведения», «внушения» *син* 興.

3. Разработка принципа герменевтического круга.

X. Связь литературы с ораторским искусством. Рефлексивная «магия» слова в раннем конфуцианстве. Конфуцианская поэтика как риторика.

XI. Нравственная красота (калокагатия) как одна из главных категорий конфуцианской поэтики. Тенденция к выделению эстетического в ранних конфуцианских памятниках. Эстетическое значение этических ценностей. Нравственность человека как зрелище и предмет эстетического наслаждения.

XII. Учение о сущности литературы.

1. «Выражение стремления» (*янь чжи* 言志), трактуемое в смысле устремленности к идеалу.

2. Подражание как символическое воспроизведение скрытой сущности вещей и мира, выполняющее функцию обобщения действительности. Теория этой символизации в «Книге перемен (*Ицзин*) на основе традиционной коррелятивной системы Китая. Понимание образа (*сян* 象) с точки зрения графической символики триграмм и гексаграмм.

XIII. Изменчивость («перемены» *и* 易, «изменения» *бянь* 變) как одна из ведущих категорий конфуцианской поэтики.

XIV. Вопрос о связи содержания и формы. Ее исходное понимание по аналогии с соотношением природных данных (*чжи* 質) и их проявлением (*вэнь* 文) в поведении человека. Словесная красота как максимальное обнажение содержания, передающего подлинное

мысли и чувства автора. Критерии содержательной краткости и безыскусной искусности.

XV. Учение о стилях. Их разделение на два противоположных вида: по отношению к классике – на высокий (*я* 雅) и низкий (*су* 俗), по гендерному аспекту – на мужской (*ян* 陽) и женский (*инь* 陰).

Семенюк М.В.

Повесть Чжан Айлин «Золотая канга»: смысл заглавия

Личная и творческая судьба Чжан Айлин (Eileen Chang, 1920–1995) сложилась драматично: писательская слава пришла к ней буквально в одночасье, и столь же быстро ее творчество было предано забвению. Она начала печататься в начале 40-ых годов в Шанхае, во время японской оккупации, когда многие литературы покинули город или просто не публиковались. Ее лиричная, психологичная, и, что важно – аполитичная проза, стоявшая на порядок выше популярной любовной литературы того времени, сразу привлекла внимание читателей [Kingsbury, 2006, 13]. Однако уже в 50-е годы, вслед за переменами в политической обстановке в стране, произведения Чжан Айлин становятся мишенью для критиков, а затем и вовсе исчезают с литературного горизонта. Не последнюю роль в этом сыграла и эмиграция писательницы в США в 1955 году.

Повесть «Золотая канга» (金锁记) была написана в 1943 году. На русском языке она впервые увидела свет в 2018 году, однако и до этой публикации предпринимались различные попытки перевода этого произведения на русский язык, в рамках которых обозначилась проблема перевода заглавия. Слово «锁» в китайском языке в субстантивной роли чаще всего означает «замок» или «цепь», в данном произведении переводится иначе – «канга», что подтверждает автоперевод повести на английский язык самой Чжан Айлин. Перед нами заглавие-символ, смысл которого воспринимается почти исключительно ретроспективно, т.е. после прочтения [Ламзина]. Впервые образ канги встречается на последней странице произведения: в описании последних дней главной героини Цицяо: «*Вот уже тридцать лет она носит на шее золотую кангу. Тяжелую, с такими острыми краями, что те, кто подходил к ней близко – погибали или так и доживали свой век израненными*» [Чжан, 71]. Таким обра-

зом, в заглавии повести можно выделить два основных смысловых аспекта – идея «преступления и наказания» героини и идея «власти золота».

Канга – это тяжелая колодка, которую надевали на шею преступнику. Суть наказания заключалась не только в том, что человеку было трудно двигаться, есть и спать, но и в том, что другим людям было почти физически невозможно приблизиться к нему. Именно такое наказание символически выпало главной героине повести – юной Цицяо, девушке бедного происхождения, которую берут в богатую семью женой только для того, чтобы она ухаживала за господином-калекой. С одной стороны, она лишена свободы, буквально «прикована» к этому «куску мертвечины», а с другой – каждый день сталкивается с презрением и насмешками всех обитателей дома. Однако неверно воспринимать Цицяо как жертву феодальной жестокости. Хотя она оказалась в западне благодаря алчности своих родственников, которые продали ее в богатый дом, она сама стремится в жизни лишь к одному – к материальному благополучию. Ради него она жертвует не только личным счастьем, но и счастьем своих детей, пристрастив обоих к опиуму и погубив супругу своего сына – причем это происходит значительно позже, когда Цицяо давно покинула свою «тюрьму» и живет самостоятельно. Именно «золото» становится проклятием героини и лишает ее род продолжения.

Таким образом, дистантный повтор заглавия в финале повести «Золотая канга» организует сематическую и композиционную архитектуру повести и позволяет словам заглавия реализовать в художественном мире произведения свою опосредованную, метафорическую семантику. Именно через этот прием обозначена сквозная проблема повести: экзистенциальное одиночество человека в мире как наказание, которое он навлекает на себя сам.

Литература

1. Ламзина А.В. «Заглавие» // Введение в литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины. Под ред. Л.В. Чернец. – М.: Высшая школа, Академия, 1997. – 337 с.
2. Чжан Айлин. «Золотая канга» // Шедевры китайской женской прозы середины XX века /пер. с китайского. – М.: ИВЛ, 2018 – 303 с.
3. Kingsbury, K. Introduction // Love in a fallen city, Eileen Chang, translated by Karen.S. Kingsbury. New York Review books, 2006.

Стрелкова Г.В.

Потери и приобретения литературы хинди второго десятилетия XXI века (памяти поэта Кунвара Нараяна и писателей Кришны Собти и К.Б. Вайда)

За три последних года второго десятилетия XXI века два патриарха и одна выдающаяся писательница литературы хинди – поэт Кунвар Нараян (1927 – 2017), прозаики Кришна Собти (1925 – 2019) и Кришна Балдев Вайд (1927 – 2020) ушли в мир иной, оставив огромное наследие и завершив целую эпоху развития литературы хинди. Они были не только современниками, но и единомышленниками. Это проявлялось в их личной открытости миру и всему новому, что в нём происходит, глубоком знании мировой литературы и преданности родной индийской, в стремлении к эксперименту, новизне, и в то же время, в присутствии им глубоком интересе к индийской древности, культурному наследию своей родины.

В 2015 г. вышла в свет эпическая поэма Кунвара Нараяна «Кумараджива», посвященная древнеиндийскому буддисту. Искусно написанная, с чередованием рифм и стихотворных размеров, она характеризует главного героя, показывает его странствия от Индии до Китая и древнюю эпоху, в которой он жил. В книге «Кино писателя» 2017 г. подводятся итоги серьезного увлечения поэта кинематографом. После смерти поэта были опубликованы его книга прозы – «Хор беспокойных листьев» и «Play of Dolls» – перевод на английский язык первого сборника рассказов «Вблизи образов». Творчество великого поэта Кунвара Нараяна живёт и по-прежнему привлекает внимание читателей и исследователей не только в Индии, но и за рубежом [Narain, 2018, 1–152].

Кришна Балдев Вайд, скончавшийся 6 февраля этого года, – автор 10 романов, 15 сборников рассказов, 7 пьес и нескольких книг эссе, основанных на его дневниках. Эти записи он вёл долгие годы, сохраняя в них память не только о главных событиях жизни, но и о встречах с коллегами – писателями и друзьями, размышляя о литературе и о том, что происходит в мире [Vaid, 2000, 1–223]. Книга «Собти – Вайд. Письмо и писатель» – запись бесед, которые Вайд и выдающаяся писательница Кришна Собти (1925–2019) вели в Шимле. Эта книга – свидетельство того, как создаётся литература хинди, что нового и особенного привносит в неё каждый из них,

сохраняя верность традиции, но, чаще, экспериментируя и нарушая привычные нормы.

Писательница Кришна Собти незадолго до смерти завершила первый том своей эпопеи «Зиндагинама» [Sobti, 2009, 1–480] и опубликовала повесть «От Гуджарата в Пакистане до Гуджарата в Индии», в которых показала, как жила великая Индия до и вскоре после достижения Независимости. Её собрат по перу Вайд не только писал прозу, но и активно переводил литературу хинди на английский и англоязычную – на хинди, например, «Алису в стране чудес». Это неслучайно: Вайд закончил Гарвард, где защитил диссертацию по стилистике Генри Джеймса, и английская литература была ему очень близка. Но Вайд – именно индийский писатель, хотя долгое время жил, преподавал и скончался в Америке. По стилю и особенностям творчества он сопоставим с В. Набоковым. Для индийских читателей Вайд олицетворяет расцвет Новой литературы хинди эпохи 1960-х, когда вместе с Нирмалом Вармой, Кришной Собти и другими молодыми писателями, мужавшими в постколониальной Индии, создавал литературу нового типа, пришедшую на смену прозе, ассоциировавшейся с Премчандом.

Наследие этих, ещё при жизни признанных великими, писателей – драгоценное достояние индийской литературы.

Литература

1. *Narain K.* Bechain patton kaa koras. – Delhi: Rajkamal Prakashan, 2018. – 152 p.
2. *Sobti K.* Zindagi nama. – Delhi: Rajpal, 2009. – 480 p.
3. *Vaid K.B.* Nar Naaree. – Delhi: Raj Pal, 2000. – 223 p.

Строганова Н.В.

Аспекты рассмотрения дружеского письма в раннесредневековой китайской литературе

По Деметрию, «письмо – это сжатое выражение дружеского расположения» [Деметрий, С. 274]. Эразм уточняет: «дружеское письмо – это и литературная форма, и спонтанное излияние, вышедшее из-под пера писателя; оно написано и для конкретного человека, и для широкой публики» [Цит. по: Тодд, С. 23].

Прозаическая эпистола дружеского содержания (равно как и стихотворная) – та разновидность эпистолярного жанра, которая, будучи универсалией, встречается фактически во всех литературах мира. Фокус данного исследования – раннесредневековое китайское дружеское письмо. Именно на закате Древности и заре Средневековья, в период *Цзяньань* (196–220 гг.), рождаются дружеские послания, которые по своим типологическим характеристикам могут быть сопоставлены, к примеру, с античными (прежде всего – древнеримскими) и русскими (первая половина XIX века) письмами соответствующей тематики. Дружеские послания, написанные в каждую из обозначенных эпох, стали образцовыми для китайской, европейской и русской литературных традиций.

Характеристики дружеского письма в раннесредневековой китайской литературе будут нами рассмотрены на примере семи сочинений, написанных в период *Цзяньань*. Это «Письмо Ян Дэцзу» (Цао Чжи), «Отвечаю на письмо Чжан Хуна» (Чэнь Линь), «Письмо к Вэй Вэньди, [написанное] за Цао Хуна» (Чэнь Линь), «От имени Лю Бяо пишу Юань Таню письмо с наставлениями» (Ван Цань), «От имени Лю Бяо пишу письмо Юань Шаню» (Ван Цань), «Письмо-увещевание, адресованное Пинъюань-хоу Чжи» (Лю Чжэнь), «Письмо Линьцзы-хоу Цао Чжи» (Лю Чжэнь). Рассмотрение основывается на наших собственных переводах, комментариях, анализах [Строганова, С. 294–549].

Аспекты рассмотрения – следующие:

1. Статус участников эпистолярной ситуации.
2. Обозначение эпистолярной формы в заглавии.
3. Написанные непосредственно автором замысла vs. Составленные по заказу автора замысла vs. Отправленные от имени третьего лица.
4. Выбор эпистолярной формы.
5. Генеральная установка. Убеждение – конечная цель любой риторической коммуникации.
6. Тип эпистолярной речи.
7. Инвенция. Предмет, тема, проблема, тезис, цель, идея эпистолярной речи; стратегия убеждения.
8. Превалирующий дискурс. Частно-личный vs. Общественно-политический.
9. Стратегия убеждения.
10. Аргументация.
11. Диспозиция.
12. Элокуция.
13. Диалогическое начало.
14. Стандартное эпистолярное оформление.
15. Ключевое звено эпистолярной ситуации.
16. Мотивы. Выделяем ли?
17. Обстоятельства, послужившие импульсом к созданию письма.
18. Соответствие правилам эпистолярного этикета.
19. Тематика.
20. Этопея.
21. Письмо.

являющееся фрагментом переписки двух лиц vs. Одинокое послание. 22. Идея. 23. Информативная составляющая. 24. Размер письма.

Рассмотрев вышеупомянутые эпистолярные сочинения по перечисленным пунктам, мы можем сделать выводы, позволяющие нам сложить для себя многоликий облик раннесредневекового китайского дружеского прозаического послания, которое обнаруживает немало схожих черт с подобными посланиями, созданными в другое время в других уголках Земли.

Литература

1. Деметрий. О стиле // Античные риторика / Под ред. А.А. Тахо-Годи. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. – С. 236–296
2. *Строганова, Н.А.* Литературное послание в Китае на рубеже Древности и Средних веков: дис. ... магистра востоковедения и африканистики / Строганова Нина Андреевна. – М., ИСАА МГУ, 2018. – 590 с.
3. *Todd, U.M.* Дружеское письмо как литературный жанр в пушкинскую эпоху / Уильям Миллз Тодд III; [пер. с англ. И.Ю. Куберского]. – СПб.: Академический проект, 1994. – 207 с. (Серия «Современная западная русистика»).

Фролова М.В.

«Мерцающие мотивы» в мифологических сказках Индонезии

Актуальность изучения индонезийского сказочного фольклора определяется стремительным сокращением числа устных текстов, передающихся из поколения в поколение. Сказки для детей, издаваемые в современной Индонезии, подвергнуты мусульманской цензуре и лишены архаических подробностей. Исчезновение жестокости, сцен убийств и насилия из таких текстов – верный признак их демифологизации (например, элиминация инцеста в цикле «Как появился рис»). Тем не менее, существующий в письменной фиксации немалый фонд сказочной прозы позволяет очертить основные элементы поэтики индонезийской сказки. Индонезийские сказки тяготеют к двум категориям – собственно волшебным и сказкам о трикстерах, в которые входят циклы бытовых сказок о дураках и сказок о животных. Волшебные сказки обладают единым макрос-

ценарием – они воспроизводят обряд инициации, который породил мотивы испытания, временного умерщвления (иногда символического: заключения в темницу или изгнания) и воскрешения героя. Архаические сказки, инкорпорирующие мифы, также могут содержать поздние вставки вплоть до упоминания современных предметов быта (дусунская сказка «Деревня москитов», яванская «Соня и Великан»).

Границы между типами сказок не всегда четкие, и зачастую сказки о животных демонстрируют большую архаику, а не просто воспроизводят социальные отношения между говорящими животными, например, глупого раджи-тигра или находчивого весельчака из народа, роль которого играет мышиный оленёк *канчиль*). В некоторых сказках тигры предстают как духи и тигры-оборотни (балийская сказка «Торговец и тигрёнок»), а основной сюжет контаминирует черты бытовой и архаической сказки. На высокую степень присутствия архаических элементов в индонезийских сказках указывает обилие зооморфных супругов и чудесным образом рожденных детей-оборотней («Как Полопаданг на небо ходил», «Сари и змей», «Чудо-ящерица»). Семантическое ядро многих волшебных мотивов часто соотносимо со схожим набором из европейских сказок и поддается обнаружению по указателю Аарне-Томпсона и тематическому каталогу Ю.Е. Берёзкина с распределением фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Индонезийские «Золушки», «Спящие красавицы» и «Белоснежки» узнаваемы по характерному сочленению неразлагаемых элементов этих сюжетов и «мерцают» в сунданских и яванских сказочных текстах «Лутунг Касарунг» («Обезьянья шкура»), «Бидасари», «Петух Панджи Лараса». Случайные и непрочные конгломераты узнаваемых мотивов в таких текстах связаны с их древнейшим происхождением и неизбежной «разбалансировкой» в процессе устной трансмиссии. Индонезийская волшебная сказка скорее принадлежит пласту мифологическому в силу фрагментарности нарратива, остаточной невычленности и неразделимости синкретических элементов мифа в бытовых подробностях, периодически возникающих этиологических отсылок и т.д. Эти мифологические сказки (термин Е.М. Мелетинского) сами индонезийцы чаще всего называют *черита ракьят* – «народные истории», и не разделяют понятия «миф» и «сказка» по установке на достоверность и выделению эстетической функции.

Политология

Абылгазиев И.И.

Взаимодействие Российской Федерации и Китайской Народной Республики на Ближнем Востоке

1. Ближневосточный регион традиционно находился в центре внимания внешних сил. После ухода в прошлое противостояния «сверхдержав», периода активизации США в региональных процессах, в основном закончившегося с выводом американских войск из Ирака в 2011 г., началось усиление внешней политики РФ и КНР на ближневосточном направлении.

2. Причины вовлечения России и Китая в процессы ближневосточного региона имеют как общие черты, так и свою специфику. И Москва, и Пекин, исходя из соображений укрепления безопасности, совместного противодействия потенциальной террористической угрозе, которая приобрела новое звучание после общей дестабилизации ситуации, наступившей в результате событий «Арабской весны», усиления позиций террористической организации «Исламское государство» (запрещена в РФ) и ряда других радикальных исламистских группировок. В тоже время, участие Пекина обусловлено преимущественно экономическими мотивами (потребность КНР во взаимодополняемости в области экономики с государствами Ближнего Востока, развитие формулы партнерства с максимальным числом стран, реализация позиции ответственной державы). Также Ближний Восток является частью предложенной Китаем инициативы «Один пояс – один путь». В основе заинтересованности Москвы в усилении вовлеченности в ближневосточные процессы – преодоление атмосферы изоляции, которую пытаются создать вокруг России США и их союзники, соображения усиления безопасности, а также геополитические факторы.

3. Россия и Китай исходят из соблюдения норм международного права в отношении выстраивания взаимодействия с государствами региона, уважения их национального суверенитета, и следуя принципу невмешательства во внутренние дела. Москва и Пекин избегают использовать риторику о нарушении прав человека в ближневосточном регионе в качестве инструмента достижения своих целей.

4. Россия и Китай придерживаются схожей позиции по сирийскому кризису, что отразилось в их голосовании в СБ ООН. Для помощи сирийскому правительству в противодействии ИГ и другим радикальным вооруженным исламистским группировкам Россия и Китай развивали взаимодействие с сирийской армией и разведкой. Однако уровень вовлеченности сторон в конфликт различался. Китай ограничивался помощью на уровне проведения консультаций с сирийскими военными. Россия по просьбе сирийского руководства осуществляла военную операцию в Сирии, и является страной – гарантом астанинского мирного процесса.

5. РФ и КНР наращивают экономическое присутствие в регионе. РФ планирует развитие сотрудничества со странами региона прежде всего в сфере энергетики, военно-технического сотрудничества, сельском хозяйстве. Роль КНР в экономике региона значительно усилилась, во многом благодаря удачной дополняемости экономик. Ближневосточные государства осуществляют экспорт углеводородов в Китай, в то время как Китай поставляет различные товары. С 2016 г. стало известно, что у Китая теперь есть первая зарубежная военная база в Африке, в Джибути, которая позволит отслеживать логистику государств Персидского залива, укрепив присутствие КНР как в Африке, так и на Ближнем Востоке.

6. Россия и Китай являются регулярными участниками различных двусторонних и многосторонних форматов сотрудничества с государствами региона. Россия взаимодействует с арабским миром в рамках Российско-арабского форума сотрудничества, Советом сотрудничества арабских государств Арабского залива (ССАГПЗ). Китай развивает связи со странами региона в том числе в формате Форума китайско-арабского сотрудничества.

Адамс О.Ю.

Борьба с низовой коррупцией в Китае в 2012–19 гг.: задачи и достижения

Борьба с коррупцией, заявленная как одна из целей развития на XVIII съезде КПК, остается одним из приоритетов внутренней политики. В отчетном докладе ежегодной сессии Всекитайского Собрания народных представителей в марте 2019 г. председатель Верховного Народного суда Чжоу Цян сообщил о 28 000 дел (проходили 33 000 человек) о коррупции, взяточничестве и служебных злоупотреблениях, рассмотренных судами всех уровней в 2018 году. 18 чиновников провинциального (министерского) уровня и 1185 функционеров уездных правительств (низовое звено системы госуправления КНР) получили тюремные сроки за коррупционные преступления. Чжоу Цян подчеркнул, что в ходе судебных разбирательств «народ должен чувствовать беспристрастие и справедливость».

Приоритетные направления работы на 2019 год объединены общим лозунгом «защиты народа»: ставится масштабная задача «бороться с преступлениями и искоренять зло», сурово наказывать «коррупционные преступления, совершаемые среди населения», т.е. на низовом уровне (严惩群众身边腐败犯罪); совместно с Верховной Народной прокуратурой и Министерством общественной безопасности строго наказывать любые преступления, связанные с организованной преступностью (涉黑). Отдельно подчеркивается требование бороться с «деревенскими и городскими тиранами, которые угнетают народ», и устранять «защитные зонты» (保护伞), которые темным личностям часто обеспечивают местные чиновники. Последний раз столь пристальное внимание центральных властей к негативным явлениям, объединяющим представителей власти и преступный мир и «подрывающим социальную стабильность и настроения населения» отмечалось в документах 1990-х гг.

Инспекционные поездки в 10 городов провинциального уровня в начале 2019 г. выявили «неискорененные проявления четырех порочных стилей» (формализм, бюрократизм, гедонизм и расточительство), нарушения в процессе назначения и продвижения (увольнения) кадров, «расхождения между решениями центральных органов власти и их проведением в жизнь на местах» и т.д. Эти рабочие недостатки (как и многие другие) вызывают объяснимое недовольство

рядовых граждан, что не устают подчеркивать комиссии по проверке дисциплины, а с начала 2018 года и Государственная надзорная комиссия – новая антикоррупционная структура, наделенная широкими полномочиями.

Арсанова Т.Е.

К вопросу о политике ЮНЕСКО на Ближнем Востоке

Ближневосточный регион представляет научный и стратегический интерес в контексте сохранения мира и безопасности.

В современных условиях для решения глобальных и других актуальных проблем используются ресурсы различных международных организаций – ООН, ЮНЕСКО, МВФ, МБРР, АТЭС и другие форумы. В этой связи значимой представляется роль ЮНЕСКО в регионе как инструмент политического влияния. Современный этап общественного развития стран региона характеризуется значительными изменениями в политическом процессе, наиболее важным из которых является вовлечение в политический процесс широких слоев населения, что повышает значение политической культуры, поведения, уровня образования личности и групп.

Кроме того, общество стран Ближнего Востока отличается глубокой традиционностью и специфической системой общественно-политических установок и представлений. Так же следует отметить, что проблема взаимосвязи традиционных ценностей и современных политических процессов на Востоке имеет большое практическое значение и несомненный исследовательский интерес.

Переходный этап в развитии арабских стран региона, высокий уровень рождаемости еще более актуализируют значение социально-политической стабильности в регионе.

Особенностью демографической структуры населения многих стран региона является преобладание доли молодых людей: 60% населения моложе 25 лет, а 33% жителей не достигли 15-летнего возраста. Рост населения молодых возрастов служит главным источником пополнения трудовых ресурсов.

В связи с указанными факторами возрастает роль осуществляемой политики ЮНЕСКО в регионе. Основными направлениями деятельности организации остаются область науки, образования, куль-

туры, коммуникаций. Организация имеет восемь представительств в арабских странах.

Важнейшее значение имеет поиск возможных форматов сотрудничества в регионе стран-членов ЮНЕСКО для укрепления их взаимосвязей в культурно-гуманитарной сфере, в реализации проектов.

Деятельность ЮНЕСКО направлена на повышение уровня образования как важной составляющей в политическом, социально-экономическом и культурном развитии любого государства. Образование выступает основой формирования человеческого капитала, что определяет его как мощный инструмент в решении национальных стратегических задач.

Наиболее значимыми для рассматриваемого региона остаются проблемы доступности и качества образования, его фундаментальности и специализированности. Поэтому программа модернизации образования Ближнего Востока должна быть ориентирована на социально-экономические и политические потребности современного общества – это и внедрение современных образовательных технологий, и выявление лучших стандартов образования, и обеспечение возможности получения качественного образования независимо от места жительства.

Условия современной глобализации усиливают тенденции взаимозависимости государств региона, в том числе в образовательной сфере.

Современные условия развития, увеличивающаяся конфликтность в международных отношениях увеличивают потребность в расширении гуманитарного сотрудничества стран. Проекты ЮНЕСКО в регионе формируют основу гуманитарного сотрудничества и служат инструментом «мягкой силы».

Важным направлением деятельности ЮНЕСКО является обмен информацией, коммуникации, что крайне важно для процесса взаимодействия стран региона. Коммуникационные возможности и информационный потенциал компьютерных сетей играют положительную роль, но вместе с тем несут и негативную – служат проникновению «фейков» в восточные общества. Повышение образовательного уровня будет противодействовать данному явлению.

Повышенный интерес СМИ к Ближнему Востоку объясняется его особым геостратегическим положением, запасами природных ресурсов, сложными политическими процессами в странах региона.

Формирование нового коммуникационного пространства, в том числе усилиями ЮНЕСКО, способствует решению многих проблем в данной сфере, прежде всего большей объективности.

Таким образом, можно констатировать, что деятельность ЮНЕСКО, направлена на сближение государств региона, на сохранение мира в целях стабильного развития и решения глобальных проблем человечества.

Ахтамзян Н.А.

Образование как глобальная проблема человечества

С начала нового тысячелетия образованию уделяется повышенное внимание на международном, глобальном уровне. В 2000 г. Всемирный форум по образованию в Дакаре подготовил и опубликовал доклад «Образование для всех», реализация целей которого была намечена на 2015 г. Начиная с 2002 г. ЮНЕСКО практически ежегодно публиковала доклады по мониторингу ситуации в образовании, касаясь различных аспектов проблемы: грамотности, охвата молодежи, гендерного равенства, качества обучения и др.

Итоги были подведены в 2015 г. Среди положительных результатов отмечены успехи в охвате дошкольным (184 млн. детей) и начальным образованием (91% детей, или на 48 млн. больше, чем в 1999 г.), решение на этой ступени проблемы гендерного равенства. Начальное образование для девочек служит в т. ч. цели снижения фертильности, преодоления ранних браков и беременностей. Число подростков, не посещающих школу, уменьшилось с 99 млн. в 1999 г. до 63 млн. в 2012 г. Неграмотность взрослых, по оценкам, сократилась с 18% до 14%.

Однако, по признанию Генерального директора ЮНЕСКО И. Боковой, цели, которые планировалось достичь к 2015 г., будут достигнуты к 2030 г. – по охвату начальным образованием; а при сохранении нынешних тенденций – к 2042 г.; по охвату неполным средним образованием – к 2059 г., по охвату полным средним образованием – к 2084 г. Детская смертность (в возрасте до пяти лет), хоть и сократилась с 2000 г. на 39%, но все еще составляет 6,3 млн. детей (2015 г.). Вне школы находятся 58 млн. детей, а 34 млн. поступивших в начальную школу не оканчивают ее (58% – в неарабской

Африке и 64% – в Южной и Западной Африке). В мире 781 млн. неграмотных взрослых, среди которых 64% составляют женщины.

Непреодолимыми преградами в получении образования назвал Специальный консультант Генерального секретаря ООН по Целям устойчивого развития Джеффри Сакс отсутствие условий для получения образования – книг дома и учебников, подготовленных учителей, электричества, воды и средств гигиены в учебных заведениях. Ужасающим названо несоответствие в уровне образования между богатыми и бедными – как внутри стран, так и в международном масштабе. В докладе Римского клуба «Come On! Капитализм, близорукость, население и разрушение планеты» (декабрь 2017 г.) отмечено произошедшее вырождение капитализма: 98% финансовых операций носят спекулятивный характер, в офшорных зонах спрячано от 21 до 32 трлн долл.; по данным Оксфам, 62 самых богатых человека планеты сегодня владеют состоянием, равным состоянию 3,6 млрд наиболее бедных слоев населения.

За период 2008–2014 гг. 84 % молодежи получили полное среднее образование в странах с высоким уровнем дохода, 43 % – в странах с доходом выше среднего, 38 % – в странах с доходом ниже среднего, 14 % – в странах с низким доходом. В 2004–2011 годах лишь 6 % взрослого населения в 29 бедных странах участвовало в какой-либо из программ обучения грамотности. В странах с низким уровнем дохода на каждые 100 молодых людей из богатых семей, получивших полное среднее образование, приходится лишь 7 молодых людей из беднейших семей. В 76 странах 20% наиболее богатых людей в возрасте от 25 до 29 лет закончили высшее учебное заведение с длительностью обучения минимум 4 года, и менее 1 % – наиболее бедных.

В ущемленном положении находятся дети, находящиеся в зонах конфликтов, работающие дети, дети-инвалиды, ВИЧ-инфицированные, этнические и языковые меньшинства и сельские девочки (маргинализированные группы). Около 40 % людей на планете не получают образование на родном (местном) языке; 50 % беженцев в возрасте начальной школы и 75 % – в возрасте средней школы не посещают школу.

Как и многие глобальные проблемы, проблемы образования упираются в вопрос его финансирования: помощь, выделявшаяся в период 2000–2015 гг. – 5 млрд. долл. в год – признана недостаточной,

на период до 2030 г. она составит 22 млрд. долл., при необходимых – 39 млрд. долл. Отмечено, что до 2010 г. она увеличивалась, а затем пошла на спад. Дж. Сакс предупреждает о недалёковидности такой политики развитых стран, т.к. это обрекает «... весь мир на бедность в будущем, на разрушение окружающей среды и даже на социальное насилие и нестабильность на протяжении будущих десятилетий» [1].

В 2016 г. появился новый доклад ЮНЕСКО по образованию – «Образование в интересах людей и планеты: построение устойчивого будущего для всех», который призван вписать решение образовательных проблем в контекст концепции устойчивого развития. В сентябре 2015 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию 70/1 «Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития до 2030 г.». По одному из определений, «устойчивое развитие представляет собой организующий принцип глобального развития, направленного на обеспечение благополучия как людей, так и планеты в целом», т.е. он призван связать воедино вопросы экологии, экономики и социального развития (с акцентированием межпоколенческой солидарности). Среди семнадцати целей устойчивого развития (ликвидация нищеты и голода, рациональное использование водных ресурсов и доступность недорогих и надежных источников энергии, сохранение биоразнообразия и борьба с изменением климата и др.) четвертой целью (ЦУР4) является «Обеспечение всеохватного и справедливого качественного образования и поощрение возможности обучения на протяжении всей жизни для всех».

Согласно международным документам, «образование является как основополагающим правом человека, так и позволяющим правом, т.е. оно позволяет реализовывать другие права человека; это общественное благо и коллективное общественное стремление, ... а гендерное равенство неразрывно связано с правом на образование для всех». Обучение призвано служить решению и других целей устойчивого развития – экологических, экономических, социальных.

Образование в течение всей жизни в данном контексте трактуется не как возможность и необходимость постоянного переобучения и смены занятий, связанных с научно-техническим прогрессом и исчезновением одних и появлением других видов деятельности (как в наиболее развитых странах). Здесь оно связано с образованием для взрослых и молодежи, не получивших «формального» образования. Такой подход «охватывает множественные и гибкие пути обучения»:

он предполагает не только образование для взрослых и молодежи (типа советского ликбеза 20-х гг. XX в.) и обучение рабочим навыкам, но и обучение навыкам самостоятельности, здоровья и гигиены, планирования семьи, охраны окружающей среды, работы на компьютере, а также социальное или культурное развитие, организованную спортивную деятельность, ремесло и рукоделие.

Обучение на протяжении всей жизни, согласно докладу 2016 г., включает в себя и охват образованием маргинализированных групп (авторы доклада задаются вопросом, кто они, эти 9% детей, не посещающих даже начальную школу). С 2000 г. разрабатываются специальные программы обучения для кочевых народов Эфиопии, Нигерии, Судана и Танзании, которые должны учитывать «местный контекст и разнообразие. Авторы доклада рекомендуют развивать образование на национальных языках, однако содержание учебных планов должно быть «правильными», чтобы это не обострило отношений между племенами, как это случилось в Руанде.

Цель ЮНЕСКО – мобилизовать человечество на решение проблем образования.

Литература

1. Образование в интересах людей и планеты: построение устойчивого будущего для всех. Всемирный доклад по мониторингу образования. 2016. ЮНЕСКО. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000245752_rus (дата обращения: 10.02.2020).
2. Образование для всех 2000–2015 гг.: достижения и вызовы. Всемирный доклад по мониторингу ОДВ, 2015 г. ЮНЕСКО. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000232565_rus (дата обращения: 10.02.2020).

Балданова Р.А.

Система социального Кредита КНР в контексте борьбы с нелегальной миграцией

Современное государство активно интегрирует технологии в сферы общественного регулирования. На сегодня Китай зарекомендовал себя передовой страной не только в разработке и применении современных технологий, но и в создании государственных программ обеспечивающих контроль над цифровой реальностью. С начала 2020 г.

в силу вступила «Программа создания системы социального кредита», которая позволяет решить ряд вопросов, в том числе и проблему нелегальной миграции, незарегистрированного проживания и незаконного трудоустройства иностранных граждан, но непонятно какой правовой статус имеет иностранец в Системе рейтинга.

В Китай как в любую экономически привлекательную страну едут не только законопослушные мигранты способствующие экономическому росту, но и нелегальные мигранты. Специальные службы Китая активно борются с нелегальной активностью иностранных граждан.

В последние годы власти КНР предприняли ряд мер, призванных более эффективно противодействовать противоправной деятельности мигрантов. В частности через Систему социального кредита. В принятых актах, касающихся социального рейтинга, существуют спорные моменты, которые могут иметь последствия для международных отношений КНР с другими государствами.

Суть программы заключается в том, что с помощью технологии Больших данных (Big Data) создается индивидуальный социальный рейтинг китайского гражданина путем объединения всех баз данных, содержащих любую информацию о физических и юридических лицах. На протяжении последних лет в стране интегрируются базы данных об имущественном и финансовом положении людей; банковская, юридическая и медицинская информация; сведения из образовательных учреждений; транспортных систем; данные из национальных социальных сетей (вроде китайского мессенджера WeChat, в котором зарегистрированы уже 800 млн. пользователей) и др. На основе системы социального рейтинга реализуется надзор над каждым гражданином. Из документа, очевидно, что система претендует на контроль всех сфер жизнедеятельности общества.

В Шицзячжуане, провинция Хэбэй действует пилотный проект – микроприложение «Deadbeat Map», которое было создано по приказу Верховного народного суда КНР специально для мессенджера «WeChat». Приложение выявляет на карте людей с низким социальным рейтингом и отображает всех неблагонадежных людей, которые находятся в радиусе 500 метров. Помимо местоположения, сервис также отражает личные данные каждого нарушителя, включая Ф.И.О., номер ID и правонарушение, за которое гражданина включили в черный список. При этом, если вокруг пользователя

сконцентрировано много неблагонадежных людей, система сообщает о «красном уровне опасности». Если их меньше, то об оранжевом, желтом или синем. Чиновники открыто признают, что основная задача «Deadbeat Map» – «дополнительно застыдить неблагонадежных китайских граждан». Пользователям «WeChat» предлагают при встрече порицать людей, которые не выполняют свои обязательства перед обществом.

Идея создания индивидуального рейтинга заключается в контроле над гражданами. Но получается, что под тотальный контроль попадают и иностранные граждане, проживающие или ведущие какую-либо деятельность на территории Китая. В положениях программы нет разъяснения об участии иностранцев в рейтинге гражданина. В соответствии с ст.3 Закона «Об управлении въезда и выезда КНР» иностранные граждане, находящиеся на территории КНР, обязаны соблюдать законодательство КНР и не вправе причинять вред государственной безопасности КНР, публичным интересам, нарушать общественный порядок. Таким образом, все приезжие в Китай, так или иначе интегрированные в китайское общество будут попадать в систему рейтинга. Тем самым власти Китая обеспечивают национальную безопасность от существующих угроз, в том числе: попытки проведения «цветных революций», терроризма и шпионажа и гражданскими правонарушениями.

Примечательно, что власти Китая привлекают широкие массы населения для исполнения некоторых пунктов законодательных актов. Вовлекая собственных граждан в кампанию по противодействию «трем нелегальностям» (三非, сань фэй) (нелегальная миграция, незарегистрированное проживание и незаконное трудоустройство), поощряя их денежным вознаграждением, используя систему видеослежения с единой базой данных, и анализируя все действия, осуществляемые через мобильные приложения, власти Китая облегчили себе задачу по поимке нелегальных иммигрантов. Сотрудники органов власти распространяют плакаты, комиксы, видеоролики, где доступно объясняется суть закона о национальной безопасности и важность сохранения бдительности при общении с иностранцами. Министерство общественной безопасности Китая запустило отдельный сайт www.12339.gov.cn на котором размещена инструкция выявления подозрительной деятельности иностранцев. В 2016 г. министерство выпускало серию мультфильмов, предостерегающих ки-

тайских граждан от вступления в романтические отношения с иностранцами для предотвращения вовлечения в шпионские игры [1]

Как уже было отмечено, непонятны гарантии конфиденциальности данных и перспектива злоупотребления ими. Правительству России необходимо заключить с Китаем дополнительное соглашение, в котором будут закреплены условия участия проживающих в КНР россиян в системе социального рейтинга. Не все наши граждане проживают в Китае на постоянной основе, и бальная система может осложнить им пребывание. Заключение подобного рода соглашения с КНР повысит престиж России на международном уровне, как государство с продвинутым законодательством защиты персональных данных и заботящегося о своих гражданах независимо от их места пребывания.

Литература

1. Инструкция выявления подозрительной деятельности иностранцев// www.12339.gov.cn [сайт Министерства общественной безопасности]. – URL: <https://www.12339.gov.cn/report/guide>

Ван Ян

Российско-китайское сотрудничество в сфере высшего образования в условиях глобального развития

Современные мировые процессы, глобализация влияют на все сферы деятельности и формируют новые проблемы, вносят существенные изменения в научную картину мира, в понимание происходящих социально-политических явлений.

Новые тенденции в полной мере относятся и к сфере образования необходимо выработать эффективные механизмы управления процессами образования, с учетом особенностей современной глобализации и национальных интересов каждой страны, направленные на расширение сотрудничества.

Основу современного этапа взаимодействия наших стран призвана составить концепция устойчивого развития, что требует кардинальных изменений в сфере образовательной политики, новых проектов. Для решения данных задач необходимо выявление и комплексное исследование мировых тенденций развития; разра-

ботка новых методологических подходов, которые позволят целостно исследовать процессы влияния глобализации на образовательную сферу.

Сегодня образование является основой стабильного и безопасного развития. Но также и важнейшим фактором конкуренции. Вырастает роль образования как ретранслятора ценностей культуры народа, способствует сохранению идентичности нации. Необходимо помнить, что глобализация открывает границы для относительно свободного передвижения товаров, капиталов и людей. При этом неизбежно усиливается процесс унификации, стандартизации всей производимой продукции, посредством средств массовых коммуникаций распространяется стереотип культуры других стран, что создает проблемы в национальном развитии.

Васецова Е.С.

«Исламская военная коалиция по борьбе с терроризмом» в геополитической ситуации на Ближнем Востоке

1. Причины и предпосылки создания «Исламской военной коалиции по борьбе с терроризмом» в декабре 2015 г. по инициативе Королевства Саудовской Аравии. Противоречие между декларируемыми целями коалиции (сплочение исламского мира против международного терроризма, необходимость налаживания регулярного обмена информацией и разведывательными данными для успешного антитеррористического противодействия, консенсус относительно основных направлений в области борьбы с терроризмом, формирование образа ислама как религии, которая утверждает идеалы мира), и выборочным подходом к принятию мер, направленных против проявлений международного терроризма.

2. Данное противоречие проявляется в следующих особенностях организации и деятельности стран-участниц коалиции. Под эгидой организации объединились преимущественно суннитские страны, а также ряд стран, большинство населения в которых не исповедует ислам. В тоже время в ее состав не вошел Иран, а также не вошли государства, которые борются с террористическими организациями на своей территории: Сирия и Ирак. В результате катарского дипломатического кризиса из рядов коалиции вышел Катар. Посредством

создания коалиции, идейный вдохновитель и главный организатор коалиции, Эр-Рияд, стремится продемонстрировать свою главенствующую роль в регионе, и сплотить вокруг себя противников усиления Ирана. Внутри региональные противоречия и амбиции властей КСА преобладают над идеей консолидации мусульманского мира в борьбе с угрозой международного терроризма.

3. Косвенно создание коалиции направлено против усиления позиций России в регионе, против укрепления взаимодействия России, Ирана и Турции в рамках астанинского процесса, который показал свою эффективность в борьбе с терроризмом.

4. Несмотря на то, что государства-члены коалиции обозначили основные направления в сфере борьбы с терроризмом, они не разработали общего антитеррористического плана действий, и не наметили сроков реализации декларируемых целей и задач. Страны-участницы по-разному расставляют приоритеты в борьбе с терроризмом. Например, в то время как КСА первостепенное внимание уделяет борьбе с хуситами в Йемене, Турция выделяют курдов как основную цель антитеррористического противодействия. Участие в коалиции не накладывает на ее членов обязательства следовать принятым решениям. Страны-участницы коалиции сохраняют за собой право действовать по своему усмотрению в вопросах борьбы с терроризмом. Таким образом, в настоящее время коалиция является скорее политическим проектом, пропагандистской акцией, чем военным блоком. В ближайшем будущем коалиция не станет реальной силой, способной вызвать перемены в геополитической ситуации в регионе.

Кулешова Н.С.

Нелегальная миграция в условиях глобализации

Современное политологическое знание стремится выявить и теоретически осмыслить новые тенденции в политических процессах и дать возможный прогноз для стабильного развития народов и государств. В условиях глобализации свидетельством усилившихся социальных, экономических, политических и демографических связей между странами является возросший уровень миграционных процессов.

Существующие различные подходы к анализу миграций и их типологизации позволяют утверждать, что миграционный процесс

рассматривается современными исследователями как сложный общественный разнонаправленный процесс, общественное явление, которое связывает разноуровневые социальные изменения (П. Штомпка).

В исследовании современных миграций представляется необходимым выделить два компонента: экономический и политический.

В современных миграционных перемещениях все большее место занимает нелегальная миграция, которую следует рассматривать как самостоятельное социально-политическое явление. Количественная оценка незаконной миграции и выявление связанных с ней рисков являются наиболее сложной задачей в анализе данного явления. Статистические данные для оценки незаконной миграции получаем от государственных органов, различных международных организаций, что имеет относительный характер, как правило статистика занижена, не соответствует реалиям.

Причиной активно возрастающей миграции принято считать сохраняющуюся кризисную ситуацию в странах Ближнего Востока, особенно в Сирии. Но анализ показывает, что это граждане различных государств: Афганистана, Нигерии, Бангладеш, Ирака, Сомали, Судана, Сирии, Пакистана, граждане Украины и центрально-азиатских государств постсоветского пространства.

Современное состояние миграций следует охарактеризовать как глобальную проблему, которая дестабилизирует экономику, социально-политическую сферу, трудовые ресурсы, развитие целых государств. В качестве примера можно привести ситуацию в ЕС. В этой связи следует отметить стремление мигрантов оказаться в наиболее богатых странах Евросоюза, а не в мусульманских странах, которые, казалось бы, ближе им по ментальности.

Так, например, в России, по различным оценкам, общая численность незаконных мигрантов варьируется от 1,5 до 15 миллионов. Согласно Концепции государственной миграционной политики до 2025 года, незаконная (нелегальная) миграция трактуется как «перемещения в Российскую Федерацию с нарушением законодательства Российской Федерации, касающегося въезда, пребывания (проживания) иностранных граждан на территории Российской Федерации и (или) осуществления ими трудовой деятельности». Как следует из определения «нелегальной миграции», она непосредственно связана с понятием «незаконного пересечения» границы и или отсутствием

документов, удостоверяющих личность в соответствии с законом РФ. Мигрантов, находящихся в стране незаконно следует рассматривать в соответствии с причинами появления у них незаконного статуса. Поэтому отмечаем три вида нелегальной миграции: нелегальный въезд, нелегальное пребывание, нелегальная занятость. Не вдаваясь в теоретический дискурс, отметим, что на наш взгляд *нелегальная миграция* – понятие более узкое, чем незаконная миграция, поскольку включает только тех мигрантов, которые пересекли границу нелегально. Понятие незаконная миграция включает в себя все возможные варианты и этапы незаконного пребывания мигрантов на территории страны.

Последствия незаконной миграции проявляются в деформации рынков труда, изменении структуры населения и трудовых ресурсов, обострении безработицы, социальной дифференциации населения, снижении мотивации к труду в том числе у представителей принимающей стороны, криминализации экономики и т.д. Названные факторы следует оценивать, как вызовы, риски современной незаконной миграции, поэтому крайне важно вовремя решать проблемы незаконной миграции и нейтрализации ее последствий.

Современные миграционные процессы несут с собой и новые угрозы. С одной стороны, мигранты пополняют трудовые ресурсы, решают экономические задачи, но с другой стороны, влияют на политическую стабильность, претендуя на реализацию собственных социально-политических интересов и установок.

К негативным последствиям незаконной миграции следует отнести деформацию рынков труда, изменения структуры населения и трудовых ресурсов, обострение безработицы, социальную дифференциацию населения, снижение мотивации к труду у местного населения, криминализацию экономики и т.д. В современных условиях миграция играет заметную роль в системе угроз национальной безопасности любого государства. Среди угроз внутренней безопасности, возникающих в результате незаконной миграции отмечаются: рост теневой экономики, опасность распространения заболеваний, проникновение террористов и экстремистов.

Кутовая Е.А.

Президентские выборы в Индонезии 2019 г. и задачи второй администрации Джоко Видодо

Год назад в апреле 2019 г. в Индонезии состоялись президентские выборы, впервые в истории страны одновременно с ними прошли выборы в законодательные органы четырёх уровней.

Если сравнить предыдущие выборы 2014 г. с выборами 2019 г., то отмечаем, что кандидатами в президенты являлись одни и те же лица – Джоко Видодо (Джокови) и Прабово Субианто. Изменения произошли в связи с выдвижением кандидатур на пост вице-президента. Ими были соответственно представитель консервативного мусульманского крыла, бывший руководитель крупнейшей мусульманской организации страны Нахдатул Улама – Мааруф Амин (76 лет) и успешный предприниматель Сандиага Салахутдин Уно (49 лет), бывший заместитель губернатора Джакарты.

На выборах 2019 г. Джокови выступал как действующий президент и представитель политического истеблишмента, представляющего коалицию из 10 политических партий, в то время как Прабово поддерживали только 5 партий. Если в 2014 г. Джокови – выходец из простой среды - бросил вызов джакартской элите как потенциальный реформатор, то в 2019 г. он должен был подтвердить переизбрание своими достижениями.

Выборам предшествовало появление многих исследований, прогнозирующих их возможный результат. Большинство аналитиков предсказывало поддержку блоку Джокови-Мааруфу 50-60%, а блоку Прабово-Сандиага 30-40%. Опрос общественного мнения, проведённый за месяц до выборов такими солидными институтами, как Центр стратегических и международных исследований, Чарта Политика, Индо Барометр и научный центр LSI Denny JA, давал прогноз 18-20% в поддержку Джокови – Мааруфа.

Показательно, что сельские жители и люди с невысоким уровнем образования, а также значительная часть католиков и протестантов поддерживали Джокови-Мааруфа, в то время как молодые избиратели и лица с более высоким уровнем образования – Прабово-Сандиага.

Географически распределение голосов в 2014 г. сложилось следующим образом. Джокови получил больше голосов среди избирателей

Центральной и Восточной Явы и большей части территории страны. За Прабово больше избирателей проголосовало в провинциях Западной Явы и Бантена и в других районах Суматры.

21 мая 2019 г. Комиссия по всеобщим выборам объявила о победе Джокови (55,5% голосов) против Прабово (44,5% голосов). Разница 11% меньше, чем ожидалось, но значительно больше разницы в 2014 г. (6, 3%). По географическому распределению в целом картина сохранилась. Джокови получил больший процент голосов чем раньше, но число провинций, где он победил, сократилось от 23 (из 33) до 21 (из 34). За Джокови отдали свои голоса жители провинций Центральной и Восточной Явы и острова Бали, число отдавших голоса за Прабово возросло в Аче и на Западной Суматре. Таким образом, поддержка Джокови выросла в яванских и немусульманских районах, а Прабово увеличил число своих сторонников в мусульманских районах вне Явы.

Перед администрацией Джокови встала задача экономического роста, составляющего сегодня 5,1%. Одна из ближайших задач правительства Джокови, которое носит название «кабинета индонезийского прогресса», – ускорение проведения структурных реформ в области человеческих ресурсов, инфраструктуры, создание новых видов промышленности, развитие цифровой экономики. Насущной социальной проблемой является обеспечение работой ежегодно 3–4 млн. новых работников. В первый срок пребывания Джокови на посту президента официальная безработица снизилась с 5,9% в 2014 г. до 5,3% в 2018 г. Однако эти цифры скрывают действительную ситуацию, так как больше половины всех трудящихся работает неофициально. Безработица молодёжи достигает 17%, при том что Индонезия-страна с преимущественно молодым населением. Преобладает малоквалифицированная рабочая сила, около 40% рабочей силы имеет образование в рамках начальной школы, только 9% выпускники университетов.

Правительство Индонезии ставит задачу провести соответствующие изменения на рынке труда. Первостепенной для страны, взявшей курс на технологический прогресс, является проблема развития информационных технологий. При этом особое внимание обращается на выполнение социальных программ, в первую очередь речь идёт об улучшении системы здравоохранения. Значительное место в предстоящей работе правительства планируется уделять росту ка-

чества образования, в том числе за счёт увеличения финансирования сектора образования. Так, только на образование планируется выделять 20% ежегодного бюджета.

Создание инфраструктуры – сухопутной, морской и воздушной – остаётся в числе важных задач индонезийского правительства. В планах администрации – перенесение столицы из Джакарты на восточный Калимантан, что, по мысли инициаторов, должно способствовать развитию этого региона. Этот шаг безусловно весьма затратный и сложный для реализации и с учётом того, что многие проекты уже оказались под угрозой их осуществления. Так, испытывает сложности проект Джокови – «морские пути». Нехватка средств связана в том числе с несовершенством системы сбора налогов в Индонезии. Назрела необходимость в проведении налоговой реформы.

К внутренним вызовам, стоящим в настоящее время перед «кабинетом индонезийского прогресса», относится и проблема разрешения противоречий между центральным и местным законодательством.

Индонезия вместе с рядом других членов АСЕАН примкнула к китайскому проекту «Один пояс-один путь». В кулуарах встречи стран двадцатки в Осаке в 2019 г. президент Джокови обратился к президенту КНР Си Цзиньпину с просьбой о создании специального фонда инвестиций в крупнейшую экономику ЮВА. Но и здесь ситуация не является простой: из-за китайско-американских противоречий, уровень китайских инвестиций в Индонезию понижается, в 1918 г. он составил 2,4 млрд.долл. (на 29% меньше чем раньше).

В непростой обстановке второе правительство Джокови приступило к решению многих сложных проблем развития Индонезии, поставив весьма амбициозную цель - к 2050 г. выйти на 4-е место в мире по экономическим показателям.

Романова И.А.

Принцип разделения властей в современной Японии

Принцип разделения властей является одной из фундаментальных государственных и общественных ценностей современного мира, необходимым условием существования всех развитых демократий. Успешное функционирование современного демократического государства возможно только при наличии разработанной,

законодательно оформленной и динамично развивающейся системы разделения властей.

В Японии принцип разделения властей стал применяться с 70-х годов XIX века после «реставрации Мэйдзи». Это был период социально-политических и экономических реформ, призванных обеспечить вхождение Японии – традиционного общества и государства – в западный «цивилизованный мир». До этого Япония знала только разделение духовной и светской власти в системе «император – сёгун», но именно с этого периода в стране наметился процесс разделения власти на законодательную и исполнительную. Первая модель разделения властей была законодательно оформлена конституцией Мэйдзи (1889 г.). Однако до 1945 г., несмотря на функционирование в Японии «де-юре» основных институтов демократии во главе с парламентом, исполнительная власть «де-факто» подчиняла себе законодательную и судебную.

После поражения во Второй мировой войне, в условиях американской оккупации и под влиянием со стороны США, Япония встала на путь проведения демократических преобразований в обществе. В результате в стране была принята новая конституция (1947 г.), действующая и в настоящее время. В новой конституции впервые в истории Японии был законодательно оформлен и закреплён принцип разделения властей, функционирующий успешно и на практике. В основу новой системы разделения властей был положен американский принцип «сдержек и противовесов».

Первая глава японской конституции содержит положения об императоре. Поскольку уничтожение императорской системы в результате поражения Японии во Второй мировой войне не встретило бы поддержки в японском обществе – ни у политической элиты, ни у рядовых японских граждан – институт императора был сохранён. Однако официально по конституции император лишился политических полномочий. 1-ая статья Основного закона Японии отводит императору роль «символа государства и единства народа», а суверенную власть закрепляет за японским народом.

Император Японии выполняет важные политические функции, но в их выполнении он лишен самостоятельности. Так, император назначает премьер-министра, но по представлению парламента; назначает Главного судью Верховного суда, но по представлению кабинета министров. Созывает парламент, распускает палату предста-

вителей и т.д., но делает все это «по совету и с одобрения кабинета» (ст.7) [1]. 3-я статья конституции уточняет: «Все действия императора, относящиеся к делам государства, могут быть предприняты не иначе как по совету и с одобрения кабинета, и кабинет несет за них ответственность». Император формально остается первосвященником традиционной религии синто, но религия в Японии по конституции отделена от государства (ст.20) [1]. Таким образом, император лишен государственной власти и в духовной сфере.

Система «сдержек и противовесов» проявляет себя, в частности, в характере взаимоотношений парламента и правительства как высших органов двух ветвей власти. В конституции глава «Парламент» предшествует главе «Кабинет» – в соответствии с общепринятым порядком перечисления ветвей власти. Парламент провозглашается «высшим органом государственной власти и единственным законодательным органом государства» (ст. 41) [1]. Правительство «высшим органом» исполнительной власти в тексте конституции прямо не называется. Отмечается лишь, что «исполнительная власть осуществляется кабинетом» (ст. 65) [1].

Парламент и кабинет министров обладают равными правами в отношении законодательной инициативы. Премьер министр «выдвигается резолюцией парламента из числа членов парламента», т.е. главой исполнительной власти автоматически становится лидер большинства (партии или коалиции) в высшем законодательном органе (ст. 67) [1]. Кабинет при осуществлении исполнительной власти несет коллективную ответственность перед парламентом (ст. 66) [1]. Для сравнения укажем, что, в соответствии с законодательством эпохи Мэйдзи, вся вертикаль исполнительной власти подчинялась и несла ответственность перед императором.

В то же время исполнительная власть обладает по конституции рычагами контроля над парламентом. Кабинет наделен правом роспуска и созыва палаты представителей, играющей главную роль в работе парламента (ст. 54) [1]. «Кабинет может принимать решения о созыве чрезвычайных сессий парламента» (ст. 53) [1]; в случае вынесения вотума недоверия правительству кабинет, а фактически премьер-министр, может принять решение распустить палату представителей и назначить новые выборы, если решит не уходить в отставку (ст. 69) [1]. Нужно отметить, что история политической власти в послевоенной Японии – это история борьбы партий за

превосходящее присутствие как в законодательной, так и в исполнительной ветвях власти, поскольку только в этом случае партии могут в наибольшей степени использовать свои политические полномочия.

Что касается судебной власти, то она в довоенной Японии формально возглавлялась императором, однако, фактически была придатком исполнительной власти, контролировавшей ее через министерство юстиции. По конституции 1947 г. судебная власть стала независимой и равноправной с законодательной и исполнительной. Вся полнота судебной власти принадлежит Верховному суду (ст.76) [1], члены которого назначаются кабинетом. Прерогативой Верховного суда считается осуществление конституционного надзора. В его полномочия входит решение вопросов, связанных с конституционностью любого закона, приказа, предписания или другого официального акта (ст. 81) [1]. Это дает судебной власти определенную возможность контролировать и парламент, и правительство, однако, на практике три ветви власти выступают заодно и проводят по существу единую политику.

Итак, принцип разделения властей в современной Японии исключает верховенство или преобладание какой-то одной из ветвей власти. Таким образом, он является основой и обеспечивает работу демократического механизма власти в стране.

Литература

1. Конституция Японии (3 мая 1947 г.) URL: <https://www.rulit.me/books/konstituciya-yaponii-ot-3-maya-1947-goda-read-121918-1.html> (дата обращения: 17.02.2020).

Смирнов Д.А.

Особенности политической ситуации на Тайване

11 января с.г. одновременно прошли выборы президента Китайской Республики на Тайване и Законодательного Юаня, на которых Демократическая прогрессивная партия (ДПП) одержала победу, президентом вновь была выбрана лидер партии Цай Инвэнь, а в парламенте её представители получили 61 место из 113. При этом ДПП удалось одновременно поставить под свой контроль крупнейшие города Южного и Центрального Тайваня – Гаосюн, Тайнань и Тайчжун.

Причины поражения партии Гоминьдан (ГМД), получившей на выборах 38 голосов – фракционность и проблема возраста основной массы её членов (в среднем 60 лет). Во многих семьях родители голосовали за ГМД, дети – за ДПП. ГМД вынуждена идти по пути омоложения и реформ.

Очевидным фактором на прошедших выборах стали и малые партии, получившие совсем незначительное число голосов, но, тем не менее, их представители вошли в состав парламента.

Среди основных причин победы ДПП – ставка на молодежь (средний возраст членов партии – 40 лет), за лидера ДПП Цай Инвэнь проголосовали 72% избирателей в возрасте до 40 лет и более 60% выпускников вузов. Поддержка так называемого среднего класса и значительного числа беспартийных.

Важнейшим фактором, повлиявшим на настроения молодежи, стали события в Гонконге летом-осенью 2019 года. Характер, масштаб и ход этих событий, временами перераставших в ожесточённые столкновения молодежи с полицией, резко усилил опасения многих тайваньцев, особенно молодых, в отношении проводимого Пекином курса «одно государство – два строя», нацеленного, в конечном счёте, на переход Тайваня под суверенитет КНР. В этом смысле выигрышным для ДПП является проводимый ею курс на развитие собственной специфической модели демократии на острове, противопоставляемой однопартийному правлению КПК в материковом Китае.

Сразу после победы на выборах лидеры ДПП выступили с весьма резкими заявлениями по поводу неприемлемости для Тайваня принятого КПК курса на объединение обоих берегов Тайваньского пролива по формуле «одно государство – два строя» и в «защиту суверенитета» острова, что немедленно вызвало соответствующий ответ Пекина, в принципе отрицающего какой бы то ни было суверенитет Тайваня. Положение обостряется и тем, что после выборов представители ряда стран, включая официальных лиц США, Японии, Франции выступили с позитивными заявлениями о выборах на Тайване, вызвавшими возмущение в Пекине нарушением принципа «одного Китая».

Таким образом, ситуация на острове складывается не в пользу проводившейся Гоминьданом линии на сближение с материковым Китаем, на что, кстати, отрицательно может повлиять и эпидемия коронавируса в Китае и её ближайшие и долговременные глобальные

экономические и политические последствия. Этому способствует и устойчивая тенденция к укреплению тайваньской идентичности среди молодого и среднего поколений тайваньцев, а также протайваньская политика нынешней американской администрации.

Вместе с тем, правительству Цай Инвэнь придётся так или иначе выстраивать взаимные отношения с материковым Китаем как во избежание мер силового принуждения к объединению со стороны Пекина, так и в силу того, что огромные тайваньские инвестиции были за годы реформ в КНР уже вложены в её экономику, не говоря уже об угрозе потери гигантского китайского рынка, что затрагивает интересы тайваньского бизнеса и значительной части занятых.

Стремовская А.Л.

Особенности израильского стиля ведения переговоров

Израильский стиль ведения переговоров во многом определяется национальной принадлежностью граждан и происхождением репатриантов. Как пишет Л. Кац, стиль общения израильтян-евреев – чрезвычайно прямолинейный. В случае несогласия они могут прямо сказать: «Нет» и, в целом, они предпочитают откровенные высказывания (Katz, 2011). При этом «израильтяне-арабы могут быть менее прямолинейными» (Katz, 2011). Если «они говорят: «Да», это может ... означать «Возможно»» (Katz, 2011). Кроме того, «высказывания с двойственным смыслом, такие как ... «Мы подумаем об этом» могут означать «Нет»» (Katz, 2011). В целом, как отмечает Кац, в Израиле можно наблюдать разнообразные стили общения (Katz, 2011).

Согласно Кацу, иерархии не являются очень значимыми «в израильских компаниях» и это проявляется и на переговорах (Katz, 2011). Помимо этого, в Израиле уважение к человеку «зависит, главным образом, от его ... достижений или образования» (Katz, 2011). При этом «статус и возраст менее важны» (Katz, 2011).

В свою очередь, О. Лотман отмечает, что «в Израиле люди привыкли к дебатам и открытому несогласию, которые рассматриваются как позитивная вовлеченность, даже если это не выражается в спокойной манере» (Lautman, 2018). В израильской культуре приветствуется «обсуждение и высказывание ... личного мнения» (Lautman, 2018). Вопрос «Почему?» задается довольно часто (Lautman, 2018).

Как пишет Лотман, для израильтян характерна активная жестикуляция (Lautman, 2018). Кроме того, в общении с израильтянами нужно также учитывать, что «в иврите только 45 тысяч слов, из которых довольно большой процент может быть проинтерпретирован по-разному в зависимости от» контекста «и интонации» (Lautman, 2018).

Стилю общения израильтян также присуща неформальность. Так, «например, на предварительных встречах израильтяне могут легко задать ... вопросы о ... личной жизни» (Lautman, 2018). Для израильтян допустимо использование кличек в общении. Как известно, даже у премьер-министра Израиля Биньямина Нетаньяху есть кличка Биби (Lautman, 2018).

По мнению Е.Г. Кутового, «для современного израильского переговорного стиля характерно тесное смешение западных и восточных особенностей ведения международных переговоров» (Кутовой, 2016. С. 296). Кутовой отмечает сложность выделения единой модели переговоров «в общем контексте израильской дипломатической деятельности», «поскольку существует несколько форматов, которыми оперирует дипломатия страны» (Кутовой, 2016. С. 296 – 297). К этим форматам относятся: «официальные переговоры с участием первых лиц Израиля и других государств», «секретные переговоры» и «переговоры, которые ведутся дипломатическими представительствами Израиля с аналогичными структурами других государств» (Кутовой, 2016. С. 297).

Кутовой также называет отличительные черты израильского стиля ведения переговоров, выделенные российским послом А.Е. Бовиным, работавшим «в Израиле в 90-е годы прошлого столетия» (Кутовой, 2016. С. 297). Среди них: «расхождения во мнениях, склонность к спорам, противоречивость во взглядах» (Кутовой, 2016. С. 297).

Говоря о темпе ведения переговоров, Л. Кац отмечает, что переговоры в Израиле обычно проходят медленно. «И, хотя само принятие решений может быть быстрым», на обмен информацией и торг может уйти гораздо больше времени, чем изначально предполагалось (Katz, 2011).

В заключение, следует отметить, что невозможно выделить единый стиль ведения переговоров израильтян. В зависимости от этнической группы и страны исхода репатриантов стиль будет различаться.

Литература

1. *Кутовой Е.Г.* Международные переговоры на перекрестках цивилизаций. – М.; СПб.: Нестор-История, 2016.
2. *Katz L.* Negotiating International Business: The Negotiator's Reference Guide to 50 Countries Around the World. BookSurge Publishing, 2011. Kindle Edition.
3. *Lautman O.* Israeli Business Culture: Building Effective Business Relationships with Israelis. 2018. Revised and Expanded Second Edition. Kindle Edition.

Чой Жае Дук

Возможный сценарий для Корейского полуострова

В настоящий момент РФ вместе со своим стратегическим партнером – Китаем – противостоит США. Растет влияние Китая в Евразии, в экономике этому способствует проект «Один пояс, один путь», главными участниками которого выступают страны СНГ и Центральной Азии, а политическое взаимодействие стран осуществляется через механизмы Шанхайской организации сотрудничества.

На наш взгляд, в отношениях двух стран наступает новый этап, возникает ограничение в стратегическом сотрудничестве двух самых сильных держав Евразии – России и Китая.

Представляется необходимым четырехстороннее сотрудничество Республики Корея, КНДР, США и РФ, а также равноправные отношения с Китаем и Японией, что сделает возможным осуществление плана, направленного на достижение мира и процветание Корейского полуострова, станет возможным экономическое сотрудничество между Севером и Югом.

Трехстороннее сотрудничество с Россией возможно через масштабные проекты прежде всего в сфере строительства сети электропередач, железных дорог нефтепроводов, газопроводов.

Важным направлением сотрудничества является обеспечение безопасности, будет выстроена единая система безопасности Северо-Восточной Азии для постоянного поддержания мира на Корейском полуострове. Но необходимым условием этого плана является снижение влияния Китая на Корейский полуостров, что не даст возможности и Японии активно вмешиваться в корейский вопрос.

Благодаря сохранению влияния США на Корейском полуострове, сдерживание Японии и Китая с их помощью, а также сдерживание КНР с помощью РФ позволят странам региона выстроить взаимоотношения на новом уровне по направлению сотрудничества.

20 июня 2018 г. состоялся первый официальный визит за 11 лет Си Цзиньпина в Северную Корею, где он заявил, что Китай «будет играть активную и конструктивную роль» в корейском вопросе, а также, что «КНР будет оказывать помощь КНДР в решении вопросов, связанных с развитием страны и оправданным стремлением обеспечить свою безопасность». Китайский лидер обещал гарантировать сохранение северокорейского режима. Также обсуждались проблемы экономического взаимодействия. Данное обстоятельство является серьезным фактором в выстраивании отношений Китая со всеми заинтересованными на полуострове. Расширение влияния Китая с помощью Северной Кореи будет восприниматься как угроза для пятисторонних отношений Севера, Юга, США, Японии и России.

Росту влияния Китая могут противостоять США и Россия, в противном случае это делают США, используя Японию. Это станет фактором, сдерживающим формирование мира на Корейском полуострове и в Север-Восточной Азии.

Таким образом, сотрудничество Юга, Севера, США и России представляется наилучшим сценарием для стабильной мирной обстановки на Корейском полуострове.

Наилучший сценарий для Корейского полуострова видится в сотрудничестве Республики Корея, КНДР, США и РФ. Если Америка восстановит отношения с Россией для того, чтобы одержать верх над КНР, то тогда российско-китайское сотрудничество ослабнет.

Абы Шореш

Мирный процесс как позитивный политический опыт в северном Курдистане (на примере мирного переговорного процесса 2012–2015 г.)

Политические события существенно изменили карту Ближнего Востока. В связи с проводимыми политическими реформами уклад жизни курдских общин разрушался на протяжении длительного периода времени.

Установление новых границ происходило без учёта этнических, религиозных, родоплеменных и лингвистических факторов. На данный момент под Курдистаном понимают не самостоятельную политическую единицу, а отдельные регионы, населённые курдами. В каждой из стран курдское этническое население вовлекалось в политическую систему, созданную новым правительством. Курдский народ подвергался дискриминации, геноциду с целью подавления национальной идентичности, что считается одним из факторов, провоцирующих нестабильную политическую ситуацию на Ближнем Востоке.

На сегодняшний день под «курдским вопросом» чаще понимают именно национально-освободительное движение курдов. Однако «курдский вопрос» представляет собой сложную комплексную политическую и историко-культурную проблему, стержнем которой является стремление курдов несмотря на сложную военно-политическую ситуацию сохранить национальную культуру, язык, древние традиции, обычаи и возродить национальное самосознание.

В основе курдской борьбы заложена идея противостояния искоренению самого народа, а не разделение территорий в попытке создания новых границ на Ближнем Востоке. К примеру, в период сирийского кризиса на территориях, подконтрольных курдским силам, в отличие от других регионов были отмечены самые минимальные человеческие потери и разрушение населённых пунктов.

На современном этапе «курдский вопрос» выгодно «политизировать», искусственно превращая освободительную борьбу нации в отстаивание политических амбиций отдельных личностей, партий, организаций и пр. Происходит подмена понятий: война целого народа за право сохранить национально-культурную идентичность выдаётся за агрессивные попытки реализовать политические амбиции, разделяя власть, территории и ресурсы.

В данном контексте противостояние курдов легко облачить в любую из форм, например, классифицировав, как терроризм или дестабилизирующий фактор в регионе...и действовать, исходя из «написанных самолично» реалий.

В курдском обществе существует ряд сформированных проблем, имеющих глубокие исторические корни. Их решение затрудняется нарастающим отдалением курдов друг от друга и – от курдской идентичности.

Особую роль в этом вопросе играет турецкая республика, в пределах которой проживает большая часть курдов как коренного населения. Период с 1925 по 1945 гг. характеризуется большой потерей национальной идентичности курдами, произошло сохранение нации лишь на уровне физического существования. Такое положение сохранялось вплоть до 1970-х годов.

С момента появления турецкого государства стремление курдов к защите своей культуры, языка и выражению национальной идентичности стало определяющим в процессе противостояния режимам. Попытки создать унитарное государство привели к возникновению этнических и религиозных конфликтов, вышедших за границы самой Турции.

Курдская проблема в Турции за 100 лет своего существования унесла сотни тысяч жизней, лишь за последние 40 лет в результате вооруженного конфликта погибло около 50 тысяч человек.

В период с 2013 до 2015 гг. между турецким правительством и курдскими политическими и военными силами было реализовано перемирие, так называемый «мирный процесс», в период которого почти не было вооруженных конфликтов, а потери и расходы на войну существенно уменьшились, экономика стала расти, ситуация в стране стабилизировалась. В этот период отмечаются и хорошие отношения с соседними регионами. Все это дает основания считать, что данный период в политической истории Турции можно охарактеризовать как положительный опыт внутренней и внешней политики. У обеих сторон появился шанс решить курдский вопрос мирным, дипломатическим путем, это короткое время подтверждает, что курдский фактор и решение вопроса могут играть роль стабилизирующего фактора.

Мирный процесс в Турции был использован курдским обществом для реализации множества социально-образовательных проектов и оказал благоприятное влияние на социально-культурную сферу курдского общества. Расширяется издание книг на курдском языке, начинает работу первое курдское телевидение «Мед», открываются культурные центры, языковые институты и т.п.

Существенные перемены происходят и в образовательной сфере, что особенно важно. В период «мирного процесса» были открыты 14 начальных курдских школ (до 5 класса), 125 курсов курдского языка и десятки языковых учреждений, в которых подготовили учителей курдского языка.

В этот стабильный период курды усердно стремились возродить и развивать свой язык и культуру, что, на наш взгляд, доказывает стремление курдского народа жить без войны. На протяжении всей своей истории курдский народ мирно сосуществовал с различными этносами в составе многих империй.

Опыт «мирного процесса» свидетельствует о том, что урегулирование курдского вопроса возможно средствами дипломатического взаимодействия. Курды не стремятся быть втянутыми в военные конфликты, но готовы отстаивать право на свое национальное самосохранение.

Следует отметить, что курдский фактор на различных этапах исторического развития представляет собой противоречивый процесс и комплекс проблем по защите курдских национальных интересов, что находит выражение в борьбе курдского народа за обеспечение его прав и свобод в системе международных отношений в регионе.

Самусева О.А.

Политический аспект социального рейтинга в китайском обществе

Следует вспомнить, что еще в Древнем Китае существовала специальная система оценивания и ранжирования чиновников и военных. Так, сочинение государственного деятеля Лю Шао «Учение о человеческом существе» относится примерно к 240 г. н.э. и посвящена специальной методике ранжирования и оценки чиновников и военных.

В современном Китае наблюдается возвращение к традиции ранжирования и оценивания. Так, в 2013 г. министерство трудовых ресурсов и социального обеспечения КНР выдвинуло программу строительства «системы социального кредита (рейтинга доверия)» в Китае. Эта система «является важной частью социалистической рыночной экономики и социалистического управления». Её публичный облик тесно связан с концепцией «научного развития и построения гармоничного общества», выдвинутой Ху Цзиньтао ещё в 2003 г. на третьем пленуме XVI съезда КПК. Система социального кредита является централизованной, не только объединяющей информацию о предыдущей кредитной истории, но и определяющей степень добросовестности гражданина.

Как следствие, Государственный совет КНР 14 июля 2014 г. опубликовал «Извещение о плане создания системы социального кредита (рейтинга доверия)» (国务院关于印发社会信用体系建设规划纲要的通知). Внедрение программы планируется в 2014–2020 гг. Главной ее целью выступает установление атмосферы доверия в сфере государственных, экономических, социальных и юридических отношений, а также создание централизованной системы объективной оценки гражданина.

В соответствии с вышеуказанным документом система социального кредита (рейтинга доверия) сосредоточена на четырех направлениях:

- судебная достоверность (контроль со стороны судебных и правоохранительных органов);
- коммерческая целостность (контроль над предпринимательской деятельностью);
- честность в государственных делах (контроль над государственной службой в стране);
- общественная целостность (общественный контроль).

В период с 2014 г. по настоящее время в эту систему помещена информация о 70% граждан Китая.

Самым популярным поводом для снижения рейтинга и перевода в «опасную зону» служат неуплата коммунальных услуг и просроченные кредиты. Существенной мерой воздействия остается отказ в предоставлении люксовых номеров отелей, более распространенными – отказ в продаже авиабилетов и билетов на высокоскоростные поезда, а также отказ в продаже высокоскоростного интернета.

Граждане с высоким социальным рейтингом получают доступ к определенным благам, например:

- меньшие процентные ставки по кредитам;
- приоритет при приеме на работу в государственные учреждения;
- квоты при получении социального жилья;
- различного рода скидки и льготы и т.д.

К гражданам с более низким социальным рейтингом, напротив, будут применяться различные меры наказания: запрет на работу в государственных учреждениях; отказ в социальном обеспечении; особо тщательный досмотр на таможне; запрет на занятие руководящих должностей в пищевой и фармацевтической промышленности;

отказ в люксовых гостиничных номерах и ресторанах; запрет на обучение детей в частных школах; ограничение доступной скорости интернета и т.д.

Программа предусматривает, что в 2020 г. не только каждая компания, но и каждый гражданин материкового Китая будет отслеживаться и оцениваться этой системой в режиме реального времени. Рейтинг доверия физически лиц будет привязан к удостоверению личности (身份证). Рейтинги будут публиковаться в централизованной базе данных в свободном доступе в интернете.

Ведомства, которые включены в программу: Министерство общественной безопасности КНР, Министерство коммерции КНР, Национальное бюро планирования КНР, Народный банк КНР, Главное таможенное управление КНР, Государственное налоговое управление КНР, Главное управление промышленности и торговли КНР, Комиссия по регулированию банковской деятельности КНР, Комиссия по сертификации КНР. В связи с этим можно сделать вывод о том, что данная программа напрямую связана с правоохранительной деятельностью, так как большая часть информации предоставляется правоохранительными органами. Разрозненная информация о жизни и деятельности гражданина поступает из муниципальных, коммерческих, правоохранительных, судебных органов в единый информационный центр, где обрабатывается с помощью технологии big data, и рейтинг гражданина соответственно повышается или снижается. Единый информационный центр анализирует около 160 тысяч различных параметров из 142 учреждений.

Таким образом, рассмотрев существующие нормативные документы Китая по данной системе, следует уточнить, что пока недостаточно исследован политический аспект нововведения.

Хазели Реза

Современные проблемы международной трудовой миграции

Международная трудовая миграция стала неотъемлемой частью политического и экономического развития современных государств. Уже со второй половины XX века трудовая миграция начинает

играть все большую роль в мире, по сравнению, например, с периодом индустриализации, когда преобладали перемещения на постоянное жительство в основном в традиционные страны-реципиенты (США, Австралия, Канада, Новая Зеландия). Сегодня в миграционный трудовой обмен вовлечены практически все страны. Можно утверждать, что общая численность международных мигрантов увеличивается год от года ускоренными темпами, а характер и направление потоков в различных регионах мира значительно меняются.

Так, к концу XX века вследствие международной миграции населения к традиционным центрам притяжения мигрантов США, Канады и Австралии добавились новые мировые рынки трудовых ресурсов. Это страны Западной Европы, Азиатско-Тихоокеанского региона, нефтедобывающие страны Ближнего Востока, Аргентина и Венесуэла в Латинской Америке, а также наиболее богатые африканские государства. Так, по оценкам ООН, в 2005 г. число международных мигрантов – лиц, проживающих за пределами стран происхождения, достигло в мире 191 млн., увеличившись с 1960 г. более чем в 2,5 раза. За минувшие почти полвека доля пришлых жителей более развитых регионов мира в их общей численности на планете возросла с 43 до 61%, а их удельный вес в населении этих регионов повысился с 3,4 до 9,5%. Приблизительно одна пятая этого роста – результат преобразования внутренних мигрантов в международных мигрантов, посредством распада государств, таких как СССР, Югославия, Чехословакия [1]. Современная Россия играет роль страны-донора, поставляющей трудовые ресурсы на рынки принимающих стран, но по отношению к странам СНГ и некоторым соседним Азиатским странам Россия – это страна-импортер труда, то есть принимающая страна. Географическое положение России также делает ее удобной для транзита из стран Азии в Европу.

Среди всего многообразия миграционных потоков, ведущее место на сегодняшний момент занимает миграция по экономическим причинам. Общее количество трудовых мигрантов в мире оценить достаточно трудно, однако по самым приблизительным оценкам, проведенным МОТ, оно варьируется от 36 до 42 миллионов человек.

Можно выделить страны и регионы, являющиеся сегодня точками притяжения мигрантов из других стран – США и другие страны «переселенческого капитализма». Будучи наиболее экономически развитой страной современного мира, США являются основным

полусом притяжения как низкоквалифицированных, так и высококвалифицированных работников. Каждый год туда приезжает больше иммигрантов, чем во все остальные страны вместе взятые. Основные потоки низкоквалифицированных работников направляются в США из близлежащих латиноамериканских стран – Мексики, стран Карибского бассейна. Высококвалифицированные работники иммигрируют в США практически из всех стран мира. В США проживают около 35 миллионов мигрантов.

В другие страны так называемого переселенческого капитализма (Канада, Австралия, Израиль) также направляются внушительные потоки мигрантов. Так, в Израиле доля мигрантов составляет 37%. Помимо расширения географии экономической миграции, усложнилась и ее структура.

Литература

1. World Migrant Stock: The 2005 Revision Population Database. URL: <https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/data/estimates2/index.asp> (дата обращения: 15.02.2020).

Лян Цзячу

Перспективы взаимодействия РФ и КНР в космической сфере на современном этапе

Китай и Россия продолжают развивать функциональные отношения. Столкнувшись с внутренними вызовами и внешним давлением, укрепляется общая заинтересованность в поддержке принципов невмешательства во внутренние дела и сохранение государственного суверенитета, а также общим целям сохранения условий для мирного и стабильного развития.

В космической сфере развивается собственный сценарий отношений двух государств. Однако, учитывая текущую атмосферу в отношениях между двумя странами и принимая во внимание соглашения относительно дальнейших планов двух стран по развитию исследований космоса, можно сделать вывод, что в данной сфере наиболее вероятным является сотрудничество. Приведем несколько фактов, доказывающих данную точку зрения.

Руководители и исследователи из России и Китая периодически проводят встречи, в ходе которых обмениваются информацией об освоении космоса и определяют ход действий, необходимых для совместного решения проблем освоения космоса. Например, 18 июля 2019 года состоялось 20-е заседание Подкомиссии по сотрудничеству в области космоса Российско-Китайской Комиссии по подготовке регулярных встреч глав правительств. Были подведены итоги работы за год по основным направлениям российско-китайского сотрудничества в области космоса – исследование Луны и дальнего космоса, сотрудничество в области электронной компонентной базы космического назначения, дистанционное зондирование Земли, ракетных двигателей и ракет-носителей, низкоорбитальных систем спутниковой связи³. Была обновлена Программа сотрудничества в области космической деятельности между Роскосмосом и Китайской национальной космической администрацией (КНКА) на 2018–2022 годы.

Программа сотрудничества в области космоса на 2018–2022 (ноябрь 2017 г.) Госкорпорация «Роскосмос» – КНКА включает 6 разделов: изучение Луны и дальнего космоса; космическая наука и связанные с ней технологии; спутники и их применение; элементная база и материалы; сотрудничество в области данных ДЗЗ; другие темы⁴. Для реализации проектов в рамках указанной программы были созданы рабочие подгруппы по сотрудничеству в следующих областях: Луна и дальний космос, ракетные двигатели и ракеты-носители, ЭКБ космического назначения, дистанционное зондирование Земли, низкоорбитальные системы спутниковой связи.

5 июня 2019 года было сделано совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о развитии отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху, которое также включает планы о дальнейшем сотрудничестве в космической сфере. Документ, в частности, содержит следующие пункты, касающиеся сотрудничества в космической сфере: 1. страны намерены расширять и углублять долгосрочное взаимовыгодное сотрудничество в области космоса на основе реализации Программы российско-китайского сотрудничества в области космоса на 2018–2022 годы, включая взаимодействие

³ <https://www.roscosmos.ru/26576/>

⁴ <http://www.kremlin.ru/supplement/5413>

в таких значимых областях, как ракеты-носители и ракетные двигатели, исследование Луны и дальнего космоса, дистанционное зондирование Земли, электронная компонентная база космического назначения, мониторинг космического мусора, низкоорбитальная система спутниковой связи; 2. страны в соответствии с данным Соглашением обязуются прилагать совместные усилия в целях предотвращения гонки вооружений в космическом пространстве и превращения его в арену военной конфронтации.

Таким образом, подтверждается запрет на размещение в космосе оружия любого вида, что способствует недопущению возникновения серьезной угрозы международному миру и безопасности.

В современных условиях развитие отношений между Россией и Китаем в космической сфере возможно по четырем сценариям. Согласно первому сценарию, страны будут осуществлять открытое соперничество. Данный сценарий является допустимым с исторической точки зрения. По второму, между странами возникнет военный альянс, Россия и Китай объединят свои усилия для того, чтобы противостоять западным странам. Третий сценарий предполагает сдерживаемые отношения. По оценкам экспертов, наиболее вероятным сценарием развития отношений является стратегическое выравнивание.

Как показывает анализ политической атмосферы и соглашений, заключаемых между странами в области космического освоения, между странами существует ряд совместных проектов в космической сфере, благодаря которым страны будут развивать сотрудничество. В целом, Китай и Россия демонстрируют успешное развитие сотрудничества в области космической деятельности двух стран, что позволяет сделать прогноз дальнейшего динамичного и плодотворного развития.

Экономика стран Азии и Африки

Мельянцев В.А.

В какой мере развитие отставших стран догоняющее и устойчивое?

1. Осуществить по плану ООН в группе отставших (развивающихся) стран (РС) в сжатые сроки и догоняющее и устойчивое развитие – амбициозная и сложная сверхзадача.

2. По нашим расчетам, страны Востока и Юга тысячу лет назад в целом превосходя западные сообщества по *подушевому ВВП* (ПВВП) и *индексу человеческого развития* (ИЧР), как минимум, в 1,5–2 раза, к концу прошлого столетия отстали от последних соответственно в 6,5 и 3 раза. При этом *коэффициент вариации в ПВВП* по 180 странам мира в 1980–2000 гг. вырос на 1/10 до 135%, что, по принятым критериям, *вчетверо выше порога приемлемой дифференциации*.

3. К началу 2020-х гг., прежде всего в результате экономического рывка Китая и торможения роста ПВВП в развитых государствах (РГ), разрыв между РГ и РС по первым двум из вышеупомянутых индикаторов уменьшился до 4-х и 2-х раз, а третий индикатор снизился на 1/5 до 108%.

4. Однако, если по Китаю ПВВП к уровню РГ в 1980–2019 гг. вырос в 5 раз до 2/5, то в целом по другим РС (ДРС) показатель не изменился (1/5 от РГ).

5. Если в целом в ДРС в 1980–2019 гг. *среднегодовой темп прироста (СГТП) совокупной факторной производительности* (СФП, 0,7–0,8%) на 1/3 уступал РГ (1,1%), то в Китае он был (1,9%) ~ на 3/4 выше, чем у РГ. По ДРС *уровень СФП* к РГ снизился с 35 до 30%, в Китае вырос – с 14 до 36%, а в среднем по РС не изменился (32% от РГ).

6. Но вследствие того, что *доля СФП в приросте ВВП* в Китае ~ 1/4, ее вклад в сокращение его отставания от РГ по ПВВП невелик ~ 1/8, а вклад наращивания затрат труда и капитала ~ 7/8.

7. Если ДРС в 1980–2019 гг. по ИЧР подтянулись к РГ всего в 1,5 раза до 2/5, то Китай – более чем в 2,5 раза, превысив 1/2 от РГ. По нами рассчитанному *расширенному ИЧР* (среднее геометрическое невзвешенное показателей ПВВП, средней продолжительности предстоящей жизни от рождения, среднего числа лет обучения, технологического и экологического развития, качества основных институтов, равенства распределения доходов, в % от РГ) Индия в 2019 г. приблизилась ~ к 1/3 от РГ, а Китай, превысив 9/10 от РГ, достиг 3/5 от РГ.

8. В то же время экономический прогресс даже успешных из РС обернулся *немалой ценой*. В 2001–2019 гг. *совокупный долг (к ВВП)* по РС вырос более чем на 2/3 (с 130 до 220%), в т.ч. по Китаю – более чем вдвое до 310% (в РГ ~ на 1/4 до 380%). *Доля Китая в приросте задолженности РС* ~ 2/3. В 1980–2010-е гг. в РГ *выброс двуокиси углерода* (ДУ) на душу населения сократился более чем на 1/6, а по РС увеличился ~ вдвое, в т.ч. по Китаю и Индии – более чем в 5 и 4 раза. На две страны пришлось ~ 2/3 прироста мирового выброса ДУ. Они в самом конце списка экологически благополучных (устойчивых) стран мира.

9. В 1980–2010-е гг. в РС *число критически бедных* сократилось втрое до 1/10 их жителей, но *доля бедного населения*, по ряду критериев, все еще достигает 3/5. Во многих РС высока и растет *поляризация их обществ* по доходам и богатству. По данным Credit Suisse, в 2000–2019 гг. в целом по РГ *доля высшего перцентиля их обществ в совокупном богатстве* увеличилась с 27% до 28%, но она сильно – на 1/4 – выросла в бедных и среднедоходных странах (в среднем с 29,4 до 36,8%), оказавшись на треть выше, чем в РГ.

10. Так что говорить об успешном догоняющем, а тем более устойчивом развитии большинства отставших стран мира пока не приходится. Некоторый прогресс в части из них – весьма несбалансированный, осложняется усугублением «старых» и возникновением новых проблем и вызовов.

Расчеты выполнены по материалам международной статистики.

*Тимонина И.Л.***Япония: политика устойчивого развития регионов**

Несмотря на имеющиеся успехи в направлении выравнивания региональных дисбалансов, социально-экономические последствия региональной неравномерности и в XXI веке остаются одной из серьезных проблем экономического развития Японии.

В условиях глубоких качественных перемен в глобальной среде и социально-экономической жизни страны, происходящих в XXI веке, в Японии была разработана Национальная стратегия пространственного развития (2008 г., обновленная версия 2015 г.), где была сформулирована современная концепция территориальной структуры, обозначены цели, приоритеты и направления развития как периферийных районов страны, так и сложившихся мегаполисов.

В Стратегии выделяются три императива, определяющие будущий облик страны: безопасность, экономический рост и активное присутствие в международном сообществе. В Стратегии, как и в других правительственных документах, планах и программах, также декларируется приверженность идеям устойчивого развития. По мнению японского правительства, усилия по достижению Целей устойчивого развития ООН (ЦУР), будут способствовать реализации политики возрождения регионов, организации надлежащего управления природными ресурсами и эффективного использования инфраструктуры на всей территории страны [4, p. 52].

Центральным элементом современной концепции регионального развития является идея создания многослойной «компактной и сетевой территориальной структуры», обеспечивающей поддержание городских функций высокого уровня и международных деловых функций, а также устойчивость к стихийным бедствиям, развитие инновационных экосистем в регионах.

При всем разнообразии планов и стратегий, разрабатываемых на местном уровне, общими направлениями (в том числе и в соответствии с рекомендациями национальной стратегии) является развитие туризма и соответствующей транспортной инфраструктуры, стимулирование производства местных уникальных продуктов и продвижение их за рубеж, создание комфортной жилой среды во всех регионах страны и формирование устойчиво развивающихся городских

территорий (определено 140 таких территорий) [3, p. 80]. По предложениям местных органов власти (префектур и муниципалитетов) правительством было выбрано 29 городов в качестве «городов ЦУР будущего», причем 10 из них должны стать «типовыми проектами» организации местного самоуправления [4, p.52; 2].

Пространственная стратегия также нацелена на корректировку избыточной концентрации населения и экономического потенциала в Токио и укрепление его международного потенциала и конкурентоспособности как ведущего «космополитического» города мира [1]. Таким образом, Национальная пространственная стратегия выражает четкую приверженность согласованию усилий по достижению двух ключевых целей: оживление региональной и сельской экономики и укрепление глобальной конкурентоспособности крупных мегаполисов, особенно городского макрорегиона Токио-Осака-Нагоя.

Литература

1. New National Spatial Strategy (National Plan). Leaflet. <http://www.mlit.go.jp/kokudokeikaku/international/spw/images/NationalPlan2015Leaflet.pdf>
2. New National Spatial Strategy (National Plan) 2015 <http://www.mlit.go.jp/kokudokeikaku/international/spw/images/NationalPlan2015.pdf>
3. OECD Territorial Reviews: JAPAN 2016, p.80 <https://www.oecd.org/japan/oecd-territorial-reviews-japan-2016-9789264250543-en.htm>;
4. White Paper on Land, Infrastructure, Transport and Tourism in Japan 2019 <https://www.mlit.go.jp/en/statistics/white-paper-mlit-2019.html>

*Цветкова Н.Н.***Региональная экономическая интеграция и устойчивое развитие: помощь Евросоюза странам Африки, конец 2010-х гг.**

В программах официальной помощи развитию (ОПР) Евросоюза странам Африки, Карибского бассейна и Океании (АКТ) с 2017 г. декларируется, что эта помощь соответствует целям устойчивого развития (ЦУР), провозглашенным ООН в 2015 г. Страны Африки южнее Сахары являются ассоциированными членами Евросоюза, их связывают с Евросоюзом особые отношения, практически с момента создания Общего рынка в 1957 г. В настоящее время в соглашении

об ассоциации с ЕС участвуют 79 стран АКТ, в том числе 48 стран Африки южнее Сахары. Странам АКТ, ассоциированным членам ЕС, предоставляется помощь, преференциальный доступ на рынки ЕС.

В 2017 г. ОПР Евросоюза (в число ее получателей входят не только страны АКТ, но и другие развивающиеся страны) достигла 75,7 млрд евро: это и многосторонняя помощь Евросоюза на сумму в 14,6 млрд евро, и ОПР отдельных стран ЕС [Introduction, 2018, p. 16]. На страны Африки из общей суммы приходилось 17,3 млрд евро, на страны Азии – 14,1 млрд евро [EU Aid Explorer, 2020]. Помощь странам АКТ оказывается по трем направлениям: помощь отдельным странам; помощь региональным экономическим организациям и регионам, среди которых выделены Центральная Африка, Западная Африка; Восточная, Южная Африка и бассейн Индийского океана, страны Карибского бассейна и Тихого океана; помощь на глобальные цели, общие для всех стран АКТ.

В докладах ЕС показана увязка помощи Евросоюза с конкретными ЦУР, в том числе с целями борьбы с бедностью (ЦУР 1) и с неравномерностью в распределении доходов (ЦУР 10), с голодом (ЦУР 2). ЕС оказал поддержку развертыванию системы всеобщего медицинского страхования в Руанде, которая охватывает 90% населения (ЦУР 3). В результате помощи ЕС число деревень, не имеющих доступа к чистой питьевой воде, в Буркина-Фасо в 2015–2018 гг. сократилось с 360 до 100 (ЦУР 6). ЕС предоставил средства на строительство электростанции на солнечных батареях в Сороти (Уганда) (ЦУР 7) [Budget Support, 2019, p. 8–9; Introduction, 2018, p. 10].

Вместе с тем, объем помощи странам Африки со стороны ЕС невелик, особенно если сравнить его с движением краткосрочных финансовых ресурсов, «горячих денег». Очевидно, что после выхода из ЕС Великобритании этот объем сократится.

Странам АКТ предоставляется преференциальный доступ на рынки ЕС. Однако на торговлю со всеми 79 странами АКТ приходится лишь 5% внешнеторгового оборота Евросоюза (без учета торговли между самими странами ЕС). В расчете на душу населения крупнейшими получателями помощи развитых стран являются отнюдь не беднейшие страны Африки, помощь предоставляется в значительной степени по политическим мотивам.

Литература

1. Budget Support. Trends and results 2019. International Cooperation and Development. – European Commission, 2019. – 71 p.
2. EU Aid Explorer. URL. https://euaidexplorer.ec.europa.eu/content/overview_en дата обращения: 20.02.2020).
3. Introduction à la politique de l'Union européenne en matière de coopération internationale et de développement. – Union européenne, 2018. – 18 p.

Касимовская Е.Н.

Добавленная стоимость и прямые иностранные инвестиции в странах Африки: регионально-структурный анализ

Иностранный капитал в форме портфельных и прямых инвестиций выступает дополнительным источником средств в условиях ограниченности внутренних накоплений. Степень и характер его воздействия на экономику той или иной страны определяются многими факторами и не всегда однозначны. В начале 2000-х годов были обнародованы теория интернализации и олигополистическая модель ПИИ, представлявшие собой попытку увязать элементы микро- и макроокружения с учетом несовершенства как мировых, так и локальных рынков. А фактор локализации, понимаемый как преимущество местонахождения, становится потенциально значимым. При этом разные исследователи трактуют его по-разному. Одним из показателей производительного использования факторов производства в той или иной стране может служить, на наш взгляд, объем добавленной стоимости, создаваемой в основных секторах экономики. Можно предположить, что отрасли, демонстрирующие более высокую производительность, будут потенциально более привлекательными для прямых иностранных вложений. В данном исследовании сделана попытка проверить данное предположение на массиве африканских стран, сгруппированных по региональной классификации ЮНКТАД: 9 стран представляют регион Северной Африки, 19 стран – Восточной Африки, 9 стран относятся к Центральной Африке, 5 стран – к Южной и 17 стран – к Западной Африке. Локационный элемент, таким образом, получает географическую привязку. При всем разнообразии африканских стран анализ исследуемой

взаимосвязи ПИИ, измеренных по чистому притоку инвестиций (net inflow), и добавленной стоимости с учетом отраслевой структуры, возможен либо на страновом уровне – в этом случае можно говорить о феномене, – либо на агрегированном уровне, предполагающем тот или иной принцип группировки стран. Безусловно, такой подход не позволит увидеть специфику исследуемых взаимосвязей в отдельно взятых странах, провести сравнительный ситуационный анализ, однако существенно улучшит характеристики выборки и позволит проверить гипотезу о значимости «локализованной» структуры добавленной стоимости для ПИИ в региональном разрезе. Источником статистической информации послужила электронная база данных ЮНКТАД\UNCTADstat (<https://unctadstat.unctad.org>). Исследовались такие параметры как ВВП, добавленная стоимость (TVA) в абсолютном и относительном выражении, а также ее структура по секторам экономики, ПИИ (по чистому притоку) в международных долларах. Временные ряды указанных показателей охватывают период с 1970 по 2018 годы. Для анализа данных использовались дисперсионный и регрессионный анализ с использованием таких дополнительных тестов, как показатель внутренней согласованности характеристик модели Cronbach's alpha, критерий достоверно значимой разности Тьюки-Крамера, фактор инфляции дисперсии (VIF) и др. Проведенные исследования показали, что в рассматриваемый период наблюдалась статистически значимая связь между показателем ВВП и показателем чистого притока ПИИ во всех выше указанных регионах африканского континента. Причем, «чувствительность» ВВП к ПИИ ожидаемо оказалась выше в регионах Южной и Западной Африки. Самое низкое значение этого параметра отмечено в регионе Центральной Африки: соотношение прироста ВВП к приросту ПИИ составляет всего 8.6 против 31.4 для Западной Африки. При этом дисперсионный анализ регионально агрегированных данных по добавленной стоимости и по ПИИ принес довольно противоречивые результаты: при сравнении и чистого притока ПИИ, и показателя общей добавленной стоимости (TVA) в привязке к регионам Африки, была принята альтернативная гипотеза о значимости локационного элемента: при $\alpha=0.05$ для ПИИ $F=2.76$ при $F_{crit}=2.41$, p -значение = 0.028; для TVA значение F -теста составило 13.78 (при $F_{crit} = 2.4$). Однако апостериорный анализ в форме теста Тьюки-Крамера показал, что гипотеза о значимости локационной составляющей для TVA мо-

жет быть принята лишь частично: 5 из десяти попарных региональных сравнений дали статистически значимые расхождения. А что касается ПИИ, то только для одной пары (регионы центральной и южной Африки) p -значение теста Тьюки равно критическому (0.05). Это дает основание отвергнуть принятую ранее гипотезу о значимости локационного элемента для ПИИ. Тем не менее, дальнейший количественный анализ структуры добавленной стоимости с привязкой к регионам показал, в четырех из пяти рассмотренных африканских регионов (кроме южноафриканского) ПИИ по-разному реагируют на отраслевую структуру добавленной стоимости. Причем, если добавленная стоимость в промышленном секторе является статистически значимой переменной для всех регионов, то в странах северной и западной Африки важен размер VA, созданной в сельском хозяйстве, а степень чувствительности ПИИ по этому параметру выше, чем для промышленности. Показатель Cronbach alpha всех региональных моделей принимает значение от 0.81 до 0,87, что говорит о высокой степени согласованности характеристик.

Бочарова Л.С.

Изменение климата и проблема снижения риска бедствий в арабских странах

Глобальное изменение климата является чрезвычайно серьезной проблемой в арабских странах. Регион особенно уязвим к изменению климатических условий из-за его низкого адаптационного потенциала, который возникает в результате повальной бедности, слабых институтов, неэффективного городского планирования, недостаточной инфраструктуры и конфликтов. Согласно данным организации «Международная стратегия ООН по уменьшению последствий стихийных бедствий» (UNISDR) в арабских странах за последние три десятилетия произошло более 270 стихийных катастроф, в результате которых погибло свыше 150 тыс. человек и пострадало около 10 млн. жителей.

Группой арабских экспертов в области климатологии были разработаны среднесрочные и долгосрочные сценарии изменения климатических индикаторов, согласно которым к концу XXI века в изучаемом регионе произойдет повышение температуры воздуха

на 2–4°. Средние значения в районе Персидского залива вырастут с 23,1°C в 2020-х гг. до 25,1°C в 2070-х гг. Между тем, в арабских странах уже отмечен рост числа солнечных дней и снижение дождливых, что приводит к увеличению частоты стихийных бедствий. Данные свидетельствуют о том, что в Иордании участились снежные бури (на них приходится более 27% всех природных бедствий), морозы (16%), засухи (16%) и наводнения (8%). Экономические потери оцениваются в \$29 млн. В Ливане в 1980 – 2013 гг. экстремальные гидрометеорологические условия привели к экономическому ущербу в \$48 млн. 79% из них пришлось на лесные пожары, снежные бури и наводнения. В Палестинской национальной автономии подсчёты потерь от штормов и наводнений составили за тот же период \$10,7 млн. [1, ESCWA, P. 63–64].

Одной из важнейших проблем региона сегодня является деградация земли и опустынивание. В результате усиления этих процессов в период с 2000 г. по 2012 г. произошло сокращение посевных площадей под богарными культурами на 7%, пастбищных угодий на 6,8%, лесных массивов на 0,9%. С изменением климата регион станет более жарким и сухим. Высокие температуры и отсутствие осадков увеличат засухи и снизят продуктивность сельского хозяйства. На фоне растущей хрупкости экосистем это приведет к обострению водной проблемы. В 2014 г. возобновляемые водные ресурсы на одного жителя составляли 650 м³ и были в 4 раза меньше, чем в 1950 г. К 2030 году последствия изменения климата приведут к сокращению возобновляемых водных ресурсов еще на 20%, что скажется на чрезмерной эксплуатации подземных источников и их деградации в результате подтопления морскими водами.

Для решения проблемы воздействия изменения климата на параметры устойчивого развития и снижения риска бедствий был принят ряд арабских региональных инициатив, среди которых «Стратегия уменьшения опасности бедствий в арабских странах (2015–2030 годы)». В ней зафиксированы три взаимодополняющие стратегические цели: а) предотвращение рисков и поиск путей, сводящих их к минимуму; б) разработка и реализация действий по устранению уже существующих; в) повышение устойчивости к рискам, т.е. сведение к минимуму потерь и ущерба в будущем. Их реализация потребует запуска инновационных механизмов сохранения и развития природного потенциала.

Литература

1. ESCWA Water Development Report 7: Climate Change and Disaster Risk Reduction in the Arab Region. United Nations – Beirut. 2017 – 142 P. URL: <https://www.unescwa.org/publications/escwa-water-development-report-7> (дата обращения 20.02.2020).

Ульченко Н.Ю.

К вопросу об экономической эволюции турецкой консервативной буржуазии в период правления Партии справедливости и развития

Правящая в Турции с 2002 г. происламская Партия справедливости и развития (ПСР) представляет интересы той значительной части турецкого общества, которая длительное время пребывала в неясной оппозиции к светским реформам республиканского периода. Таким образом, с приходом к власти ПСР наступил момента реванша для консервативной части общества и определенного ослабления позиций республиканцев-модернизаторов. Но разделение турецкого общества на две приблизительно равные по численности группы создает не столько баланс устойчивости, сколько поддерживает возможность обратного перехода власти к настроенным более светски политическим силам. Тем не менее, бессменное правление ПСР длится уже почти 20 лет. Следовательно, можно предположить, что феномен политического долгожительства партии опирается на определенные механизмы обеспечения устойчивости. Как представляется, важнейшим из них является разделение общества на противников и сторонников ПСР не столько по границам определенных социальных страт, сколько внутри каждой из них, таким образом, что в ПСР имеет значительную опору практически в каждой существующей социальной группе, что и обеспечивает прочность конструкции. В пользу того, что механизм политического конструкта, поддерживающий власть ПСР, выявлен, скорее всего, верно свидетельствует активно протекающий процесс создания лояльной ПСР крупной национальной буржуазии.

Альянс власти и поддерживаемых ею крупных предпринимателей является одним из важнейших элементов экономического и политического устройства Турецкой Республики в послевоенный период. ПСР пришла к власти как партия мелких и средних анатолийских предпринимателей, меж тем как крупный капитал западной части

страны традиционно поддерживал правоцентристские *светские* (курсив Н.У) партии и не скрывал неприятия ПСР в качестве партии власти. Но установление тесного взаимодействия с крупным национальным капиталом занимало важное место в долгосрочных стратегических планах новой власти. В итоге его удалось обеспечить двумя путями. Во-первых, завоеванием частичной лояльности «старого» крупного капитала. И, во-вторых, что более важно, активными усилиями по созданию «нового» своего для новой власти крупного капитала. Прежде всего, надлежало выработать методы поддержки лояльного капитала. В число основных вошли приватизация – продажа «партнерским» компаниям объектов государственной промышленной собственности по выгодной цене и передача им на льготных условиях государственных заказов через приспособление системы формально независимых тендеров к целям действующей власти.

Некоторые статистические оценки по выявлению позиций условно исламского бизнеса в общей совокупности наиболее крупных турецких компаний, а именно среди пятисот наиболее крупных компаний страны по версии Стамбульской торговой палаты позволили установить, что политика взращивания, точнее, выращивания до более крупной лояльной правящей ПСР буржуазии дает свои результаты. Их оценка позволяет согласиться с мнением А.Бугры и О. Савашкана о том, что «в XXI в. мы стали свидетелями появления нового типа политически созданных бизнес-акторов, которые наслаждаются благами, происходящими от новых механизмов государственного вмешательства» [Buğra A., Savaşkan O., 2014. P.19].

Литература

1. *Buğra A., Savaşkan O.* New Capitalism in Turkey. The Relationship between Politics Religion and Business. – Cheltenham: Edward Elgar Publishing Limited, 2014. – 208 p.

Бойцов В.В.

Экономический рост в Индонезии. Основные итоги и факторы (1970 – 2018 гг.)

Индонезия – одна из крупнейших экономик мира и вторая по объему производства в Юго-Восточной Азии. Ее отличают высокие темпы экономического роста, в среднем за период 1970–2018 гг.,

превышающие среднемировые (на 2,3 п.п.) и повышение места в мировом производстве (с 1970 по 2018 гг. с 0,3% до 1,2%). Экономический рост в стране сопровождается структурной перестройкой ее хозяйства и превращением индонезийской экономики из аграрной в индустриально-аграрную.

Основными факторами экономического роста в современной Индонезии остаются экстенсивные составляющие – прежде всего реальные капиталовложения, а также применяемый труд. За период, с 1970 по 2017 гг., их вклад в рост общественного производства заметно увеличился. Если в 1970 – 1975 гг. вклад реальных капиталовложений в рост ВВП составлял там 51%, а применяемого труда – 26%, то в 2015 – 2017 гг. он соответственно повысился до 96% и 50%. Однако, если увеличение вклада в рост производства реальных капиталовложений шло в основном за счет инвестиций в традиционные отрасли хозяйства, то увеличение вклада применяемого труда происходило в равной мере как за счет роста количества труда, так и его качества.

В отличие от экстенсивных составляющих, вклад совокупной производительности в экономический рост Индонезии характеризуется тенденцией к понижению. И хотя производительность труда в этой стране сохраняет тенденцию к увеличению, темпы ее роста существенно замедлились. Снизилась эффективность и новых реальных капиталовложений. Если в 1980 г. предельная фондоотдача составляла 0,55426, то к 2018 г. она сократилась до 0,17607. В технологической структуре реальных капиталовложений по-прежнему очень высока доля их пассивных элементов (в 2017 г. 81%). Несмотря на усиление индустриальной составляющей ведущими отраслями в обрабатывающей промышленности Индонезии остаются традиционные отрасли потребительского назначения и прежде всего пищевая промышленность.

Следствием перемен в экономике страны стало изменение в качестве жизни ее населения. Повысилась продолжительность жизни. Расширился охват лиц, получающих образование всех уровней. Снижился уровень бедности. В результате всех этих и других позитивных перемен индекс человеческого развития в стране увеличивался в стране более быстрыми темпами, чем в мире в целом.

Вместе с тем для хозяйственного и социального развития Индонезии остаются характерными и серьезные проблемы. Не только со-

хранилось, но и увеличилось отставание ее ВВП на душу населения от его среднемировых значений. В товарном экспорте продолжает доминировать низкотехнологичная продукция. Сохраняется преобладание малоквалифицированного труда. Крайней неравномерностью отличается территориальное размещение производительных сил. Остается низким и качество потребления. Растет и неравномерность в распределении доходов. Сопоставление индексов экономического и социального развития позволяет сделать вывод о более успешном продвижении страны по пути экономических преобразований, чем социальных.

Таким образом, для экономического развития современной Индонезии характерно, во-первых, сочетание высоких темпов роста с относительно медленной перестройкой ее отраслевой структуры при опоре на наиболее доступные и «дешевые» факторы роста. И, во-вторых, отставание в модернизации социальной сферы от хозяйственной, что делает перспективу устойчивого социально-экономического развития страны достаточно проблематичной.

Сучкова А.А.

Развитие международного туризма и региональные диспропорции Кейс Танзании

Значение международного туризма для экономики африканских стран постоянно растет. В 2018 г. вклад в ВВП отраслей, связанных с туризмом, составил 8,5%. Вместе с тем развитие туризма, прежде всего экотуризма, может иметь негативные последствия в виде усиления региональных диспропорций.

Эта гипотеза строится на следующих основаниях. Резервация больших территорий под национальные и частные парки и ограничения на виды хозяйственной деятельности вокруг резервируемых территорий может приводить к оттоку населения из регионов. Для поселений с малочисленным населением и небольшой плотностью мало шансов получить достаточное финансирование на строительство и поддержание инфраструктуры. Отсутствие надлежащей транспортной и социальной инфраструктуры консервирует бедность и увеличивает разрыв в доходах между жителями районов, расположенных рядом с парками и другими территориями.

Была предпринята попытка проверить гипотезу на примере Танзании (материковой части). Более 44 % территории Танзании отведено под национальные парки, в том числе в таких областях как Мара, Аруша, Катави, Руква, Кигома, Иринга Маньяра.

Часть рассматриваемых областей имеет показатели бедности выше среднего, рассчитанного для материковой части. Бедность, измеренная многомерным показателем, оказалась больше во всех исследованных областях кроме Иринги (от 50 до 66% населения при 47 % в среднем).

Международный туризм не генерирует в достаточном количестве рабочие места для жителей населенных пунктов, расположенных рядом с национальными парками. Опросы сотрудников туристических лагерей показали, что большинство из них приезжают издалека и работают вахтовым методом. Использование местных продуктов для снабжения продуктами питания туристических объектов затруднительно в связи с их низким качеством.

Транспортная инфраструктура страны плохо развита, дорожная сеть сильно изношена. Основные транспортные проекты направлены не на повышение связанности территории страны, а на улучшение международной транспортной инфраструктуры (аэропортов Дер-эс-Салама и Килиманджаро и Дар-эс-Саламских морских ворот), а также дорог в 8 стратегических городах. Доставка туристов осуществляется силами малой авиации, практически недоступной большинству местных жителей. Деревни вокруг парков не связаны с крупными населенными пунктами. По сообщению работников туристического лагеря в парка Махале Маунтингс (Кигома) жители окружающих деревень не участвуют в выборах, так как не могут добраться до избирательных участков.

Сделать однозначные выводы относительно негативного влияния международного туризма на равномерность развития страны сложно. Хотя городское население страны растет, в том числе и за счет миграции, однако население в сельской местности не сокращается, так как уровень рождаемости в сельской местности составляет 6,1 рождений на одну женщину. Рост социальных расходов и расходов на транспортную инфраструктуру не успевает за ростом населения в сельской местности. При этом туристические компании, получившие разрешения на строительство лагерей в национальных парках, инициируют и реализуют социальные и инфраструктурные проекты для жителей окрестных деревень.

Литература

1. Tanzania Human Development Report 2017. С. 5–11. URL: <http://hdr.undp.org/sites/default/files/thdr2017launch.pdf> (дата обращения: 02.02.2020).
2. Tanzania Transport Infrastructure. URL: <https://www.trade.gov/knowledge-product/tanzania-transport-infrastructure> (дата обращения: 02.02.2020).

Лешакова Н.П.

К 30-летию установления дипломатических отношений между Российской Федерацией и Республикой Корея. Итоги и перспективы сотрудничества

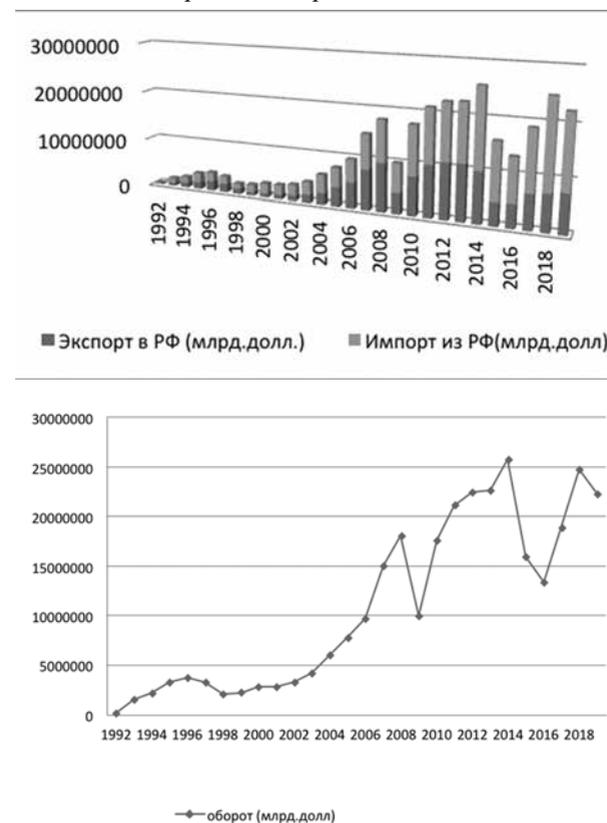
30 сентября 1990 года были установлены дипломатические отношения между Российской Федерацией и Республикой Корея. За последние 30 лет отношения между странами получили значительное развитие, хотя и развивались волнообразно.

Согласно предварительной оценке Министерства экономического развития Российской Федерации за 2019 год, Республика Корея занимает 5 место среди основных торговых партнёров РФ с долей 3,9%. После стремительно падения товарооборота между странами 2014–2016 годы, наметилась положительная тенденция и определенный рост, который специалисты в основном связывают с повышением цен на энергоносители.

Фактически динамику развития отношений можно проследить по деятельности крупных национальных компаний Республики Корея «Чеболей» на территории РФ. Рассматривая деятельность южнокорейских компаний на российском рынке необходимо отметить волнообразность всего процесса развития и расширения компаний. От стремительного выхода на российский рынок в начале 1990-х годов в погоне за сверхприбылью, до снижения присутствия и заморозки большей части проектов в РФ в 1997–1998 года, связанных, прежде всего, с Азиатским финансовым кризисом и дефолтом России. Затем динамичное, но уже более взвешенное наращивание присутствия в РФ в середине 2000-х годов, строительство собственных производств и активная инвестиционная деятельность. Последующее снижение темпов роста и замедление инвестиционной деятельности начиная с 2009 года, обусловленное мировым финансовым кризисом. С 2011 года начинается период восстановления, который замедлился

в 2014 года в связи с введением санкций против РФ. На сегодняшний день торговые отношения между РФ и РК не вышли на ожидаемый уровень стратегического партнерства.

*График 1 и 2.
Торговый оборот РФ и РК.*

Источник: Таможенная служба Республики Корея URL: <http://www.customs.go.kr/kcshome/trade/TradeCountryList.do?layoutMenuNo=21031>

Приход нового президента Республики Корея Мун Чжэ Ина в 2017 году придал новый импульс двустороннему сотрудничеству. Увеличилось не только число двусторонних встреч и визитов на высшем уровне, но и наметились перспективные для стран сферы сотрудничества. Среди основных направлений можно выделить:

Северный морской путь и развитие логистического комплекса на Дальнем Востоке и в Приморском крае, сотрудничество в сфере инноваций (Республика Корея является одной из наиболее инновационных экономик мира). Центральную роль в развитии двусторонних экономических связей играет Российско-Корейская совместная комиссия по экономическому и научно-техническому сотрудничеству, также с корейской стороны по инициативе президента РК был создан «Комитета экономического сотрудничества по северному направлению», который отвечает за развитие сотрудничества с РФ. Сам президент Республики Корея выделяет 9 основных сфер, так называемых «девять мостов сотрудничества»: железная дорога, газ, электроэнергия, строительство портовой инфраструктуры, сельское хозяйство, рыболовство, судостроение, северный морской путь и создание рабочих групп.

Андреев Л.А.

Тенденции развития мировой финансовой системы и их влияние на финансовую систему Исламской Республики Иран

Среди тенденций, характерных для развития современных финансовых институтов можно выделить укрупнение финансово-банковских учреждений, универсализацию их деятельности, информатизацию всех соответствующих услуг, рост теневого банкинга. На фоне этого снижается доля банковских операций в доходах участников рынков и увеличиваются поступления от торговли на финансовых площадках, деятельность финансовых компаний расширяется до глобальных масштабов, вводятся единые стандарты их работы, происходит либерализация национальных финансовых систем и растет значимость субкастодиальных банков.

Из-за стремления иранских властей не предавать огласке имеющееся положение вещей в экономике, судить о наличии или отсутствии этих тенденции в Иране приходится в основном по косвенным показателям, т.к. наиболее свежие статистические данные относятся к 1396 г. по иранскому календарю (март 2017 г. – март 2018 г.) [1], что точно совпадает с введением новых ограничений США в отношении Тегерана.

Укрупнение финансовых организаций в ИРИ на данном этапе не наблюдается. Финансовый рынок Ирана только начал развиваться: несмотря на свой довольно значительный объём, по сравнению с банковской системой фондовый рынок ещё слабо развит. На фоне влияния экзогенных факторов он демонстрирует сильную волатильность и в целом негативную динамику. Уменьшается число зарегистрированных на бирже компаний, их уровень доходности их бумаг находится на уровне ниже инфляции. Наметившиеся в свете ожидавшегося смягчения санкционного режима либерализация и интеграция в мировую финансовую систему не состоялись. Наблюдается тенденция к изоляции и отходу от обязательств страны в части соблюдения международных норм противодействия коррупции и отмыванию денег. Теневой банкинг в том смысле, в котором он развит в странах Запада, в иранских условиях пока отсутствует. В зачаточной стадии находится универсализация функций финансовых организаций. Стандартизация отчетности пока не достигла необходимого уровня. Более системно происходит внедрение требований к достаточности капитала финансовых учреждений.

Развитие интеллектуальной инфраструктуры предоставления финансовых услуг в Иране получило достаточно широкое распространение. Не обошли иранскую финансовую жизнь и технологии блокчейна. Так, в стране имеется собственная криптовалюта «Raymon», работающая на базе платформы Stellar. Особенность Raymon заключается в ее привязке к золоту, что обусловлено исламской сущностью иранской экономики, запрещающей извлечение прибыли из нематериальных объектов. Помимо золота ожидается токенизация и других активов. С ростом доступности Интернета все большее распространение получает интернет-банкинг, услуги которого предлагают почти все кредитные организации Ирана.

Снижение доли банковских операций в доходах финансовых учреждений в иранских условиях происходит достаточно медленно из-за международных и односторонних ограничений [2]. Интернационализация деятельности иранских банков также существенно тормозится действующими санкциями, хотя крупные банки сохраняют свои офисы в наиболее значимых экономических центрах мира.

Литература

1. Центральный банк Ирана // Годовые отчеты. URL: https://www.cbi.ir/simplelist/AnnualReview_en.aspx (дата обращения 21.02.2020).
2. Сайт журнала The Banker. The Banker's Top Islamic Financial Institutions – 2016. URL: <http://www.thebanker.com/Reports/Special-Reports/Top-Islamic-financial-institutions/The-Banker-s-Top-Islamic-Financial-Institutions-2016> (дата обращения: 29.11.2016).

Религии, философия и культура на Востоке

Бочковская А.В.

Нанкана-сахеб: сикхский *тахт* за пределами Индии?

В докладе рассматривается дискуссия в сикхской среде по поводу возможности провозглашения расположенной в Пакистане *гурдвары* Нанкана-сахеб *тахтом* («троном»), т.е. особо значимым местом, где могут издаваться указы-*хукамнама*, исполнение которых обязательно для всех сикхов.

Сегодня в Индии насчитывается пять *тахтов*, в том числе три – в Пенджабе и по одному в Бихаре и Махараштре. Все они являются олицетворением светской власти в сикхизме. Главным среди них является Акал-тахт («Трон Вечного [бога]») в Амритсаре, который был объявлен *тахтом* в 1606 г. при шестом сикхском гуру Харгобинде (1595–1644). История четырех других *тахтов* (Патна-сахеб, Кешгарх-сахеб, Дамдама-сахеб и Хузур-сахеб) связана с жизнью и деяниями последнего сикхского гуру Гобинда Сингха (1666–1708). В Патне (Бихар) он родился и провел детские годы; многие сикхи считают *гурдвару* Патна-сахеб вторым по значимости «троном» – после амритсарского. В Кешгархе/Анандпуре (Пенджаб) в 1699 г. Гобинд Сингх провозгласил создание *халсы* – сикхского вооруженного братства. В 1705 г. в Талванди-Сабо (Пенджаб), как считается, по его указанию была завершена компоновка текста Гуру-грантх; впоследствии там построили *гурдвару* Дамдама-сахеб. В Нандеде (Махараштра) завершился жизненный путь Гобинда Сингха; в 1832–1837 гг. на месте его кремации по приказу пенджабского правителя Ранджита Сингха (пр. 1799–1839) была сооружена *гурдвара*, получившая название Хузур-сахеб.

Первые указы-*хукамна* были изданы гуру Харгобиндом в Амритсаре. Акал-тахт и сегодня остается тем местом, откуда исходят наиболее важные для всей сикхской общины постановления, вынесенные высшими сикхскими авторитетами. Трудно установить, когда *гурдвары* в Патне, Анандпуре и Нандеде получили статус *тахтов*, но именно в таком качестве они упоминаются в разных источниках XVIII–XIX вв. Пятый «трон» появился лишь в 1966 г.: по решению сикхского Комитета по управлению гурдварами *тахтом* была провозглашена *гурдвара* Дамдама-сахеб, а в 1999 г., когда праздновалось 300-летие создания *халсы*, это решение было официально поддержано индийскими властями. Оно было крайне неоднозначно воспринято в сикхской среде.

В 2018 г., в преддверии празднования 550-летия рождения основателя сикхского учения гуру Нанака (1469–1539), президент делейского отделения сикхской партии Акали дал, в прошлом – глава делейского Комитета по управлению гурдварами Парамджит Сингх Сарна выступил с предложением о возведении в статус *тахта* еще одной известнейшей *гурдвары* Нанкана-сахеб, расположенной в месте рождения Нанака. После раздела Индии в 1947 г. эта святыня, как и ряд других знаковых для сикхов мест, оказалась на территории Пакистана, поэтому индийские сикхи не имели и не имеют практически никакого доступа к ней. Как и прочие *гурдвары* в Пакистане, она находится не под контролем сикхской общины страны, а в ведении пакистанского Совета по управлению имуществом переселенцев, и потому ни о какой самостоятельности потенциального «трона» в издании *хукамна* речь идти не может.

Провокационное предложение Сарны положило начало большим дебатам о целесообразности и правомерности принятия такого решения по *гурдваре* Нанкана-сахеб и тем самым дало толчок к новому кругу дискуссии о полномочиях лидеров сикхской общины, а также о практической значимости культовых мест сикхизма. Непрерывающиеся споры являются отражением серьезных разногласий в сикхской общине Индии по ряду принципиальных идеологических вопросов.

Валеев Р.М., Валеева Р.З., Кириллина С.А.,
Мартынов Д.Е., Хайрутдинов Д.Р.

Востоковедение в России и вклад немецких ученых-ориенталистов: Казань – Санкт-Петербург (XVIII–XIX вв.)

История востоковедения, основные направления и тенденции его развития в России и Европе, научное и просветительское наследие российских и немецких востоковедов представляют существенный интерес для источникововедения и историографии российского и зарубежного востоковедения. Особый интерес специалистов вызывают геополитические и социокультурные факторы формирования практического, академического и университетского востоковедения в России и Европе в XVIII – начале XX в. Эта богатая событиями переломная эпоха характеризуется драматическими поворотами в истории отечественной ориенталистики, созданием оригинальной системы образования и научного изучения Востока, объединившей деятельность органов государственной власти, Академии наук, университетов, лицеев, гимназий, духовных центров, научных обществ и крупнейших отечественных востоковедов.

Активизация «восточного» вектора российской политики, начиная с эпохи Петра I, правительственные указы о преподавании восточных языков и приглашении в Россию европейских специалистов и ученых, основание Кунсткамеры (1714 г.) и Академии наук (1725 г.), уникальные академические путешествия в Поволжье, Сибирь и Кавказ (30–70-е годы XVIII в.) стали ключевыми факторами, обусловившими формирование особой отрасли знаний – научного востоковедения. В XIX столетии процесс развития отечественной ориенталистики продолжился на базе университетских и академических центров. Особое место в истории российского и европейского востоковедения, в культуре и науке России занимают его ключевые центры, в том числе Императорские Казанский и Санкт-Петербургский университеты с их богатыми исследовательскими и гуманистическими традициями, значимой ролью и наследием выдающихся отечественных и немецких ученых и преподавателей-практиков.

Начиная с XVIII в. в становлении и развитии российской востоковедной науки важное место заняли ученые немецкого происхождения, такие как Готлиб Зигфрид Байер (1694–1738), Георгий Яков-

левич (Георг Якоб) Кер (1692–1740), Иоганн Иериг (1747–1795), *Генрих Юлий* Клапрот (1783–1835), *Христиан* Данилович (Христиан Мартин) Френ (1782–1851), Борис Андреевич (*Иоганес Альбрехт Бернгардт*) Дорн (1805–1881), *Федор* Иванович (*Фридрих Франц Людвиг*) Эрдман (1793–1863), *Иосиф Федорович* (Йозеф) Готвальд (1813–1897), *Василий* Васильевич (Фридрих Вильгельм) Радлов (1837–1918).

В истории отечественной университетской и академической ориенталистики четко прослеживается взаимодействие идей и концептуальных построений, сформулированных как российскими, так и немецкими учеными, преемственность российских и немецких традиций в области исследований и преподавания. Традиции немецкой ориенталистики сыграли важную роль в развитии науки о Востоке в Российской империи. В XIX – начале XX в. ученые немецкого происхождения внесли весомый вклад в изменение статуса и структуры отечественного востоковедения, способствовали расширению его исследовательской тематики и обогащению палитры его научно-просветительской активности.

Жантиев Д.Р.

Конфликт салафитов и традиционалистов-суфиев в Османской Сирии в конце XIX – начале XX в.

К концу XIX в. носители исламской учености в сирийских провинциях Османской империи все чаще вовлекались в полемику между двумя неравными по численности и степени влияния идейными лагерями: традиционалисты-суфии стремились не допустить роста влияния т.н. «салафитов», призывавших к отказу от слепого следования традиции (*таклид*) и «открытию врат иджтихада» – то есть рациональному переосмыслению исламских правовых норм с опорой непосредственно на Коран и Сунну. Степень неприятия широко распространенных суфийских практик среди алимов-салафитов была различной – от критики крайних проявлений мистических обрядовых практик до аргументированных сомнений в приемлемости основных аспектов суфизма в целом. Наиболее заметным представителем умеренных салафитов был дамаский алим Джамал ад-Дин ал-Касими (1866–1914). Постепенно его популярность и авторитет

в Дамаске стали вызывать подозрения со стороны традиционалистов и османских властей, однако, при отсутствии оппозиционной политической программы обвинения в самостоятельной практике иджтихада не могли служить достаточным основанием для судебного преследования. Тем временем, заочная критика со стороны консервативно настроенных улама в адрес сторонников иджтихада становилась более острой, основанием для чего служили, в частности, публикации в известном журнале «Ал-Манар», издававшемся в Египте под руководством шейха Мухаммада Абдо (1849–1905) и его ученика и последователя Мухаммада Рашида Риды (1865–1935), который пошел гораздо дальше своего учителя в неприятии мистического направления в исламе.

По мнению Мухаммада Рашида Риды и его последователей, распространение эзотерических мистических интерпретаций исторически способствовало ослаблению ислама и разобщенности мусульман. Подобные утверждения, в свою очередь, воспринимались традиционалистами в качестве оскорбления и попытки подрыва как их духовного авторитета, так и позиций османских властей, оказывавших покровительство суфийским братствам. Кульминационным пунктом конфликта двух идейных лагерей в начале XX в. стал приезд Мухаммада Рашида Риды в Дамаск осенью 1908 г. на фоне событий Младотурецкой революции и его выступление с проповедью в мечети Омейядов, вызвавшее гневные протесты и массовые беспорядки [Смилянская, Горбунова, Якушев, 1997, с. 263–266]. Таким образом, религиозно-богословские дискуссии, характерные для исламских интеллектуальных элит Сирии, Египта, а также и ряда других крупных регионов в мусульманском мире для XVIII–XIX вв. [Кириллина, Орлов, 2002, с. 100–107], постепенно политизировались, выходя далеко за пределы научной полемики. Традиционные обвинения критиков суфизма в «ваххабизме» [Жантиев, Орлов, 1997, с. 11–28] и неуважении к османским властям способствовали росту недоверия к идейным концепциям реформаторов и сплочению лагеря сторонников таклида и суфизма.

Литература

1. *Жантиев Д. Р., Орлов В. В.* Судьбы ваххабитского учения в предколониальном арабском мире (на примере сирийской и марокканской региональных моделей) // *Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение.* — 1997. — № 4. — С. 11–28.

2. Кириллина С. А., Орлов В. В. Диалог интеллектуальных элит: марокканские алимь в Османском Египте (XVIII столетие) // *Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение*. — 2002. — № 4. — С. 100–107.
3. Смилянская И. М., Горбунова Н. М., Якушев М. М. Сирия накануне и в период Младотурецкой революции. По материалам консульских донесений – М.: «Индрик», 2015. — 404 с.

Захарьин Б.А.

Сословные, гендерные и возрастные ограничения в системе религиозного воспитания у джайнов

Джайнизм как религия, отрицающая авторитет Вед, не признающая положения о боге-творце и предполагающая вечное существование унылого миропорядка, покоящегося на взаимодействии «живого» (*jīva*) и «неживого» (*ajīva*) и на сменяющихся циклах подъема и падения, утвердился в Индостане в V в. до н.э. В социальном плане это – наиболее пессимистичная из религиозных систем субконтинента, но при этом не лишенная своеобразного прозелитизма. Допуская, что из пребывающих всю жизнь в строжайшей аскезе монахов нирвану обретают лишь избранные одиночки, джайнизм отрицает саму возможность спасения для мирян, но одновременно ведет их последовательную религиозно-пропагандистскую обработку.

В общении с мирянами джайны были терпимы к различиям между своими сторонниками и адептами буддизма или индуизма: теоретически любому мирянину в любое время и на любой срок разрешалось пребывание в джайнском монастыре, но при этом значимыми облигаторно оказывались гендерные, сословные или возрастные характеристики индивидов. Так, в трудах джайнов упоминается о сотнях расположенных в разных районах Индии монастырей для мужчин, но лишь не более, чем о десятке, аналогичных женских центров. Отмечается также, что карьерный лифтинг для монахинь был ограничен в лучшем случае статусом главы местной общины, до высших же иерархических ступеней (позиций *арахата* или *сиддха*) ни одна из монахинь никогда не добиралась. При формальном равенстве новообращенных преимущественное внимание все же в первую очередь уделялось богатым и достаточно образованным брахманкам или кшатрийкам от сорока лет и старше, уже возраставшим детей. В качестве образца для подражания в тексте '*Antagaḍadasāo*' дается

жизнеописание Нанды, которая после долгих лет супружеской жизни с царем Бимбисарой покинула его и повзрослевших детей и ушла в монастырь, расположенный близ Раджагрихи, столицы царства Магадха, где и предавалась в течение следующих 20 лет суровой аскезе и изучению сакральных текстов; с ее кончиной монастырь получил в ее честь название '*Nandā*'.

Аналогичным было и положение в монастырях богатых и знатных мужчин-послушников. Например, в одном из джайнских сочинений на *Ardha-Magadhi* повествуется о царевиче Меха, который еще в младенчестве был отдан родителями в джайнский монастырь, где его окружили максимальной заботой и комфортом. Там он, временно пребывая в статусе монаха, изучал веды и приложения к ним, джайнскую религиозную философию, мифологию, лингвистику, математику и пр. и со временем достиг совершенства во всех 72-х предметных областях, знание которых было обязательным для кшатрия. Другие тексты сообщают, что, несмотря на запреты, высокородные послушники и в монастыре могли заниматься военным делом или физкультурой, а затем, омывшись, умащать свои тела мазями и благовониями.

Жизнь же обычных монахов и монахинь регулировалась строжайшими ограничениями: надлежало выдергивать с корнем волосы на голове при поступлении в монастырь, а в дальнейшем (в секте дигамбаров) ходить только нагим; есть исключительно «нескоромное» и лишь до восхода и после захода солнца; опасаясь навредить мелким живым существам, подметать метелкой путь перед собой, завешивать лицо и пить воду только через цедилку; различными способами истязать плоть; строго блюсти посты, а с приходом немощной старости и вовсе замаривать себя голодом ради скорейшего перехода в следующее, столь же малоперспективное, существование.

Кириллина С.А.

Современная мечеть в фокусе политико-идеологической полемики

Мечеть представляет собой наиболее значимый визуальный символ мусульманской идентичности и мусульманских ценностей. В современную эпоху исторически сформировавшиеся типы мечетей

ощутили воздействие ряда взаимовлияющих факторов как эстетического, так и политико-идеологического характера. С обретением многими странами мира ислама независимости одним из таких факторов стало мощное влияние на облик мечети процессов интернационализации и модернистских веяний [Орлов, 2015, с. 148]. Не последнее место среди факторов, сказывающихся на архитектурном облике мечети, занимают амбиции дизайнеров и архитекторов, а также запросы клиентов, будь то государство и местная администрация, организации и различные институты (например, вакфы, университеты, госпитали и т.п.), а также местные общины и индивидуальные заказчики. С образованием независимых государств в мусульманском мире совпал процесс массированного строительства мечетей за его пределами. С нарастанием потока иммигрантов-мусульман в Европу и США росло их стремление обрести достойное культовое здание в новом месте проживания. Облик мечетей, вписанных в инаковый культурный контекст, определяется рядом обстоятельств, в том числе самоидентификацией и вкусовыми предпочтениями заказчиков, желанием привести культовое здание в соответствие с традициями, носителями которых являются иммигранты, и необходимостью учета принятых в той или иной стране градостроительных нормативов. Среди них особое место занимает реакция местных жителей-немусульман на появление в городском ландшафте сооружения, которое представляет собой зримое свидетельство присутствия исламской общины в доминирующем инорелигиозном окружении [Holod, Khan, 1997, p. 227–253]. Зачастую, еще будучи на стадии проектирования, мечеть попадает в фокус бурных дебатов, участниками которых становятся местная администрация, политики, общественные деятели, верующие, представляющие различные течения и направления ислама, и лица иной конфессиональной принадлежности. Так, инициатива возведения кафедральной мечети в Марселе была заблокирована по причине противодействия со стороны ее противников, воспринимающих этот проект как проявление тяги мусульман к обособлению и утверждению своей религиозной идентичности в светском государстве. Предметом полемики, приобретающей политико-идеологический оттенок, становятся суперавангардные проекты мечетей, которые остаются на бумаге и в макетах во многом из-за неготовности заказчиков принять их нестандартный дизайн. Примером в этом отношении служит судьба «исламской составляющей» творчества

одного из наиболее креативных архитекторов современности, «королевы деконструктивизма» Захи Хадид (1950–2016) [Шукуров, 2014, с. 135–138]. В пределах мира ислама особой критике подвергаются инновационные проекты мечетей, в которых отсутствуют знакомые экстерьерные архитектурные элементы. К их числу относится лишенная минарета и куполов тегеранская мечеть Вали-е Аср. Исламские фундаменталисты усматривают в ее «оскорбительном, утратившем сакральный смысл постмодернистском дизайне» попытку обмирщения здания религиозного назначения и атаку на ислам в целом.

Литература

1. Орлов В. В. Самоотождествление в арабском мире: этническое, конфессиональное, национальное // *Ислам на Ближнем и Среднем Востоке*. – 2015. – № 9. – С. 147–158.
2. Шукуров Ш. М. Архитектура современной мечети: Истоки. – М.: Прогресс-Традиция, 2014. – 117 с.
3. Holod R., Khan H. **The Contemporary Mosque: Architects, Clients, and Designs since the 1950s**. – New York: Rizolli, 1997. – 288 p.

Кобищанов Т.Ю.

Христианская Европа глазами арабо-османских мусульман XVII–XVIII вв.

XVII–XVIII вв. в османской историографии именуется *тевек-куф-и деври* – «периодом остановки». Турецкий наступательный порыв с востока к тому времени выдохся, а ответный натиск западного колониализма в Средиземноморье еще не набрал полную силу. В эти столетия относительной стабильности образ Другого на Ближнем Востоке не находился под давлением войны на выживание или отношений колонизаторов/колонизируемых, но проявлял себя в дискурсе двух равновеликих обществ, испытавших взаимную силу и пристально друг в друга взглядывавшихся.

Что интересного и важного могло происходить в арабском мире XVII–XVIII вв.? Задавая себе этот вопрос, историки XX в., практически не задерживаясь, переводили взгляд с бурлящего XVI столетия на не менее наполненный событиями XIX в. Эпоха «межвременья», зажата между установлением османского господства и европейско-

го доминирования, казалась постыдным эпизодом апатии Арабского Востока, его «темными веками». В мировой исторической науке царило убеждение, что биение арабской интеллектуальной мысли в ту пору практически угасло, а оставшиеся ученые погрузились в унылое начетничество и бесплодные компиляции. Не интересовалось, якобы, мусульманское общество и событиями, происходившими в Кафиристане («стране неверных»). Апологетом подобной точки зрения был Бернард Льюис (Bernard Lewis), автор первой посвященной данному сюжету монографии: *The Muslim Discovery of Europe*. По мнению Льюиса, перелом наметился только после поражения Османской империи в войне со Священной Лигой и нарастал на протяжении всего XVIII столетия.

Однако в последние десятилетия большинство исследователей сходятся на том, что подобная точка зрения является весьма упрощенной и мифологизированной. Арабо-османское общество XVII–XVIII столетий не было столь апатичным и вялым, в нем пульсировала интеллектуальная жизнь и, в частности, не утихал интерес к христианской Европе и европейцам. Арабские описания мира Запада раннего Нового времени, безусловно, не столь известны, как сочинения средневековых мусульманских географов. Не произвели они и переворота в общественном сознании, подобно историко-философским трактатам ближневосточных просветителей XIX в., начиная с «Извлечения чистого золота из краткого описания Парижа» (1834) египтянина Рифаа ат-Тахтави.

Арабский мир раннего Нового времени не был един в своем отношении к Европе. Разница определялась географическими, конфессиональными, социальными, временными, политико-конъюнктурными и личностно-психологическими факторами.

Если говорить о географии, то исследователи отмечали разницу в отношении к Европе со стороны арабского населения Машрика и Магриба. В частности, Набил Матар (Nabil Matar) отмечал куда больший интерес к тому, что происходило в христианском мире, проявляемый жителями арабского Запада, нежели Востока⁵. Причиной

⁵ Matar, Nabil. *Europe through Arab Eyes, 1578–1727*, Columbia University Press, 2009. P. 5–6. Матар особо сетовал на то, что Фернанд Бродель в своем программном труде «Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II» акцентировал внимание на Машрике. Следуя за авторитетом мэтра, последующие поколения историков уделяли меньше интереса Магрибу по сравнению с Арабским Востоком.

была не только близость Европейского континента к Марокко, Алжиру, Тунису и Триполи, но и наличие в Северной Африке большого числа мусульманских беженцев с Иберийского полуострова – морисков – чье переселение началось в XV столетии и достигло кульминации в трагическом исходе 1609–1614 гг. Что касается Машрика, то относительное внимание к европейским событиям в эту эпоху демонстрировало население лишь приморских портов и крупных торговых городов. В отличие от Средневековья в мире стало меньше тайн и чудес, его загадки перестали столь волновать высоколобых интеллектуалов и простых посетителей базаров. Интерес к миру христиан стал более прагматичным, его проявляли преимущественно те, кто непосредственно сталкивался с европейцами в своей жизни. Показательно, что самый знаменитый арабский летописец Нового времени ‘Абд ар-Рахман аль-Джабарти практически не упоминал о европейцах вплоть до высадки в Египте экспедиции Наполеона Бонапарта (1798–1801) и вновь выпустил их из поля своего зрения после того, как оккупанты покинули берега Нила.

Почему же так мало арабов в то время писало о Европе? В поисках ответа Набил Матар отвергает расхожее мнение об отсутствии у мусульман любознательности, поскольку интерес арабов к иным областям исламской ойкумены зафиксирован во множестве источников. Равным образом исследователь опровергает утверждения, что виновниками были исламские религиозные авторитеты, которые запрещали единоверцам путешествовать на Запад по торговым или личным целям. Подкрепляя свои аргументы, он ссылается на магрибинских маликитских судей XVII в., которые поощряли написание трактатов о европейцах, считая их «полезными для мусульман».

Объяснение столь малого числа поездок в Европу, а как следствие – трактатов о жизни Запада, Матар видит не в запретах мусульманских богословов и правоведов, а в препонах, чинимых со стороны христиан. Завоевав господство на морях, пишет он, «европейцы установили контроль над количеством, частотой и самой возможностью визитов арабов-мусульман»⁶. Именно страх, что приезжие с Востока вернутся и поделятся с соотечественниками секретами Запада, расскажут о его сильных и слабых сторонах, стал причиной, по которой христианские правители ограждали свои вла-

⁶ Matar, Nabil. *Europe through Arab Eyes*. P. 11.

дения от любопытных глаз. Причем подобная шпиономания распространялась не только на противников, но и на союзников. Когда эмир Горного Ливана Фахр ад-Дин Ма'ан II (1572–1635), бежав в 1613 г. от османов в Италию, пять лет спустя решил вернуться обратно, то приютивший его испанский вице-король крайне тому воспротивился. «Было бы нехорошо для Маанида вернуться в свои земли после того, как он увидел земли христиан и их образ жизни», – вынес вердикт испанский аристократ.

Подобную политику Христианской Европы вполне можно назвать культурно-информационным меркантилизмом, что полностью соответствовало аналогичной экономической доктрине. Напротив, антимеркантилистская политэкономия Османской империи не препятствовала проникновению в ее пределы европейских товаров и денег, а, следовательно, купцов и дипломатов. То же было и с прочими христианскими визитерами. Открытость доступа к оказавшимся под «покровительством» султана Святым местам Палестины способствовала приезду паломников, а позднее – и светских путешественников.

Бинарные категории, подобные «Восток vs. Запад», все еще весьма популярны и, возможно, неизбежны. Несмотря на это, современные исследования значительно изменили наше восприятие мира на пороге Нового времени как разделенного на культурно несовместимые и религиозно враждебные лагеря-цивилизации. Стало очевидно, что даже, предположительно, наиболее антагонистичные общества активно взаимодействовали, познавая друг друга не только на полях сражений, но и посредством постоянных торговых контактов и путешествий.

Краюшкин Н.Р.

Споры вокруг дозволенности курения табака в Османской Сирии в раннее Новое время (1600-е – 1740-е годы)

Табак, завезенный европейскими купцами в Османскую империю из Нового света в конце XVI в., вскоре достаточно быстро получил широкое распространение на Ближнем Востоке, попав к 1606/07 г. в Дамаск. Популярность табака (тютюна) объяснялась, с одной стороны, его относительной дешевизной, а, с другой, приписывавшими

ему лечебными свойствами. Так, ханбалитский ученый из Алеппо Хасан ат-Таббах (ум. в 1728 г.) поначалу критиковал студентов за курение на его занятиях, однако после того, как врач прописал ему табак для борьбы с изнурительной болезнью, сам начал во время лекций использовать его в качестве болеутоляющего. Несмотря на то, что мусульманские авторы практически не упоминали о случаях женского курения, согласно анализу исторических источников, оно также постепенно стало неотъемлемой частью повседневной жизни Великой Сирии в османский период. Это ставило под сомнение многие общепринятые нормы морали и основу социальных отношений, базировавшихся на традиционных ценностях исламской религии.

Борьбу за «чистоту нравов» в Османской империи возглавили мусульманские богословы, примкнувшие к стамбульскому движению кадизадели (тур. *Kadizadeliler*) и названные кадизаделитами позднее в честь одного из их самых активных лидеров – османского проповедника Кадизаде («Сына кади») Мехмета-эфенди (ум. в 1635 г.). Они вступили в интеллектуальную полемику с главными защитниками табака из числа суфиев и призвали запретить курение, назвав его непозволительным «нововведением» (*bidd'a*). Достигнув высокого положения при дворе султана Мурада IV (1623–1640 гг.), кадизаделиты добились принятия в 1633 г. султанского указа о смертной казни за употребление тютюна и закрытии всех кофеен в Стамбуле. После изгнания представителей этого движения из османской столицы в результате иницилируемой ими неудачной военной кампании под Веной в 1683 г. одним из главных оплотов кадизаделизма стала Великая Сирия, где под влиянием их пуристских представлений употребление табака снова попало под запрет в 1749 г.

В сирийской столице в роли ведущего апологета курения выступил мусульманский мистик 'Абд ал-Гани ан-Наблуси (1641–1731). Анализ его трактатов, содержащих воспоминания о предпринятых им в 1689–1701 гг. путешествиях по Великой Сирии, Египту и Хиджазу, позволяет сделать вывод о том, что вопрос о дозволенности употребления тютюна с точки зрения норм мусульманского права продолжал вызывать споры среди сирийских богословов Алеппо, Иерусалима, Дамаска, Сайды и других городов сиро-ливанского региона [Ан-Наблуси, 1986, с. 6–169]. На призыв кадизаделитов уничтожить могилы мусульманских «святых», почитание которых в народе также рассматривалось «пуританами» ислама как «ново-

введение» (*бид'а*), ан-Наблуси ответил обвинением последователей этого движения в «неверии» (*куфр*), подчеркивая, что их отношение к курению также отличалось «фанатизмом» (*та'ассуб*) Результатом этой полемики стало утверждение в повседневной жизни Великой Сирии новых представлений о понятии личного удовольствия, что впоследствии способствовало качественному пересмотру всей системы социальных связей в Османской империи.

Литература

1. *Ан-Наблуси 'Абд ал-Гани*. Ал-Хакика ва-л-маджаз фи-р-рихла ила билад аш-Шам ва-Миср ва-л-Хиджаз (Достоверное и образное описание путешествия по Великой Сирии, Египту и Хиджазу). — Каир: Марказ таусик ат-турас, ал-хай'а ал-мисриййа ал-'амма ли-л-киتاب, 1986. — 707 с.

Орлов В.В.

Резиденты, суфии и богословы: исламские институты Марокко в орбите колониального влияния Франции (1912–1939 гг.)

По условиям Фесского договора о протекторате (1912 г.) Франция как держава-протектор обязывалась не затрагивать духовно-религиозную сферу жизни Дальнего Магриба, уважать султана-Алауита как главу марокканских мусульман и сохранять исламские учреждения и обычаи. Первая французская администрация Л.-Ю. Лиотэ (1912–1925 гг.) проводила нейтральную политику по отношению к суфийским обителям (*завийам*), признавала их самостоятельность и не вмешивалась в их обрядовый комплекс или организацию сезонных празднеств (*маусимов*). Однако в Марокко начала XX в. религиозная политика французов носила столь же двойственный и противоречивый характер, как в Египте за столетие до этого [Жантiev, Кириллина, 2019, с. 133–134].

Несмотря на положения Фесского договора, Генеральная резиденция Франции предприняла энергичные усилия по реорганизации богоугодных учреждений Марокко. Хабусные (вакуфные) земли и недвижимость уже в 1913 г. были переписаны, относящиеся к ним султанские предписания приведены в систему, а управление делами *ахбас* передано в руки резиденции. Это делалось для учреждения

косвенного надзора властей за доходами завий. Они, как показал исторический опыт XVII–XVIII вв., всегда служили источником финансирования вооруженных выступлений племен против политики султанов [Соловьева, 2019, с. 114–115]. В то же время юридическое оформление статуса *ахбас* объективно способствовало «обмирщению» и приватизации хабусных земель.

Исламские институты Марокко также оказались заложниками политики Франции в сфере образования. Л.-Ю. Лиотэ, в отличие от его преемников, с симпатией относился к мусульманской учености, а также поддерживал права и привилегии ученых-богословов (*алимов*). В то же время генеральный резидент полагал, что манипулирование исламским образованием – важный фактор французского преобладания в Магрибе. На этом фоне неровно и противоречиво складывались взаимоотношения администрации протектората и расположенного в Фесе ведущего исламского университета Марокко – ал-Каравийин.

Среди французской колониальной элиты в 20–30-х годах XX в. сформировались два подхода к университету. Первый из них, разделяемый ультраколониалистами (Т. Стиг) и католическими миссионерами, предполагал отказ от поддержки исламского высшего образования с расчетом на то, что влияние ал-Каравийин ослабнет и утратит привлекательность для марокканцев. Второй подход, близкий к идеям Л.-Ю. Лиотэ, основывался на том, что преобразование ал-Каравийин позволит пресечь попытки самореформирования, исходящие из профессорско-преподавательской среды. Как выражались приверженцы этого подхода, «если мы не займемся его развитием, то оно пойдет без нас и против нас». Администрация протектората также опасалась выезда студентов-марокканцев на Восток, особенно в Египет, с алимами которого у преподавателей ал-Каравийин существовали давние творческие связи [Кириллина, Орлов, 2002, с. 100].

Литература

1. *Жантiev Д. Р., Кириллина С. А.* Французская политика в отношении христиан Египта и Сирии во время Восточной экспедиции Бонапарта. 1798–1801 гг. // *Французский ежегодник*. – 2019. – С. 128–147.
2. *Кириллина С. А., Орлов В. В.* Диалог интеллектуальных элит: марокканские алимы в Османском Египте (XVIII столетие) // *Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение*. – 2002. – № 4. – С. 100–107.

3. Соловьева Д. В. Марокканский султанат и суфийские братства (XVII–XVIII вв.): диалектика конфликта и сотрудничества // *Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение*. – 2019. – № 2. – С. 106–118.

Соловьева Д.В.

Ал-Хидр Гайлан (ум. в 1673 г.) и Алауиты: соперничество на фоне джихада

Европейская экспансия, начавшаяся в XV в. на марокканском побережье, предопределила популярность идей джихада среди местного населения. Суфийским шейхам и воинам священной войны (*муджахидам*) удавалось мобилизовать на ведение джихада массы добровольцев не только с близлежащих территорий, но и из внутренних районов страны. Таким образом, в этот период религиозное рвение стало главным фактором сплочения населения Дальнего Магриба [Орлов, 2000, с. 9].

В начале XVI в. в авангарде борьбы против «неверных» были султаны династии Саадидов (1511–1659 гг.), однако, столетие спустя, власть династии ослабла, а инициатива ведения джихада была перехвачена местными «святыми» (*мурабитами*) и независимыми муджахидами. В этих условиях в 1660-е гг. на внутривластной арене выдвинулся командир джихада ал-Хидр Гайлан.

Гайлан был потомственным муджахидом, а также, по сведениям хрониста Мухаммада ал-Кадири, приближенным мурабита Мухаммада ал-Айяши, который был видным лидером джихада в начале XVII в. [Peretié, 1912, p. 12]. Гайлан продолжил дело ал-Айяши, однако его амбиции оказались намного больше, чем у его наставника. Ал-Хидр Гайлан подчинил своей власти Тетуан, Сале и Эль-Ксар-эль-Кебир, что сделало его подлинным хозяином севера Марокко [Histoire du Maroc, 1967, p. 231]. О масштабе политических замыслов муджахида свидетельствует тот факт, что он предпринимал попытки подчинить своему влиянию даже Фес – северную столицу Марокко.

После того, как в Фесе в 1664 г. был провозглашен султаном первый Алауитский монарх Мулай Рашид (1664–1672 гг.), против Гайлана были направлены боевые формирования Алауитов, которые в 1665 г. нанесли ополчениям Гайлана поражение возле Эль-Ксар-эль-Кебира, после чего муджахид был вынужден бежать в Асилу, а оттуда в Алжир.

Ал-Хидр Гайлан «сплел» обширную сеть внутренних и внешнеполитических связей – ему удалось заручиться поддержкой влиятельных семейств крупных городских центров на севере (например, клана ан-Накис в Тетуане), племенных вождей Гарба, а также вступил в контакт с англичанами в Танжере и османскими властями в Алжире. Со смертью султана Мулай Рашида, Гайлан, при поддержке османских властей Алжира и знати Тетуана, вернулся в Марокко и предпринял попытку восстановить контроль над севером страны. В 1673 г. командир джихада приплыл в Тетуан и начал продвигаться вглубь марокканской территории, однако вскоре был убит ополченцами султана Мулай Исмаила (1672–1727 гг.).

Упадок правящей династии и атмосфера всеобщего религиозного рвения порождали в Марокко разнообразные формы политического господства. Самыми влиятельными «центрами силы» были суфийские завийи и шерифские семейства, однако, как показывает пример Ал-Хидра Гайлана, муджахиды также вовлекались в борьбу за власть. Несмотря на то, что придворные летописцы упоминают о Гайлане нечасто, анализ его решительных акций и извилистой внутренней и внешней политики позволяет сделать вывод о том, что накануне и в первые годы правления Алауитов он был одной из самых влиятельных фигур на марокканской политической арене.

Литература

1. Орлов В. В. Традиционные основания власти в средневековом Марокко: «шерифская» и «племенная» концепции // *Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение*. – 2000. – № 4. — С. 3–12.
2. Brignon J., Amin A., Boutaleb B. e. a. Histoire du Maroc. – Casablanca. – 1967. 415 p.
3. Peretié M. T. Le Rais al-Khadir Ghailan. // Archives marocaines. Vol. XVIII. – Paris, 1912. — P. 1–187.

Солодовник Д.М.

Духовная безопасность и профилактика религиозного экстремизма под лозунгами ислама

Усиление влияния радикальной экстремистской идеологии под лозунгами ислама на геополитику – общеизвестный факт. На него еще раз указал заместитель министра иностранных дел РФ

И. В. Моргулов, выступив 17 февраля 2020 г. на Валдайской конференции [Замглавы МИД объяснил, 2020]. Перед мировым исламским богословием сегодня стоит важнейшая интеллектуальная научно-исследовательская задача по частичному пересмотру правовых исламских стандартов с тем, чтобы освободить исламскую религию от средневекового радикализма, присущего ранней истории распространения ислама. Еще в Средние века внутри исламской мысли начали формироваться различные течения, школы, секты, что вылилось в существование 73 фикхов. Этот факт свидетельствует о наличии научного потенциала богословской мысли, а также указывает на возможные догматические противостояния. Основываясь на исламских инструментах познания – *таклид*, *иджтихад*, *кийас* – мусульманскими богословами за 13 веков написаны тысячи томов по толкованию священных текстов.

Президент страны в начале 2000-х годов поставил перед российским исламским богословием задачу по созданию отечественной мусульманской богословской школы. При всем многообразии экзегетических мусульманских школ, ни одна из них не стала господствующей, поскольку в исламе нет единого религиозного центра, а право толковать «иносказания» предоставлено всем ученым-богословам. России нужна своя экзегетическая школа без средневековых арабо-мусульманских радикальных наслоений. В национальном проекте «Образование» особое место уделяется «Духовному образованию». Стоит задача интегрировать многоуровневую систему российского исламского образования в общеобразовательное пространство РФ. Процесс хаотизации исламского образования удалось пресечь в результате разработки ФГОС по теологии, над которым совместно работают участники госпрограммы: 5 светских, 6 исламских духовно-образовательных учреждений. Идет обсуждение вопросов формирования новой школы мусульманской интеллектуальной мысли, отвечающей традиционным ценностям мусульманских народов России, основанной на обновленчестве и «кораническом гуманизме». Как тут не вспомнить фрагмент 20-го аята суры 73 Корана: «Читайте же из Корана то, что не обременительно для вас».

Самый свежий пример относительно пересмотра шариатских установок имел место на международной конференции 19 февраля 2020 г. в штаб-квартире ООН в Женеве. Глава Совета улемов Боснии и Герцеговины Мустафа Церич, а также министр вакфов Египта

и богослов Мухаммед Мухтар призвали мировую мусульманскую умму отказаться от терминов *дар ал-харб* (территория войны) и *дар ас-салам* (территория мира), так как они устарели и утратили свою законную шариатскую силу [Термины «Территория войны» и «Территория мира», 2020]. Многими мировыми экспертами исламская религия сегодня признается наименее исследованной и далеко не познанной.

В Коране есть прекрасный аят о том, что один год занятий наукой равняется 70 годам занятий молитвой.

Литература

1. *Ибн Гасан*. Коранические суры, расставленные по мере ниспослания Пророку. Коммент. пер. на русск. яз. с огузск. Ч. Гусейнова. — М.: Изд-во «Три квадрата», 2002. — 496 с.
2. Термины «Территория войны» и «Территория мира» утратили шариатскую силу // Информационное агентство IslamNews. URL: <https://islamnews.ru/news-terminy-territoriya-voyny-i-territoriya-mira-uteryali-shariatskuyu-silu> (дата обращения: 26.02.2020).
3. Замглавы МИД объяснил взрывоопасную ситуацию на Ближнем Востоке // Телеканал 360. URL: <https://360tv.ru/news/mir/zamglavy-mid-objasnil-vzryvoopasnuyu-situatsiju-na-blizhnem-vostoke/> (дата обращения: 26.02.2020).

Старикова М.Н.

Язык урду и мусульманский фактор в штате Уттар-Прадеш (к вопросу о языковой политике в современной Индии)

После раздела Британской Индии на два государства язык урду стал восприниматься как язык мусульман. В сознании многих в независимой Индии, в первую очередь, сторонников хинди, урду приобрел черты «языка врага». Как отмечает политолог А. Харель-Шалев, сегодня вопрос о статусе языка урду в Индии часто звучит в контексте противопоставления индусов и мусульман (например, сравнениями «хинди против урду» или «индусы против мусульман и урду» [Harel-Shalev, 2006, p. 34]).

Несмотря на споры в период заседаний Конституционный ассамблеи, урду был включен в перечень официальных языков Индии;

хинди же получил статус государственного языка [Конституция Индии, 1956, с. 230]. Но сохранение и распространение урду не являлось приоритетом для правительства. В конце XX в. многие члены мусульманской общины начали проявлять обеспокоенность в связи с постепенным «выдавливанием» языка из северных штатов, в частности из Уттар-Прадеша.

Согласно данным комиссии, проводящей перепись населения каждые десять лет, с 1971 г. по 2001 г. по всей стране наблюдалось увеличение числа людей, считавших урду своим родным языком. С 2001 г. по 2011 г. их число уменьшилось и составило 4,19%, хотя предыдущие десятилетия оно не опускалось ниже 5%. В самом густонаселённом штате Уттар-Прадеш (население 199 млн, мусульман – 38 млн) более 10 млн жителей считает урду родным языком.

Именно в штате Уттар-Прадеш, который является одним из центров развития и распространения урду и где проживает большое число мусульман, наблюдается тяжёлая ситуация с преподаванием на урду. Согласно Закону об официальных языках, хинди был объявлен единственным официальным языком в Уттар-Прадеше. Правительство же приняло решение перестать поддерживать школы с преподаванием на урду [Pai, 2002, p. 2707]. На протяжении десятилетий лишь медресе и несколько школ предоставляли образование на этом языке.

В 1989 г. согласно поправке к Закону об официальном языке в штате Уттар-Прадеш от 1951 г. правительство Уттар-Прадеша объявило язык урду вторым официальным языком штата «в интересах урдуговорящих лиц». Но эта поправка вызвала возмущение сторонников сохранения привилегированного статуса хинди. Организация Хинди сахитья саммелан в Уттар-Прадеше, занимающаяся распространением и развитием языка хинди с 1910 г., решила оспорить поправку и обратилась в Аллахабадский суд, в котором проиграла дело в 1996 г. Ответная апелляция организации дошла до Верховного суда, но в 2014 г. он подтвердил постановление суда штата.

Это решение мало изменило ситуацию с языком урду в Уттар-Прадеше, что не раз отмечали лидеры мусульманской общины. Хотя число школ, преподающих на урду, и увеличилось по сравнению с прошлыми десятилетиями, правительство штата и «защитники» хинди не заинтересованы в его продвижении.

Литература

1. Конституция Индии / Пер. с англ. В. А. Дозорцева; под ред. И. Д. Левина, В. А. Мамаева. — М.: Изд-во иностр. лит., 1956. — 467 с.
2. *Harel-Shalev A.* The Status of Minority Languages in Deeply Divided Societies. Urdu in India and Arabic in Israel – a Comparative Perspective // *Israel Studies Forum*. — 2006. — Vol. 21, № 2. — P. 28–57.
3. *Pai S.* Politics of Language: Decline of Urdu in Uttar Pradesh // *Economic and Political Weekly*. — 2002. — Vol. 37, № 27. — P. 2705–2708.

Хохлова Л.В.

История сикхской диаспоры США: проблемы самоидентификации

Сикхская эмиграция в США началась на рубеже XIX и XX вв. Сикхи, прибывавшие не только из Индии, но также из стран Среднего Востока, Восточной Африки, Канады и других регионов, столкнулись с жесточайшей расовой дискриминацией, противостоять которой можно было только объединившись с другими индийцами – индусами и мусульманами. Первым политическим объединением сикхских мигрантов стала партия Гадар, основанная в 1913 г. в Сан-Франциско. По этническому составу партия состояла в основном из панджабцев (преимущественно сикхов) и бенгальцев (преимущественно хинду). Руководство партии находилось в руках сикхов. Партия Гадар являлась международной организацией, центры которой располагались не только в США, Канаде и Индии, но также в разное время возникли в различных регионах Востока, в странах Европы и в Латинской Америке. Основными целями партии была борьба с расизмом и освобождение Индии от колониальной зависимости [Josh, 1978]. В иерархии критериев самоидентификации превалировала связь всех мигрантов с «большой Индией».

Идея «мы – сикхи» в противоположность идее «мы – индийцы» становится приоритетной в преддверии обретения Индией независимости, когда возникает движение за создание отдельного сикхского государства на территории бывшей британской Индии. Требование создания сикхского государства поддерживается американскими сикхами начиная с 50-х годов XX в. На проходящих в Нью-Йорке ежегодных парадах, посвященных дню сикха, регулярно звучат при-

звымы провести референдум о создании государства Халистан [Shani, 2008].

Неверно было бы утверждать, что вся сикхская диаспора США поддерживает идею отдельного сикхского государства. Значительная часть эмигрантов первого и второго поколения сосредоточена на проблемах руководства сикхской общиной Индии. Движение «Free Akal Takht» борется за независимость Акал-тахта – «трона Бессмертного» в Золотом храме Амритсара, где находится *джатхе-дар* – глава сикхской общины, который в настоящее время подчиняется комитету по управлению гурдварами. Последний, по мнению американских сикхов, является рупором индийского правительства, то есть индуистского большинства страны. Сикхская диаспора тратит значительные средства не только на религиозные цели, но и на строительство домов, больниц, дорог, ирригационных сооружений, образовательные программы, научные исследования и другие проекты, осуществляемые в интересах сикхской общины Индии, поэтому считает себя вправе требовать участия в выборах главы индийских сикхов, призванного представлять интересы «интернационального» сикхского сообщества.

Активное участие американских сикхов в жизни индийской общины можно объяснить не только характерной для сикхизма религиозно-философской идеей служения (*seva*) и тщеславным желанием некоторых американцев продемонстрировать индийским собратьям свою успешность, но также желанием почувствовать себя частью большой общины, преодолев, таким образом, свою «отделенность» не только от белых американцев, но также и от индуистского большинства индийской диаспоры США.

Примечательно, что американские сикхи на новой родине сохраняют кастовую дифференциацию. Для далитов США, как и для индийских далитов, кастовая самоидентификация оказывается приоритетной по отношению к конфессиональной. Они поддерживают Дера Сачкханд-баллан – религиозный центр сикхов-далитов Панджаба.

Литература

1. Josh S. S. Hindustan Gadar Party: A Short History. Vol. II. — New Delhi: People's Publishing House, 1978. — 355 p.
2. Shani G. Sikh Nationalism and Identity in a Global Age. — New York: Routledge, 2008. — 216 p.

Черкасова Т.Д.

Религиозно-правовой статус иноверческого населения в ал-Андалусе в VIII–XII вв.: вкрапление или преобладание?

Покровительствуемые (*ахл аз-зимма* или *зиммии*) – иноверцы, признающие власть мусульман и получающие за это покровительство (*зимма*) мусульман. Зимма не допускала службы зиммия в мусульманском войске. Зиммий платил подушную подать (*джизью*) за гарантию неприкосновенности личности, имущества и защиту от внешних врагов. В религиозно-правовую категорию ахл аз-зимма изначально входили иудеи и христиане – люди Писания (*ахл ал-китаб*), следовавшие принципам единобожия и почитавшие священные книги. Однако, в процессе присоединения новых завоеванных территорий к владениям Халифата, к зиммиям были причислены сабии, мандеи и зороастрийцы, дополнившие религиозное разнообразие населения империи.

Одним из примеров многообразия этнического наследия и поликонфессиональности было андалусское общество Пиренейского полуострова в самом начале арабского завоевания. В ал-Андалусе мусульманские завоеватели сосуществовали с потомками иберов, кельтов, лузитан, финикийцев, карфагенян, греков, римлян, вестготов. Покоренное население исповедовало в основном христианство и иудаизм, встречались малочисленные общины зороастрийцев и сабиев. Мусульманские правители проводили невиданную дотоле на этой земле гибкую религиозную, административную, аграрную, социальную и экономическую политику. По существовавшим законам, покровительствуемым не запрещалось занятие любой профессией. Зиммии традиционно занимались не только запретными для мусульман виноделием и ростовщичеством, среди них были банкиры, торговцы, землевладельцы, врачи, писцы, финансисты, менялы, кожевники, сапожники, красильщики, даже тайные советники и военные министры.

Вопросы взаимоотношений мусульман с неверными регулировались исламским комплексом социальных норм (*фикхом*). Зиммиям разрешалось возводить здания для отправления богослужений без вмешательства властей. Медицинскую помощь иноверцы получали на равных правах с правоверными. Умерших хоронили на отдельных

кладбищах. Хотя мусульманское правосудие предназначалось для правоверных, а иноверцы были подсудны своим собственным судам, неверные имели право искать защиту также и у мусульманского судьи (*кади*), за что наказывались своей общиной, вплоть до временного отлучения. Немусульмане не допускались к участию в судебном процессе в качестве свидетелей. Однако, суды иноверцев принимали показания мусульман против зиммиев. Жизни покровительствуемых были равноценны жизням мусульман перед законом. Зиммии могли сменить веру, совершив переход в ислам, принятие ими любой другой веры было запрещено. Переход мусульманина в другую веру карался смертной казнью. Смешанные браки и наследование имущества между представителями различных конфессий первоначально исключались.

Общины вели достаточно обособленный образ жизни, идя на компромисс и руководствуясь мусульманскими законами, как в ал-Андалусе, так и по всей территории Халифата, несмотря на огромное количество иноверцев. По сведениям различных исследователей, в VIII–X вв. в мусульманской империи проживали сотни тысяч христиан и иудеев, несколько тысяч зороастрийцев, около тысячи сабейцев. Между представителями разных конфессий происходили конфликты, случались вспышки религиозного фанатизма из-за недовольства мусульман преобладанием зиммиев среди чиновников, военачальников, наместников, государственных деятелей, правящей элиты. В итоге, в XI в. были окончательно сформулированы шесть обязательных и шесть желательных условий, которые должны были соблюдать зиммии. Несоблюдение этих условий ставило иноверцев вне закона.

Якушев М.М.

Путешествия русских паломников-писателей на Святую Землю в конце XVIII – начале XIX в.

Одним из основных источников информации по истории и культуре Ближнего Востока конца XVIII – начала XIX в. являются дневники русских паломников-писателей, продолжающие жанр паломнических хождений на Святую Землю более раннего периода.

В паломнической литературе российских подданных различных сословий, отправлявшихся в путешествие в Иерусалим, называли

«богомольцами», «землепроходцами», «молельщиками», «паломниками», «пешеходцами», «поклонниками», «путешественниками», «путниками», «странниками», «ходебщиками».

В 1793–1794 гг. Святую Землю посетил иеромонах Свято-Успенской Саровской пустыни Мелетий, «родом из астраханских купцов», опубликовавший паломнический дневник.

В 1794–1795 гг. на Святой Земле побывал иеромонах Курской Коренной Рождества Пресвятой Богородицы пустыни Никанор (Москвитин), опубликовавший паломнический отчет.

В 1805 г. Иерусалим посетили дворяне Калужской губернии прапорщики братья Иван и Василий Вешняковы и купец 3-й гильдии города Медынь Калужской губернии Михаил Леонович Новиков, оставившие после себя «Путевые записки в Святой Град Иерусалим и окрестности оногo».

В 1818 г. в Иерусалиме побывали дворянин города Старая Русса Новгородской губернии подпоручик Илья Степанович Сысоев и крестьянин деревни Марфино Старорусского уезда Петр Хостов, описавшие свое паломничество в «Путевых записках в Святой Град Божий Иерусалим и окрестности оногo».

В 1818–1819 гг. Иерусалим посетил крестьянин деревни Ляхово Ростовского уезда Ярославской губернии Яким Васильев, оставивший заметки о своем путешествии.

В 1819 г. на Святой Земле побывали дворянская девица села Лежнево Суздальского уезда Владимирской губернии Анна Алексеевна и вдова Параскева Степановна. Описание их путешествия было составлено священником местной церкви отцом Кондратом со слов его прихожанок и было издано отдельной брошюрой.

В 1820–1821 гг. Иерусалим посетил крестьянин села Павлова Горбатовского уезда Нижегородской губернии первостатейный крепостной графа Д. Н. Шереметева Кир Иванович Бронников, ставший первым русским богомольцем, совершившим паломничество на Святую Землю после учреждения в Яффе в 1820 г. российского штатного вице-консульства во главе с Г. И. Мострасом. Паломнический дневник Кира Бронникова представляет особый интерес, так как в нем описывается путешествие в Палестину в начале греческого восстания 1821 г.

По пути в Палестину в Стамбуле паломники нередко снимали квартиры в районе Галатского порта, на рыбном базаре, который они

называли «рыбной лавкой», или «рыбным рядом», недалеко от здания Коммерческой канцелярии российской миссии, где они получали фирман, исходатайствованный российским посланником у Порты, с приложением перевода на русский язык, регистрировали заграничные паломнические паспорта, переводили их на итальянский и османский языки, производили обмен русских рублей на турецкие пиастры.

Паломнические дневники, записки и заметки русских путешественников конца XVIII – начала XIX в. представляют большую ценность для изучения Ближнего Востока, так как поклонники описывали ближневосточные святыни и достопримечательности, сельское хозяйство, торговлю и ремесла, гастрономическую культуру, монастырский и паломнический быт, свои взаимоотношения с российскими дипломатами, православным духовенством, османскими властями, местным населением, а также паломнические маршруты, тем самым облегчая путешествие богомольцам, которые по их примеру устремлялись в Иерусалим.

Христианский Восток

Башелешвили Л.О.

У истоков грузинского христианства

«Христианская религия родилась уже соприкоснувшейся с эллинизмом и отчасти эллинизированной» [Шпидлик: 2000. С. 16], что в какой-то мере способствовало созданию режима благоприятствования для проповедников христианства в Грузии, поскольку к этому времени и восточная часть Грузии, и западная находились под влиянием греко-латинской ойкумены. Походы Помпея в западногрузинские земли (65 г. до н.э.) завершились протекторатом Рима с вытекающими отсюда последствиями, а в изменении культурного облика Иберии огромную роль сыграло получение ею статуса «Друга Рима» (14 г. н.э.) [Грузины. 2015, С. 24]. Охарактеризовать культурно-религиозный вектор развития картвелов в эллинистический период невозможно без учёта *собственной духовности*, биоландшафтных данных, а также без выявления тех контекстов и предпосылок, которые образовались в культурном ареале картвелов вследствие привнесения извне ирано-ахаменидского и греко-латинского культурных пластов.

Иберия, т.е. Картли, которая никогда не отрывалась от «восточного» мира, радикально меняет свой облик и в I–III вв., широко открывая двери, в том числе и для западных религиозных верований. В картвелологии принято считать, что влияние Ирана сильнее ощущалось в восточной части Грузии, а греко-латинская культура пустила свои корни в основном в её западной части. Чёткое деление Грузии на «Восток» и «Запад» возможно лишь географически, в культурном же смысле такое разделение, скорее всего, и вовсе не существовало. Об эллинизации восточной части Грузии более чем наглядно свидетельствует использование греческого языка в качестве культуры лингва, наряду с арамейским, что подтверждается ар-

хеологическими памятниками, в том числе и Армазской билингвой, и надписями на кольцах-печатках картлийских питахшей, напр. Асфагура (I в.). Проживание еврейских диаспор из племени Ури как в восточной, так и западной части Грузии со времён «царя Навуходоносора», внесло свою лепту как в распространение христианства в Картли, так и в сложение в определённом смысле культуры иудео-христианства в местах их компактного проживания.

Разрыв с языческим прошлым происходил медленно, а евангелизация, начатая ещё апостолами Андреем Первозванным, Симоном Кананитом и Варфоломеем, не была завершена даже к 326 году, когда грузинскую элиту, т.е. царя Мириана и царицу Нану, обратила в христианство св. Нино. Впоследствии эстафету евангелизации примут т.н. сирийские отцы. Спустя всего 80 лет после подвижничества св. Нино её подвиг уже был описан в греческих источниках, а именно: в «Церковной истории» Геласия Кесарийского (†395), сохранённой полностью в труде Геласия Квизикского (V в.); в работе Руфина (†410 «Церковная история»), а также в свидетельствах Феодорита Киррского (393–458), Сократа Схоластика (380–440) и Эрмия Созомена (IV–V вв.). В месяцесловах святая Нино упоминается под именами: Нино, *арм.* Нунэ, *копт.* Фэогноста, русск. Нина, фр. Сэн-Кретиен.

Разработанный язык обрядов, т.н. «Славницы», т.е. языческие гимны и молитвы в честь грузинских святынь «Ломиси», «Лашари», «Гудани» и «Хахмати» впоследствии будут использоваться в богослужении и литургике.

Литература

1. Шпидлик Ф. Духовная традиция восточного христианства. – М.: Паолине, 2000. – С. 16.
2. Грузины. – М.: Наука, 2015. – С. 24.

Брюн С.П.

Николай II Студит – «Константинопольский» Патриарх Антиохии в исторической памяти сирийских христиан

Николай II Студит занимал патриаршую кафедру Антиохии на протяжении пяти лет (1025–1030). Как и его предшественник – Ио-

анн III Полит, он был представителем константинопольского духовенства, в буквальном смысле слова **поставленным** на антиохийскую кафедру ромейским василевсом.

Ромейская реконкиста X века и новая политика империи в отношении ближневосточного Православия фактически привела к ликвидации независимости восточной кафедры Св. Петра, то есть к «первому константинопольскому пленению» Антиохийской Церкви. Тем не менее, Николай II Студит – несмотря на краткость своего патриаршества – оставил весьма примечательный след в исторической памяти сирийских христиан. В данном случае, речь идет о трех текстах – двух, принадлежащих православным авторам, и одного – сиро-яковитскому. Это сочинения Никона Черногорца, «Житие Христофора – Патриарха Антиохийского» протоспафария Ибрагима ибн Юханны, и «Хроника» миафиситского Патриарха Михаила I Сирийца.

Будучи выходцем из прославленной Студийской обители Св. Иоанна Предтечи, Николай II запечатлен в текстах Никона Черногорца как ревностный аскет, отказавшийся от роскоши восточной медицины и изысканных антиохийских бань, которые могли спасти его подорванное здоровье во время болезни, в конечном итоге унесшей его жизнь.

Протоспафарий Ибрагим ибн Юханны упоминает Николая II как иерарха, инициировавшего перенесение мощей Патриарха-мученика Христофора I из антиохийской обители Аршайя в кафедральный собор Кассиана/Св. Петра. На протяжении патриаршества Иоанна III Полита мощи Св. Христофора оставались вдали от патриаршей усыпальницы и кафедрального собора: именно Николай II Студит – после 31-летнего патриаршества своего предшественника – инициировал перенесение мощей мелькитского мученика-Патриарха, что явно свидетельствует о его внимании к сирийской пастве и её местным святым.

В еще большей мере это внимание Николая II к жизни сирийских христиан – и на этот раз не православных, но миафиситов – отражено хронике Михаила Сирийца. Согласно знаменитому миафиситскому хронисту и Патриарху XII века, Николай II Студит – в разгар византийских гонений на миафиситов – поддерживал дружеские отношения с сиро-яковитским Патриархом Иоанном VII бар Абдуном. Более того, Михаил Сириец уверяет, что Николай II отказался

являться со своими епископами на константинопольский синод, созданный императором Романом III Аргиром и проходивший под председательством Вселенского Патриарха Алексея I Студита: целью синода было очередное осуждение миафиситства и инициация новой масштабной кампании гонений на сиро-яковитов.

Рассказ, переданный в хронике Михаила Сирийца, представляет интерес прежде всего по двум причинам. Первая – это вопрос, почему в исторической памяти сиро-яковитов Николай II Студит – занимавший кафедру всего пять лет – оказался запечатленным именно в образе защитника сиро-яковитов?

Во-вторых, если в 1030 г. действительно имел место некий конфликт между Вселенским Патриархом Алексеем I Студитом и Антиохийским Патриархом Николаем II Студитом, это является важнейшим и совершенно не лишним напоминанием о том, насколько многосложной, и отнюдь не монолитной системой была средневековая Церковь, когда клирики, выходявшие не просто из единых регионов или епархий, но даже из единых монастырских центров, придерживались абсолютно противоположных воззрений. В данном случае, подобный конфликт в вопросе «признания православия» или же «преследования» сиро-яковитов разделил двух выходцев из Студийской обители.

Литература

1. *Ибрагим ибн Юханна*. Житие Христофора, Патриарха Антиохийского. – Арабы-христиане в истории и литературе Ближнего Востока. – М.: ПСТГУ. – 2013. – С. 56–57.
2. *Панченко К.А.* Вспомнить прошлое: Антиохийский Патриарх Макарий III аз-Заим как историк. – *Miscellanea Orientalia Christiana*. Восточнохристианское разнообразие. – М.: РГГУ. – 2014. – С. 366.
3. *Michel le Syrien*. Chronique de Michel le Grand, Patriarche des Syriens Jacobite. – Venise, 1868. – Vol. II, P. 140–141.

Войтенко А.А.

Рождение Коптской Церкви: новые подходы

Вопрос о дате возникновения Коптской Церкви как самостоятельной конфессиональной единицы не является простым. Традиция

самой Коптской Церкви возводит свою историю к проповеди в Александрии апостола Марка, однако на преемственность от апостола Марка претендует и другая Церковь – халкидонский Александрийский патриархат, что позволяет говорить о изначально единой традиции для двух Церквей, впоследствии резко разошедшихся в вопросах христологии.

Казалось бы, куда проще взять за точку отсчета 451 г. Однако если халкидонская Церковь в Египте после 451 г. очевидным образом обладала иерархической структурой, то существование нехалкидонских диссидентов организационно представляло собой некую сетевую «ризому» из отдельных автономных общин, вероятно, поддерживающих спорадические связи между собой. Исследования последних лет (главным образом, работы Ф. Бута и Р. Деккер) позволили посмотреть по-новому на этот вопрос и сдвинуть дату окончательного формирования Коптской Церкви на время патриаршества Петра IV (576–578) и Дамиана (578–607).

Как известно, Петр IV (576–578) за время своего патриархата рукоположил семьдесят епископов. Даже если цифра источника преувеличена, несомненно, что Петр поставил епископов почти для всех епархий. Епископы, рукоположенные Петром, должны были занять кафедры параллельно с халкидонскими епископами. Патриарх Дамиан, преемник Петра, продолжил и углубил эту политику. Одновременно в это же самое время мы наблюдаем интересные процессы, значительно расширяющие сферу употребления коптского языка: в «эпоху Дамиана» епископы хоры впервые начали создавать оригинальные тексты на коптском языке и распространять их под своими именами, коптский язык начинает шире использоваться в делопроизводстве, в том числе и церковном. Эти два параллельных процесса не могут не быть взаимообусловленными.

Исследования Р. Деккер показывают, что нехалкидонские епископы на юге Египта создают достаточно прочные «направленные сети», куда помимо них в качестве активных акторов оказываются вовлечены клирики и монахи. Наконец, Ф. Бутом была высказана гипотеза, что именно в это время в коптском христианстве идут параллельно два процесса: экклезиогенеза и «этногенеза».

Заболотный Е.А.

Динамика сирийской христианской традиции от Афраата до Баввая Великого

Уникальный характер развития сирийского христианства в период поздней Античности и раннего Средневековья не подлежит сомнению. Став победителем в борьбе с другой, поистине мировой, религией того времени – манихейством, также родившимся в Сирии, арамеоязычное христианство вскоре столкнулось с серьезными внутренними проблемами. В ходе вероучительных споров эпохи Вселенских Соборов произошел этно-конфессиональный раскол арамеоязычного христианства, причем большая часть сирийцев оказалась вне халкидонского православия. Речь идет о восточных сирийцах-дохалкидонитах, традиционно именуемых «несторианами», и о западных сирийцах-антихалкидонитах, за которыми было закреплено название «монофиситы».

Впрочем, несмотря на то что указанное разделение является фактом, в литературе до сих пор не прояснен ряд принципиально важных вопросов. Прежде всего, почему Церковь Востока, существовавшая на территории Сасанидского Ирана и никогда, по всей видимости, не подчинявшаяся в *юридическом смысле* Антиохийской кафедре, однако сохранявшая доктринальное единство с имперским христианством, стала со временем *еще и отдельной конфессией*, усвоив при этом христологию Антиохийской школы? При попытке ответить на указанный вопрос возникают многочисленные трудности. По какой причине восточные сирийцы обратились к богословскому и экзегетическому наследию Антиохии? Как повлияла рецепция двух крайних форм антиохийства – христологии Феодора Мопсуестийского и Нестория Константинопольского – на эволюцию автохтонной арамеоязычной христианской традиции в V – начале VII в., то есть в принципиально важный период с точки зрения формирования восточносирийского богословия? В исследовательской литературе, как правило, безоговорочно постулируется *континуитет восточносирийской традиции*, который якобы не был нарушен усвоением феодорианства и несторианства [см., например: *Селезнёв*. 2002]. По нашему мнению, речь должна идти скорее о нескольких *разрывах*, обусловленных именно рецепцией разных форм антиохий-

ской христологии, включая несторианство в строгом смысле слова [ср.: *Brock*. 1992]. Эти разрывы создают основу для периодизации внутреннего развития восточносирийского христианства от Афраата († после 345) до Баввая Великого († между 628 и 630).

Однако эволюция этой традиции [подробнее о ее неоднородном характере: *Заболотный*. 2014] не может изучаться изолированно от развития антихалкидонской общины. В этой связи необходимо также рассмотреть вопрос о причинах, по которым антихалкидонизм вытеснил антиохийское богословие на его собственной родине и успешно конкурировал с несторианством даже в Сасанидской Месопотамии.

Литература

1. *Заболотный Е. А.* Христология Церкви Востока: основные направления развития в V – начале VII в. // *Вестник ПСТГУ. Серия 3: Филология*. – 2014. – Т. 40, № 5. – С. 33–44.
2. *Селезнёв Н. Н.* Ассирийская Церковь Востока: Исторический очерк. – М., 2001.
3. *Brock S.* The Christology of the Church of the East in the Synods of the 5th to early 7th Centuries: Preliminary Considerations and Materials // *Idem*. Studies in Syriac Christianity: History, Literature and Theology. – Aldershot; Brookfield, 1992. N 12. – P. 125–142. (Variorum Collected Studies; 357).

Копоть Е.М.

К характеристике К.Д. Петковича как дипломатического представителя России на Ближнем Востоке во второй половине XIX века

В отечественной историографии, в основном благодаря работе Н.М. Горбуновой и И.М. Смилянкой, К.Д. Петкович представлен как выдающийся дипломат и исследователь Ближнего Востока [*Горбунова Н.М., Смилянская И.М.* С. 27–34]. Привлечение документов Российского государственного исторического архива и Архива внешней политики Российской империи, хронологически охватывающих весь период службы К.Д. Петковича в Бейруте (1869–1896), позволяют существенно дополнить эту лапидарную характеристику.

К.Д. Петкович происходил из богатого болгарского рода, что предопределило его взгляд на греко-арабский конфликт задолго до

личного знакомства с ситуацией. В 1869 г. положение арабов представлялось ему аналогичным положению болгар: «Причины распри такие же, какие и в Болгарии: все единогласно жалуются на Патриарха, считая его виновником глубокого невежества...» [Российский государственный исторический архив. Ф. 797. Оп. 39. Д. 67. Л. 14 об.].

За 27 лет пребывания на своем посту он не проявил интереса к изучению арабского языка. С течением времени генеральный консул полностью оказался в руках своих драгоманов из семьи Шахаде, которая торговала русским влиянием не без выгоды для своих личных целей, но не всегда с выгодой для русского дела. Сложилась ситуация, которую британские дипломаты образно называли «драгоманией», болезненной зависимостью от местных консульских агентов.

На протяжении долгого времени К.Д. Петкович не посещал внутренние районы страны, проводя практически все время в Бейруте и на Ливане. В результате это привело к тому, что на запрос Св. Синода о численности и положении паствы Антиохийского патриархата в 1885 г. генеральный консул вынужден был ответить, что данные его не полны по причине большого количества занятий и повседневных хлопот, а также краткости назначенного для выполнения работы срока – и это спустя 16 лет пребывания в регионе.

В эпоху «антиохийской симонии» 1891 г. при выборах патриарха Спиридона Селевкийский митрополит Герасим (Яред) в донесении в российское посольство в Константинополе открыто возложил ответственность за проигрыш арабской партии на драгоманов бейрутского консульства Шахаде и Трада, а консулу заочно советовал отказаться от своих «благодетельных» распоряжений в пользу местного населения и ограничиться исполнением своих служебных обязанностей.

Выполнение служебных обязанностей, а именно, поддержка К.Д. Петковичем русских подданных, может быть охарактеризована словами начальницы школ Императорского православного палестинского общества в Бейруте М.А. Черкасовой, которая сообщала, что боится не мусульман, а консула. Причиной такого положения дел М.А. Черкасова считала пагубное влияние на дела драгоманов консульства: «Судя по себе Шахаде воображает, что Аффифе меня грабит с отцом, как Шахаде грабит со своим отцом, беря взятки с подсыдимых арабов за всякое слово, сказанное им в защиту их в Серале

от имени Русского Консула» [Архив внешней политики Российской империи. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 426. Л. 134]. Доведенная до отчаяния, она заявляла, что консул вместе с Шахаде могут стать причиной разорения всего русского школьного дела в Бейруте. Особенно она подчеркивала надменное отношение К.Д. Петковича к русским подданным.

Подводя итоги, необходимо отметить, что дипломатическая деятельность К.Д. Петковича носила на себе отпечаток этнического и социального происхождения генерального консула, а также была подвержена негативному влиянию драгоманов-левантийцев.

Литература

1. Архив внешней политики Российской империи. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 426. Л. 134.
2. Горбунова Н.М., Смилянская И.М. Российский дипломат и исследователь Ближнего Востока и Балкан К.Д. Петкович // *Восточный архив*. – 2008. – №18. – С. 27–34.
3. Российский государственный исторический архив. Ф. 797. Оп. 39. Д. 67. Л. 14 об.

Понов И.Н.

Культ Авраама в Мамре: к истории религиозных взаимоотношений и полемики вокруг палестинской святыни в позднеантичную эпоху

Священное древо (теревинф) в Мамре, близ Хеврона, издревле почиталось евреями и др. семитскими народами как место проживания древнего праотца Авраама. Ныне вокруг Хеврона известно несколько достопримечательных мест, которые претендуют на преемственность с этой древней святыней. История святыни в Мамре представляет нам редкую возможность проследить различные ситуации общения религиозных групп на древнем Ближнем Востоке. Основные события, связанные с Мамре, хорошо известны. Это возникновение культа в эпоху Второго храма и его распространение как среди иудеев, так и среди др. семитских этнических групп региона, почитавших Авраама как своего прародителя. Затем, в 1-й пол. IV в. н. э. внимание на Мамре обращает римское правительство имп.

Константина Великого, объявившее о поддержке христиан. Мамре, наряду с 3 другими местами Палестины (Гроб Господень и Елеонская гора в Иерусалиме, пещера Рождества в Вифлееме), становится в ряду важнейших святынь, которые были предназначены для развития христианского паломничества. Тем не менее, полирелигиозный характер святыни Мамре сохраняется и после ее перехода под контроль христиан. В последующие столетия среди паломников в этом месте появляются и иудеи, и самаритяне, и различные группы арабов, и затем мусульмане.

Несмотря на широкую известность Мамре, ряд обстоятельств, связанных с историей взаимодействия вокруг него различных религиозных традиций, до сих пор недооценивается.

В докладе мы постараемся вкратце проанализировать причины, в силу которых Мамре в IV в. приобрело столь большое значение для христиан. Судить об этом весьма обстоятельно нам позволяют труды Евсевия Памфила, епископа Кесарии Палестинской и свидетеля зарождения христианской традиции паломничества в Св. землю. Изучение трудов Евсевия позволяет установить, что столь неожиданное возвышение Мамре было тесно связано с развитием экзегетической мысли в христианской Церкви того времени. Насколько можно судить, ключевую роль в этом сыграл именно Евсевий, который в своих сочинениях уделил чрезвычайно большое внимание обсуждению различных вопросов культурной памяти об Аврааме. Наши наблюдения добавляют новые аргументы против сложившейся в науке репутации Евсевия как критика традиции христианского паломничества и, напротив, показывают его одним из главных организаторов этого движения в христианской культуре.

Культура Востока

Кудряшова А.В.

Традиции наследования в японской культуре на примере театра Но и Пути Чаю

При сравнительном анализе театра Но и Пути Чаю в историко-культурном контексте можно выявить ряд схожих моментов, обусловленных единством исторической эпохи, общим культурным фоном и традициями наследования в японской культуре. Путь Чаю и театр Но приобрели канонические формы примерно в одно время. Процесс их становления и расцвета пришелся на XIV–XVI вв., и общий исторический фон эпохи оказал сильное влияние на обе традиции. При кажущейся внешней несхожести, их философские и эстетические принципы, символика и традиции наследования имеют много общего. В основе лежит общие для культуры Японии понятия «красоты», «гармонии», «минимализма», «выявления истинной сущности».

В основе Пути Чаю (японской классической чайной традиции) лежит философия дзэн-буддизма, соединившаяся с японскими эстетическими представлениями, идеей гостеприимства и общения за чашей чая. Вначале ритуал чаепития проводился только для японского императора и членов императорской семьи, но позднее к чаю приобщилось все высшее буддийское духовенство. С течением времени культура приготовления и потребления чая распространилась в других слоях населения, однако ее глубокая связь с дзэн-буддизмом всегда сохранялась и подчеркивалась. Дзэн-буддизм оказал большое влияние на формирование основ эстетики чайного искусства. Это проявляется как во внешней форме церемонии, так и в философской, этической и эстетической составляющих чайного действия.

Например, среди фраз, наиболее часто изображаемых на свитках, висящих в нише чайной комнаты, можно видеть изречения дзэнских наставников или цитаты из классических китайских трактатов

и японских сборников мудрых изречений и поэзии, цитаты из буддийских сутр. В свою очередь, фразы на свитках могут быть взяты из трактатов, в которых они, упоминаются как цитаты других произведений, в частности, более ранних китайских стихов [Кудряшова 2010, 127].

Театр Но относится к древнейшему сценическому воплощению теургического искусства. Он вышел из древнейших народных обрядов и культовых действий с магической основой. Традиции наследования в театре Но можно проследить в сохранении жесткой канонической формы – в движениях и позах актеров, в сценическом убранстве, в костюмах и масках. В настоящее время мы имеем уникальную возможность воочию увидеть старинную форму спектакля Японии XIII–XIV вв. Безусловно, мы видим иное зрелище, чем то, что представало перед взором людей того времени, но художественное наполнение и образы сохранены благодаря традиции бережного наследования и преемственности поколений актеров. «Канон в театре Но был и остается общеобязательной нормой, регулирующей творческую жизнедеятельность» [Анарина 1984, 195–196].

И в театре Но, и в традиции Пути Чаю наставник в ходе многолетних тренировок добивается у ученика идеальной отточенности движений, абсолютной точности воспроизведения древних канонических правил. Однако при соблюдении жестких рамок правил, оба искусства поощряют проявление внутренней индивидуальной свободы мастера. Данное выражение внутренней свободы, выявление неповторимой индивидуальности возможно только после прохождения важнейшего этапа творчества – абсолютного усвоения целого ряда канонических правил «ката». «Ката – это свод правил, которые нельзя менять или уничтожать. Например, положение чайной утвари, собственного тела мастера при выполнении процедуры приготовления чая. Ката совершенствовалось со времен Сэн-но Рикю в течение 450 лет, став идеальной формулой красоты и рациональности». [Дьяконова 2018, 115].

Литература

1. Анарина Н.Г. Японский театр Но // Главная редакция восточной литературы издательства «Наука». – 1984. – С.1–213.
2. Дьяконова Е.М., Кудряшова А.В., Кузьминова Э. Японское чайное действо. Путь тишины // Арт-Волхонка. – 2018. – С.5–128.

3. Кудряшова А.В. Язык и система образов японских чайных свитков «итигё-моно» // *Обсерватория культуры*. – 2010. – №4. – С.126–13

Мазурик В.П.

«Нелитературная» литература

Феномен творчества некоторых знаменитых писателей вовсе не определялся их литературными амбициями, что особенно заметно в таких нелогоцентричных культурах, как японская.

Самым ярким примером этого может, например, служить творчество Мацуо Басё и Миядзавы Кэндзи, весьма плохо поддающееся анализу в сугубо литературоведческой методике. Это зачастую приводит исследователей к неадекватным оценкам, поиску несуществующих авторских посланий, непониманию настоящей роли, которую названные авторы сыграли в истории культуры.

Выдающийся реформатор классической японской поэзии Масаока Сики (1867–1902) не случайно отказал великому Басё, чей авторитет не только национальный, но и мировой непререкаем, в звании поэта, предпочтя ему Ёса Бусона (1716–1784). И это при том, что оценка Сики несколько не принижает роли Басё в истории японской культуры, напротив, она свидетельствует, что он – «больше, чем поэт». Характерно также, что сам Басё, считавший своими учителями двух поэтов-странников и духовных искателей, Сааёгё и Соги, а также чайного мастера (!) Сэн-но Рикю, давал своим ученикам в беседах с ними отнюдь не литературные установки.

Миядзава Кэндзи, один из самых любимых в Японии писателей, видел свою миссию в религиозной проповеди в духе школы Нитирэна, а также на образовательной стезе для школьников и земледельцев на севере страны. Его сказки-притчи (дова), которые он сам часто называл «ментальными заметками», не совсем попадают в разряд классической беллетристики, а поэзия представляет, скорее, документальную запись борьбы со «внутренним демоном» (сюра), которую он вел всю свою короткую жизнь, и это чем-то напоминает само-инквизиторскую поэзию Сайгё.

Но ведь с подобным феноменом мы встречаемся не только в Японии. Практически все шедевры средневековой русской литературы родились преимущественно из проповеднических задач, поскольку

светская художественная культура в тот период еще не сложилась. Еще один пример – творчество Андрея Платонова, которое так трудно изучать в рамках классического литературоведения. Хотя художественная литература к его времени уже несколько столетий была «властительницей дум» в России, он предстает прежде всего социальным философом-футуристом, публицистом, а затем уже писателем.

Думается, что в новой информационной цивилизации мы увидим новые культурные «центры силы за пределами художественной литературы, о чем, например, свидетельствует рост интереса к нон-фикшн, документальным блогам и т.д.

Никитина Л.В.

Сладости и их роль в культуре питания Японии

Особняком в японской культуре питания стоят сладости – *о-каси*, явление достаточно специфическое с точки зрения европейской кулинарии и не всегда подходящее по вкусу иностранцам. Сладости в Японии не входят в трапезу, а употребляются как лакомство или при чаепитии. Основные традиционные сладости и сегодня делаются на основе рисового или бобового теста, масличных семян, корневищ и желатина.

Сладости в японском сознании исторически ассоциировались с фруктами, так как в определенные периоды это были взаимозаменяемые элементы питания. Сегодня фрукты в основном употребляются в свежем виде по сезону. Помимо яблок, груш, персиков широкое распространение получили различные цитрусовые зимних и летних сортов. Из них готовят и некоторые праздничные сласти, например, у мандаринов кожура вырезается в форме корзинки и заливается желе из мякоти с желатином. Маленькие цитрусы *кинкан* со сладкой съедобной кожурой и кисловатой мякотью используются в основном в виде приправ, как и мелкие сливы, которые солят, сушат и маринуют. Роль последних в питании несколько напоминает роль маслин в средиземноморской кухне [Арутюнов, 1981, с.160]. Из зимних плодов для Японии характерна хурма-*каки*, оранжевые шары которой на оголившихся ветвях очень гармонируют с общей картиной солнечного и ясного зимнего дня. Для лета не менее характерна

японская мушмула-*бива*, чьи бархатистые сочные желто-розовые плоды получили свое название по сходству с яйцевидной формой японской люти [Арутюнов, 1968, с.133]. Достаточно велико потребление слив, винограда, арбузов и дынь. Орехи, каштаны, орешки дерева гингко, арахис употребляются как лакомство, а также входят в состав сложных блюд.

Однако при всей кажущейся второстепенности сладостей на японском столе, *о-каси*, также как и другие составляющие японской кухни, прошли сложный путь утверждения в рационе японцев, трансформировались под влиянием культурных и кулинарных факторов.

Литература

1. Арутюнов, 1968 – Арутюнов С.А. Современный быт японцев. – М., 1968.
2. Арутюнов, 1981 – Арутюнов С.А. Япония // Этнография питания народов стран зарубежной Азии. Опыт сравнительной типологии. – М., 1981.

Курочкин В.Г.

«Идейный замысел театра «Ложа под потолком» Тэраяма Сюдзи»

*«Сейчас я в Сибюя создаю дом с призраками.
Это секретное убежище с восковыми куклами и цирком».
Тэраяма Сюдзи «Слава неудачника».*

Тэраяма Сюдзи (1935–1983) японский поэт, драматург, писатель, театральный и кинорежиссёр, фотограф и спортивный обозреватель. Многие произведения Тэраямы выросли из противоречивых влияний молодежной контр-культуры 60-х годов, критического осмысления западного воздействия на японское общество и богатых фольклорных традиций сельской Японии. Его творчество отличают самобытность, буйная фантазия, провокационный тон, богатство поэтических ассоциаций, интеллектуальная полемичность и заостренность в сочетании с жесткой оппозицией академизму.

В 1967 году он создаёт лабораторию экспериментального театра «Ложа под потолком», название которого обязано фильму Марселя Карне «Дети райка». Лаборатория была создана при помощи трёх

друзей по театру в университете Васэда (Хигаси Ютака, Таданори Ёкоо и Кудзё Кё:ко) участвовавшими в постановке спектакля «Кровь спит во весь рост» двумя годами ранее. Тэраяма настаивал на определении «лаборатория», тем самым становясь в оппозицию к существующим театральным объединениям. Однако понятие «экспериментальной студии» в отношении постановок уже использовал поэт и художник Такигути Сюдзо (1903–1979). Он собрал в ней передовых музыкантов, танцоров, художников и режиссёров.

При создании театральной лаборатории Тэраяма Сюдзи, вероятно, немаловажную роль сыграли и идеи польского режиссёра Ежи Гротовского (1933–1999), а также слоган первого японского театра новой драмы Сингэки в Цукидзи – «Театральная лаборатория, народный балаган». Стратегической задумкой Тэраямы было воссоздание того, что, по его словам, утратил современный ему театр.

В 1967 году район Токио Сибуя стал площадкой для молодёжных групп «фу:тэндзоку», японского варианта американских хиппи. Это было новое поколение 20-летних страны проигравшей в войне, критически относившихся к ценностям отцов. Именно они стали актёрами и зрителями лаборатории Тэраямы. Разумеется, они не обладали профессиональными актёрскими навыками, но через «прямое действие» входили в театральную постановку.

Малый театр университета Васэда под руководством Судзуки Тадаси (1939), располагавшийся на втором этаже кафе «Моншер» перед университетом, театр Кара (То:) Дзюро (1940) с алым тентом на территории храма Ханадзоно в районе Синдзюку, «Ложка под потолком» Тэраяма Сюдзи (1935–1983) и «Скорпион андерграунда» Кудзуи Кинсиро (1925–2014) – представители театрального авангарда конца 60-х, начала 70-х гг.

Понятие «ангра» (яп. сокр. «андерграунд») в театральном движении того времени не использовалось, а театр Тэраяма Сюдзи провозглашал идеи «реабилитации балагана» (зрелищности), антагонистичные по сути театру сингэки, ориентированного, в основном, на «белых воротничков».

Литература

1. Terayama Shuji. Tensai ka kaibutsu ka//Bessatsu taiyou.; Nihon-no kokoro, Heibon 2013, 183P.

Ермаков К.В.

Корейский конфуцианец Чон Дасан о вынесении справедливого приговора

Корейский ученый-энциклопедист, поэт и комментатор конфуцианских классиков Чон Дасан (1762–1836) оставил после себя обширное письменное наследие по разным отраслям знаний. Особое значение для возвращения к идеальному обществу «золотого века» древности он придавал установлению истины в ходе расследования преступлений и вынесению справедливых приговоров. Этим целям служит отдельное исследование, посвященное проблемам уголовного судопроизводства. Работа написана в 1822 г. и называется «Хымхым синсо». По сути, это – сборник судебных прецедентов, касающихся убийств, снабженный комментариями составителя.

В предисловии автор раскрывает смысл названия: «Хымхым синсо» можно перевести как «Новое пособие по осторожнейшему [назначению наказания]». Из предисловия мы можем почерпнуть сведения об объеме произведения, его структуре, узнать мотивы, побудившие блестяще образованного гуманитария из знатного рода вместо стихосложения и штудирования классиков заняться осмотром трупов, изучением орудий убийств и допросом представителей социальных низов.

«Хымхым синсо» состоит из 30 томов. В первой части автор разбирает выдержки из конфуцианского канона, касающиеся судебной системы, на исторических примерах разъясняет основополагающие принципы правосудия. Во второй части Чон Дасан знакомит читателя с образцовыми примерами судебного делопроизводства. Следующий блок посвящен судебной практике цинского Китая. Самый большой раздел (15 томов) представляет собой анализ уголовных процессов в Корее при ване Чонджо (правил 1776 – 1800). Наконец, в пятой части автор описывает уголовные дела, в расследовании которых принимал участие – по долгу службы или из профессионального интереса. Иными словами, при написании данного сочинения Чон Дасан опирался не только на труды предшественников и обширную документальную базу, но и на личный опыт. Не стоит забывать, что до того, как он был отправлен в ссылку, автор успел поработать на разных должностях: был правителем уезда

(должность, предполагавшая выполнение функций судьи), служил в Палате наказаний (Хёнджо) и даже объездил тайным ревизором провинциальную глубинку.

Необходимость написания подобного труда Чон Дасан объясняет следующим образом. Жизнь человека находится в руках Неба, однако между волей Неба и жизнями простых людей есть «посредник» в лице назначенного из центра местного правителя. Но горе, если из-за нежелания вникать в детали либо в погоне за материальными благами местный правитель вершит неправый суд, злоупотребляя вверенными ему Небом полномочиями. Зачастую судебные разбирательства по делам об убийстве ведутся с недостаточной тщательностью, что приводит к судебным ошибкам. Чон Дасан связывает это также с неопытностью чиновника: бывает, что человек всю жизнь занимался поэтическими экзерсисами и совершенствованием отвлеченных от реальной жизни навыков. А затем его направляют в провинцию руководить каким-то уездом. Будучи не в силах разобраться в тонкостях уголовного судопроизводства, новоиспеченный глава уезда перепоручает расследование своим подчиненным – лукавым и алчным «стрекулистам», которые вершат дела, не считаясь с буквой закона. Выражаясь современным языком, несовершенство правоприменительной практики побудило конфуцианского мыслителя заняться составлением специального пособия по уголовному судопроизводству.

Фактически, книга адресована главам региональной и местной администраций, совмещавшим функции исполнительной и судебной власти. Завершая предисловие, корифей корейского конфуцианства призывает свою «целевую аудиторию» брать пример с государственного деятеля, историографа и поэта сунского Китая Оуян Сю (1007 – 1072), который в свободное от должностных дел время любил перебирать уголовные дела минувших дней. В конце автор еще раз напоминает о необходимости проявлять взвешенность при вынесении приговора.

Работа Чон Дасана «Хымхым синсо» входит в тройку «программных» произведений мыслителя, и в современной Южной Корее изучается не только историками как письменный памятник прошлого, но и правоведами – в поисках ответов на насущные вопросы юридической практики.

Юй Цзе

Китайский язык как «мягкая сила»

После выдвижения американским ученым Дж. Наем теории «мягкой силы», в научных сообществах и на государственном уровне многих стран начали активно изучать и рассматривать язык и культуру как продуктивную альтернативу «жесткой силе». В качестве примера целенаправленной государственной политики мы можем привести США. С начала нового столетия столь же замечательный пример демонстрирует КНР. Китайский язык сегодня по численности пользователей самый распространенный в мире. На нем говорят не только 1,4 млрд. жителей КНР, но и многие жители стран ЮВА. Практически, каждый седьмой человек на планете владеет китайским языком.

В 1987 г. в Китае была создана Государственная Канцелярия по распространению китайского языка за рубежом / «Ханьбань». Ее миссия такова: «посредством китайского языка и в форме лингвокультурных коммуникаций между народами мира распространять китайскую культуру, провозглашать систему ценностей китайской нации» [1]. В последние годы в формулировку языковой политики внесено важное уточнение: «Мы стремимся предоставлять максимальные учебные ресурсы и услуги по китайскому языку и культуре странам всего мира, чтобы как можно полнее удовлетворить потребности иностранных учащихся китайского языка и внести свой вклад в совместное развитие мультикультурализма и построение гармоничного мира» [1].

Вслед за стремительным развитием Китая и усилением его влияния на международной арене вопрос о перспективах расширения сфер применения китайского языка, особенно в научной сфере, приобретает все большую актуальность. Китайские ученые так формулируют этот вопрос: «Сможет ли китайский язык стать вторым по значимости языком после английского?». Китайское правительство предпринимает для этого большие организационные усилия. В 154 странах и регионах мира открыты 548 Институтов и 1193 кабинетов Конфуция, в которых обучается более 2 млн чел. и работает 46,7 тыс. педагогов [2]. Китайские вузы и НИИ привлекают китайских и иностранных специалистов к переводу, пропаганде и распространению в мире произведений китайской

классической и современной литературы, самобытного искусства и философии страны. Китай предоставляет большое количество грантов для обучения иностранных студентов китайскому языку и культуре.

Важность китайского языка в современном мире осознают не только китайцы и иностранцы, работающие в Китае, но и публичные лица, представляющие другие страны. Примером тому служит выступление пресс-секретаря МИДа РФ. М.В. Захаровой.

Исходя из объективной оценки значимости китайского языка, специфики его использования в различных сферах деятельности общества мы, преподаватели китайского языка российских вузов, в первую очередь озабочены повышением эффективности методов преподавания китайского языка российским обучающимся. Вместе с тем, мы понимаем, что любые иностранные языки преподают и изучают не только для того, чтобы заимствовать опыт и плоды человеческого ума чужой культуры. В круг задач специалистов по иностранным языкам также входит еще одна, важная задача – продвижение языка и культуры собственной страны. Вместе с русистами и деятелями различных профильных сфер китаисты, опираясь на свои глубокие знания культурных реалий и традиций обеих стран могут и должны способствовать успешному диалогу культур России и Китая.

Литература

1. 中华人民共和国国家汉语国际推广领导小组办公室 (Китайское национальное управление по продвижению китайского языка (Ханбань) – <http://zujian.xkw.com/7q7947352.html>
2. 李宇明: 《中文怎样才能成为世界第二通用语言》 (Как китайский язык может стать вторым языком в мире? – <http://www.guoxue.com/?p=60150>

Сергеева А.А.

Социальный портрет современного китайского студента (на примере ИСАА МГУ)

В последние годы растет число китайских бакалавров, магистрантов и аспирантов, обучающихся на различных факультетах МГУ, в том числе и в Институте стран Азии и Африки. По данным ино-

странного отдела ИСАА, на февраль 2020 г. в институте насчитывается 91 китайский учащийся. Вслед за динамикой роста численности китайских студентов, расширился диапазон образовательных целей и задач, стоящих перед принимающими студентов кафедрами. В настоящее время большая дополнительная нагрузка легла на многие кафедры и особенно на кафедру китайской филологии ИСАА. Это объясняется переходом почти всех китайских студентов с других языковых кафедр (например, японского или корейского языков) в связи с большими трудностями усвоения иностранных языков через обучение на русском языке.

Нами было проведено исследование с целью изучения социального портрета современного китайского студента. Данное исследование по мере реализации позволило выявить отдельные особенности китайского студенческого сообщества в ИСАА, что создает возможности для корректировки и обновления учебных программ. В основу исследования легли результаты опроса, проведенного с.н.с. Сергеевой А.А. и студенткой исторического отделения Скворцовой Т. среди китайских студентов кафедры китайской филологии и кафедры Юнеско ИСАА МГУ.

В ходе опроса проанкетировано 45 человек (что составляет почти половину от общего числа китайских учащихся). Была проведена идентификация студентов по ряду параметров, таких как: пол, возраст, образовательный уровень до поступления в ИСАА, место рождения и место проживания, в том числе родителей студента, основной язык общения в семье, род занятий родителей, хобби и увлечения, социально-значимые мотивы обучения в РФ, условия проживания в РФ и ряд других параметров.

Результаты опроса показали, что 50% китайских учащихся приехали из северо-восточных и восточных районов Китая, остальные примерно в одинаковой пропорции из южных, центральных и западных районов страны. Почти 90% участников опроса приехали из крупных городов, 70 % используют путунхуа в качестве языка общения с родными и близкими. В основном, к нам приезжают ребята из полных семей со средним или выше среднего материальным достатком. Как правило, это – семьи с высоким (для Китая) уровнем образования родителей: примерно у 70 % опрошенных один из родителей имеет высшее или среднее специальное образование. 45% относят свои семьи к среднему классу и не испытывают се-

рьезных финансовых затруднений. Все китайские студенты ИСАА учатся за свой счет, но при этом 10% из них надеются получить от китайского правительства университетские гранты или субсидии на обучение.

Предпринятая попытка анализа социального портрета китайского студента позволяет сделать ряд методических и психолого-педагогических рекомендаций, которые представлены в подготовленном докладе. Наш основной вывод заключается в следующем: учет национальных особенностей и специфических характеристик поведения китайских студентов в процессе учебы в российских вузах поможет преподавателям повысить эффективность обучения и общения с китайскими студентами, усовершенствовать методику преподавания и повысить заинтересованность китайских студентов в продолжении обучения в нашей стране.

Машикина О.А.

Роль традиционных ценностей в современной идеологии Китая

В 1980-е гг. Китай приступил к полномасштабной социально-экономической модернизации. Одновременно начался процесс пересмотра ценностей, в котором активное участие принимала студенчество страны. В молодежной среде преобладали два направления: абсолютное преклонение перед массовой культурой Запада и резкое отрицание национальной культуры, в первую очередь, конфуцианства и левацкого маоизма как идеологий, которые дважды привели страну на грань национального краха. Характерно, что коммунистическая идеология при этом мирно уживалась с прагматическими ценностями рыночного общества. В конечном итоге их синтез и лег в основу идеологического обоснования стратегии достижения национального процветания и возрождения великого Китая.

Сделав упор на отбор тех знаний и умений, которые отвечают международным стандартам подготовки специалистов высшей категории, китайские вузы в последние годы стали уделять больше внимания формированию идеологического конформизма и национального патриотизма. Во всех китайских вузах в образовательные программы обучения бакалавров в качестве обязательного блока во-

шли такие предметы, как Современная история Китая (2 зач.ед), Мораль и правовая основа (2 зач.ед.), Основы теории марксизма (2 зач.ед), Идеология Мао Цзэдуна и теоретическая система социализма (2 зач.ед). Одновременно проводится много публичных мероприятий, направленных на идеологическое воспитание студенчества.

Для анализа мер идеологического воспитания, предпринимаемых на центральном телевидении Китая, на наш взгляд, особый интерес представляет цикл передач, который можно обозначить как цитатник Си Цзиньпина [1]. Известные китайские ученые, эксперты по древней культуре подробно разъясняют участвующим в программе студентам ведущих университетов страны, как понимать цитаты из древнекитайских философских канонов, которые часто использует в своих речах генеральный секретарь КПК Си Цзиньпин, когда говорит о нынешних и будущих задачах развития страны.

По сути, продвижение культурного наследия в тесной увязке с коммунистическими идеалами направлено на то, чтобы уменьшить влияние западной массовой культуры и ценностей потребительского общества на подрастающую смену строителей «социализма с китайской спецификой». Такая пропаганда напоминает кампанию по героизации солдата НОАК Лэй Фэна, который бескорыстно помогал старшим товарищам, крестьянам и старикам. В годы «культурной революции» Лэй Фэн служил образцом альтруизма и верности коммунистическим идеалам. Новые образцовые примеры для воспитания молодежи, к которым апеллирует Генсек СИ, не столь идеологизированы, как прежде, однако формат воспитания ценностей у молодого поколения остается прежним: учитель\в данном случае Генсек говорит, а учащийся\в данном случае вся страна внимательно впитывают знания, преподносимые им в готовом к употреблению виде уважаемым ученым мужем, в данном случае Учителем с большой буквы, руководителем всей страны. Дискуссия, анализ, антитеза как методы формирования сознания и культуры отсутствуют в этом проекте, что с одной стороны, на наш взгляд, свидетельствует о прямой связи с национальными традициями беспрекословного послушания и уважения старших, а с другой, вызывает вопрос: как в этих условиях можно воспитать у молодежи критическое мышление, наличие которого, наряду с другими мягкими навыками XXI в., является основой и условием перехода от индустриального к инновационному типу развития общества?

На этот вопрос, вероятно, можно услышать следующее возражение: китайская нация всегда в конечном итоге преодолевала внешние угрозы, приспособливалась во благо себе достижения других народов, укрепляя свою самобытную цивилизацию, а раз так, зачем культивировать в молодежи критическое мышление, если это может подорвать устои и стабильность страны? Ответы на эти вопросы лежат в плоскости выбора между ценностями безопасность и стабильность или альтернативными им ценностями развития и самовыражения. Но это уже другая тема, требующая глубинного исследования.

Литература

1. 百家讲坛》特别节目《平“语”近人——习近平总书记用典》。—《Трибуна-форум 100 школ》。Серия специальных передач «Словарь Генерального секретаря Си Цзиньпина: простым языком, сближающим людей》。— <http://xcb.henu.edu.cn/info/1022/2011.htm>

Кособуцкая Ю.Б.

Роль иероглифики в культуре Китая

Китайское иероглифическое письмо — одна из древнейших в мире систем письменности. Иероглифика является неотъемлемой частью культуры Поднебесной, а каллиграфия как умение красиво изображать иероглифы считается одним из главных достояний Китая. Невозможно представить китайский язык без иероглифов, ведь то, что сформировалось несколько тысяч лет назад, нельзя просто вычеркнуть или упразднить.

Иероглифика является живой системой, которая за историю своего существования претерпевала немало изменений. Традиционная иероглифика продолжает существовать на юге Китая, на севере же пользуются упрощенным иероглифическим письмом. В результате упрощений многие графические элементы иероглифа, которые несли в себе определенный смысл, не просто подвергались редукции, а банально заменялись одной чертой как, например, в иероглифе «лошадь». Всего насчитывается пять основных стилей китайской каллиграфии, каждый из которых по-своему уникален.

Безусловно, владение навыками иероглифического письма, знание иероглифов и умение их распознавать и читать во все времена

свидетельствовали о грамотности человека. Только те, кто умел не только писать иероглифы, но и выражать на письме свои мысли, могли добиться больших успехов в продвижении по государственной службе. В императорском Китае среди чиновников и военных не было безграмотных, а письменный экзамен входил в список основных испытаний для тех, кто мечтал о службе при дворе, при чем оценивались не только содержание, но и красота письма. Владение мастерством иероглифического письма свидетельствует об удивительном складе мышления, о способности к совершенно иному восприятию смысла не через буквы, а через графические символы. С начала XX в. все больше людей начали стремиться к тому, чтобы уметь читать и писать. Сейчас мы видим, насколько трудоспособен китайский народ, с каким трудолюбием и энтузиазмом ученики и студенты постигают науку, иностранные языки, а также мы видим, как бережно они относятся к своей культуре и, в частности, к иероглифике.

Люди, живущие в разных провинциях, могут говорить на разных диалектах, иногда один диалект настолько отличается от другого, что собеседникам просто невозможно понять друг друга. Тогда на помощь приходит иероглифика, которую понимают во всем Китае, которая является универсальным средством общения для всех китайцев, независимо от места проживания и принадлежности к тому или иному национальному меньшинству.

В современном мире по тому, как человек пишет иероглифы, можно зачастую судить о его характере. Если иероглифы написаны правильно и ровно, с соблюдением всех правил, то такой человек обладает выдержкой и усидчивостью, с таким человеком можно вести серьезные дела. Сейчас каллиграфия приобрела большую популярность как искусство. В разных странах, в том числе и в России, проводится множество внутриуниверситетских, межвузовских и международных конкурсов по каллиграфии, что, несомненно, повышает интерес к культуре Поднебесной.

Хотя в Китае неоднократно поднимался вопрос о радикальных переменах в письменном языке, вплоть до перехода на алфавит, но иероглифика остается одним из средств национальной консолидации и сохранения культурной самобытности. Можно с большой долей уверенности утверждать, что полного отказа от иероглифики в Китае никогда не произойдет.

Гун Хэнсин

Поэзия Ши Цы: от политики к культуре

Жанр «ши» берет своё начало в конфуцианстве. Для Конфуция и его последователей поэзия «ши» была своеобразным инструментом пропаганды учения. Целью поэзии конфуцианства было не стремление показать внутренний мир отдельного человека, но заострение внимания на общественных пороках. Автор «ши» – не рефлексивная личность, но сдержанный, благородный муж, не проявляющий эмоций, которые невозможно контролировать. Тогда форма «ши» была строго детерминирована и представляла собой строки длиной в 5 или 7 иероглифов.

В эпоху Тан (618–907) растёт интерес к переживаниям и чувствам человека. Любовь и личное счастье в раннетанскую эпоху по-прежнему считались недостойными внимания образованного человека, поскольку воспринимались как естественные потребности наравне с нуждой в пище и воде, удовлетворение которых не заслуживает поэтического воспевания. Собственно^ любовная лирика «цы» появляется в позднем периоде династии Тан, когда конфуцианство переживает некоторый кризис. В это время в обществе формируется убеждение, что стремление к личному счастью – неотъемлемое и достойное уважения право каждого человека. Изначально «цы» возникает в форме песенной лирики, исполняемой под аккомпанемент музыкальных инструментов. Меняется и структура стихов: вместо строго установленной формы появляется форма свободная – число строк, иероглифов в каждой строке, ритмический рисунок могли быть любыми и зависели от мелодии. Нам известно более 600 мелодий, послуживших основой для создания цы. В эпоху Тан «цы» обычно исполнялись на банкетах женщинами, но с течением времени они становятся все более популярными и в период Пяти династий (907–960) перестают ассоциироваться исключительно с развлечением и женскими голосами и становятся самостоятельным видом творчества. В это время к «цы» обращаются все больше поэтов.

Эпоха Сун (960–1279) внесла в жизнь Китая огромные перемены, касающиеся как социальной, экономической, так и интеллектуальной сфер. С этого времени главными развлечениями образованных кругов Китая становятся живопись и литература, коллекционирование

книг и произведений искусства, каллиграфия, создание садов и тому подобные занятия. В это время «цы» становится самостоятельным и важным жанром классической поэтической традиции Китая. Он перестает служить исключительно для выражения любовных чувств, становится более разнообразным. Сунские поэты начинают видеть в нем форму, с помощью которой можно выразить все главные темы и образы, присущие китайской поэзии: размышления о быстротечности жизни, расставание с близкими людьми, радость встреч, тоска по родным краям, смена времен года. В стихотворениях «цы» можно найти глубокие философские идеи.

Закончить выступление я бы хотела стихотворением Ли Цинчжао

《如梦令·昨夜雨疏风骤》

昨夜雨疏风骤，浓睡不消残酒，
试问卷帘人，却道海棠依旧。
知否，知否，应是绿肥红瘦。

Ночь сегодня ненастной была, Дождь и ветер стучали в окно.

И под шум их я крепко спала, Только хмель не прошел все равно.

Шум шагов. Шорох шелковых штор. И разлился по комнате свет...

Я спросила: «С бегонией что? Или за ночь осыпался цвет?»

Неужели она – Как была, Неужели Не отцвела?»

«Нет. Но красного меньше на ней, Оттого она зеленой».

(Мелодия «Жумэнлин»). Перевод от М.И. Басманов. «Строфы из граненой яшмы».

Сун Лей

**Новая эра развития социализма
с китайской спецификой. Цивилизационный подход**

Идеи Си Цзиньпина о новой эре развития социализма с китайской спецификой содержат адаптированные к современным условиям знания и опыт государственного строительства, накопленные за тысячи лет существования китайской цивилизации. В их основу положена китайская традиционная культура и опыт административно-политического управления. Последовательное развитие и преумножение исторического наследия позволяет прокладывать инновационные пути развития страны, ведут народ Китая к зажиточной жизни, обеспечивают силу и мощь страны.

Китайская традиционная цивилизация успешно существует с древних времён до наших дней. Способность китайской цивилизации трансформироваться и использовать на благо народа Китая и развития государственности страны достижения и учения других цивилизаций и культур, проявились, например, в «китаизации» индийского буддизма, который стал распространяться в Китае, имея на тот момент своего рода духовное превосходство. За короткое время он смешался с традиционными учениями, глубоко проник в культуру страны и превратился в неотъемлемую часть китайской цивилизации. То же произошло и с марксизмом. Маоизм был формой марксизма, характерной для Китая на момент образования КНР в 1949 г. Позже были сформированы и успешно претворены в жизнь принципы теории социализма с китайской спецификой, и мы видим, как в XXI в. социализм с китайской спецификой «работает» на благо страны и народа.

Западная индустриальная цивилизация по многим параметрам превосходит уровень развития Китая, но благодаря особому цивилизационному «коду», Китай успешно адаптирует западные технологии в целях собственного научно-технического развития и выходит на форпост научно-технических и даже военных разработок. Цивилизационный подход предполагает определённые принципы, которые имеют характерную «региональность» и «общественный характер».

В древних трактатах можно встретить такое изречение: мандариновый куст ведёт себя по-разному в разных природных условиях произрастания. То же самое можно сказать про цивилизацию. 30 лет Китай проводит курс реформ и открытости. Страна уже восприняла определённый дух западной современной цивилизации, например, концепции развития, верховенства права, рыночной экономики и т.д. Но в то же время в ходе восприятия привнесённого извне опыта используется способ адаптации западной культуры при сохранении корпуса китайских ценностей и марксистских идей, чтобы все приобретения китаизировались, проявляли в себе китайскую специфику и национальный характер.

На 19-ом съезде КПК в 2017 г. генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин говорил о стратегии развития социализма с китайской спецификой как о новой эпохе экоцивилизации. Развитие западной индустриальной цивилизации дало человечеству в XX в. невиданное ранее богатство и экономическое процветание, но одновременно

оно вызвало загрязнение воздуха, ухудшение окружающей среды, истощение ресурсов мира. Социалистическая экоцивилизация Китая будет новым типом цивилизации, совмещающим развитие индустриализации и защиту экологии. Китайцы верят, что они смогут создать прекрасный Китай, где по словам Генерального секретаря КПК Си Цзиньпина, будет «синее небо, зеленая трава и чистая вода», покажут человечеству новый цивилизационный путь поступательного развития. С этой точки зрения путь социализма с китайской спецификой даёт миру новый формат развития и новую форму цивилизации.

Латин П.А.

Особенности распространения русского языка в Китае в начале XX в. (историко-географический аспект)

В конце XIX – начале XX вв. по мере развития политических и торгово-экономических контактов России с Цинской империей китайские администраторы начали открывать у себя школы русского языка. По информации российского посольства в Пекине, в 1906–1908 гг. русский язык преподавали в 13 учебных заведениях [1: д. 2042, л. 131–132об; 3: л.52–53об]. Места их расположения и содержание обучения позволяют выявить некоторые закономерности политики по поддержке нашего языка в Цинской империи.

Профильные школы сначала были открыты в Пекине (Школа русского языка при Дворцовой канцелярии (1708 г.), пекинская Школа иностранных языков *Тунвэньгуань* (1862)). Двусторонние контакты раннего периода были сосредоточены в китайской столице, поэтому потребность в кадрах ощущалась прежде всего там.

В провинциях такие учебные заведения начали создаваться лишь в первых годах XX в. К столичным школам добавились учебные центры на Северо-Востоке империи (Цицикар, Харбин, Гиричунь, Хуньчунь), Синьцзяне (Урумчи и Или) и Центральном Китае (Учан (совр. район Уханя), Гуанчжоу). Появились они либо в приграничных районах, либо в местах активной коммерческой деятельности наших купцов и промышленников. «То обстоятельство, что китайцы сами открывают подобные школы в <...> пунктах более или менее близких к границам с Россией, кажется вполне естественным и понятным. <...> мы видим, что для изучения русского языка ими учреж-

дены школы <...> к югу от бассейна Янцзы, далее которого русские торговцы решительно никогда не простирали своей деятельности» [1: д. 2045, л. 4об].

Подготовка русистов осуществлялась при помощи дидактических пособий, разработанных российскими преподавателями с учетом узкой специализации учебного заведения (торговые, переводческие, технические). Содержание учебных планов показывает, что язык изучался только с целью общения с россиянами на заданные темы.

Изучение истории распространения русского языка в Китае в начале XX в. показывает, что подготовка переводчиков русского языка осуществлялась исключительно в практических целях. Обучение велось в специальных учебных заведениях, расположенных в местах наибольшей активности двух империй. Говорить о формировании научной русистики в Китае того времени, судя по всему, было еще преждевременно – научного анализа русского языка, в том числе его грамматических, лексических, фразеологических аспектов, не производилось. И это притом, что благодаря помощи россиян столичные учебные заведения уже со второй половины XIX в. были способны готовить специалистов с хорошим знанием русского языка, которые впоследствии могли заниматься составлением учебных пособий, грамматик и словарей для более эффективной подготовки русистов следующих поколений. Сохранились, например, упоминания о профессиональном переводчике русского языка Гуй Жуне, который и после завершения обучения в пекинской Тунвэньгуань продолжал совершенствовать свои знания русского языка. «Многоуважаемый наш учитель, Афанасий Ферапонтович, – в 1868 г. писал китаец своему бывшему русскому учителю А.Ф. Попову, – вы советовали нам знакомиться и разговаривать с русскими, ваш совет очень хороший, очень благодарим вас за вашу заботу о нас. Мы и будем так делать» [2, л. 1, 6об–7].

Литература

1. Архив внешней политики Российской империи (АВП РИ). Фонд 143, опись 491, дело 2042, 2045.
2. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Фонд 1385, опись 1, дело 2019.
3. Российский государственный исторический архив (РГИА). Фонд 560, опись 28, дело 780.

Кириллов А.В.

Эпидемия коронавирусной пневмонии в Китае: предварительная оценка

Эпидемия коронавирусной пневмонии нового типа оказала серьезное влияние на политическую обстановку и экономическое положение КНР, отразилась на имидже страны на международной арене и ее внешних связях. Ряд моментов, прежде всего, по экономическому, а отчасти и политическому положению Китая, еще предстоит оценить по итогам года. Однако уже сегодня можно утверждать, что эпидемия заняла свое место в китайской и мировой истории.

1. Важным вопросом стало происхождение коронавирусной инфекции. В китайском экспертном сообществе идет скрытая полемика по поводу происхождения вируса и его распространения. Среди дискутируемых вариантов – «естественное» происхождение вируса, промежуточными «хозяевами» которого явились летучие мыши, змеи и панголины. Появились также предположения, что вирус был создан искусственно на волне достижений геномной инженерии, и каким-то образом «вырвался на свободу». Китайская сторона уже на официальном уровне продвигает версию, что «первоначальный источник эпидемии нового коронавируса не обязательно был в Китае». Возможно, китайские специалисты знают больше, чем говорят.

2. Китай в целях обуздания эпидемии принял беспрецедентные карантинные меры. Фактически было отменено празднование традиционного Нового года, закрылись учреждения культуры и туристические объекты, перестали работать торговые площадки, прекратили свою деятельность либо перешли к работе в режиме «удаленного доступа» все учреждения и компании. На карантин были закрыты целые города. Суровые меры введены за распространение ложных слухов в обществе и в соцсетях. Были сообщения об арестах блогеров, которым инкриминировалось распространение фейков.

3. Вспышка коронавирусной пневмонии оказала значительное влияние на внутривластную жизнь страны. Власти, вынужденные пойти на непопулярные, но единственно возможные в нынешних условиях меры, одновременно предприняли дисциплинарные шаги. Наказанию подвергся ряд региональных чиновников, допустивших просчеты на начальном этапе борьбы с распространением вируса. Однако наиболее значимым событием стало решение постоянного

комитет ВСНП о переносе из-за распространения заболевания на неопределенный срок очередной 3-й сессии 13-го созыва. Данное решение нарушило устоявшийся за два с лишним десятилетия порядок проведения форума высшего законодательного органа Китая. Эпидемия стала вызовом для политической системы Китая и персонально для лидера страны – председателя КНР Си Цзиньпина. Но можно высказать предположение, что эпидемия, хоть и стала серьезным экзаменом на прочность всей партийно-государственной системы Китая, в итоге позволила в выгодном для высшего руководства ключе продемонстрировать собственному населению и международному сообществу «монolithicность» сцепки партии и масс, способность страны преодолевать трудности под руководством КПК.

4. Хотя эпидемия негативно отразится на показателях первого и второго кварталов 2020 года, большинство китайских экспертов склонны считать, что вспышка коронавируса незначительно повлияет на развитие страны в долгосрочной перспективе. Одновременно Китай готовится воспользоваться трудностями, которые уже испытывает электронная промышленность Японии и Южной Кореи, чтобы перехватить заказы из ЕС, России и других стран и регионов.

5. Вспышка коронавируса, казалось бы, должна была благотворно повлиять на сферу онлайн-торговли Китая. Однако на фоне эпидемии покупатели потеряли интерес к классическому шоппингу: их не интересуют одежда, обувь, товары для развлечений, зато особой популярностью стали пользоваться маски и средства защиты. На этом фоне в первые дни вспышки коронавируса спекулятивные цены на маски достигали 700 юаней за штуку (около \$100).

6. В условиях карантина своеобразное развитие получила китайская культура. Запертые в пределах своих квартир и жилых комплексов китайцы заполнили Chinanet и социальные сети произведениями разного рода – короткими рассказами, видеороликами, фотографиями, рисунками, анимированными сюжетами. Очень интересной оказалась «карантинная поэзия», откровенно отразившая и панические настроения, и фобии, и надежды людей. В целом это творчество, сдерживаемое рамками контролируемых средств распространения, носило патриотический характер, однако проявлялись и критические нотки.

7. Китай болезненно реагирует на все случаи действительного или предполагаемого притеснения китайских граждан за рубежом,

на антикитайские выпады. Особенно часто предметом критики в официальных материалах и соцсетях стали антикитайские статьи и заявления в США. Наиболее характерным моментом в этом плане стало решение китайских властей аннулировать аккредитацию трех корреспондентов «Уолл-стрит джорнэл» в Пекине из-за публикации газетой статьи под заголовком «Китай – настоящая больная Азия».

8. Эпидемия коронавируса в Китае, как видим, приобрела не только национальное, но и всемирно-историческое значение. COVID-19 стала первой пандемией в «две эпохи» – «новую эпоху» Си Цзиньпина в Китае со всеми ее специфическими чертами и новую информационную эпоху в мире. Вспыхнув в КНР, эпидемия выплеснулась за пределы Поднебесной, так или иначе затронув десятки стран. Еще более ощутимым стал информационный взрыв, в котором подлинные факты смешались с фейками, огромное количество версий и гипотез сталкивались друг с другом, усиливая международную напряженность и недоверие. Углубленная оценка этого явления еще впереди (хотя бы потому, что пандемия на момент написания этих тезисов еще только распространяется в ряде стран).

Актуальные проблемы Центральной Азии и Кавказа

Батырбеккызы Г.Б., Косанбаев С.К.

Научное наследие Аль-Фараби

Ученый должен обосновывать свое понимание духовно-нравственного становления человека и его концепция должна носить форму логически упорядоченной целостности. Результаты такой самостоятельной работы мысли над вопросом о духовно-нравственном становлении человека и путях его совершенствования могут выливаться в самые различные формы, и, стало быть, представить перед нами в виде самых различных феноменов: мифов, религиозных учений, произведений художественной литературы, живописи, музыкального искусства, философских трактатов, народных сказаний, пословиц. В каждом из названных выше феноменов вопрос о духовно-нравственном становлении человека решается специфическими средствами. Нас в данном случае интересует вопрос: в чем специфика исторического рассмотрения проблемы духовно-нравственного становления человека в трудах мыслителей прошлого? На наш взгляд, как китайский, так и арабо-мусульманский вариант в решении проблемы духовно-нравственного становления человека – это предельно развитая культурная позиция здравомыслящего и социализированного человека.

Следуя нашему рассуждению, уточним, в первую очередь, смысл выражения «духовно-нравственное становление человека», т. е. уточним понятия «духовно-нравственное становление» и «человек». «...Понятие духовности есть укоренение понятия «нравственность», его углубление и расширение до понятия «генетического» онтологического основания нравственности, до ее объективно сущего реального над-природного источника» [1].

Особо следует отметить, что выражение «духовно-нравственное становление человека» касается не только человека определенной исторической эпохи. Все эти вопросы являются конкретизацией более общего вопроса о «духовно-нравственном становлении человека» как такового. Как мы можем видеть из вышесказанного, решение проблемы «духовно-нравственного становления человека», в первую очередь, требует выявления в человеке того онтологического «уровня», тех способностей, сил, которые являются специфически человеческими, отличают его от других сущих. «Именно этим сущностным, светлым и одухотворяющим началом человек разительно отличается от всего остального в Мироздании. Именно им он бесконечно ценен для мира. Человек есть ценность, прежде всего, потому, что он уникален своими духовными качествами среди законов и явлений материальной Вселенной. Отсюда очевидно, что назначение человека в мире – вносить в мир духовность, то есть душевное тепло, любовь...» [2].

Совершенно справедливо утверждение Г.К. Курмангалиевой о том, что «Философия аль-Фараби потому и актуальна сегодня, что сумела войти в эпицентр дискуссий и поисков ответов на фундаментальные проблемы бытия человека эпохи исламского средневековья и найти на них ответы, отвечающие универсальному предназначению человека, его разума и сердца. В них мы находим общечеловеческое содержание, делающее нас современниками и сотворцами мировой культуры».

Литература

1. *Гуревич П.С.* Человек как объект социально-философского анализа // Проблема человека в западной философии. – М.: Прогресс, 1988. – С. 504.
2. *Нысанбаев А.Н.* Гуманистический потенциал философского образования // Аль-Фараби. – 2007. – № 4 (20). – 109 с. – С. 4

Гаджиева А.А.

Преимственность духовных ценностей Аль-Фараби

Интерес народа к своей культурной истории определяется, прежде всего, стремлением к установлению его самоидентификации, исторического развития и становления. В связи с этим не могу не со-

гласиться с тем, что «история Казахстана должна быть понята с высоты современной науки, а не по ее отдельным фрагментам, так как, во-первых, большинство протогосударственных объединений, образовались на территории Казахстана, став одним из элементов этногенеза казахской нации. Во-вторых, те выдающиеся культурные достижения не были привнесены в степь, а в большинстве случаев родились именно на этой земле и лишь затем распространились на Запад и Восток, Север и Юг» [4]. Здесь важно отметить, что культурная история Казахстана является общей для многих тюркских этносов, проживавших не одно столетие на этой территории, и внёсших большой вклад в единое культурное наследие. И одним из ярких представителей общетюркского культурного пространства средневековья является выдающийся ученый и мыслитель IX – X вв., уроженец города Отрар Абу Наср аль-Фараби.

Известно, что Аль-Фараби много путешествовал в поисках знания, переезжая из города в город, что было в обычаях того времени. Свои знания он получал в центрах культуры и науки Бухаре, Самарканде и Шаше (Ташкент), а продолжил в городах Арабского халифата Багдаде, Дамаске и Антиохии. В результате, получив разностороннее энциклопедическое образование, он оказался в числе первых переводчиков и комментаторов сочинений греческих философов, в первый очередь Аристотеля.

Расцвет творчества и деятельности Аль-Фараби приходится на время правления Аббасидов, когда зародилась арабо-мусульманская философия, связанная с усвоением греческой философской мысли и эллинистического культурного наследия. И именно этот период жизни и творчества выдающегося мыслителя ознаменован появлением его трудов по многим областям знания, которые явили миру образцы философской и научной мысли. Не каждому в мировой истории дается высокое звание второго после Аристотеля Учителя. И этот представитель – выходец из тюркской среды, культурный феномен которого оказался способным осуществить преемственность античного и средневекового знания, углубить и развить его в исламской культуре и, благодаря последователям, передать последующим поколениям [3: 6].

Несомненно, передача и усвоение культурных ценностей от поколения к поколению является закономерностью исторического развития. Доказательством этому служит то, что философские

и социально-этические воззрения Аль-Фараби нашли традиционное продолжение в сочинениях известных писателей и мыслителей последующих эпох. Согласно аль-Фараби, благоприобретенный интеллект – это актуальный интеллект, рассматриваемый со стороны субъекта, как реализация его способности постигать, превращать формы внешних предметов в собственные формы [2: 30]. В данном случае ученый подразумевает познавательную деятельность человека. Ребенок, рождаясь, попадает не только в мир реальности, но и в мир условностей. Он учится понимать и оперировать знаками всякого рода.

Спустя почти девять столетий многие постулаты аль-Фараби оставались актуальными, и нашли свое продолжение в трудах Абая Кунанбаева, Шакарима Кудайбердиева и др. В «Словах назидания» Абай пишет: «Человек не появляется на божий свет разумным. Он становится им, слушая людей, видя их дела, трудясь в поте лица. Человек набирается ума, запоминая слова мудрых. Но любая беседа, какой бы она ни была поучительной, сама по себе ничего не даст. Из услышанного, подобно тому, как очищают зерно от шелухи, надо выделить истину, которую можно употребить с пользой. Так шлифуется разум человека» [1: 161].

Наследие Аль-Фараби и сегодня не теряет свою актуальность, имеет высокий нравственный смысл, ориентировано на совершенствование человека и его приобщение к миру высших ценностей.

Литература

1. *Абай Кунанбаев* Стихи. Слова назидания. М.: Русская книга, 2003 – 240 с.
2. *Аль-Фараби* Философские трактаты. Алма-Ата: Наука, 1972 – 430 с.
3. *Идеалы аль-Фараби и социогуманитарное развитие современного Казахстана*. Коллективная монография. Коллективная монография / Под общ. ред. З.К. Шаукеновой. – Алматы: ИФПР КН МОН РК, 2014 – 232 с.
4. *Назарбаев Н.А.* Семь граней Великой степи. <https://www.akorda.kz/ru/events/statya-glavy-gosudarstva-sem-granei-velikoi-stepi>

Жигульская Д.В.

Аль-Фараби в турецкой историографии

Настоящий доклад представляет собой подробное описание и анализ научных работ, выполненных в Турции за последние 70 лет и посвященных одному из крупнейших представителей средневеко-

вой восточной философии аль-Фараби. Особое внимание уделяется новейшим исследованиям в этой области. При этом они классифицируются по нескольким группам: 1) библиографические работы, посвященные аль-Фараби; 2) сочинения аль-Фараби, переведенные на турецкий язык; 3) книги и научные статьи; 4) дипломные работы и диссертации.

Первая работа **библиографического характера** в Турции, посвященная аль-Фараби, принадлежит Ахмеду Атешу и написана в 1951 г. *Ahmed Ateş, «Fârâbî'nin Eserlerinin Bibliografyası», Fârâbî Tetkikleri I, İstanbul, 1951, s. 11–126.* Дополненная версия статьи вышла в *Bellekten, c. XV, sy.57 (Ocak 1951), s.175–192.* В ней автор приводит перечень работ аль-Фараби (около 160), указывает места хранения рукописей, а также перечисляет имеющиеся печатные издания, комментарии к ним и переводы.

Следующая библиография вышла в свет в 1973 г. в Анкаре и была приурочена к 1100-ой годовщине со дня рождения аль-Фараби. Авторами этой работы являются Мюжган Джунбур, Исмет Бинарк и Неджат Сеферджиоглу. В данном библиографическом исследовании основное внимание уделялось рукописям и печатным изданиям сочинений аль-Фараби, комментариям и переводам, а также приводилось описание книг и статей, посвященных аль-Фараби. *Müjgân Cünbur, İsmet Binark, Nejat Sefercioğlu, «Fârâbî Bibliografyası, Kitap-Makale (Doğumunun 1100'üncü Yıldönümü Münasebetiyle)», Ankara 1973, XX + 115 s.*

Также стоит отметить исследования историка Сулеймана Тюлюджю (*Süleyman Tülücü*). В 1987 г. он опубликовал статью, в которой рассматривались работы турецких исследователей жизни и творчества аль-Фараби. *Süleyman Tülücü, «Fârâbî Bibliografyası'na Bâzi İlâveler», Türk Kültürü Araştırmaları, sy.48 (Haziran 1987), s.191–208.* Это исследование в дополненном виде было переиздано в 1995 г. *Süleyman Tülücü, İbrahim Hakkı Aydın, «Fârâbî Bibliografyası'na Bâzi İlâveler», Türk Kültürü Araştırmaları, Prof. Dr. Talip Yücel'e Armağan, XXXIII/1–2 (1995), s.255–286.*

Среди **переводов** сочинений аль-Фараби на турецкий язык стоит отметить работы Мехмеда Байракдара (*Mehmet Bayraktar*) (1997 г.); Ахмеда Арслана (*Ahmet Arslan*) (1999 г.); Хюсейина Атая (*Hüseyin Atay*) (2001 г.); Мехмеда Дага (*Mehmet Dağ*) (2003 г.) и некоторые другие.

Примечателен **ряд книг и статей** турецких авторов, исследовавших философское направление творчества аль-Фараби. Сравнительный анализ *проблемы создания* на примере работ аль-Фараби и ибн Сины предлагает работа Хюсейина Атая, изданная в Анкаре в 1974 г. *Hüseyin Atay, «Fârâbî ve İbn Sînâ'ya Göre Yaratma», Ankara Üniv. İlahiyat Fak. Yay., Ankara 1974, 158 s.*

Статья Садыка Тюркера посвящена проблеме соотношения языка и логики у аль-Фараби. *Sadık Türker, «Fârâbî'de Dil ve Mantık İlişkisi», Kutatgubilig, Felsefe-Bilim Araştırmaları, sy.1 (Ocak 2002), s.137–175.* Кроме этого в докладе подробно будут освещены статьи Кемаля Созена (*Kemal Sözen*), Ильхана Кутлуера (*İlhan Kutluer*), Шенюла Коркута (*Şenol Korkut*) и др.

Заслуживает внимания ряд **выпускных квалификационных работ и диссертаций** по теме. Среди них, например, диссертация Омера Махира Альпера, выполненная и защищенная в 1998 г. в университете Мармара. *Ömer Mahir Alper, «Kindî, Fârâbî ve İbn Sînâ'da Akıl-Vahiy/Felsefe-Din İlişkisi».* Исследование примечательно тем, что представляет собой анализ взаимоотношений философии и религии на примере сочинений аль-Кинди, аль-Фараби и ибн Сины. В 2000 г. диссертационное исследование в дополненном виде вышло в свет в виде книги. *İslâm Felsefesinde Akıl-Vahiy, Felsefe-Din İlişkisi- Kindî, Fârâbî, İbn Sînâ' Örneği (İstanbul 200, 247 s.)*

Таким образом, проанализировав ряд довольно многоплановых работ турецких исследователей, можно заключить, что историческая личность аль-Фараби и его сочинения весьма широко отражены и подробно изучены в современной турецкой историографии.

Досова Б.А.

Аль-Фараби и модернизация общественного сознания в современном Казахстане

Гуманистическое содержание наследия Абу Насра аль-Фараби становится актуальным в рамках духовного возрождения казахской нации и модернизации сознания казахстанского общества. На современном этапе перед учеными-гуманитариями Казахстана стоит сложная задача обратиться к творческому наследию аль-Фараби как источнику, который послужит одним из остовов для развития совре-

менной казахстанской государственности. Конкретные шаги в этом направлении были озвучены в программных статьях первого президента Казахстана Н.А. Назарбаева «Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания» (12.04.2017 г.) [1] и «Семь граней великой степи» (21.11.2018 г.) [2]. Обе статьи легли в основу программы «Рухани жаңғыру» («Духовное возрождение»), основная цель которой заключена в сохранении и приумножении духовных и культурных ценностей нации.

Статья «Семь граней великой степи» состоит из двух взаимосвязанных тематических блока. Первый блок «Пространство и время национальной культуры» состоит из 7 подпунктов: Всадническая культура, Древняя металлургия Великой степи, Звериный стиль, Золотой человек, Колыбель тюркского мира, Великий шелковый путь, Казахстан – родина яблок и тюльпанов. Второй раздел «Модернизация исторического сознания» состоит из 6 подпунктов: Архив – 2025, Великие имена Великой степи, Генезис тюркского мира, Музей древнего искусства и технологий Великой степи, Тысяча лет степного фольклора и музыки, История в кино и на телевидении. В пункте «Великие имена Великой степи» Елбасы отводит особую роль наследию Аль-Фараби в духовном возрождении казахской нации и модернизации исторического сознания современного казахстанского общества. Действительно сложно переоценить всю глубину мыслей Аль-Фараби, которые не утратили своей актуальности и на современном этапе.

В независимом Казахстане Аль-Фараби стал одним из исторических личностей, образ которого лег в основу возрождения тюркско-мусульманского самосознания казахского народа. Поэтому очень важно, чтобы мероприятия, запланированные в 2020 г. в Казахстане в рамках празднования 1150-летия великого мыслителя, должны пробудить истинный интерес к наследию Аль-Фараби. Например, на базе КазГНУ имени аль-Фараби планируется открыть Международный центр фарабиеведения с изданием онлайн-журнала. По всей республике будут проведены научные мероприятия, изданы на разных языках труды ученого, сняты документальные фильмы и т.д. Главный симпозиум на тему «Аль-Фараби и мировая цивилизация» состоится в г. Нур-Султане [3]. Более того, юбилей включен в Календарь памятных дат и событий ЮНЕСКО, а также будет широко отмечаться на международных культурных площадках

при поддержке ИСЕСКО, ОИС, ТЮРКСОЙ и других организаций [4]. Научные симпозиумы планируют провести в Турции, Иордании, Китае, Италии, Египте, Болгарии и других странах мира. При посольствах откроются Центры аль-Фараби. Заявленные юбилейные мероприятия вызовут интерес у мирового интеллектуального сообщества к изучению наследия Аль-Фараби.

На наш взгляд, модернизация общественного сознания в современном казахстанском обществе как раз должна заключаться в нахождении культурного кода, который сыграет важную роль в возрождении исторической памяти и духовности.

В целом, наследие Аль-Фараби актуально и поэтому может дать ответы на многие вопросы современности, связанные с проблемой духовности в условиях модернизации общественного сознания.

Литература

1. Статья Главы государства «Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания» [ЭР]. Режим доступа: https://www.akorda.kz/ru/events/akorda_news/press_conferences/statya-glavy-gosudarstva-vzglyad-v-budushchee-modern-izaciya-obshchestvennogo-soznaniya
2. Статья Главы государства «Семь граней Великой степи». [ЭР]. Режим доступа: <http://www.akorda.kz/ru/events/statya-glavy-gosudarstva-sem-granei-velikoi-stepi>
3. К 1150-летию Аль-Фараби. [ЭР]. Режим доступа: <https://www.kaznu.kz/RU/3/news/one/17679/>
4. В Казахстане официально дан старт празднованию 1150-летия аль-Фараби. [ЭР]. Режим доступа: https://www.kazinform.kz/ru/v-kazahstane-oficialno-dan-start-prazdnovaniyu-1150-letiya-al-farabi_a3608926

Зайцев И.В.

О происхождении основателя Крымского ханства Хаджи-Гирея

Происхождение и ранние годы основателя Крымского ханства Хаджи-Гирея в источниках отражены плохо. Согласно трактату Михалона Литвина, составленному в 1550 г., хан «Ачкирей (Aczkirei)» родился близ Трок (современного Тракая в Литве) [Литвин, 1994, с.64–65]. Поздняя легенда даже сообщает нам имя его матери – Асия (Narbutt, 1839).

Восточные источники более подробны. Во-первых, мы точно знаем, что у его отца Гийас ад-Дина было четверо детей: двое сыновей (Хаджи-Гирей и Джанай или Джан-Гирей) и двое дочерей. Согласно «Му'изз ал-ансаб» их звали – Султан-насаб и Шах-насаб [Муизз, 2006, с.45; Сборник, 1941, с.61].

Во-вторых, мы можем точно указать на происхождение матери крымского хана. В «Кара таварих» Утемиша-хаджи в повествовании о ранних годах и скитаниях братьев Хаджи-Гирея и Джихан-Гирея, которые спасались от преследований Сейид Ахмеда, о происхождении будущего крымского хана сказано так: «Сейид Ахмад стал ханом и отправил человека, чтобы их убить. Узнав это, эти двое сбежали в сторону реки Озю (اوزی, т.е. Днепра, – И.З.), перейдя ее, отправились в вилайет Черкес, потому что их мать была из черкесов (انلاری چركس دین آیدی)» [Утемиш-хаджи, 2017, с.155, 168, fol.72b, с.81].

Эти данные существенно дополняются Абдул-Гаффаром Кырыми, который, очевидно основываясь на тексте Утемиш-хаджи, о происхождении матери двух чингизидов пишет дословно так:

کمر کوی چرکسندن آدمی نام قباغک بکلرنیک قزی اولمغله والله لری [Кырыми, 2014, с. 330, fol. 278b].

Ю.Н. Каримова и И.М. Миргалеев перевели это место на русский язык следующим образом: «...Так как их мать была дочерью черкесского бека Адеми Кабагык из деревни Кемер, они захотели обратиться к черкесам и отправились в район реки Дон» [Кырыми, 2018, с.86].

Обращение к тексту рукописи позволяет изменить и чтение, и перевод этого отрывка. В действительности это место надо понимать так: «...Так как их мать была дочерью бека из кабака Адеми черкесов-кемергойцев, они захотели обратиться к черкесам и отправились в район реки Дон».

Очевидно, что у Абдул-Гаффара Кырыми был под рукой, помимо текста Утемиш-хаджи (который он часто использовал), и какой-то другой источник. Во-первых, крымский историк переносит действие на берега Дона (تن صو), тогда как Утемиш-хаджи пишет об Озю – Днепре, во-вторых, точно указывает происхождение матери двух братьев-чингизидов: она была из темиргойцев-адеми.

Темиргойцев-адеми в XVII в. посетил Эвлия Челеби, который оставил нам подробное описание их земель и обычаев. «Описание шуко адами. Это селение находится у подножия Абхазских гор на

берегу реки Кызлар-алган и насчитывает пятьсот домов. Здесь живет бей племени адами, имя его Дигузи-бей (в другом списке имя дается в форме Бигузи. – И.З.). Все три (sic! – И.З.) бея владеют отборными воинами. Однако это народ не слишком воинственный, могучий и прославленный. Зато имущества – то есть скота – у них весьма много. И все они – знатные и родовитые – являются племенем арабов курейшитов из потомственных черкесов». Эвлия приводит и легенду о происхождении названия племени. В одной из пещер, из которых вытекает река Кызлар-кеткен или Кызлар-алган, находится бронзовая статуя человека. В ее правой руке – тяжелая бронзовая палица. Человек все время размахивает ею. Желаящие пройти в пещеру должны идти до входа в нее берегом реки Кызлар-алган. Если пройти мимо бронзового человека, то за спиной его внутри пещеры видна дверь. Вошедший в эту дверь попадает в другую пещеру, которая наполнена несметными сокровищами, собранными Искандером Зулькарнейном, который пришел в эти места после того, как воздвиг Стену *яджудж* и *маджудж*. Если человек не притронется к этим сокровищам, то он может спокойно выходить из пещеры. Тот же, кто возьмет хотя бы самую малость, будет неминуемо превращен в месиво палицей бронзового человека. Эвлия Челеби с девятью спутниками побывал в этой пещере и невредимым вернулся обратно. Племя называют *адами* по названию того бронзового человека (*адам* по-турецки означает «человек») (Эвлия, 1979; Evliyâ, 2003).

Их прямыми потомками являются адамиевцы, проживающие ныне в Республике Адыгея (аул Адамий).

Хорошо известно, что крымские ханы были кровно связаны с Западным Кавказом: именно оттуда происходили ханские аталыки, а многие ханские отпрыски воспитывались там. Теперь мы можем уверенно утверждать, что мать основателя ханства Хаджи-Гирея была из черкесов-кемергойцев/темиргоевцев (подразделения *адамий*). Этот обычай выбора ханских жен на Кавказе, скорее всего, уходит корнями в золотоордынскую эпоху. Вспомним, что одной из жен Хаджи-Гирея (матерью Менгли-Гирея) была асская княжна (Зайцев, 2007). Именно в родственных связях Хаджи-Гирея и его потомков с адыгами следует искать причины той очень важной роли, которую играли адыги (например, темиргоевские князья Болотоковы (Балатуковы)) в истории Крымского ханства.

Литература

1. Зайцев, 2007 – *Зайцев И.В.* Семья Хаджи-Гирея // *Altaica* XII. М., 2007.
2. Кырыми, 2014 – *Кырыми А.* Умдет ал-ахбар. Книга 1: Транскрипция, факсимиле. Серия «Язма Мирас. Письменное наследие. Textual Heritage». Вып. 1 / Транскрипция Дерья Дерин Пашаоглу; отв. редактор И. М. Миргалеев. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014.
3. Кырыми, 2018 – *Кырыми А.* Умдет ал-ахбар. Книга 2: Перевод. Серия «Язма Мирас. Письменное наследие. Textual Heritage». Вып. 5 / Перевод с османского Ю.Н.Керимовой, И. М. Миргалеев. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018.
4. Литвин, 1994 – *Михалон Литвин.* О нравах татар, литовцев и москвитян. М.: Изд-во МГУ, 1994.
5. Утемиш-хаджи, 2017 – *Утемиш-хаджи.* Кара таварих. Серия «Язма Мирас. Письменное наследие. Textual Heritage». Вып. 4 / Перевод на русский язык И. М. Миргалеева, Э.Г.Сайфетдиновой. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017.
6. Эвлия, 1979 – *Эвлия Челеби.* Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Вып. 2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М.: Наука, 1979.
7. Evliyâ, 2003 – *Evliyâ Çelebi Seyahatnâmesi* Topkapı Sarayı Kütüphanesi Bağdat 308 Numaralı Yazmanın Transkripsiyonu-Dizini. Hazırlayanlar: Yücel Dağlı, Seyit Ali Kahraman, Robert Dankoff. 7. Kitap. İstanbul: Yarı Kredi Yayınları, 2003. С. 272.
8. Narbutt, 1839 – *Narbutt T.* Dzieje narodu litewskiego. T. VI. Wilno: Nakładem i drukiem Antoniego Marcinowskiego, 1839.

Исмаилова Л.Г.

Аль-Фараби о языке и культуре речи

В развитии мировой культуры в ряду таких выдающихся мыслителей, как Авиценна (Ибн Сина), Омар Хайям, Насир Хосров, особое место занимает восточный просветитель Абу Наср Аль-Фараби.

До нашего времени дошло примерно 50 научных трудов Аль-Фараби, которые посвящены культуре, социально-этическим и эстетическим проблемам, и они были высоко оценены его современниками Абу Али ибн Сина, Захуреддин ал-Байхакий, Жалолуддин ибн ал-Кифтий, Ибн Абу Усайба, Ибн Халликон и др. [1]. В изучении философского наследия Аль-Фараби весомый вклад внесли извест-

ные ученые Хайруллаев, М. М., Казибеков А. Л., Муталлибов С. А., Гафуров, Б. Г. Касымжанов А. Х. и др. Проблемы культуры речи, ораторское искусство, особенности поэтической речи, своеобразие речи произведений различных жанров нашли своё отражение в труде Аль-Фараби «Шеър санъати» («Искусство стихосложения»). [2]

Некоторые высказывания Абу Насра Аль-Фараби о языке, речи, культуре речи читаем в его книгах: «Китоб ал-алфоз ва ал-хуруфт» (Книга о словах и буквах), «Калом лахлу фи маъно исм ал-фалсафа» (О смысле слова «философия»), «Абу Наср Аль-Фарабий сузи» (Книга высказываний Абу Насра Аль-Фараби), «Китоб фи синлат ал-китоби» (Книга об искусстве письма), «Китоб фи ал-лугат» (Книга о языках), «Об искусстве стихосложения», «О правилах искусства стихосложения», «Город достойных». [3]

Аль-Фараби писал, что правитель города достойных должен «быть от природы тонкого ума, быстро вникать в слова собеседника, уметь читать его мысли», «с целью наиболее точно донести до собеседника свои мысли, уметь выражать их с использованием красивых слов». По мнению Аль-Фараби, самая первая наука – это язык, наука как учить и учиться, как выразить мысль, высказать, как говорить и отвечать, наука давать названия предметам.

Вторая наука – это «Грамматика». Она учит правильно располагать слова, названия предметам [4]. Третьей наукой Аль-Фараби считает логику.

Говоря о философии, логике, познании, разуме, нравственности, духовности и др., по мнению Аль-Фараби, нравственный человек должен обладать культурой речи, ораторским искусством, быстро и правильно понимать суждения по любым обсуждаемым вопросам, вникать в их смысл, уметь распознавать истинность или ложность сказанного собеседником, его истинную цель, слова его должны быть точными, должен уметь ясно и ровно выразить своё мнение; должен любить истину и сторонников истины, должен ненавидеть ложь и сторонников лжи» [5].

Основы культуры речи:

1. Обычаи и традиции, нормы, которые сохранились в произведениях устного народного творчества, в древних письменных памятниках, в диалектах и говорах.

2. Язык, речевая деятельность показывает культуру, духовность и нравственные качества человека:

- речь должна быть содержательной; простой и понятной;
- во время речевой деятельности необходимо учитывать личность и состояние слушателя;
- речь должна быть выразительной и впечатляющей;
- содержание речи должно быть логичным и собранным;
- и по содержанию, и по форме речь должна быть изящной и красивой;
- речь должна быть краткой и ясной;
- во время речи должно следовать требованиям данного условия, нормам этики;
- речь должна быть свободной от грубых слов, звучной, логически выразительной, соответствовать цели и др.

Аль-Фараби был человеком мирового уровня, внес значительный вклад развитие мировой культуры.

Литература

1. Гафуров, Б. Г. Ал-Аль-Фараби в развитии культуры: Наука, 1975. С 181.
2. *Абу Наср Аль-Фараби. Шеър санъати* / пер. с араб., предисл. и коммент. Абдусодика Ирисова. Ташкент: Изд-во лит. и искусства им. Г. Гуляма, 1979. С. 53
3. *Абу Наср Аль-Фараби. Фозил одамлар шахри*. Ташкент: Изд-во Народ. наследия им. А. Кадыри, 1993. С. 144.
4. Там же. С. 179.
5. Там же. С. 186–187.

Кадырбаев А.Ш.

«Портрет Аль-Фараби» на фоне современной ему эпохи

I. Абу Наср Мухаммед ибн Мухаммед ибн Тархан ибн Узлаг аль-Фараби родился в городе Фарабе на Сыр-Дарье в 870 г. Есть версия о его тюркском происхождении, хотя вполне возможно его иранское происхождение. Вне зависимости от его этнического происхождения, он принадлежит, как великий ученый и мыслитель, всем народам не только Центральной Азии, но и всего мусульманского Востока, творивший на арабском языке, который во время его жизни олицетворял одну из самых передовых мировых цивилизаций. Позже Фараб стал именоваться Отраром, развалины которого находятся на территории Отрарского городища в Южно-Казахстанской

области. В IX–X вв., по описанию современников, это был крупный центр, важнейший пограничный и узловый пункт караванной мировой торговли того времени, находившийся на Великом Шелковом пути, соединявшим Восток и Запад. Отрар снискал славу как родина целой плеяды выдающихся ученых, поэтов, мыслителей, среди которых Абу Наср аль-Фараби – величина мирового масштаба. Историки отмечали величие фигуры аль-Фараби. Астрономия, логика, теория музыки и математика, социология и этика, медицина и психология, философия и право – таков перечень его интересов. Вероятно, еще в молодые годы аль-Фараби покинул родной город и посетил все города Арабского халифата, где тогда были центры мировой науки. Мировоззрение Аль-Фараби входило в определенное противоречие с общественным мнением современной ему эпохи, неспособным к восприятию древнегреческой философии и науки, откуда он почерпнул и развил свои идеи. А его критика предрассудков эпохи вызывала подозрение в ереси и отходе от религии. В действительности же он проявлял независимость в своем мышлении и отстаивал свои научные взгляды. Зависть и неприязнь власть имущих Арабского халифата заставили его покинуть Багдад. Последние годы своей жизни он провел в Алеппо и Дамаске, предпочитая жить вдаль от дворцовой суеты, довольствуясь скромным жалованием. В Дамаске в возрасте 80 лет он умер и был похоронен за так называемыми Мальыми воротами.

II. Аль-Фараби сблизил и синтезировал в своем творчестве ценнейшие достижения арабской, персидской, древнегреческой, индийской культур. Он был не только ученым-гуманитарием, в нем жил гений реформатора науки, стремившегося систематизировать знания своего времени, что нашло отражение в его трактате «Слово о классификации наук». А как реформатор педагогики он стремился соединить просвещение с развитием в людях человечности. А к тем, кто желал постичь мудрость, Аль-Фараби предъявлял высокие требования: «Тому, кто стремится к истокам науки мудрости, необходимо (с малых ногтей) быть доброго нрава, воспитанным наилучшим образом, изучить Коран и науки Закона в первую очередь. Быть благоразумным, целомудренным, совестливым, правдивым, отгаликивающим порок, разврат, измену, ложь, уловки. Быть свободным умом от интересов пропитания, приближаясь к выполнению законных назначений, не нарушая опоры законных основ и не нарушая ни одного из правил сунны и шариата. Стремиться к возвышению

в науке и (среди) ученых, не избирая науку ради нескольких достижений и приобретений, (не избирая ее) средством приобретения материальных благ». Увы, как это актуально и в наши дни. По мнению Аль-Фараби, тот, кто преследует иные цели, исходя из личного честолюбия, стремления к славе и материальным благам, изменяет самой сути философии. Именно это, т. е. предательство разума и творческих способностей человека – наихудший порок, поскольку растлевается не только душа отдельного человека, спекулирующего духом и продающего его, а всего общества. Исторический опыт доказал правоту этих размышлений Учителя. Невежество и бездарность в наше время утвердили себя в качестве власть имущих на родине Аль-Фараби только за счет отстранения самостоятельно мыслящих личностей во всех сферах жизнедеятельности общества и государства, поскольку для легитимизации своей власти они нуждаются в угодливых и продажных «царедворцах». Таким образом, и сформировалась угодливо мыслящая прослойка, по-прежнему именуемая интеллигенцией, но лишенная собственного достоинства. «Город» станет тогда добродетельным, утверждал аль-Фараби более тысячи лет тому назад, когда в нем почетное место займут науки и искусства, когда мыслящие люди не только сохранят свою честь и достоинство, но своим примером и воздействием на души сограждан, как правителей, так и подданных, сделают всеобщей нормой стремление к совершенству. Аль-Фараби противопоставляет добродетель и невежество, подлинно добродетельного человека тому, кто живет низкими страстями и прозябает во лжи, клевете и высокомерии. Его рассуждения о пути к счастью и достойной человека жизни, о природе человека, об интеллектуальном и этическом совершенстве, об идеале правителя, развиваемые в «Афоризмах государственного деятеля», «Гражданской политике», в сочинении «О достижении счастья» еще ждут более глубокого изучения. Они созвучны не только заповедям священной Книги мусульман Корана, но и постулатам древнекитайского мудреца Конфуция, в частности, его идеи о воспитании «благородного мужа», по-китайски «цзюньцзы», т.е. человека, призванного управлять государством. Свобода духа в утверждении непреходящих человеческих ценностей, пронизывающая все творчество аль-Фараби, очень поучительна и актуальна. По мнению аль-Фараби, множество вещей, о которых человек полагает, что они то и являются основой и целью жизни, не являются таковыми, поскольку относят

к ним только приятное, полезное, деньги, славу и т. п. Но осознать, что такое счастье, сделать его целью и неуклонно идти к нему невозможно без совершенствования разума и духовных ценностей.

Караев Т.М.

Философия науки Аль-Фараби

К сожалению, мода, заведенная в Европе на «мистичность», «атомарность», «асистемность», философии восточных народов продолжает свое шествие, постепенно превращаясь в завуалированные формы. Уже поэтому важно обращение к наследию таких мыслителей, как Аль-Фараби. О многообразии философской проблематики в трудах Аль-Фараби написано не мало, в данном случае, хотелось бы обратить внимание на проблему философии науки, которая явно присутствует в наследии «Второго учителя» Востока.

Во-первых, в классификации наук Аль-Фараби частные науки выделены в отдельную группу. К естественнонаучным трактатам относятся: «Ответы на вопросы философии»; «О некоторых принципах физики»; «О вакууме»; «О необходимости искусства химии»; «Об органах человеческого тела»; «О возражении Галену по поводу его разногласий с Аристотелем относительно органов чувств»; «О разуме и науке».

Во-вторых, во всех науках, о которых пишет Аль-Фараби, он обращается к истории их возникновения, к аргументации мотива исследования науками разных аспектов окружающего мира.

В-третьих, Аль-Фараби, обращаясь к отраслям естественнонаучного знания, обращает внимание на практическую значимость разных наук.

В-четвертых, рассматривая вопрос о науках, Аль-Фараби поднимает вопрос о метафизике, об универсалиях, которыми объединены науки. Это вопрос о философии и ее роли, проблемы философии и науки. Как исследовательская тема «философия науки» присутствует в трактатах Аль-Фараби в явном виде. Можно согласиться с очень высокой оценкой, данной в исследовательской литературе Аль-Фараби известным исследователем М. Хайруллаевым. В книге «Абу Наср аль-Фараби» он пишет, что учение «Аль-Фараби об объекте и классификации наук по своей значимости стоит гораздо выше

учения Ф. Бэкона, который в своей классификации научного знания взял за основу субъективный принцип» [7, 103].

Как указывалось выше, для Аль-Фараби важна история науки. Он пишет о том, что «Сократ имел своих учеников, Платон и Аристотель – тоже, ведь наука – как закрытый родник, добиться пути к ней можно только с помощью знаний. Ты не должен пренебрегать наукой, обучая юношей, тех, кто ниже тебя, выше тебя или подобен тебе, чтобы улучшить земные потребности» [2, 357]. В теме «Философия и наука» Аль-Фараби восхищается то, что и философ, и представитель науки должны изучать науки и философию не только как наука ради науки и философия ради философии, а использовать их истины в жизни, в особенности в поступках, в образе жизни. Сравнение медицинских знаний Аристотеля и Галена позволяет Аль-Фараби подчеркнуть особость и значимость частной науки (Гален, медицина) и философское осмысление данных этой науки (Аристотель, в современном звучании «Этика в биологии и медицине» и др.). Указывая на субъективные элементы, допущенные Галеном в медицине (о происхождении болезней), Аль-Фараби отмечает, что историю происхождения болезней необходимо причинно установить, обратив внимание на окружающую среду, питание, образ жизни больного, а также на то, каким лекарствами он лечится.

Обращение к проблемам медицины Аль-Фараби, как и «Канон медицины» Ибн Сины полностью подтверждает в их мировоззрении проблемы философии науки (в современном понимании), а также проблемы философии и науки. Имеется в виду их автономность, их синтез или абсолютизация одной из них.

Работа «О необходимости искусства химии» показывает прогрессивную т.з. о химии, которая должна опираться на опыт, помогающий накоплению знаний. Чтобы изучить химию, «искусство химии», нужно сначала изучить логику, философию, математику, физику. Последняя делится, по Фараби, на восемь разделов, «она объясняет вещи, от которых, благодаря которым и для которых существуют данные тела и присущие им акциденции» [2, 162].

Об Аль-Фараби вышла многочисленная исследовательская литература, одни исследования восторженные, другие наоборот. Так, некоторые считают, что, как перипатетик Аль-Фараби ничего оригинального не выделил, анализируя Платона и Аристотеля. Подобное происходило с наследием армянского философа Давида Анахта.

По свидетельству авторитетного мнения философа-исследователя А.Ф. Лосева, Давид Анахт в комментировании Платона и Аристотеля оказался философом нюансов, что последний использовал дистинктивно-дескриптивный метод. Данную высокую оценку можно перенести и к Аль-Фараби, ведь не случайно он по праву назван «Вторым учителем» на Востоке. Это значит, что он дал не только комментарии к греческим философам, но творчески переработал их работы, поднимая тем самым уровень философской, мыслительной культуры народов Востока.

Литература

1. *Аль-Фараби*. Естественнаучные трактаты. Алма-Ата, 1987.
2. *Аль-Фараби*. Историко-философские трактаты. Алма-Ата. 1985.
3. *Аль-Фараби*. Избранные трактаты. Алматы. 1994.
4. *Хайруллаев М.М.* Абу Наср аль-Фараби. Ташкент. 1961.
5. Аль-Фараби и развитие науки и культуры стран Востока. Алматы. 1978.
6. *Аль-Фараби*. Библиографический указатель. Алма-Ата. 1977.
7. *Караев Т.М.* «Яфетический Кавказ»: историко-философское единство и многообразие. Москва. 2020.

Караев Т.К.

«Второй Учитель при дворе Меча Державы: Эмирские дворы Сирии в эпоху ал-Фараби»

Середина X в. – время, наполненное для Восточного Средиземноморья как военно-политическими потрясениями, так и культурно-религиозными сдвигами. В составе халифата Аббасидов, а затем Фатимидов здесь сложилась оживленная рационалистическо-интеллектуальная и богословско-традиционалистская среда, письменная продукция которой оказала мощное влияние на оформление арабо-мусульманской цивилизации в ее наиболее блестящую пору. Фактическое отсутствие прочных границ внутри исламского мира способствовало тому, что выходцы со всех концов арабо-иранской ойкумены были частыми посетителями ее образовательных и научных центров. Большая Сирия (Билад аш-Шам) сохраняла, в то же время, свое положение одного из самых пестрых, попеременно конфликтных и толерантных, регионов Западной Азии и Северной Африки, где

мусульмане различных направлений жили бок о бок с христианами нескольких Церквей, а также многочисленными иудеями и самаритянами, и, кроме того, даже последними гностическими общинами позднего эллинизма (сабии). Развитая традиция придворного патронажа в отношении людей науки и знатоков словесности, яркими представителями которой были эмиры Халеба Хамданиды, сочетавшие рвение воителей за веру (муджахидов) и щедрость восхваляемых литераторами покровителей, оказала свое воздействие на активизацию контактов между носителями как религиозной учености, так и философского мировидения, окрашенного в перипатетические и неоплатонические тона. Неслучайно поэтому многолетнее пребывание выдающегося уроженца Отраара – Абу Насра ал-Фараби – в сирийских областях и его устойчивые связи с хамданидским двором. Представляется продуктивным для лучшего понимания решающего (и завершающего) периода в его творчестве (930-е – 940-е годы) обратиться к драматическим обстоятельствам общественной жизни Сирии (аш-Шам), за которую ожесточенно боролись различные лагеря (как военные, так и мировоззренческие) Дар ал-ислама рубежа III и IV в. хиджры: суннитские и шиитские вероучители, византийские и арабские полководцы, тюркские и бедуинские предводители.

Махаматов Т.М.

«Аль-Фараби и рождение европейской схоластики»

С конца 8 века по 14 вв. нашей эры центром культурно-цивилизационного развития Азии и Европы становится арабо-мусульманский мир, что было обусловлено первоначальной демократичностью ислама, как и первоначальное христианство, и бережным отношением молодого исламского мира к духовно-интеллектуальному творению прошлого и того времени. В формировании своего мировоззрения и совершенствования арабы-мусульмане вели заимствование из шести известных на то время литератур – древнееврейской, сирийской, персидской, индийской, латинской и греческой. Для розыска книг отправлялись специальные экспедиции в Персию, Индию, Константинополь (См.: 1; 2; 3).

Известный французский медиевист Жак Ле Гофф очень точно сказал, что на Западе «в раннем средневековье история остано-

лась» (1, с. 13). Она начала приходить в движение только с 12 века. На арабо-мусульманском же Востоке уже с первой половины 9 века начинается, к сожалению, короткая, но яркая эпоха исламского Возрождения. В это время во всех столицах халифатов, особенно в Багдаде, ««в начальных школах», – как пишет Ален де Либера, – исламского мира превосходно учили читать и толковать Коран и Хадисы. Вот почему в этом мире, не знавшем задержек, начинают переводить и переводят столько, сколько не перевели ни в одну другую историческую эпоху» (2, с. 44). Переводились все, в том числе и философские рукописи (первую очередь труды Аристотеля), которые привозили в Багдад и Дамаск, где находились основные центры перевода и комментариев. Переводили арабы-христиане, евреи и арабы-мусульмане, т.е. в научной и переводческой сферах господствовала полная толерантность, что способствовало развитию интеллектуального мира мусульманского Востока того времени. В одном из этих центров, а именно в Багдаде многие годы жил и в «Доме мудрости», как и многие ученые и философы, изучал труды Аристотеля выходец из Центральной Азии (поселение Фараб на Сырдарье) Абу Наср Аль Фараби.

Аль Фараби еще в первой половине 10 века написал комментарий на «Органон» Аристотеля, которым только в 12 веке начали усердно пользоваться схоласты Западной Европы. По преданиям он десятки раз перечитывал аристотелевские труды и создал свою философскую систему, за что получил титул второго учителя после Аристотеля. Среди многочисленных комментариев и произведений следует отметить его работу «О происхождении и разделении наук», в которой Аль Фараби впервые сформулировал идею о двух истинах: истина веры и истина науки. Эта идея Аль Фараби в схоластике становится одной из главных проблем философско-схоластических дискуссий о сочетании веры и разума. В дальнейшем у схоластов философские учения Ибн-Сины, Ибн-Рушда и других арабо-мусульманских мыслителей стали более востребованными. Однако, что именно через Аль Фараби схоласты познакомились с Аристотелем, остается общепризнанным фактом истории философии (4, т.3, с.176).

Достижения арабо-мусульманского мира в области естественных наук и философии в 8–14 века, получившие название эпохи мусульманского возрождения, свидетельствует ставшей в наше время очевидной истину. Она заключается в взаимообусловленности

культурно-цивилизационного развития разных народов и религий, открытости, толерантности к интеллектуальным достижениям других народов, независимо от их религиозной принадлежности, в умении включать «чужестранные» науки в ареал своей культуры (См.: 5; 6; 7).

Литература

1. *Ле Гофф, Жак*. Интеллектуалы в средние века /пер. с франц. – Изд-во СПбГУ, 2003.
2. *Де Либера Ален*. Средневековое мышление /пер. с франц. – М.: Праксис, 2004.
3. *Ле Гофф, Жак*. Цивилизация Средневекового Запада. /Пер. с франц. – М.: Прогресс, 1992.
4. *Гегель Г.В.Ф.* Лекции по истории философии. Кн. Третья. Ид. 2-е, стереотипное. – СПб.: «Наука», 2006.
5. *Кирабаев Н.С.* Средневековая арабо-мусульманская философия. – СПб.: Роза мира, 2005.
6. *Степанянц М.Т.* Восточная философия. Вводный курс и избранные тексты. 2-е изд., испр. И доп. – М.: Восточная литература, 2001.

Нурулла-Ходжаева Н.Т.

Деколонизация неоплатонизма Аль Фараби

Абу Наср Ибн Мухаммед аль-Фараби (870–950 гг.) (далее Аль-Фараби), упоминаемый в арабских источниках как *Второй учитель (Al-Mu'allim al Thani)*, занимает уникальное положение в истории философии. Многие исследователи логично представляют ученого как связующее звено между греческой философией и исламской мыслью. Предшественники Аль Фараби, такие как ал Кинди (ум.873), Ар-Рази (854–925 гг.) внесли многое для подготовки платформы по систематизации космологии и метафизики в философии. Возможно благодаря им вклад Аль Фараби высвечивается ярко и многогранно. Через его труды перед нами возникает фигура учредителя политической философии в истории арабо-исламской мысли. Это можно декларировать со ссылкой на два его фундаментальных труда: *Добродетельный Город (al Madinah al Fadilah)*, и *Гражданское государство (Al Siyasa al Madinah)*. Сложная метафизическая схема изложенная в этих трактатах, т.е. Божий суверенитет в мире и судьба души после смерти, государственные институты и роль личности

в истории, все это описывается через коранические концепции, однако интерпретируются иначе. Данная схема искусно сочетается с политическими сюжетами, во многом напоминая утопическую модель Платона в его *Республике*.

Именно такой расклад позволяет нам обсудить тему деколонизации системы знаний в Центральной Азии (далее ЦА), позволяя задать следующие вопросы: насколько реальна вероятность выдвижения новых стандартов концептуализации системы знаний на платформе современной культуры ЦА? Возможно ли инициировать процесс деколонизации текущей системы знаний в регионе и задействовать схему от Аль Фараби?

Разумеется, для начало такой операции необходимо вспомнить, что родоначальником современной системы знаний была Европа, когда с делением мира на Восток-Запад (XVI в.), превратилась не только в создателя новой экономической и политической матрицы, но что важнее, она впервые в истории человечества спроектировала эпистемиологическое обоснование своего доминирования. Оно было основано на проекции *Другого* (онтологически такого *Другого* ранее не было). Это было то, что некоторые исследователи впоследствии обоснуют как «неизбежная оппозиция» Исламу. Кроме того, было спроектировано глобальное линейное мышление, чье авторство приписывается грекам (но, они не могли быть учредителями всего этого, также как и не могли быть спонсорами европейской цивилизации; ее не было до XVI в.).

В философии Аль Фараби представляется совсем иная перспектива, это скорее эпистемическая/эстетическая возможность коммуникационных вероятностей так как в его философии преобладают этические и политические проблемы. Данные проблемы решаются им через приверженность к поиску счастья с двумя составляющими: знания (ilm) и добродетель. И, вероятно, нужно знать и чувствовать Центральную Азию, чтобы понять, что это «вторжение» не является иллюстрацией силы, так как *Добродетельный город* аль Фараби, это место, куда тот, кому позволено войти, почувствует внутренний ритм/аромат/привкус местной жизни, обретая тем самым приобщенность к ней. В такой *Город* сложно получить приглашение, имея «благословение» от М. Вебера. Основная идея учредителя европейской социологии, это отречение от биологического расизма при одновременном принятии культурного расизма, ставшего европо-

центристской основой неравенства. По миру на таком веберовском неравенстве вводится вертикальная иерархия, на вершине которой расположился европеец. Естественно, речь не идет о цвете его/ее кожи, это скорее геополитическая классификация, которую также необходимо деколонизировать, так как такая иерархия продолжает вести по пути унижения, и речь уже не идет о классовом обществе К. Маркса. Это уже шире, когда унижению подвергаются государства. В таком режиме работают национальные государства, финансовые/политические/социальные институты современности. Если говорить о Центральной Азии и России, если мы все продолжим развиваться, воспринимая европоцентризм, как необходимость, то вероятно навсегда останемся получателями потребители европейского дизайна, в том числе материального и духовного. С другой стороны, это не означает, что правы нынешние поборники ислама (из числа современных фундаменталистов от этой религии), те самые, кто через подавление или присвоение лишь стирают фактический плюрализм мусульманской идентичности и многогранность исламской мысли.

Нами предлагается применить призму Аль Фараби, и вероятно тогда мы сможем проявить то, что Минголо однажды назвал «эпистемологическое неповиновение». Мы тем самым получим иную картину. Она предстанет в рамках общей цивилизационной структуры, когда такой мудрец как Аль Фараби будет вызволен из нормативно созданного, ограниченного пространства, называемого нами «Восток», или даже «Ислам».

Литература

1. *Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association* 61:88 (1987)
2. «Al-Farabi and the Happy Marriage between Music and Logic», Lecture at Catholic University.

Пархимович В.Л.

Проблема перехода от института коллегиального главы государства к институту президента в странах Центральной Азии в конце XX в.

В условиях наметившейся трансформации института единоличной президентской власти в странах СНГ (в Армении – переход

к парламентской демократии в 2018 г., в Казахстане – установление дуализма президентской власти в 2019 г., в России – предложения о перераспределении полномочий Президента, председателя Правительства, Государственного Совета, Государственной Думы и Совета Федерации в ходе подготовки поправок к Конституции РФ в 2020 г.) представляется актуальной попытка рассмотреть условия учреждения должности президента в странах Центральной Азии в начале 90-х годов XX века.

В центрально-азиатских союзных республиках СССР с 1938 г. функции главы государства де-факто выполнялись Президиумами Верховных Советов – коллегиальными органами государственной власти, избывавшимися Верховными Советами на 4 года (с 1978 г. – на 5 лет), включавших от 14 до 21 депутата. Президиум союзной республики издавал нормативно-правовые акты, имел право назначать и освобождать от должности главу и членов республиканского правительства, прокурора, судей Верховного суда, осуществлял право помилования, присваивал почетные звания, назначал выборы Верховного Совета, представлял республику за ее пределами. Однако практически все решения Президиума санкционировались бюро ЦК компартии союзной республики (без санкции бюро ЦК Президиум не мог определить дату и повестку своего заседания). И хотя формально высшим должностным лицом в союзных республиках Центральной Азии был председатель Президиума Верховного Совета, политическим лидером оставался первый секретарь ЦК республиканской компартии.

Вскоре после XIX всесоюзной конференции КПСС М.С. Горбачев предложил первым секретарей ЦК компартий наделить полномочиями высших должностных лиц соответствующих союзных республик, избрав их председателями Верховных Советов (при этом должность председателя Президиума упразднилась). В четырех из пяти республик Центральной Азии в январе-апреле 1990 г. первые секретари ЦК национальных компартий были избраны председателями Верховных Советов. Однако это должностное лицо воспринималось прежде всего в качестве спикера парламента, который так не стал полномочным главой республики, тем более что большая часть функций главы государства по-прежнему принадлежала Президиуму Верховного Совета. Воспользовавшись учреждением 15 марта 1990 г. института Президента СССР Верховный Совет Узбекской ССР ввел

через 9 дней должность Президента, наделив этими полномочиями первого секретаря ЦК КП Узбекистана И.А. Каримова. В апреле 1990 г. аналогичная должность появилась в Казахской ССР. На этот пост был избран председатель Верховного Совета республики (исполнял эти обязанности только 2 месяца) и первый секретарь ЦК КП Казахстана Н.А. Назарбаев. Осенью 1990 г. институт президента был учрежден в Таджикистане, Туркмении и Киргизии. И если в первых двух республиках их политические лидеры (первые секретари ЦК национальных компартий) были избраны на эти должности, то первый секретарь ЦК КП Киргизии А. Масалиев 25 октября потерпел поражение на выборах, и на этот пост был избран академик А. Акаев. В этой республике временно установилось состояние двоевластия президента и главы национальной компартии. Сложившаяся к концу 1990 г. в других странах Центральной Азии форма правления напоминала смешанную (президентско-парламентскую) республику. Однако до осени 1991 г. основным источником власти президентов этих четырех республик были аппаратные ресурсы возглавляемых ими ЦК коммунистических партий.

В условиях распада СССР и прекращения деятельности КПСС президенты стран Центральной Азии сосредоточили в своих руках контроль над силовыми структурами, внешней политикой, напрямую подчинили себе национальные правительства. Кроме того, президенты были наделены дополнительными полномочиями за счет ослабления парламентских структур. К 1993 г. в государствах Центральной Азии сложились новая форма правления – президентская республика. Отныне политические лидеры стран этого региона не только не подчинялись партийным и государственным институтам власти союзного государства, но и были освобождены от опеки и контроля со стороны коллегиальных структур внутри страны (бюро ЦК национальной компартии, Верховного Совета и его Президиума). Президенты были избавлены от угрозы смещения с должности по воле союзного центра или вследствие решения недовольного их политикой оппозиционного большинства в бюро ЦК правящей партии, что было характерно для некоторых республик Центральной Азии на рубеже 1950–60-х гг.

Однако новый этап политического развития стран СНГ, не готовых к заимствованию норм «западной демократии», диктует новые формы организации институтов высшей власти.

Пылев А.И.

Предпосылки развития гуманистических идей Аль-Фараби в философии и творчестве Ахмада Дониша

Бухарский эмират в средние века считался центром развития наук не только в Средней Азии, но и в целом мусульманского Востока, продолжал он считаться центром мусульманской учености и в Новое время. Однако европейские публицисты, востоковеды, путешественники и наблюдатели эпохи Нового времени (XVIII – XIX вв.) в своих трудах стали отказывать Бухаре в праве считаться таковой, утверждая, что и Бухара и ближайшие среднеазиатские мусульманские государства, также ханства Хивы и Коканда, по ряду причин оказались на «задворках цивилизации». Отчасти это было верно и в модернизации остро нуждались не только экономика, социальный быт, среднеазиатских ханств, но и духовная жизнь в них, состояние развития наук вообще и гуманитарного знания. Но при этом, пускай и нерегулярные, но все же сохранявшиеся связи с европейскими государствами и соседними государствами Востока (Каджарским Ираном и Османской Турцией) все же оставляли надежду на то, что модернизация социального быта и общественного сознания придут и в этот долгое время находившийся в состоянии цивилизационной изоляции регион. Выдающиеся представители мусульманской учености средневековья (учености практически в «европейском понимании»), также связанные со Средней Азией происхождением или значительным периодом жизни и творчества, такие, как Ибн-Сина, Аль-Бируни, Мирза Улугбек, Аль-Фараби, казалось, тоже давали этому определенным предпосылки. Активизация в Средней Азии российской политики, военное присутствие в Средней Азии и Туркестане России, наконец, договор, заключенный в 1868 году между Россией и Бухарским эмиратом, – все это давало возвращению в регион прогресса техники и мысли определенный стимул. И доказательством этому стали жизнь и творчество узбекского философа-просветителя Ахмада Дониша (1827–1897), который произвел, по воспоминаниям современников, в умах образованной части населения Бухары «подлинную революцию».

Как философ-просветитель, Ахмад Дониш затрагивал в своих сочинениях вопросы социальной философии, развивал близкие ему самому, связанные с окружавшей его социально политической дей-

ствительностью, идеи «совершенного государства» и «совершенного правителя», которые за 900 лет до него также ставил в своих трудах и родоначальник мусульманской философии Аль-Фараби, хотя при этом А. Дониш не называл себя последователем его идей.

Как представитель просветительства, А. Дониш рассматривал и этические и политические проблемы, руководствуясь категорией разума. Стремление к знаниям, овладение науками (и религиозными, и светскими) и должно быть основной целью человеческого бытия. Отсюда главной задачей правителя государства, по мнению философа, становилось также стремление к знаниям, однако при условии, что впоследствии приобретенные знания будут использоваться на благо справедливого государственного устройства, а не в угоду корыстным интересам. Если все же побеждала последняя тенденция, то ее А. Дониш называл причиной «кривды, лжи и упадка» в государстве.

Мыслитель полагал, что предпосылки для широких социальных реформ в том числе в Бухаре, государстве, где он сам жил и работал, неизбежно возникнут, если правитель сам будет справедливым и руководствоваться разумом. Невежество же мыслитель рассматривал как причину несправедливости, произвола и насилия.

При этом, оставаясь представителем своего времени, А. Дониш не мог не придавать в своих трудах значения религии, но доказывал, что и религия, и политика, и мораль, по А. Донишу, должны служить лишь одной цели – справедливости.

Социально-политическая философия А. Дониша проистекала из критики современной ему действительности. С помощью своей философии, в которой много места занимали вопросы этики, философ пытался критиковать современную ему действительность. При этом мыслителю не были знакомы достижения европейской мысли, и потому он не сумел создать стройного учения о происхождении государства, о предпосылках построения справедливого общества. Но в более поздних работах А. Дониш несколько пересмотрел свои выводы о проблеме отсутствия «справедливого государства», увязав вопрос отсутствия справедливости с социально-политическими порядками и вопросом о собственности. Это несомненно было передовой идеей для духовной мысли не только Средней Азии, но и мусульманского Востока в целом, поскольку подводила мыслителя к выводу о необходимости социальной революции. Переключка

же с идеями Аль-Фараби состояла как в том, что А. Дониш сумел догадаться о природе материального или «естественного» происхождения государства, так и в том, что в справедливо устроенном государстве предлагал пересмотреть не только вопросы социального устройства, но и мораль, нравственность, вопросы убеждения и веры, юриспруденции и здравоохранения, просвещения, последовательно их совершенствовать и развивать.

Таким образом, в социальной философии А. Дониша намечаются те основные положения, которые впоследствии, уже в начале XX в. пытались проводить в жизнь приверженцы среднеазиатского «джадидизма». В исследованиях часто утверждается, что джадидизм возник под влиянием культуры европейских народов, однако на примере развития социальной философии А. Дониша видно, что к идеям социального прогресса могла и самостоятельно подвести внутренняя логика развития ближневосточной мусульманской культуры. В силу этого обстоятельства А. Дониш и его идеи оказали значительное влияние на дальнейшее развитие среднеазиатского просветительства, способствуя его превращению в общественно-политическое течение, в определенной степени, духовно независимое от развития западно-европейской общественно-политической мысли.

Сыздыкова Ж.С.

Нравственно-этические воззрения аль-Фараби

Разум дан человеку с целью послужить ему для того, чтобы он мог достигнуть своего наивысшего совершенства.

Различные концепции, затрагивающие в той или иной степени вопросы, связанные с этическими нормами и обустройством гармоничной жизни людей в обществе, занимает умы человечества в течении многих столетий. Отметим, что вопросы, касающиеся этики и нравственных норм поведения человека наиболее четкую формулировку получили еще в Древней Греции, в частности, в трудах Платона и Аристотеля. В период раннего Средневековья с опорой на достижения древнегреческой науки, на Ближнем и Среднем Востоке появились труды в которых выдвигались проблемы рационального

достижения действительности, а также появление нового типа образованного человека, выходящего за рамки изучения исламских наук, то есть когда сам человек становится объектом изучения в различных аспектах его бытия.

Формирование и развитие учения аль-Фараби происходило в непростое время, в эпоху приоритета исламского мировоззрения над другими мировоззренческими традициями. Неслучайно, что аль-Фараби появился на свет там, где река Арысь впадает в Сырдарью в округе Фараб (Отрар), который в свое время был крупным региональным центром. Экономическое, торговое и культурное значение этого города определялось пограничным положением между Арабским халифатом и владениями кочевых тюркских племен. Ибн Хаукал, указывал, что к числу городов Фарабского округа принадлежит Весидж, из которого происходит Абу-Наср аль-Фараби.

Сквозь все творчество знаменитого ученого красной нитью проходит принцип синтеза передового научного знания того времени с преобладающей исламской традицией мышления и выведение научных знаний на совершенно новый уровень познания. Для аль-Фараби, как и для других представителей мусульманского возрождения характерны поиск «человеческого элемента» в науке, антропоцентричная устремленность научных интересов. В своем сочинении «Об общности взглядов двух философов – Божественного Платона и Аристотеля» ученый исследует вопрос о том, способна ли школа воспитания гармоничного человека восторжествовать над врожденностью. По замечанию аль-Фараби Платон придает чрезвычайное значение природным склонностям человека, стремясь построить свою политику и этику на психологической основе. А согласно Аристотелю, мораль является практическим искусством, которое развивается и разрушается теми же средствами и по тем же причинам, как и другие искусства. Чтобы объяснить врожденные склонности в этике Аристотеля аль-Фараби вводит понятие «действительности» и «возможности».

Аль-Фараби считает, что все мы рождаемся со склонностями понимать и постигать единичные предметы – но в нас нет никакого понятия. Наряду с научными знаниями, искусствами, ремеслами, нравственные качества и достоинства человека приобретаются под воздействием окружающей среды и взаимоотношении людей в обществе. К тому же обучение должно идти от простого к сложному.

Человек – носитель моральных и политических качеств и исходя из этого представляет собой элемент этико-политической коммуникации. Каждый гражданин несет ответственность за состояние общества.

В «Трактате о взглядах жителей добродетельного города» аль-Фараби сравнивает добродетельный город со здоровым телом, где все органы которого помогают друг другу для того, чтобы сохранить жизнь живого существа и сделать ее наиболее полной. Всякий человек, который ставит перед собой цель внести свой вклад в социально-политическую жизнь своего сообщества должен занимать активную жизненную позицию и погрузиться в общественную жизнь, при этом вооружиться принципами разумной деятельности, моральными ценностями, нравственным поведением. Человек имеет моральное право продуктивно участвовать в деятельности общества, если он будет иметь определенный уровень личностного развития. Абу Наср аль-Фараби отмечал, что добродетельное общество невозможно, если между его членами нет отношений, которые бы опирались на моральные категории. Если спроецировать выводы аль-Фараби на современность то, можно сказать, что одним из таких категорий выступает гражданское общество, где предполагается принцип добра по отношению к друг другу.

Методологические установки античных авторов были восприняты и переработаны аль-Фараби и в новых социокультурных условиях он осуществил коммуникацию философского мировоззрения эпохи политеизма применительно к эпохе исламского монотеизма. Исходя из этого всякое обращение к наследию аль-Фараби равнозначно обращению глубокой и разносторонней энциклопедии.

Литература

1. *Аль-Фараби*, Трактат о взглядах жителей добродетельного города, Алма-Ата, 1970.
2. *Аль-Фараби*. Философские трактаты. Алма-Ата, 1970
3. *Кенесарин А. М., Нысанбаев А. Н.* Становление историко-философских идей в учениях Аристотеля и аль-Фараби // Вопросы философии. – 2005. – № 7. – С.136–145.
4. *Курмангалиева Г.К.* Философия Аль-Фараби в коммуникативном пространстве исламского средневековья // Аль-Фараби. Философско-политологический и духовно-познавательный журнал. – №4(24)-2008-С.31.

Уразбаев К. М.

О концепции государства Аль-Фараби

Прежде всего, мне хотелось бы сказать, что ЮНЕСКО совершенно правильно поступило, приняв решение отметить 1150-летие Абу Насра Аль-Фараби, так как им оставлено богатейшее научное и духовное наследие по истории, этнографии и философии тюркских народов, которые, безусловно, возвышают и расширяют горизонты культурных ценностей не только в Евразии, но и в масштабе мировой цивилизации.

Нынешний сложный во многом противоречивый этап развития Казахстана как независимого государства остро ставит вопрос правдивого исследования богатейшего духовного и научного наследия крупнейших средневековых мыслителей Востока, предстающего перед нами во многих случаях в неполном и искаженном ракурсе. В настоящее время особый интерес с научной точки зрения представляет оценка роли и вклада ряда средневековых мыслителей Востока в становлении и формировании ряда отраслей гуманитарных наук, истории, этнографии, философии, медицины, права и т.д.

Как отмечает известный казахстанский ученый Л.Ф.Конюхов: «Абу Наср Мухаммад ибн Мухаммад ибн Тархан ибн Узлаг аль-Фараби ат-Турки родился в городе Фараб на Сырдарье, при впадении в нее реки Арысь, в 870 году в тюркской семье из рода кыпчак. Он выходец из привилегированных слоев тюркского племени, о чем свидетельствует наличие в составе его полного имени термина «тархан». Позже Фараб стал именоваться Отраром по современному административному делению, развалины которого находятся на территории нынешней Южно-Казахстанской области. В IX веке Отрар был крупным культурным центром, находящимся на стыке важных торговых путей и местом разрешения межгосударственных и этнических вопросов. В истории имеются сведения о том, что в городе Отраре имелась библиотека, которая по числу книг была второй после знаменитой Александрийской библиотеки. В XIII веке территория Казахстана была завоевана монголами и Отрар разрушен, что вошло в историю как «Отрарская катастрофа». В XV веке в этих местах возникло несколько казахских ханств. А в XV–XVI вв. на базе тюркоязычных племен (усуни, канглы, кыпчаки) завершился процесс образования Казахской народности. Это историческое событие неопровержимо доказывает, что Казахская

нация является преемницей племени, из которого вышел гениальный мыслитель средневековья Аль-Фараби» [1].

Безусловно, величайшая заслуга Аль-Фараби состоит в том, что он первым в истории развития общества научно предвидел и обосновал возможность строительства государств. И это учение Аль-Фараби не региональное и не национальное, а является мировым достижением научной мысли, которое, в той или иной степени, претворяется в жизнь сегодня почти всеми народами и государствами» [2].

На наш взгляд, данная концепция Аль-Фараби отличается в значительной степени своей оригинальностью и аргументированностью и соответствует исторической реальности на нынешнем этапе исторического периода времени.

Таким образом, его оригинальные идеи дополнили сокровищницу мировой научной и философской мысли. Гениальные концепции, научные постулаты, парадигмы Аль-Фараби послужат не только познавательным и воспитательным целям, но и будут способствовать росту и возрождению чувства национальной гордости, патриотизма и любви к истории и культуре у молодого подрастающего поколения молодежи.

Литература

1. Конюхов Л.Ф. Аль-Фараби и современный мир. Усть-Каменогорск, 2003. С. 8–9.
2. Философские трактаты Аль-Фараби. Алма-Ата, 1970. С. 34.

Хубоншиев Ш.Д.

Соединение музыки и логики в произведениях Аль-Фараби

Представленный доклад посвящен исследованию музыкально-теоретической системы выдающегося арабо-мусульманского ученого-энциклопедиста, философа и музыкального теоретика Абу Насра Мухаммада Фараби (870–950).

Величайший памятник эпохи «мусульманского ренессанса», научный интерес к которому уже возник в средние века. Он был не просто ученым-гуманитарием, сблизившим различные культурные традиции, в нем жил гений реформатора науки, стремившегося си-

стематизировать знания своего времени. Родоначальник арабо-мусульманского перипатетизма удостоился наиболее пристального внимания исследователей на протяжении двух последних столетий. Этому способствовало как его особое историческое положение, так и уникальная широта его музыкально-теоретических воззрений на фоне средневековой арабо-мусульманской и западноевропейской традиций языкознания.

Актуальность музыки и логики в произведениях Аль-Фараби заключается в рассмотрении музыки как искусства, не получившее до настоящего времени адекватного научного освещения. Он представил глубокие рассуждения о поэзии, показал связь поэзии, риторики и логики, так по его классификации музыка отнесена к математическим наукам. Его трактат «Большая книга о музыке» стал важнейшим источником сведений о музыке Востока и древнегреческой музыкальной системе. В этой книге Фараби дает определение музыки, раскрывает ее категории, описывает элементы, из которых образуется музыкальное произведение.

Основной целью доклада является представление музыкально-логической системы аль-Фараби в качестве целостной философско-научной концепции. Свойственная мышлению аль-Фараби тенденция к системности не могла не сказаться на трактовке им проблем гносеологии и логики, гармонирующие с общим духом его мировоззрения, в особенности с пониманием им человека, смысла его бытия и концепции разума.

О вкладе аль-Фараби в логику можно судить по тому, что, опираясь на своих предшественников, он разработал арабо-язычный словарь настолько, что нет ни одного термина, которому он не подобрал бы эквивалента.

Музыкально-теоретические взгляды ал-Фараби – крупнейшего философа и логика – не рассматривались в контексте его философского гения. Пройдя этапы философско-логического истолкования и теоретического исследования предмета, учёный выходит на уровень обсуждения социально-этических проблем бытования музыкального искусства, но вновь – в философско-метафизическом ключе.

Хотя в настоящее время мало надежд на возвращение в культурный мир утерянных трактатов аль-Фараби. Но все же некоторым ученым удастся делать счастливые находки.

Общество и государство в произведениях Аль-Фараби

Объектом исследования настоящего доклада являются труды/трактаты Абу Наср ибн Мухаммед Аль-Фараби крупнейшего представителя средневековой восточной философии – «Трактат о взглядах жителей добродетельного города», «Указание путей счастья», «Афоризмы государственного деятеля», «Гражданская политика», «Книга о войне и мирной жизни», «Книга изучения общества». В этих трактатах Аль-Фараби рассуждал о возможностях построения общества, а также идеального государства. В этой связи, предметом исследования настоящего доклада являются основные положения трактатов средневекового философа Востока о принципах формирования идеального общества и государства.

Следует отметить, что Аль-Фараби, несомненно, считается важной фигурой средневекового Востока. Он был философом, математиком, теоретиком музыки, учёным. Его философские идеи во многом повлияли на выдающихся деятелей средневекового востока, таких как: Ибн Сина (известный также как Авиценна, Ибн Баджа (Авенпас), Ибн Туфайля (Абубакер), Ибн Рушд (Аверроэс). Также следует добавить о влиянии Аль-Фараби на средневековую европейскую философию и науку.

Идеи о создании идеального общества принадлежат перу некоторого числа философов античности и нового времени. Философские трактаты Платона и Аристотеля оказали определенное влияние на формирование взглядов Аль-Фараби. Философ вслед за античными авторами считал, что идеальное общество и государство должно быть основано на справедливости.

В своих трактатах Аль-Фараби касается важных проблем общественного развития, причины возникновения общества, типов обществ и оценки их функционирования. Важное место в его трудах занимает личность главного правителя, верховного вождя общества. Правитель должен обладать рядом достоинств, среди которых выделяется просвещенность, так как в ней автор видит основное условие построения правильного общества. По этой причине согласно Аль-Фараби, построить идеальное общество, может только лишь целомудренный правитель, поступки которого должны быть благо-

родны. Важное место в трактатах Аль-Фараби занимает место и роль человека в обществе. Философ считает, что счастье человека стоит выше всех возможных религиозных догм и предписаний

Аль-Фараби создает метафору идеального общества и государства сравнивая его с организмом человека, в котором все внутренние и внешние органы функционируют во взаимодействии. Таким образом государство во главе с достойным правителем обязательно должно взаимодействовать с населением, что является наиважнейшим путем достижения добродетели и построения идеального общества Аль-Фараби.

Литература

1. *Аль-Фараби*. Социально-этические трактаты. Алма-Ата: Наука, 1973. 436 с.
2. *Нагиев Г.Г.* Политическая философия Аль-Фараби и вызовы современного мира // Сб. науч. тр., посвященный 90-летию МГАВМиБ им. К.И. Скрябина. М., 2009.
3. *Мамонкина А.А.* Проект идеального общества (город государство) Аль-Фараби // Юридическая наука. 2014. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proekt-idealnogo-obschestva-gorod-gosudarstvo-al-farabi> (дата обращения: 13.03.2020).
4. *Зианишина М.Т.* Учения об «Идеальном государстве»: Ибн Рушд и ал-Фараби (сравнительный анализ) // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2015. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ucheniya-ob-idealnom-gosudarstve-ibn-rushd-i-al-farabi-sravnitelnyy-analiz> (дата обращения: 13.03.2020).

Содержание

Африканистика

<i>Порхомовский В.Я.</i> Литературные жанры, контактные идиомы и формирование языковой нормы в бесписьменных и младописьменных языках Африки	3
<i>Львова Э.С.</i> Новые материалы о русских натуралистах в Восточной Африке	5
<i>Ренжин А.П.</i> Выражение целевых отношений в современном амхарском языке	5
<i>Гримова Н.В.</i> Альтернативные модели выражения атрибутивности в суахили	7
<i>Суетина Ю.Г.</i> Образ положительного героя в литературе хауса XX столетия	9
<i>Урб М.Р.</i> Язык СМИ: особенности общественно-политической лексики языка зулу	11
<i>Косогорова М.А.</i> Морфологические и синтаксические свойства лексемы 'один' в языке фула	13
<i>Кравченко С.Л.</i> Поиск адекватного переводного эквивалента научно-технической терминологии амхарского языка	15
<i>Шатохина В.С.</i> Сопоставление терминов <i>паремия</i> , <i>поговорка</i> и <i>methali</i>	18
<i>Грушина О.А.</i> Тематические особенности новостных медиатекстов на языке суахили в интернет-пространстве	20
<i>Милюкова О.Э.</i> Социокультурные контакты кереве во второй половине XIX века	22

Методика и практика преподавания иностранных языков

Методика преподавания восточных языков

<i>Карапетьянц А.М., Семенюк М.В.</i> Проблемы разработки учебных пособий по китайскому языку	25
<i>Оганова Е.А.</i> О принципах введения лингвострановедческого компонента в учебниках и учебных пособиях на иностранных (восточных) языках	27

<i>Захарьин Б.А.</i> Традиционная грамматика и проблемы преподавания второго восточного языка: санскрит в группах «хинди»	28
<i>Фролова Е.Г.</i> Использование неологизмов в языке филипино	29
<i>Хохлова Л.В.</i> Проблемы обучения «интеллектуальному» общению на языке хинди	31
<i>Юй Цзе.</i> Лингвокультурологический аспект языка как средство коммуникации	33
<i>Дашевская Г.Я., Кондрашевский С.А.</i> Культура делового общения в рамках изучения межкультурной коммуникации	34
<i>Поспелова М.К.</i> К вопросу о преподавании китайского языка у студентов продолжающего уровня	36
<i>Налич М.С.</i> Использование дополнительных материалов в преподавании арабского языка	38
<i>Громова А.В.</i> Igān-e dijītal: новые интернет-ресурсы для иранистов	39
<i>Акинина О.Г.</i> Из опыта проведения дебатов на занятиях по арабскому языку	41
<i>Бессонова Е.Ю.</i> Устный и письменный перевод на начальном этапе обучения японскому языку	44
<i>Никольская С.В.</i> Работа с материалами по общественно-политической тематике на начальном этапе обучения	46
<i>Васильева Л.В.</i> О критериях оценки ответов студентов на занятиях по разговорному аспекту	47
<i>Нечаева Л.Т.</i> Музейная педагогика в преподавании восточных языков	49
Методика преподавания западных языков	
<i>Ерохина А.Б.</i> Обратная связь «студент–преподаватель»: опыт опроса по итогам курса	52
<i>Фролова И.В.</i> Грамматические особенности при употреблении гендерной лексики в немецком языке	53
<i>Короновская И.В.</i> Чтение аутентичных текстов на аудиторных интерактивных занятиях	55
<i>Черменская Н.А.</i> Чтение научной литературы по специальности на английском языке: практические аспекты преподавания курса	56
<i>Полунина Т.С.</i> Некоторые типичные ошибки в устной речи китайских студентов, изучающих английский язык: классификация, анализ и профилактика	58
<i>Омельченко И.Г.</i> Креативное письмо как средство развития коммуникативной компетенции	60
<i>Макаева С.М.</i> Современная жизнь русских заимствований в английском языке	61

<i>Клюкина Е.В.</i> Намеренное и непреднамеренное изучение лексики	63
<i>Шихзаманова Л.Э.</i> Прикладное значение практического коммуникативного курса «Ментальность и культура общения англичан»	65
<i>Халютин М.Е.</i> SQ3R – эффективная стратегия чтения академической литературы	66
<i>Зиза М.В.</i> Видеохостинг Ted Talks как эффективная информационно-коммуникационная технология для обучения английскому языку студентов с разным уровнем владения	68
<i>Топчиева Т.С.</i> Внеклассное чтение в формате мультимедийного практикума (на материале французского языка)	70
<i>Павловская О.А.</i> Учебные пособия по английскому и французскому языкам: компаративный анализ в рамках коммуникативного подхода к обучению	71
<i>Кононова Т.Л.</i> Опыт чтения «Дон Кихота» Сервантеса на занятиях испанского языка со студентами-востоковедами	73
<i>Иванова О.А.</i> Об опыте использования художественных фильмов при обучении немецкому языку	75
<i>Тарбеева Н.М.</i> Опыт использования аудиокниги на занятиях по французскому языку	76
<i>Шихзаманова Т.Н.</i> Интегративный подход к преподаванию английского языка на примере разработки «Познавая Москву»	78
<i>Маркова К.А.</i> Коммуникативная методика на примере французского языка. Старые игры по-новому	79
История, источниковедение и историография древнего и средневекового Востока	
<i>Башкеев В.В.</i> Повторяющиеся действия императора У-ди в сакральной сфере в период 141–87 гг. до н.э.	82
<i>Вигасин А.А.</i> Вокруг острова Ябадиу	85
<i>Гордиенко Е.В.</i> Повествование о воительнице Нгок Тьи как источник по истории Вьетнама в I в. н.э.	87
<i>Грачёв М.В.</i> От «великой непочтительности» к «умыслу мятежа»: Япония и Бохай в японских источниках второй половины VIII – первой половины X вв.	88
<i>Деопик Д.В., Ганшин Б.К.</i> Символы правления как источник при изучении истории Китая	90
<i>Крол А.А.</i> «Ал-Аллаки – средневековый город в Нубийской пустыни. Результаты третьего сезона археологических исследований Нубийской археологической экспедиции МГУ на памятнике Дерахейб (Республика Судан)»	92

<i>Никольская К.Д.</i> У истоков европейского востоковедения: о неизвестных документах из архива Г.Я. Кера	94
<i>Попова Г.С.</i> Классификация глав <i>И-Чжоу-шу</i> («Утраченные записи Чжоу»)	96
<i>Трухан Д.В.</i> Ритуал <i>горё:-э</i> как мера противодействия стихийным бедствиям	98
<i>Ульянов М.Ю.</i> Политические и социальные условия возникновения «массовой» школы по подготовке «служилых» в конце периода Чуньцю (втор. пол. VI – перв. пол. V вв. до н.э.)	100
<i>Ульянов М.Ю.</i> Ключевые вехи становления первой «массовой» школы в царстве Лу в конце периода Чуньцю (втор. пол. 6 – перв. пол. 5 вв. до н.э.)	102
<i>Хазизова К.В.</i> Церемониальное одеяние <i>мёнбок</i> корейских правителей позднего периода Чосон	104
Новая и Новейшая история стран Азии и Африки	
<i>Тертицкий К.М.</i> Описание России и ее жителей в «Хуан Цин чжигун ту»	107
<i>Волчкова Е.В.</i> Описание народа гэлао в «альбомах мяо» XVIII – начала XIX вв.	109
<i>Симонова-Гудзенко Е.К.</i> «Приключения» географической карты Японии: Франция – Россия – Япония	110
<i>Наливайко О.А.</i> Дайдокоро кайрё – модернизация кухни в Японии в конце XIX – начале XX века	112
<i>Овчинникова Л.В.</i> Национально-освободительная борьба в Корее в 1920–1930 гг. и Коминтерн в служебных материалах японского генерал-губернаторства	114
<i>Новакова О.В.</i> «Вьетнам или Индокитай?» Концепция индокитайского федерализма Франции и позиция КПИК	115
<i>Сучков Г.В.</i> Малайзия после выборов 2018 г.: вехи внутривосточного противостояния	117
<i>Сафронова А.Л.</i> Индийские княжества и Британская империя: синтез политических культур	119
<i>Смирнов В.Е.</i> «Книга законов Египта» («Мысыр Кануннамеси») о месте и роли оджаков в военно-политической иерархии Османского Египта в эпоху первых бейлербеев	120
<i>Коняшкина Т.А.</i> «Навязанная республика» [1]: Модернизация vs традиция в республиканской кампании 1923–24 гг. в Иране	122
<i>Победоносцева Кая А.О.</i> Какого цвета партийный билет? Следственное дело курдовед А. Шамилова	124
<i>Шлыков В.И.</i> Противоречивая динамика развития турецко-американских отношений в исторической перспективе 1940-х – 2010-х гг.	125

<i>Шлыков П.В.</i> Трансформация политической роли армии в Турции в 2000-е и 2010-е гг. и проблема милитаризации турецкой политики	127
<i>Фурсов К.А.</i> Исчезновение Субхаса Чандры Боса: поиски истины и кому выгодно её скрыть	129
<i>Филимонова А.Л.</i> Исламистские партии в политической жизни Пакистана: специфика и динамика	131
<i>Шалупенко Е.В.</i> Этнический состав армии Пакистана	132
<i>Спектор И.Б.</i> Итоги выборов в законодательное собрание Дели 8 февраля 2020 года: различия общенациональной и региональной повесток	134
Языкознание	
<i>Кондрашевский С.А.</i> К проблеме интерпретации современных китайских неологизмов	136
<i>Ли Мэй.</i> Исследование трансляции цепной связи с местоимениями в русско-китайском переводе	137
<i>Мяо Чунь.</i> Фразеологические единицы китайского языка гуаньюньюй	140
<i>Софронов М.В.</i> Китайская письменность на переходе от Шан к Чжоу	141
<i>Тимчишена Е.А.</i> Словообразовательные модели глаголов купли в современном китайском языке	145
<i>Вихрова А.Ю., Бахматова А.Д.</i> Глоттографическое исследование 3-го тона современного китайского языка	147
<i>Вихрова А.Ю., Войцехович А.А.</i> Корейские шумные согласные на примере группы [t]. Глоттографический метод исследования	149
<i>Быкова С.А.</i> Ономастопея в территориальных диалектах японского языка	150
<i>Крнета Н.</i> Элементы мужской и женской подсистем японского языка как инструмент создания образа	152
<i>Курочкин В.Г.</i> Общая характеристика диалекта Цугару в ряду северных диалектов региона Тохоку	154
<i>Нечаева Л.Т.</i> Выражение уступительного значения в японском предложении	156
<i>Захарьин Б.А.</i> Назализация и порождаемые ею сегменты в истории индоарийского	159
<i>Хохлова Л.В.</i> Два типа глагольных композитов в хинди	160
<i>Sarkisyan O.</i> The Armenian Language in the Linguistic Diversity of Moscow Urban Setting	163

<i>Громова А.В.</i> Счётные слова в диалектах Фарса (на примере давани).....	164
<i>Иванов В.Б., Силантьева Л.Г.</i> Квантитативно-тонический компонент ваханского ударения	166
<i>Аганина Г.Р.</i> Вклад Ал-Халила ибн Ахмада в развитие фонетического учения арабов.....	169
<i>Закрыжевский М.Ш.</i> Теории происхождения арабских диалектов. Теория пиджинизации и креолизации	171
<i>Лебедев В.В.</i> Образовательный потенциал арабской языковедческой традиции (вопросы методики обучения арабскому языку как иностранному)	173
<i>Порхомовский М.В.</i> Об употреблении разговорной речи в турецких масс-медиа и рекламе Литература стран Азии и Африки.....	175
<i>Акимушкина Е.О.</i> Цикл «индийских стихов» Кудси Машхади (1582–1646) (к проблеме дефиниции жанра).....	177
<i>Ардашников А.Н.</i> Поединок поэтов на фоне республиканской кампании Реза-хана (1924)	178
<i>Бакланова Е.А.</i> Образ ребенка в тагальском рассказе первой половины XX века	181
<i>Балданмаксарова Е.Е.</i> «Сокровенное сказание монголов» в контексте взаимовлияния разных культурных пространств в эпоху Средневековья.....	183
<i>Барабощкин К.Е.</i> Воля (<i>чжи</i>) и литературное творчество в трактате Ван Чуна «Весы суждений».....	185
<i>Башелешвили Л.О.</i> Доктрина любви и её контексты в поэме Шота Руставели «Вепхисткаосани»	187
<i>Волкова К.Б.</i> Жанр пьесы-дискуссии в драматургии короля Вачиравуда («Ради своего ребенка» и «Унижение суда»).....	188
<i>Гурия А.Г.</i> Сюжетика сборников «Гирлянда джатак» Арьяшуры (III–IV вв.) и Харибхатты (IV–V вв.).....	190
<i>Дубянский А.М.</i> Поэтика одного гимна из средневекового шиваитского свода «Тирувасагам» (<i>tiṛuvsaṅgam</i>).....	192
<i>Ершова Ю.С.</i> Тема брачных отношений в рассказах индонезийской писательницы Лабибах Заин.....	193
<i>Карапетьяну А.М.</i> К вопросу о роли Шицзина в духовной культуре эпохи Чуньцю.....	195
<i>Ковлеков К.И.</i> Образ автора в японском реинкарнационном фэнтези	197
<i>Кукушкина Е.С.</i> Театральный апокриф: драматургия Малайзии о собственной истории («Трилогия оперной сцены» Закарии Ариффина)	199

<i>Мощенко И.А.</i> Раннее творчество Чжан Айлин как отражение литературного процесса 1930-х годов	201
<i>Никольская С.В.</i> Лондон глазами китайца	202
<i>Оганова Е.А.</i> Образ падшей женщины в драматургии Тунджера Джюдженоглу.....	204
<i>Осипова К.Т.</i> «Из Алеппо в Париж. Путешествие ко двору Людовика XIV» Ханны Дийаба как памятник литературы.....	207
<i>Поселова М.К.</i> Поэтические переводы и поиски новых жанров в Китае в первой половине XX в.	209
<i>Рейснер М.Л.</i> Культ страдания в персоязычной газели индийского стиля (XVI–XVII в.).....	211
<i>Репенкова М.М.</i> Художественные особенности романа З. Ливанели «Кошка, человек, смерть»	213
<i>Семененко И.И.</i> Основы конфуцианской поэтики	215
<i>Семенюк М.В.</i> Повесть Чжан Айлин «Золотая канга»: смысл заглавия	217
<i>Стрелкова Г.В.</i> Потери и приобретения литературы хинди второго десятилетия XXI века (памяти поэта Кунвара Нараяна и писателей Кришны Собти и К.Б. Вайда)	219
<i>Строганова Н.В.</i> Аспекты рассмотрения дружеского письма в раннесредневековой китайской литературе	220
<i>Фролова М.В.</i> «Мерцающие мотивы» в мифологических сказках Индонезии	222
Политология	
<i>Абылгазиев И.И.</i> Взаимодействие Российской Федерации и Китайской Народной Республики на Ближнем Востоке	224
<i>Адамс О.Ю.</i> Борьба с низовой коррупцией в Китае в 2012–19 гг.: задачи и достижения	226
<i>Арсанова Т.Е.</i> К вопросу о политике ЮНЕСКО на Ближнем Востоке	227
<i>Ахтамзян Н.А.</i> Образование как глобальная проблема человечества.....	229
<i>Балданова Р.А.</i> Система социального Кредита КНР в контексте борьбы с нелегальной миграцией.....	232
<i>Ван Ян.</i> Российско-китайское сотрудничество в сфере высшего образования в условиях глобального развития.....	235
<i>Васецова Е.С.</i> «Исламская военная коалиция по борьбе с терроризмом» в геополитической ситуации на Ближнем Востоке	236
<i>Кулешова Н.С.</i> Нелегальная миграция в условиях глобализации.....	237

<i>Кутовая Е.А.</i> Президентские выборы в Индонезии 2019 г. и задачи второй администрации Джоко Видодо.....	240
<i>Романова И.А.</i> Принцип разделения властей в современной Японии.....	242
<i>Смирнов Д.А.</i> Особенности политической ситуации на Тайване.....	245
<i>Стремовская А.Л.</i> Особенности израильского стиля ведения переговоров.....	247
<i>Чой Жае Дук.</i> Возможный сценарий для Корейского полуострова.....	249
<i>Абы Шореш.</i> Мирный процесс как позитивный политический опыт в северном Курдистане (на примере мирного переговорного процесса 2012–2015 г.).....	250
<i>Самусева О.А.</i> Политический аспект социального рейтинга в китайском обществе.....	253
<i>Хазели Реза.</i> Современные проблемы международной трудовой миграции.....	255
<i>Лян Цзячу.</i> Перспективы взаимодействия РФ и КНР в космической сфере на современном этапе.....	257

Экономика стран Азии и Африки

<i>Мельянцева В.А.</i> В какой мере развитие отстающих стран догоняющее и устойчивое?.....	260
<i>Тимонина И.Л.</i> Япония: политика устойчивого развития регионов.....	262
<i>Цветкова Н.Н.</i> Региональная экономическая интеграция и устойчивое развитие: помощь Евросоюза странам Африки, конец 2010-х гг.....	263
<i>Касимовская Е.Н.</i> Добавленная стоимость и прямые иностранные инвестиции в странах Африки: регионально-структурный анализ.....	265
<i>Бочарова Л.С.</i> Изменение климата и проблема снижения риска бедствий в арабских странах.....	267
<i>Ульченко Н.Ю.</i> К вопросу об экономической эволюции турецкой консервативной буржуазии в период правления Партии справедливости и развития.....	269
<i>Бойцов В.В.</i> Экономический рост в Индонезии. Основные итоги и факторы (1970 – 2018 гг.).....	270
<i>Сучкова А.А.</i> Развитие международного туризма и региональные диспропорции Кейс Танзании.....	272
<i>Лешакова Н.П.</i> К 30-летию установления дипломатических отношений между Российской Федерацией и Республикой Корея. Итоги и перспективы сотрудничества.....	274
<i>Андреев Л.А.</i> Тенденции развития мировой финансовой системы и их влияние на финансовую систему Исламской Республики Иран.....	276

Религии, философия и культура на Востоке

<i>Бочковская А.В.</i> Нанкана-сахеб: сикхский <i>тахт</i> за пределами Индии?.....	279
<i>Валеев Р.М., Валеева Р.З., Кириллина С.А., Мартынов Д.Е., Хайрутдинов Д.Р.</i> Востоковедение в России и вклад немецких ученых-ориенталистов: Казань – Санкт-Петербург (XVIII–XIX вв.).....	281
<i>Жантиев Д.Р.</i> Конфликт салафитов и традиционалистов-суфиев в Османской Сирии в конце XIX – начале XX в.....	282
<i>Захарьин Б.А.</i> Словесные, гендерные и возрастные ограничения в системе религиозного воспитания у джайнов.....	284
<i>Кириллина С.А.</i> Современная мечеть в фокусе политико-идеологической полемики.....	285
<i>Кобищанов Т.Ю.</i> Христианская Европа глазами арабо-османских мусульман XVII–XVIII вв.....	287
<i>Краюшкин Н.Р.</i> Споры вокруг дозволенности курения табака в Османской Сирии в раннее Новое время (1600-е – 1740-е годы).....	290
<i>Орлов В.В.</i> Резиденты, суфии и богословы: исламские институты Марокко в орбите колониального влияния Франции (1912–1939 гг.).....	292
<i>Соловьева Д.В.</i> Ал-Хидр Гайлан (ум. в 1673 г.) и Алауиты: соперничество на фоне джихада.....	294
<i>Солодовник Д.М.</i> Духовная безопасность и профилактика религиозного экстремизма под лозунгами ислама.....	295
<i>Старикова М.Н.</i> Язык урду и мусульманский фактор в штате Уттар-Прадеш (к вопросу о языковой политике в современной Индии).....	297
<i>Хохлова Л.В.</i> История сикхской диаспоры США: проблемы самоидентификации.....	299
<i>Черкасова Т.Д.</i> Религиозно-правовой статус иноверческого населения в ал-Андалусе в VIII–XII вв.: вкрапление или преобладание?.....	301
<i>Якушев М.М.</i> Путешествия русских паломников-писателей на Святую Землю в конце XVIII – начале XIX в.....	302

Христианский Восток

<i>Башелешивили Л.О.</i> У истоков грузинского христианства.....	305
<i>Брюн С.П.</i> Николай II Студит – «Константинопольский» Патриарх Антиохии в исторической памяти сирийских христиан.....	306
<i>Войтенко А.А.</i> Рождение Коптской Церкви: новые подходы.....	308
<i>Заболотный Е.А.</i> Динамика сирийской христианской традиции от Афраата до Баввая Великого.....	310

<i>Копоть Е.М.</i> К характеристике К.Д. Петковича как дипломатического представителя России на Ближнем Востоке во второй половине XIX века	311
<i>Попов И.Н.</i> Культ Авраама в Мамре: к истории религиозных взаимоотношений и полемики вокруг палестинской святыни в позднеантичную эпоху	313

Культура Востока

<i>Кудряшова А.В.</i> Традиции наследования в японской культуре на примере театра Но и Пути Чаю	315
<i>Мазурик В.П.</i> «Нелитературная» литература	317
<i>Никитина Л.В.</i> Сладости и их роль в культуре питания Японии	318
<i>Курочкин В.Г.</i> «Идейный замысел театра «Ложа под потолком» Тэраяма Сюдзи»	319
<i>Ермаков К.В.</i> Корейский конфуцианец Чон Дасан о вынесении справедливого приговора	321
<i>Юй Цзе.</i> Китайский язык как «мягкая сила»	323
<i>Сергеева А.А.</i> Социальный портрет современного китайского студента (на примере ИСАА МГУ)	324
<i>Машикина О.А.</i> Роль традиционных ценностей в современной идеологии Китая	326
<i>Кособуцкая Ю.Б.</i> Роль иероглифики в культуре Китая	328
<i>Гун Хэнсин.</i> Поэзия Ши Цы: от политики к культуре	330
<i>Сун Лей.</i> Новая эра развития социализма с китайской спецификой. <i>Цивилизационный подход</i>	331
<i>Лапин П.А.</i> Особенности распространения русского языка в Китае в начале XX в. (историко-географический аспект)	333
<i>Кириллов А.В.</i> Эпидемия коронавирусной пневмонии в Китае: предварительная оценка	335

Актуальные проблемы Центральной Азии и Кавказа

<i>Батырбеккызы Г.Б., Косанбаев С.К.</i> Научное наследие Аль-Фараби	338
<i>Гаджиева А.А.</i> Преемственность духовных ценностей Аль-Фараби	339
<i>Жигульская Д.В.</i> Аль-Фараби в турецкой историографии	341
<i>Досова Б.А.</i> Аль-Фараби и модернизация общественного сознания в современном Казахстане	343
<i>Зайцев И.В.</i> О происхождении основателя Крымского ханства Хаджи-Гирея	345
<i>Исмаилова Л.Г.</i> Аль-Фараби о языке и культуре речи	348

<i>Кадырбаев А.Ш.</i> Портрет Аль-Фараби на фоне современной ему эпохи	350
<i>Караев Т.М.</i> Философия науки Аль-Фараби	353
<i>Кораев Т.К.</i> «Второй Учитель при дворе Меча Державы: Эмирские дворы Сирии в эпоху ал-Фараби»	355
<i>Махаматов Т.М.</i> «Аль-Фараби и рождение европейской схоластики»	356
<i>Нурулла-Ходжаева Н.Т.</i> Деколонизация неоплатонизма Аль-Фараби	358
<i>Пархимович В.Л.</i> Проблема перехода от института коллегияльного главы государства к институту президента в странах Центральной Азии в конце XX в.	360
<i>Пылев А.И.</i> Предпосылки развития гуманистических идей Аль-Фараби в философии и творчестве Ахмада Дониша	363
<i>Сыздыкова Ж.С.</i> Нравственно-этические воззрения аль-Фараби	365
<i>Уразбаев К.М.</i> О концепции государства Аль-Фараби	368
<i>Хубоншоев Ш.Д.</i> Соединение музыки и логики в произведениях Аль-Фараби	369
<i>Чедия А.Р.</i> Общество и государство в произведениях Аль-Фараби	371

Научное издание

ЛОМОНОСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ.
Востоковедение и Африканистика

Подписано в печать 29.09.2020.
Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 24.
Тираж 200 экз. Заказ №

Издательство «Ключ-С»
119180, Москва, ул. Большая Полянка, д. 7/10, стр. 3
Тел./факс: (495) 211-44-21
www.kluch-s.ru